

РОССИЯ И БАЛТИЯ

**ИСТОЧНИК
И МИФ
В ИСТОРИИ**

Выпуск 9



**ВСЬ
МИР**

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

Russia and Baltia

**Source and Myth
in History**

Issue 9

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЯ И БАЛТИЯ

**ИСТОЧНИК И МИФ
В ИСТОРИИ**

Выпуск 9

МОСКВА
Издательство «Весь Мир»
2020

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
Р 76

Издание основано в 2000 г.

Редколлегия:

Ответственный редактор: академик РАН *А.О. Чубарьян*

Редактор и составитель: канд. ист. наук *Е.Л. Назарова*

Члены редколлегии: канд. ист. наук *А.А. Комаров*,
канд. ист. наук *Ю.Л. Михайлова*, канд. ист. наук *О.А. Зимарин*

Рецензенты:

докт. ист. наук *В.В. Рогинский*

канд. ист. наук *В.А. Оленченко*

В оформлении обложки использована картина
литовского художника Микалоюса Чюрлёниса
«Сказка королей» (1909).

Р76 **Россия и Балтия. Вып. 9: Источник и миф в истории** / [отв. ред. А.О. Чубарьян]. Ин-т всеобщ. истории РАН. — Москва: Издательство «Весь Мир», 2020. — 368 с.

ISBN 978-5-7777-0813-7

Девятый выпуск продолжающегося издания «Россия и Балтия» (основанного в 2000 г.) посвящен проблеме мифологизации истории в российско-балтийском контексте. В исследовательских статьях и публикациях не изученных ранее письменных источников настоящего сборника рассматриваются дискуссионные темы истории стран и народов Балтии и российско-балтийских отношений, анализируются причины сложившихся исторических мифов. Среди авторов сборника представители России, Латвии и Литвы.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0813-7

© Институт всеобщей истории РАН, 2020

© Издательство «Весь Мир», 2020

ВВЕДЕНИЕ

Девятый выпуск издания «Россия и Балтия» посвящен весьма актуальной в современной российской и международной историографии проблеме мифологизации истории, которая в современном мире имеет не только научную, но и политическую, и в целом общественную значимость.

Мифы при объяснении исторических фактов и процессов появлялись на разных этапах развития общества. Это было связано с недостатком знаний, а также с политической конъюнктурой государства или различных групп общества. В XX – начале XXI в. появление исторических мифов в значительной степени было следствием политических изменений в мире, когда на обломках распавшихся империй возникли новые государства с иным социально-политическим устройством или новые национальные государства. При смене политических режимов и официальной идеологии необходимы и новые идеологические ориентиры, и новая историческая память, при формировании которых происходило и происходит переосмысление значимых событий и героев прежних эпох и замена их теми, которые больше отвечают целям и задачам новых государств и новых обществ. Нередко такое переосмысление приводит к появлению мифов, не требующих, в отличие от научных знаний, подтверждения источниками. Создаются новые мифы об истории государства, противоречащие тем, на которых строилась идеология ушедшего режима.

Утверждение новых представлений об истории может основываться на недостоверных, непроверенных фактах, на замалчивании некоторых фактов или просто на недостаточном количестве источников, что позволяет объяснять события в том ракурсе, который больше соответствует государственному толкованию исторической памяти или убеждениям отдельных групп граждан. При этом предлагаемое мифологизированное объяснение исторических событий проще для восприятия в обществе и легче утверждается в массовом сознании,

особенно в сознании той части граждан, которая охотно восприняла произошедшие изменения в государстве. Однако манипуляции с историей не только не приводят к согласию в обществе отдельно взятого государства или взаимопониманию между разными государствами, но и в принципе дискредитируют историческую науку.

Мифологизируются иногда также герои и события, которые связываются в народном восприятии с оставшимися в прошлом периодами наибольшей социальной и правовой справедливости для простых людей.

Между тем, чем больше источников введено в научный оборот, тем меньше возможностей для фальсификаций. При этом необходимо всестороннее исследование источников, поскольку неполное и некритичное их использование само по себе приводит к созданию новых мифов.

Проблема мифологизации истории активно обсуждается в современном обществе, что находит отражение в историографии. На эту тему существует обширная научная литература, в которой причины мифологизации событий давнего и не очень давнего прошлого исследуются на примерах разных исторических эпох¹. Осмыслению этой проблемы была посвящена большая научная дискуссия с участием ученых разных профессий, проведенная в 2017 г. на базе ИВИ РАН².

Произошедшие дважды в течение XX в. кардинальные политические и социальные изменения на пространстве Российской империи, а затем и СССР влекли за собой изменения государственно-политического устройства народов Балтии и России, а также изменения официальной идеологии. Резкая смена основных идеологических постулатов, проецируемых в народные массы политическими элитами новых государств, требовала и изменений в содержании и акцентах коллективной исторической памяти. При этом дважды корректировке подвергались официальные оценки как ситуации внутри стран, так и взаимоотношений между государствами и народами Балтии и России (СССР и современной России). Стремительность происходящих перемен, на основательное осмысление которых не было времени, способствовала и появлению новых исторических мифов.

¹ См. например: Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. Сб. статей / Под ред. А.Е. Петрова и В.А. Шнирельмана. М.: ИА РАН, 2011; *Эрлих С.Е.* Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. М. – СПб.: Нестор-История, 2016 и др.

² Открытая академическая дискуссия «История мифов». 18 сентября 2017 г. Запись обсуждений см.: Секция 1. www.youtube.com/watch?v=meWQWjJ72RI; Секция 2. www.youtube.com/watch?v=cI-sKCTp0EA; Секция 3. www.youtube.com/watch?v=qR_4ik0YaA0

В настоящем выпуске «России и Балтии» помещены работы, в которых авторы на основании анализа вновь найденных источников или уточнения уже известных ранее сведений опровергают сложившиеся в общественном мнении и научной литературе мифы или предвзятые, нередко политизированные представления, появлению которых способствовала недостаточная изученность различных исторических сюжетов.

Первая часть сборника — **Исследования** — состоит из двух разделов. В первом разделе «Миф как способ конструирования и восприятия истории» рассматриваются причины появления мифов в истории в разные эпохи человеческого общества и на современном этапе. Здесь публикуется вступительное слово на упомянутой выше дискуссии — Круглом столе акад. РАН А.О. Чубарьяна, а также статья М.С. Бобковой.

Во втором разделе первой части «Мифы и факты в контексте российской-балтийской истории» представлены статьи, в которых рассматриваются проблемы мифологизации и искажения исторических событий в разное время в разных странах. Так, В.А. Потресов показал необоснованность предпринимаемых в последние годы попыток пересмотреть место и значение для русской истории Ледового побоища 1242 г. Ч. Лауринвичюс и В. Сирутавичюс исследуют особенности литовской мифологии нового времени, связанной с трактовками становления и существования государства в Литве в XX в. Изучению одного из аспектов этой темы — значению Декларации о независимости Литвы в 1918 г. посвящена статья И.А. Кукушкиной. А.В. Шубин аргументированно опровергает выводы некоторых современных авторов, построенных на произвольном толковании источников, об интригах в руководстве РСФСР в период становления советской власти.

В статьях В. Шалды и Е.Л. Назаровой анализируется то, как в обществе и историографии современных Латвии и России после распада СССР изменилось отношение к роли латышских стрелков в 1-й мировой войне и в победе большевиков в Гражданской войне.

В статьях Т. Кузнецовой и С.Н. Ковальчук показано, как в Латвии в 1930-х годах национальная историческая память формировалась в контексте усиления авторитарного режима К. Улманиса.

В статье Т.С. Зелюкиной прослеживается история формирования коллекции латышского изобразительного искусства в Государственной Третьяковской галерее в течение почти полутора веков, несмотря на коренные политические изменения, которые претерпели отношения между Россией и Латвией.

Во второй части сборника — **Публикации** — помещены четыре статьи, в которых анализ конкретных сюжетов истории проводится на

публикуемых там же источниках. Впервые вводятся в научный оборот архивные материалы, предоставляющие всесторонние сведения о службе этнических латышей на командных должностях в военно-морском флоте Российской империи в условиях социальных и национальных ограничений в государстве (К.П. Арент и Е.Л. Назарова). Публикация С. Лужиса, построенная на воспоминаниях очевидцев о «республике» Пярлоэ, раскрывает одну из страниц в истории межвоенной Литвы, которая свидетельствует о способностях народных масс к самоорганизации и о стремлении к созданию справедливого общества. Т.В. Сергина публикует не печатавшиеся ранее письма о судьбе офицера, поэта и общественного деятеля русской диаспоры в Литве, уроженца Вязьмы А. Ружанцова. В публикации Н.А. Баринава впервые печатаются письма этнического литовца красного командарма И. Уборевича к К.М. Ворошилову и М.Н. Тухачевскому, написанные во время его командировки в Германию и отражающие как советско-германские военные связи в 1920-х годах, так и особенности формирования и вооружения Красной армии тех лет.

Кроме того, редколлегия сборника считает необходимым отдать дань памяти нашим коллегам латвийскому историку, проф. Латвийского университета Александру Валентиновичу Гаврилину и российскому историку этническому латышу Видвуду Павловичу Штраусу, с которыми членов редколлегии «России и Балтии» связывали многолетние научные и дружеские контакты и совместные работы.

В авторский коллектив настоящего сборника входят исследователи из России, Латвии и Литвы.

Редколлегия

ИССЛЕДОВАНИЯ

I. МИФ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ ИСТОРИИ

**Вступительное слово на Круглом столе —
открытой академической дискуссии «История и миф»
18 сентября 2017 года**

Академик РАН А. О. Чубарьян
(Москва)

Ключевые слова: мифы в истории; открытая академическая дискуссия «История и миф» 18 сентября 2017 года.

Проблема мифа в истории обсуждается почти 50 лет. Она обсуждалась еще на Всемирном конгрессе историков в 1970 г. Это вечная тема. Конечно, в советской исторической науке, в советском историческом истеблишменте была более четкая формула: миф — это не научно, это плохо, не отвечает реальным историческим фактам, противоречит материалистическому пониманию истории. Такой подход облегчал понимание истории.

Сейчас другой подход, предполагающий свободную дискуссию. В связи с этим несколько замечаний.

Следует учитывать, что всякое историческое исследование содержит элементы мифологизации. Есть факты, и есть их интерпретация. В самой идее интерпретации фактов уже заложен элемент мифологизации. Это связано с индивидуальным осмыслением того, что реально было. А поскольку в этом участвует сам человек, который исследует, то он немножко добавляет, немножко сокращает и вносит собственное отношение к этому делу.

На моей памяти было два наиболее известных примера подобных спорных осмыслений, которые получили большой резонанс в нашем историческом сообществе. Первый связан со «скандалом» в связи с работой А.А. Зимина по поводу новой интерпретации «Слова о полку Игореве», который с подачи одного французского ученого отрицал содержание, реальные факты и время появления этого произведения. И второе, в наши дни — в связи с новой хронологией истории математика А.Т. Фоменко и его школы, которые отрицают то, что казалось незбытым, и вызвало возмущение и протесты в историческом сообществе.

Следовательно, эта тема присутствует в научном сообществе давно и будет продолжаться и дальше.

Один из наших крупных когнитологов Борис Митрофанович Величковский предлагает свое понимание восприятия человеком факта. Но то, что открывается когнитивным наукам, это также мифологизация, это выходит за рамки чисто материального подхода к делу, когда все это проходит через мозг каждого человека, отличного от сидящего рядом, при этом у каждого человека индивидуальное восприятие. В этом уже элементы мифа.

Я думаю, что мифологизация и изучение формирования мифов очень важны и полезны для исторической жизни. В том числе для преодоления исторических стереотипов. В этой связи упомяну книгу, которую мы издали совместно с поляками, — «Россия и Польша. Преодоление исторических стереотипов». А что такое исторический стереотип? Стереотип возникает на стыке реальности и вымысла, при интерпретации разного подхода к одним и тем же событиям: такое событие может быть, а может и не быть.

И наконец. Существует расхожая формула, что история не терпит сослагательного наклонения. Сама идея альтернатив в истории тоже в некоторой мере имеет отношение к формированию каких-то представлений и мифов, разных вариантов представлений о возможных вещах, поворотах событий, которые не осуществились, но которые были возможны. Но надо иметь в виду, что допущение альтернативы в историческом прошлом дает простор для человеческой активности, большой простор для мифологизации.

Сейчас вышла книга американских и британских историков о нашей революции, и там есть раздел, что ее могло бы и не быть, если бы патруль в октябре 1917 г. узнал В.И. Ленина. Это известная история: когда Ленин шел ночью в Смольный, его остановил патруль, у которого был приказ о его аресте. Но Ленин был в парике, и его не узнали. Соответственно в книге высказана идея, что именно патруль сделал русскую революцию. Если бы патруль проявил больше сноровки и сообразительности, то все в русской истории пошло бы иначе.

Мифологизация и мифы увеличивают интерес к истории. Я в этом совершенно убежден. Потому что каждый человек немножко мифологизирует историю. Причем даже и не профессионал, а рядовой человек, который просто интересуется событиями сегодняшнего дня и в истории ищет аналогии с современной жизнью, с тем, что имеется сегодня. Люди ищут ответы на вопросы истории, которые им сегодня кажутся важными и интересными. Поэтому надо сказать, что каждый имеет свой миф по поводу истории.

Моделирование прошлого: история и исторический миф

М.С. Бобкова

(Москва)

Ключевые слова: историческая наука; исторический миф; массовое историческое сознание; структура; историописание; идеология; пропаганда; историческое знание.

14 сентября 2017 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Музей современной истории России представили данные исследования по оценке знаний россиян в области истории. «Убежденность в необходимости исторических знаний в нашем обществе близка к абсолютной: с этим соглашаются 96% опрошенных, при этом свои знания по истории страны 47% взрослого населения оценивают как недостаточные»¹. Но дальнейший анализ ответов на конкретные вопросы по российской истории показал, что эта самооценка весьма завышена. Это касается, прежде всего, знания исторических фактов и персоналий. При этом упоминаемость темы «История России» в российских СМИ за год составила более 130 тыс. сообщений². Таким образом, при значительном спросе на обращение к истории, заметим, что СМИ реализуют именно этот спрос, общий уровень массового исторического сознания представляется довольно низким.

Практическая нехватка исторических знаний при необходимости объяснения непонятных явлений общественно-политической, культурной, экономической жизни может восполняться любой информацией, признаваемой за истину человеком или обществом без фактической или логической проверки, единственно в силу внутреннего убеждения. То есть в сфере истории формируется довольно мощный сегмент информационного поля, основанный исключительно на субъективном непреложном убеждении, которое не нуждается для свое-

¹ Пресс-выпуск Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) по исследованию оценки знаний россиян в области истории. (Опрос 6 сентября 2017 г., результаты опубликованы 14 сентября.) // Электронный ресурс: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116396> Режим доступа: свободный.

² Мониторинг и анализ публикаций в российских СМИ проведен компанией «Медиалогия». Исследование проводилось по базе СМИ «Медиалогии», включающей порядка 42 200 источников: ТВ, радио, газеты, журналы, информационные агентства, Интернет-СМИ. Период исследования: сентябрь 2016 – сентябрь 2017 // Электронный ресурс: <http://www.mlg.ru/> Режим доступа: свободный.

го обоснования в доказательствах. Этот сегмент, по сути, и является историческим мифом.

Сегодня мифологизированная история оказалась крайне востребованной в обществе. Именно она во многом определяет современные представления россиян о прошлом своей страны, а также формирует общественный интерес к историческому знанию в целом. Этот процесс идет спонтанно, лишь отчасти поддаваясь регулированию. Так или иначе историю мифологизируют различные государственные и общественные институты, сообразуясь с собственными тактическими задачами. Этот процесс направлен на массовое восприятие, которое реализуется через многообразные проявления исторической беллетристики. Этим понятием мы определили любой по форме меседж о прошлом, в основе которого лежит вымысел³. Это проявление квази-истории или альтернативной истории, которые отвергают проверенный научный инструментарий и пользуются демагогическими приемами, ориентированными на некритическое восприятие. Их воздействие направлено на чувства человека, на формирование запоминающихся ярких образов. С научных позиций искажение истории, ее фальсификация и мифологизация тут несомненны. Как несомненно и ее колоссальное влияние на удовлетворение массового спроса обывателя на историю. В наше время слова «миф» и «мифология» весьма часто встречаются в медийных высказываниях. Создается впечатление, что уровень мифологичности общественной жизни у нас за последнее десятилетие чрезвычайно возрос, и мы из царства науки и рационализма шагнули в некую мифологическую эпоху⁴. Примерами могут стать целый ряд «новых» национальных историй, обосновывающих идентичность государств, созданных на пространстве бывшего СССР, через образы комфортного прошлого.

Значительную роль в формировании подобной ситуации сыграли идеи постмодернизма, ставшие совершенно органичной частью современной европейской культуры. Постмодернизм исходит из того, что любая версия истории, выработанная учеными, является интерпретацией и конструкцией, которая отражает расстановку сил в обществе и имеет отношение не столько к реальной истории, сколько к структуре властных отношений. Мы являемся свидетелями того, как по идущим из глубины веков архаическим моделям в современной политике и идеологии воссоздаются старые мифы в новых социальных

³ Люди и тексты. Исторический альманах. Историческая беллетристика. 2017. № 10 / Гл. ред. М.С. Бобкова. М., 2017.

⁴ Бобкова М.С. Исторические мифы специально развенчивать не нужно. Обзор // Электронный ресурс: <http://obzor.io/2017/09/26/istoricheskie-mify-specialno-razvenchivat-ne-nuzhno-58262/#> Режим доступа: свободный.

и национальных оболочках. Но ведь двадцатый век уже показал, к каким чудовищным последствиям приводит их реализация на практике.

Массовое сознание (точнее — «массовое подсознание») мифологизируется не только в новейшее время — оно вообще мифологично по своей природе. Мифологическая составляющая в большей или меньшей степени присуща любому обществу. Уже в раннем детстве формирование представлений человека о добре и зле основывается, главным образом, на сказках — одной из форм фольклора, зачастую составляющую основу мифа. На ранних стадиях развития социума миф восполнял нехватку научных знаний. Исторический миф являлся инструментом объяснения мироздания, родовое предание формировало коммуникативное пространство общины, то есть миф выполнял интегрирующую функцию — объединение индивидов в социум. Миф в современном обществе наряду с перечисленными выполняет и еще ряд функций. Например, формирует нравственные основы общества. Миф транслирует и актуализирует духовные ценности (аксиологическая функция мифа), а также может нести компенсаторную (функция утешения), мировоззренческую (формирование миропонимания), нормативно-регулятивную (воздействие на поведение) нагрузку. Реализация этих функций в обществе может носить как положительный, так и отрицательный характер. Все зависит от целей обращения к мифу.

В современном обществе трансляция научных знаний о прошлом значительно уступает его мифологизации. На уровне восприятия прошлого граница между мифом и историей крайне зыбкая. С вступлением общества в информационную эпоху создается впечатление, что исторический миф поглощает историческую науку. Ведь даже любой учебник истории представляет собой некую мифологему, ориентированную на современные идеологические приоритеты государства. Современное информационное пространство любому пользователю предоставляет возможность стать «историком»: оцифрованы огромные массивы архивных документов, летописных сводов, мемуаристики, прессы и пр. материалов, являющихся историческими источниками⁵. Но объем источниковой информации не гарантирует увеличение знаний о прошлом. Все зависит от целей обращения к источникам и владения приемами историковедческой критики. В итоге, глобальная сеть многократно увеличивает объем мифологем, в общем-то, никак не изменяя их сути⁶.

⁵ Бобкова М.С. Информационное пространство истории // Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное пространство истории. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 10–18.

⁶ Бобкова М.С., Войтов Н.В. Исторический источник в науке и медийной среде // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 7 (40) //

Понятия, с которыми мы имеем дело, «история» и «миф» многозначны по своему содержанию. Термин «история» имеет, как минимум, пять определений. История — это наука о развитии общества и природы; область знаний, изучающая прошлое человечества во всей ее конкретности и многообразии. История — это процесс; действительность в ее развитии. История — это прошлое, сохраняющееся в памяти человечества. История — это культурная практика; постижение опыта прошлого через разные формы культуры. И наконец, история — это рассказ, повествование. Первоначальное значение слова «история» восходит к **древнегреческому термину**, означавшему «расспрашивание, **узнавание**, установление, добывание знаний». История отождествлялась с установлением подлинности, истинности событий и **фактов**. В древнеримском историописании это слово стало обозначать не способ узнавания, а **повествование** о событиях прошлого. Вскоре «историей» стали называть вообще всякий **рассказ** о каком-либо случае, событии, происшествии, действительном или вымышленном.

На первый взгляд кажется, что определить миф нетрудно. И все-таки мало столь запутанных вещей, редко когда бывает столько крайностей, как в поисках ответа на вопрос, что такое миф. Изучением мифа занимаются философы, филологи, лингвисты, социологи, антропологи, этнографы, психологи... Это работы и исследования Вико, Шеллинга, Гегеля, Фрезера, Юнга, Леви-Стросса, Фрейда, Ницше, Дюркгейма, Барта, Малиновского, Лосева, Иванова, Топорова, Мелетинского, Петровского...

Мы начнем с энциклопедического определения. Миф в переводе с греческого означает рассказ или речь. Как видим, здесь очевидно пересечение с восприятием истории в древнеримском историописании. Уточняя содержание понятия «миф», мы находим следующие определения. Это история, имеющая неизвестное происхождение или происхождение которой невозможно проверить, но которое является частью традиций культуры или группы. Обычно миф содержит некоторый объяснительный компонент, якобы связывающий исторические события, особенно важные для данной культуры. Миф — это ложное, ничем не подкрепляемое, но широко распространенное убеждение. Кроме того, **миф может являться символом, ритуалом, архетипом, структурой**. Когда в обиходной речи какое-нибудь сообщение называют «мифом», это значит, что его не признают соответствующим действительности; в мифе видят фантом, рождаемый наивностью массового человека или сознательным умыслом политиков.

Электронный ресурс. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001218-8-1> (обращение 10.12.2019).

Миф — необходимая категория сознания и бытия вообще, сфера «энергичного самоутверждения личности» (Лосев); это коммуникативная система, сообщение (Барт); это форма и процесс рефлексии. Отрефлексированная информация становится наукой. Миф — это рассказ о событиях, о которых зависело само существование древних людей, продукт воображения, но не чистой фантазии (Малиновский). Миф — носитель истины, недоступной рациональному объяснению; голос прошлого, «коллективного бессознательного», хранящий прообразы жизни единого человечества. Миф стремится постичь смысл мира для того, чтобы жить так, как живет мир, то есть постоянно обновляясь (Юнг). Миф — жизненное условие любой культуры (Ницше). Миф — это своеобразная логическая модель для рационального освоения мира (Леви-Стросс).

Ролан Барт настаивает на идее, что миф — это деформированная и фальсифицированная история. Он полагает, что миф отдалает реальность и лишает ее жизни. Так история перекраивается в зависимости от идеологических потребностей общества и создается соответственно коммунистическая, нацистская, политическая, журналистская, маркетинговая мифология, киномифология и др.

Миф — это практически всегда рассказ о событиях и персонажах, которые в той или иной традиции почитаются священными (мифы о сотворении мира, о потопе, о конце света; мифы о Прометее, о Святой Руси, о Кришне и т. д.). Подобные повествования могут рассматриваться как особый жанр, прежде всего, фольклорный.

Но мифологию невозможно свести к сумме исторических заблуждений человеческого разума. Миф выполняет не только объяснительную функцию, но и регулятивную, выступающую как один из важнейших механизмов организации социальной, экономической, политической и культурной жизни коллектива. Миф удовлетворяет потребность в целостном знании о мире, организует и регламентирует жизнь общественного человека (совместно с другими формами: идеологией, наукой и искусством). Миф предписывает людям правила социального поведения, обуславливает систему ценностных ориентаций, облегчает переживание стрессов, порождаемых критическими состояниями природы, общества и человека.

Так или иначе, миф «проживается» аудиторией, он направлен, прежде всего, на эмоциональное восприятие прошлого. Здесь встречается мифология спонтанная, идущая снизу, со всеми входящими в нее комплексами национального самоощущения (исключительности/ущемленности) и мифология «искусственная», конструируемая с идеологическими и политическими целями внутри отдельных интеллектуальных или властных групп.

В целом можно оценить миф как одну из ведущих категорий культуры. Миф, будучи средством упорядочивания и объяснения окружающего мира, синкретичен по своей природе, «натурализован». Именно это качество отличает его от мифа исторического, который, в свою очередь, является во многом порождением культуры. И миф синкретический, и миф исторический довольно часто соседствуют друг с другом. Исторический миф тесно связан с такими культурными и онтологическими категориями, как «реальность», «история», «память», «политика». Именно в соотношении с ними возможно объяснить феномен исторического мифа.

Исторический миф — *особая форма восприятия прошлого, направленная на создание новой актуальной реальности или, наоборот, на утверждение традиционных образов, различия между которыми определяются как постоянно меняющейся общественной конъюнктурой, так и принципиально разными типами мировоззрения.*

В современной медиасреде термины «мифологизация истории», «фальсификация истории», «искажение истории» зачастую рассматриваются как равнозначные⁷. Между тем, это совершенно разные понятия. Фальсификация истории — это осознанный процесс изготовления, распространения и использования поддельных исторических источников (фальшивок), которые производятся для решения конкретных современных политических, идеологических или социально-экономических задач. К фальсификации истории можно также отнести и использование в качестве аргументов несуществующих фактов.

Искажение истории — это, на мой взгляд, банальные фактологические ошибки или использование (равно как и замалчивание), как правило, значимых, укорененных традицией в памяти общества исторических фактов вне исторического контекста для обоснования какого-либо идеологического, политического или псевдонаучного концепта. Такое произвольное использование фактов, своеобразное жонглирование ими делает возможным авторитетное обоснование любой позиции. Причем и фальсификация, и искажения истории, как правило, вызываются к жизни разнообразными коллизиями современности.

Подчеркну, что по отношению к мифу, фальсификации и искажению событий прошлого именно история является легитимирующим началом. Но исторический миф в отличие от фальсификации или искажения истории вообще не фиксирует понятия исторического источника. Он насыщается слухами, домыслами и спекуляциями. Именно

⁷ Фальсификация истории // Электронный ресурс. https://science.wikia.org/ru/wiki/Фальсификация_истории (обращение 10.12.2019). Режим доступа свободный.

благодаря этому исторический миф становится альтернативой официальной версии истории. Исторический миф становится предметом активных спекуляций — художественных и псевдонаучных, одной из таких «спекуляций» является жанр «альтернативной истории», выступающий одновременно как попытка анализа гипотетического будущего и как предостережение потомкам.

Казалось бы, что демаркационной линией между историческим мифом и исторической наукой как раз и может быть исторический источник и отношение к нему. Историческая наука использует для исторической реконструкции многочисленные методы источниковедения, компаративистики и других специальных исторических дисциплин. Конечно, историческая наука тоже не расскажет вам «как было на самом деле». Но учитывая то, что предметами мифологизации являются, как правило, известные факты и исторические персонажи, наука рассматривает их в контексте конкретного исторического времени и пространства. Это позволяет выявить причины и следствия исторических явлений. Только это и может лежать в основе оценки значимости тех или иных составляющих сложно детерминированной исторической реальности, дальнейших интерпретаций истории и исторической реконструкции.

Но «как только те или иные истории тяготеют к явной или неявной формулировке ценностных ориентиров, они открываются для проникновения в них мифического»⁸. Критерии демаркации, таким образом, предлагается искать «не в самом прошлом или в источниках, его выражающих, а в характере принципов, посредством применения которых материал свидетельств приобретает облик «исторических повествований»⁹.

Принципами, при которых свидетельства становятся историческими, можно назвать, во-первых, их «равенство» при определении значения и интерпретации. Мифологическое событие — это событие, получающее статус сверхценного, «проливающее свет» на все остальные события, наделяющее их своим значением. Во-вторых, способ трансформации событий, при котором одни события вытесняются последующими в прошлое, занимают свое место на шкале времени¹⁰.

⁸ Сыров В.Н. Обречены ли исторические нарративы быть мифами? // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сб. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2004. С. 85–99.

⁹ Сыров В.Н. В чем заключается специфика мифа? // Идеи и идеалы. 2011. № 4 (10). Т. 1. С. 70–77.

¹⁰ Боровикова О.В. Проблемы демаркации исторической науки и исторического мифа в модернизме и постмодернизме // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 33–39.

Миф может использовать некоторые исторические события (в основном, ключевые), но трансформировать их из прошлого по-другому, путем «разрыва» социально-исторического времени и образования «начала». Миф по своей природе статичен, он лишен темпоральной динамики. Яркой иллюстрацией этого признака мифа может быть «сказочное» начало: давным-давно, в некотором царстве некотором государстве, жили-были... Условность мифологического времени тесно связана с его замкнутостью. Мифологическое время не выходит за пределы мифа. Оно целиком замкнуто в сюжете мифа. Времени как бы нет вне мифа. Оно не определено в общем потоке исторического времени. В качестве начала выступает избранное событие, которое будет воспроизводиться в ритуалах (например, Октябрьская революция и др.), то есть распространять свою власть на все события определенного ряда, подтверждающие его. Вот, для примера, мифологиемы повседневных практик поколения XX в. могут фиксировать события в хронологических координатах «до революции» / «после революции» или позднее — «до войны» / «после войны».

Конечно, периодически возникающий кризис доверия к научному мышлению ведет к особой активизации мифологического начала в общественном сознании, чем небезуспешно манипулируют политики, используя организующие возможности мифа и как текста, и как системы представлений, и как типа знания. Но надо помнить, что инструментом манипулирования могут быть и другие формы идеологии (искусство, наука), содержащие в себе мифологические элементы, а сам миф в наше время охотно рядится в квазинаучные одежды и прибегает к квазинаучным доказательствам своей истинности и правоты.

Существует и более прагматичная цель мифологизации сознания — ослабить, «разложить изнутри» общественную систему геополитического соперника на международной арене, иными словами, целью является успешное ведение информационной войны. Один из методов информационной борьбы направлен на искажение исторической памяти: «если люди забывают действительность, то любую проблему можно представить с помощью мифа». Кроме того, через современные мифы власть может найти поддержку у населения в вопросах проводимой политики (как внешней, так и внутренней).

Итак, как же профессиональная история должна относиться к историческим мифам? На мой взгляд, развенчание исторического мифа многократно его тиражирует, пиарит, привлекает к нему внимание. Ученым не нужно бороться или развенчивать мифы, их нужно изучать с точки зрения причин возникновения, трансформации, структуры, пространственно-временной ориентации, целей мифоло-

гизаторов, анализа аудитории, для которой создается миф, механизмов трансляции... Дело в том, что «идеологизация прошлого представляет собой все те же магические типы поведения, вызванные слепым страхом, замороженностью перед лицом разорванного социального мира. И тем не менее, мы должны научиться примирять реальность и человека, описание и объяснение, предмет и знания о нем»¹¹. И это примирение должно идти через разделение исторической науки и мифа. Повторимся, это разные формы освоения, осмысления и восприятия прошлого. Историческая наука продуцирует знания, а исторический миф формирует образы, основываясь на памяти или на использовании значимых для общества по каким-либо причинам событий и персонажей.

¹¹ *Барт Р.* Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 130.

II. МИФЫ И ФАКТЫ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-БАЛТИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Мифология Ледового побоища в концепте «Окна Овертона»

В.А. Потресов

(дер. Самолва, Псковская область)

Ключевые слова: Ледовое побоище; «Окно Овертона»; Г.Н. Караев; Ливонская «Старшая» рифмованная хроника; историография истории Ледового побоища.

Ледовое побоище привлекало и всегда будет привлекать публику своей загадочной неоднозначностью, связанной с зыбкостью (в прямом смысле) поля боя. Так же манят людей загадки Земли Санникова, Атлантиды, града Китежа и других мест, скрытых под водой. Эту страсть, вероятно, можно объяснить, однако это не предмет данного исследования.

Разные точки зрения на события войны между Ливонией и Северо-Западной Русью в 1240–1242 гг. вообще и Ледового побоища в частности, как и многие исторические события русского Средневековья, связаны с тем, что временная лента представляется как чересполосная совокупность сведений из материалов источников и «белых пятен», которые некоторые историки, в зависимости от степени знания, аналогий, опыта, симпатий и антипатий, политических пристрастий, фантазии, литературного таланта и пр., соревнуясь, заполняют беллетристическими произведениями собственного сочинения.

Скорее всего, наиболее близкую к объективной оценке событий можно достичь с помощью математических методов, позволяющих устанавливать вероятность того или иного варианта события, в том числе с применением имитационных моделей исторических ситуаций, как сложных функций от систем аргументов (иначе говоря, оперирующих широким спектром дополнительных данных в понимании Оскара Хандлина¹, полученных из иных научных знаний).

В то же время параллельно с научным миром всегда существовал и существует «общественный» мир знаний, черпающий информацию из околонуточных источников, художественных произведений (часто

¹ *Handlin O.* Harvard Guide to American History. Belknap Press of Harvard University Press, 1954. P. 118–246.

весьма талантливых), слухов, домыслов и т.п. В последние годы этот параллельный мир весьма обогатился за счет интернет-пространства, способного массово генерировать систему мифов, когда целенаправленно, когда по недомыслию, но одинаково разрушающую научные взгляды на исторические процессы.

Вот совсем недавний пример: 9 октября 2019 г. ТАСС распространило информацию под названием: «Участники экспедиции к месту Ледового побоища обнаружили фундамент старинной церкви»².

Сообщалось, что «фундамент церкви XV века был обнаружен исследователями на дне Чудского озера в Псковской области в ходе экспедиции к месту Ледового побоища. Об этом в ходе организованной ТАСС пресс-конференции сообщил руководитель одного из этапов экспедиции, декан географического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Дмитрий Субетто. <...> «Используя различные геофизические методы, обнаружили, по нашим предположениям, фундамент церкви, которая сейчас находится на глубине порядка одного метра [в Чудском озере]. Возраст этой церкви, ориентировочно, XV век, условно, 1450 год», — сказал Субетто, уточнив, что объект располагается в 1,5 км от берега озера».

Что же на самом деле?

На самом деле, это действительно важное научное открытие сделано в 1958 г. комплексной экспедицией АН СССР по уточнению места Ледового побоища под руководством Г.Н. Караева: «...аквалангистами были обнаружены остатки фундамента сложенного из плит известняка строения. Произведенные в этом месте подводные раскопки обнаружили на глубине 0,4–0,5 м обгорелые куски дерева и уголь. Это дает основание предполагать, что удалось найти первоначальное место, на котором была в 1458 г. построена деревянная церковь Архангела Михаила, ограбленная и сожженная в следующем году немецкими рыцарями. Определение первоначального места церкви Михаила Архангела имело для экспедиции важное значение, так как ... позволяет установить величину повышения воды в Теплом озере за последние 500 лет, а это в свою очередь помогает восстановить очертания Узмени, какими они были во время Ледового побоища 1242 г.»³.

Хотя в ученых кругах это называется «научным пиратством», не станем тратить время на упреки декану Субетто по поводу присво-

² Участники экспедиции к месту Ледового побоища обнаружили фундамент старинной церкви // URL <https://tass.ru/v-strane/6981028> (обращение 20.10.2019).

³ Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.—Л.: Наука, 1966. С. 62. Автор настоящей статьи сам был участником комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища (1958–1963).

ения чужого открытия, поскольку нам важнее другое: как стала искажаться в десятках сайтов «находка» питерского декана.

«Ледовое побоище произошло на суше» — сообщает по этому поводу одно интернет-издание⁴. «Найдена церковь, где Александр Невский молился перед боем!» — фантазирует другое⁵. Казалось бы, бред! Но это заготовка для новых мифов, сгенерированных, к слову, научным работником.

«Открытие» питерских ученых, несомненно, увеличивает питательную среду для давно известного фейка, с которым не раз доводилось сталкиваться:

— А вот в Ливонской «Старшей» рифмованной хронике сказано, что убитые падали на траву; получается, Ледовое побоище было на суше, — пытала меня корреспондент Первого канала ТВ. — Как это объясните?

— Так. А вы Хронику читали в первоисточнике или переводе? — спрашиваю.

Выясняется, девушка никаких хроник в глаза не видела, а прочла об этом в интернете.

В последнем случае очевиден сознательно сфабрикованный миф специалистом, который, безусловно, знаком с трудами хрониста, ибо действительно, в Ливонской «Старшей» рифмованной хронике XIII в. (напомню: основном западноевропейском документе о том событии), в числе прочего, в строках 2248–2249, посвященных Ледовому побоищу, сказано: «An beider sit die tōten // vielen nider ūf daz gras», что переводится как «с обеих сторон убитые // падали на траву»⁶.

Однако в публикации этого фрагмента Хроники приведено пояснение первого автора серьезного ее перевода на русский язык, полиглотта, специалиста по старонемецкому языку И.Э. Клейненберга, что «слово gras — трава, здесь применено метонимически для выражения понятия «земля». Средненемецкое идиоматическое выражение «*ins Gras beißen*» — «пасть на поле брани», а дословно — «укусить траву». В этой идиоме основной образ настолько уже ослаблен, что она может применяться без учета времени года⁷, в котором происходит описываемое событие»⁸.

⁴ См.: URL: http://www.razlib.ru/tehnicheskie_nauki/tehnika_i_oruzhie_1995_01/p4.php (обращение 20.10.2019).

⁵ См.: URL: <https://foma.ru/na-meste-nevskoy-bitvyi-postroyat-hram-v-chest-aleksandra-nevskogo.html> (обращение 21.09.2019).

⁶ Бегунов Ю.К., Клейненберг И.Э., Шаскольский И.П. Ледовое побоище. С. 112–113; Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в.–1270 г. Тексты, перевод, комментарии. 2-е изд. Москва–Самолва: Пальмира, 2020. С. 290, 298.

⁷ Здесь и далее курсив мой. — В.П.

⁸ Бегунов Ю.К., Клейненберг И.Э., Шаскольский И.П. Ледовое побоище. С. 113.

Иначе говоря, «кусать траву» не обязательно, это просто речевой оборот. Тем не менее, версия битвы на суше, связанная с упоминанием травы, весьма популярна в интернете в «разработке» дилетантов, которые не видели ни текст этой хроники, ни перевод, а уж комментарии и подавно.

Немецкая идиома «ins Gras beißen» имеет значение «умереть»; близкое сочетание «unter dem Grase liegen» (лечь под траву) — значит «покоиться в могиле». В переводе с немецкого языка на английский выражение «ins Gras beißen» звучит «bite the dust», по-русски: «быть побежденным, пасть на поле боя». Просто немцы кусали траву (das Grass), а англичане — пыль (the dust).

Те, кто бывал на Чудском озере, неизбежно замечают тростник, на километры заполонивший значительную по ширине полосу прибрежного мелководья в том месте, где, согласно результатам экспедиции АН СССР, произошло сражение. В холодное время года заросли вмерзшего в лед тростника сохраняются. Возможно, этот факт ливонский автор Хроники отметил как «траву», на которую падали поверженные.

Впрочем, учитывая некоторую эмфатичность текста, как здесь, так и в иных фрагментах источника, первый вариант мне представляется более логичным.

В формировании этого мифа видится попытка на потребу неискушенной публики размывания нашей истории: «Не было льда — не было битвы!»; «Падали на траву — значит, бились на суше в теплое время года, — стало быть, не было Ледового побоища!» И не важно, что в ранних летописях сообщается, что битва была на льду, обыватель не знает их текстов, однако легко ловит сенсацию!

Вносят лепту профессионалы: «Казалось бы, что нового можно сказать про это великое сражение, кроме заученных со школы сведений? — задает вопрос И.В. Ермаков, старший преподаватель кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета⁹, и сам себе отвечает: «Как ни странно, достаточно много. Для начала следует в который раз повторить, что сражение, естественно, происходило не на льду, а значит, лед не ломался, и никто под него не проваливался. Обе армии, и ливонская, и новгородско-суздальская, сражались на суше, и проигравшие отступали по суше, к воде никто не приближался. И дело даже не в том, что вменяемый полководец не выведет свою армию на лед. И что на дворе апрель месяц, когда в Восточной Европе стоит уже довольно теплая погода, и лед не просто ненадежный, а с ярко видными проталинами...».

⁹ Ермаков И.В. «Загадка Чудского озера» // Новая университетская жизнь. 2012, газета. URL: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/3244> (обращение 12.10.2019).

Оно, конечно, из Сибири проталины в Восточной Европе видны ярко, но удивляет наивность историка: каким образом, помимо перехода озера по льду в направлении запад–восток, могли встретиться в Узмене¹⁰ огромного Чудского озера противоборствующие войсковые коллективы в апреле 1242 г.?

Все это можно отнести за счет элементарного невежества, искуренности как мифотворчества, так и востребованности у общества его продуктов, но – пусть это не покажется конспирологией! – невольно возникает вопрос: случайно ли формируются нелепые, на первый взгляд, мифы?

Материалы, связанные с изучением массового сознания, поражают полным отсутствием единства ученых, изучающих этот феномен. Одни считают, что массовое сознание обладает высокой подвижностью и склонностью к переменчивости «само по себе», другие – шаблонностью и стереотипами, причем, что забавно, проявляемыми в одних и тех же ситуациях.

Ряд исследователей придерживаются мнения о возможности активного влияния на массовое сознание, другие же не допускают мысли, что им можно управлять¹¹.

Однако большинство сходится на том, что существенно изменить массовое сознание общества могут две вещи: большая война или *кардинальное переписывание истории*¹².

В последнее десятилетие в средствах массовой информации и интернет-среде большое распространение получил некий концептуальный продукт под названием «Окно Овертона», разными авторами определяемый как теория, методика, технология и т.п. изменения массового сознания в общественном поле¹³.

¹⁰ Узмень – узкий и достаточно мелкий пролив (часть Теплого озера) между Чудским и Псковским озерами. Нужно отметить, что в прежние времена, в том числе в XIII в., такого деления водоема не существовало, а нынешние Чудское, Псковское и соединяющее их Теплое озера назывались в источниках Чудским или Пейпус-озером.

¹¹ Черникова В.Е. Манипулирование массовым сознанием как феномен информационного общества // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-massovym-soznaniem-kak-fenomen-informatsionnogo-obschestva> (обращение 19.09.2019).

¹² Неверов А.А. Формирование исторической памяти как способ манипулирования общественным сознанием // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-istoricheskoy-pamyati-kak-sposob-manipulirovaniya-obschestvennym-soznaniem> (обращение 20.09.2019).

¹³ См.: <https://hueviebin1.livejournal.com/205886.html?thread=26362942> (обращение 19.09.2019).

Судя по тому, как яростно защищают существование концепта приверженцы-консерваторы¹⁴, и не менее яростно спорят с ними его противники-либералы¹⁵, называя «Панамой», конспирологическим бредом и т. п., складывается ощущение, что все не просто так, и истина лежит в пространстве между крайними суждениями.

Появление понятия — запутанное, как не менее запутаны причинно-следственные связи концепта. Наиболее распространенная версия определяет, что оно названо в память американского юриста Джозефа Овертона, одного из руководителей центра публичной политики, который в 1990-х годах предположил, что для оценки приемлемости суждений в открытом политическом дискурсе необходимо устанавливать условные подвижные рамки (окна). После смерти Овертона концепция была опубликована, а в 2006 г. публицист Джошуа Тревиньо формализовал концепт в шестиступенчатую шкалу оценки допустимости использования идей в открытом обсуждении, выделив на ней окно безопасного политического дискурса, названного «Окном Овертона»:

- немыслимое;
- радикальное;
- приемлемое;
- разумное;
- стандартное;
- действующая норма¹⁶.

Иначе говоря, политику для успешной карьеры следует придерживаться окна допустимого дискурса, не раздражающего общественного мнения (причем окно дискурса постоянно в движении из-за внешних факторов); не следует декларировать идеи, находящиеся за пределами окна допустимого.

Считается, что массовую известность определение получило в 2010 г., после выхода книги американского автора Глена Бека «Окно Овертона»¹⁷, где термин применяется в ином смысле — **манипулирование общественным мнением**. И тут понесло: «Политики не могут управлять общественным сознанием!»¹⁸ или «Это простая технология управ-

¹⁴ Окно Овертона — технология расчеловечивания людей // URL: <https://www.liveinternet.ru/users/vsesama/post440167433/> (обращение 20.09.2019).

¹⁵ Крижанская Ю. Мутные воды подсознания «Русской народной линии» // URL: <https://rossaprimavera.ru/article/mutnye-vody-podsoznaniyarusskoj-narodnoy-linii> (обращение 07.11.2019).

¹⁶ Окно Овертона — технология расчеловечивания людей.

¹⁷ Beck G. The Overton Window. New York: Threshold Editions, 2010.

¹⁸ Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Манипуляция массовым сознанием: политическая мифология и стратегия демонизации // URL: <https://interesnyefakty.org/okno-overtona/> (обращение 10.11.2019).

ления общественным сознанием!»¹⁹ Ко всему этому можно было бы отнестись просто как к болтовне, если бы в качестве самого распространенного в СМИ примера не фигурировало бы – гипотетическое (пока!) внедрение в общество каннибализма²⁰, и вполне реально достигнутое – легализация ЛГБТ²¹.

Схема, скажем, с каннибализмом могла бы (или может) быть такая.

Есть человечину нельзя и не обсуждается (немыслимо). Вдруг ряд радикально настроенных ученых или иных общественно значимых людей выступают с тезисом, а почему нет – вон в некоторых экзотических странах едят, и ничего? (радикально). СМИ подхватывают (примемлемо), интервью, поясняющие пользу каннибализма для общества (разумно). Человечина начинает появляться в продаже, все больше людей потребляют это мясо (стандартно). И наконец, издаются законы, регулирующие процесс потребления (действующая норма).

Скажете, этого не может быть? А вспомните отношение к лягушатине в советские годы (кто помнит, конечно), и недавно, когда лягушачьи окорочка (до контрсанкций) из Франции появились на прилавках. Лопали, не забывая улиток!

В интернете можно встретить пошаговую – в смысле «Окна Овертона» – инструкцию, согласно которой бандеровская ОУН из профашистской организации превратилась в уважаемое на Украине легитимное образование²². Все шаги четко просматриваются.

В годы молодости я бы своей девушке в страшных видениях не предложил то, что нынче публикуется в открытых источниках. Сегодня попробуй адепта ЛГБТ назвать на Западе не так, засудят! И все это в точном соответствии с пошаговой инструкцией «Окна Овертона», **приемлемости суждений!**

Вообще-то, трудно поверить, что общество вдруг – звезды так сошлись! – массово меняет свое сознание. Однако этим вопросом пусть занимаются специалисты в своих кругах, а мы вернемся к нашей теме, где в соответствие с инструкцией рассмотрим «овертоновские» шаги.

Я устал всюду повторять, что после экспедиции Г.Н. Караева, установившей место Ледового побоища, не состоялось *ни одной другой*, ко-

¹⁹ *Ракчинская Н.В.* Продвижение непопулярных политических решений как технология манипулирования общественным мнением // URL: <https://interesnyefakty.org/okno-overtona/> (обращение 10.11.2019).

²⁰ См.: URL: <https://interesnyefakty.org/okno-overtona/> (обращение 19.09.2019).

²¹ Окно Овертона и легализация греха // URL: <http://za.nprav.org/okno-vozmozhnostey-overtona-i-legalizatsiya-greha/> (обращение 20.09.2019).

²² *Саенко А.* Распахнутое окно Овертона: заметки об украинском телевидении // URL: <https://odnarydyna.org/content/raspahnutoe-okno-overtona-zametki-ob-ukrainskom-televidenii> (обращение 20.09.2019).

торая бы серьезно опровергла или ставила под сомнение результаты экспедиции АН СССР. Не обнаружено *ни одного источника*, который так или иначе мог бы изменить взгляды на историческое событие. Почему наши соотечественники вдруг поменяли «массовое сознание», отрицая результаты, достигнутые экспедицией, и, как следствие, факт Ледового побоища? С чего они вспомнили историческое сражение — просто от нечего делать? Пусть не все, но многие — вдруг, да еще признали его ничтожным?

В 2012 г. в деревне Самолва открылся Музей истории экспедиции АН СССР по уточнению места Ледового побоища²³ (ныне Музей истории Ледового побоища). Так вот каждый второй-третий посетитель, похвалив за инициативу создания музейной площадки, интересовался: «Только зачем? Ведь Ледового-то побоища не было!»

А ведь это двинулось «Окно Овертона» — вот смотрите!

После завершения экспедиции АН СССР, установившей место Ледового побоища, ход сражения, и признания этих фактов научным сообществом ревизовать их считалось *немыслимым*.

В 1990-х гг. некоторые, в том числе весьма авторитетные ученые высказались в том смысле, что результаты экспедиции спорны и вообще Ледовое побоище и главный его герой — продукты тоталитарной пропаганды (*радикально*)²⁴.

Идею подхватили популяризаторы. Вот, например, весьма обстоятельно критикует модель, предложенную Г.Н. Караевым, Д.Г. Хрусталев: «Стоит отметить, что *Караев существенно превысил количество легких допущений, мелких гипотез и умолчаний*, чтобы оправдать отождествление Вороньего острова и Вороньего камня»²⁵.

Автор настоящей статьи как человек, имевший дело с количественными показателями, хотел бы спросить: а какое число «легких допущений и мелких гипотез» — можно?

Как шулер, передергивает карты немецкий историк-публицист Ф.Б. Шенк²⁶, фальсифицируя цели и задачи экспедиции АН СССР, под собственные домыслы.

²³ Деревня Самолва Гдовского района Псковской области, где в летние сезоны 1958–1963 годов располагались основные силы экспедиции АН СССР, находился ее «штаб», откуда Г.Н. Караев руководил поиском.

²⁴ *Данилевский И.Н.* Ледовое побоище: смена образа // Отечественные записки. 2004. № 5; *Пивоваров Ю.С.* Должность царя у нас стала выборной. Интервью // Профиль. 2008. № 32.

²⁵ *Хрусталев Д.Г.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб.: Евразия, 2012. С. 317.

²⁶ *Шенк Ф.-Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Пер. с нем. М.: НЛО, 2007.

Словом, идея становится *приемлемой*. Тут ее подхватывают СМИ. 5 января 2004 г. на Первом канале (!) ТВ в популярной тогда программе «Искатели» вышел материал под интригующим названием «Неизвестное Ледовое побоище», где всерьез сравнивались результаты экспедиции Г.Н. Караева и не совсем адекватного лозоходца И.Е. Кольцова. Я связался с художественным руководителем проекта, ныне, увы, покойным Л.Н. Николаевым. На мои укоры, мол, вы же физфак МГУ оканчивали, ученый, а рекламируете мракобесие, Лев Николаевич ответил просто и ясно: «Первый канал рейтинговый, и мы должны показать зрителю интригу, тайну...».

Эта и подобные поделки СМИ зафиксировали *разумность* уничтожающей исследования идеи.

Вообще-то я сторонник старой научной школы, предполагавшей предварять новую концепцию объективной критикой предыдущей, легализуя таким образом необходимость дальнейших поисков. Сегодня же никто не заморачивается такой ерундой: «Не секрет, что существует, — сообщает руководитель представительства Российской ассоциации реставраторов по Псковской области Игорь Лагунин, — по крайней мере, восемь научно обоснованных версий места легендарной битвы»²⁷.

На мой взгляд, такой может быть только одна версия, включающая неизбежное обоснование ничтожности других. Но это уже не нужно — идея размытости места битвы, а, следовательно, ее реконструкции стала *стандартом*.

А так как в высоких кабинетах сегодня принято решение о новой экспедиции, продолжившей ту самую, якобы обнаружившую фундамент храма на дне озера, то идея стала *действующей нормой*. Тут и административные решения, и финансовые средства, и привлечение значительного числа участников — действия, подкрепленные словами крупного государственного чиновника: «Министр культуры Владимир Мединский в сентябре [2019 г. — В.П.] сообщал, что празднование 800-летия со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского в 2021 году будет включать более 130 различных мероприятий. В их числе исследование dna Чудского озера, где произошло знаменитое Ледовое побоище»²⁸.

Вот так!

²⁷ Лагунин И. Музей на месте ратной славы // Формы сохранения культурного, исторического и природного наследия Гдовской земли. IX Региональные Чудские чтения: сборник материалов / Ред. Т. Наместникова. Самолва–Москва, 2016. С. 29.

²⁸ Участники экспедиции к месту Ледового побоища обнаружили фундамент старинной церкви...

Словом, мы прошли все стадии движения «Окна Овертона» от всеобщего принятия обоснованности исторического факта через последовательное разрушение в соответствии с овертоновским концептом к признанию его ничтожества и зачем-то, без четко обозначенной цели, необходимости проведения новых исследований.

Следует отметить, что в этой статье я ни в коей мере не только не рекламирую весьма спорный концептуальный продукт, но даже не делаю попытку обобщения его применимости. А лишь накладываю кальку инструкции движения «Окна Овертона» на достаточно хорошо изученный мною фрагмент истории, достигая удручающих результатов: учитывая важность Ледового побоища и его значения в отечественной истории, не оставляет назойливая мысль о запуске упоминавшегося процесса *кардинального переписывания истории*.

Об историзме и литовской мифологии в периоды модернизма и постмодернизма*

Ч. Лауринавичюс, В. Сирутавичюс

(Вильнюс)

Ключевые слова: Модернизация; постмодернизм; национальное государство; независимость; Вильнюсский вопрос; Московский договор; Сувалкское соглашение; пакт Молотова–Риббентропа.

О роли мифа

Исследователи национализма согласны в том, что в национальных движениях разных народов важную роль играют мифы, воспоминания и символы, или, пользуясь термином Энтони Д. Смита, «мифо-символический комплекс». Согласно Э. Смиту, передача именно этого комплекса будущим поколениям обеспечивает жизнеспособность этнонационального сообщества¹. И все же значимость национального мифа не ограничивается этим обстоятельством.

Литовский исследователь Альгирдас Юлюс Греймас, рассуждая о характере и чертах национальной мифологии, отмечал, что мифы – это не только передающиеся из поколения в поколение застывшие «догмы», с помощью которых члены сообщества – народа «узнают» друг друга. Греймас считал, что мифы могут быть «динамическими», то есть ведущими к трансформации общества и окружающего это общество мира². Таким образом, можно утверждать, что мифы, являясь инструментом самоидентификации, могут обладать и определенной *функцией вектора* поведения. Иначе говоря, мифы указывают, как мы должны и обязаны себя вести. Эта особенность мифа исключительно важна в период фундаментальных политических, социальных, культурных и экономических трансформаций.

¹ *Smith A.D.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986. P. 8; *Hobsbawm E.J.* Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1991. P. 46–79; также см.: *Statkus N.* Etniškumas ir nacionalizmas. Vilnius: Vilniaus Universiteto leidykla, 2003. P. 32.

² *Greimas A.J.* Mitai ir ideologijos // *Metmenų laisvieji svarstymai*, 1959–1989. Vilnius, 1993. P. 68–83. Впервые статья была опубликована в 1966 г. в: *Metmenys*. 1966. № 12. P. 9–27.

Значимы и еще несколько замечаний А.Ю. Греймаса. Историки (или, более обобщенно, *историзм*) обычно стремятся установить значение мифа. Описывая миф, обсуждая и анализируя историко-культурный контекст функционирования того или иного национального мифа, историки доказывают, что между мифом и тем, что было или (точнее) могло быть на самом деле, существует определенная дистанция. Такое описание мифа А.Ю. Греймас называл «демистификацией» и отмечал, что этот процесс «полезен для очищения себя и других». Однако здесь же ученый говорит и о том, что усилия историков описать, осознать или каким бы то ни было иным образом «демистифицировать» национальные мифы вовсе не означают, что мифы при этом исчезнут и перестанут «действовать», поскольку и отдельного человека, и народ невозможно себе представить без «символико-культурной системы». Миф — «потребность быта», и поэтому, по мнению Греймаса, в «социальном смысле» на смену одной мифологической системе обычно приходит другая. Обобщая, он приглашал читателей создавать новые мифы, способные «помочь человеку и народу»³.

В своей статье⁴ А.Ю. Греймас приводит три примера национальных мифов. Первый пример — миф «существования единой национальной государственной мысли и в эмиграции, и в Литве». «Мы должны поверить, — писал он, — что в Центральном комитете Коммунистической партии Литвы есть люди, думающие, как выстроить будущее Литвы. Они рассматривают будущее при социалистическом режиме, но при этом рассуждают и о том, как согласовать литовскую национальную идею и социализм»⁵. Второй пример — «слух о Вильнюсе». Это «...миф, обещающий будущее, — согласно ему у литовского народа еще есть что сказать миру, литовский народ ждет открытая история». Греймас был убежден, что этим мифом «люди в Вильнюсе живут: с какой гордостью они говорят о Вильнюсе и как верят в миссию Вильнюса»⁶. И наконец, третий пример — «миф левизны». Социалистический режим в Литве, согласно ученому, уже стал реальностью и перестал быть для литовцев «жутким чудовищем», поскольку многое в этом режиме приемлемо. И значит, необходимо активно «воздействовать на социализм, который в Литве монополизировала коммунистическая партия», надо стать левее партии, и тогда «можно будет <...> вести народ вперед»⁷. Так основы литовской мифологии определял в эмиграции в середине 1960-х гг. ученый А.Ю. Греймас...

³ Greimas A.J. Op. cit. P. 80.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

Конечно, историзм не предполагает создания новых, пусть и очень «хороших», мифов. Однако возникает вопрос, может ли историзм, пусть косвенно, помочь отделить «зерна» от «плевел», то есть те мифы, которые, по Греймасу, «помогают» жить литовцу и литовскому народу, от мифов опасных и вредоносных. Об этом и будем размышлять.

О литовской мифологии нового времени

Неизвестно, все ли народы счастливы одинаково, но несчастливы они по-разному. Этот парадокс сентенции классика станет нашим девизом при попытках раскрыть масштабы перезагрузки, которую пришлось пережить литовцам, совершая прыжок из одной социально-политической системы в другую. Конечно, мы вовсе не хотим сказать, что литовцы были более несчастны или более счастливы по сравнению с другими народами со схожей судьбой. Если мы сравним литовцев начала XX в. с литовцами начала XXI в., то по целому ряду материально выраженных параметров (размер территории проживания, уровень индустриализации этой территории, пропорция литовцев, их социальное, экономическое и интеллектуальное доминирование среди жителей) придется признать, что литовцы за этот период достигли трудно вообразимого прогресса и, похоже, оказались среди тех немногих народов, которые победили в обеих крупнейших мировых войнах XX в.⁸

При этом литовцы всего лишь небольшой этнос на восточном побережье Балтийского моря. С востока и юга литовцев окружают народы, существенно их многочисленнее, и только северные соседи — латыши по своей численности примерно соответствуют литовцам. Соответственно литовцы просто физически не могли вести мировых войн и тем более побеждать в них. XX в. для литовцев был лишь пе-

⁸ По данным всеобщей переписи населения 1897 г. (в тот период это была одна из наиболее точных переписей) в Российской империи проживало около 1,6 млн литовцев. Компактно литовцы проживали на площади, приблизительно равной 55 тыс. кв. км (Ковенская и Сувалкская губернии), с учетом разрозненного проживания (Виленская и Гродненская губернии) площадь проживания составляла около 90 тыс. кв. км. Чуть больше 90% литовцев имели крестьянское происхождение и жили в деревнях. В городах литовцы в среднем составляли 8,5% населения. Так, в Ковно проживало 9% литовцев, в Вильне — 2%.

Территория Советской Литвы составляла 65,2 тыс. кв. км. Согласно данным переписи 1979 г., в Литве проживало 3,6 млн человек, из них литовцев было 80%. В городах литовцы составляли 61% всех жителей (в столице Вильнюсе — около 47%, в Клайпеде — 61%, в Каунасе — около 85%). См.: Lietuvos demografiniai pokyčiai ir gyventojų politika. Vilnius, 1995; Фурман Е.Д. Становление партийной системы в постсоветской Литве. М.: URSS, 2009.

риодом формирования нации (начало периода формирования нации относится к концу XIX в.). Сам процесс представлял собой в большей степени чтение определенной литературы, то есть проходил почти так же, как и у других освобожденных от крепостной зависимости этносов Восточной Европы. Таким образом, литовцы по своему генезису являются книжным народом или, перефразируя Бенедикта Андерсона, сообществом воображения. А это значит, что литовцы оценивают исторические события не непосредственно, но согласно отношению этих событий к созданным ими образам. Следовательно, если мы хотим понять, почему литовцы счастливы или несчастны (а они, согласно большинству опросов, известны своей склонностью считать себя несчастными)⁹, придется посмотреть на историю сквозь призму литовского воображения.

В период модернизма интерпретации разных исторических событий, а именно:

этнографической территории со столицей в Вильнюсе;

16 февраля 1918 г.;

16 декабря 1918 г.;

литовской народной *социалистической революции*;

секретных протоколов Молотова–Риббентропа;

Московского договора 12 июля 1920 г.;

Сувалкского договора;

— литовцы создавали сами (или эти интерпретации для них были созданы).

Интерпретация, как правило, не была научной, и это сближает ее с мифами. А мифы, по определению теоретиков, необходимы для того, чтобы объяснять настоящее общества сквозь призму прошлого и обеспечить общество определенными ориентирами развития в будущем¹⁰.

И все же это обобщенное определение мифа далеко от особенностей литовской мифологической эпопеи. Прежде всего потому, что, хотя эти мифологизированные интерпретации (мифы) рождены в разные исторические периоды, все они стали актуальны в конце XX в., в достаточно узкий промежуток времени при переходе Литвы из одной социально-политической системы в другую. И на этом основании можно предполагать, что все эти мифы (часто абсолютно противополо-

⁹ См.: http://unsdsn.org/wp-content/uploads/2014/02/WorldHappinessReport2013_online.pdf (Figure 2.3) (обращение 15.10.2019). Понятие «несчастье» в этой статье представляется некой метафорой не артикулируемого эмоционального состояния.

¹⁰ Assmann A. Das kulturelle Gedächtnis Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. 4. Auflage. München, 2002; *Idem*. Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. Bonn, 2007. S. 40–41.

ложные по характеру и содержанию) так или иначе сыграли важную роль при переходе Литвы из тоталитаризма в постмодернизм, все они внесли свой вклад в формирование одной реальности: Литвы как национального общества.

Но после того, как Литва вступила в постмодернистскую эпоху, в стране появились и развились новые мифы: миф *о советском наследии* и миф *о восстановлении Великого княжества Литовского*. И конечно, встает вопрос: на формирование какой реальности эти новые мифы направлены?

Прежде чем ответить на этот вопрос, попробуем более подробно рассмотреть самобытную ярмарку мифов, начавшуюся в Литве в 1988 г. и все еще продолжающуюся и сегодня.

От 16 декабря к 16 февраля

В важнейших центрах Советского Союза (в Москве, Ленинграде), а также в Эстонии и Латвии сразу после первых призывов М.С. Горбачева начать «перестройку» разгорелись активные дискуссии на запрещенные до тех пор темы, особенно исторические. В Литве же практически до 1988 г. общественное пространство оставалось прежним: превалировала стандартная советская риторика, и в некоторых случаях она даже усилилась.

Бетон стереотипов советской системы расшатал митинг, организованный 23 августа 1987 г. в Вильнюсе небольшой группой диссидентов по случаю годовщины пакта Молотова–Риббентропа (1939). Разогнать демонстрантов местным властям не позволила Москва. Основной причиной такого решения было то, что о митинге сообщили радиостанции «Свобода» и «Голос Америки». Официальная Москва, руководствуясь указаниями М.С. Горбачева, требовала «свободных дискуссий». Тогдашнее советское руководство Литвы, испуганное возможными последствиями таких «свободных дискуссий», почувствовало себя загнанным в угол: нетрудно было догадаться, что дальше таких демонстраций будет все больше по самым разным поводам. Особенно должно было беспокоить власти приближающееся 16 февраля (этот день многие литовцы отмечали как день создания независимого Литовского государства), тем более, что в 1988 г. 16 февраля было юбилейным: 70-я годовщина провозглашения Независимости Литвы. Значит, местные власти должны были лихорадочно искать идеологические контраргументы против «буржуазного отребья».

И в этой ситуации с пропагандистского склада была доставлена версия о советской государственности Литвы. Эта версия основ-

валась на утверждении о том, что 16 декабря 1918 г. в Вильнюсе была провозглашена Литовская Советская Республика, и новую республику декретом самого В.И. Ульянова-Ленина признала Советская Россия. То есть было решено вместо провозглашения буржуазной литовской государственности отмечать провозглашение советской литовской государственности, или *вместо 16 февраля отмечать 16 декабря*.

С исторической точки зрения и провозглашение Литовской Советской Республики, и ее признание было, в сущности, всего лишь камуфляжной акцией Советской России, стремившейся привлечь жителей Литвы преимуществами идеи Республики и в то же время прикрыть продвижение Красной армии на Запад. Но в тот раз советизации Литвы помешала конъюнктура — руководимая государствами Антанты блокада советской экспансии. В результате идея советской государственности Литвы в 1918—1919 гг. не осуществилась и осталась только мифом.

И все же после аннексии Литвы Советским Союзом в 1940 г. литовцы-коммунисты иногда пытались и дальше развивать версию советской государственности Литвы, что, очевидно, делалось под влиянием идеи о национальном коммунизме¹¹. Кроме того, существовал соблазн апеллировать к Конституции СССР, декларировавшей суверенность советских республик, в том числе Литовской Советской Социалистической Республики (Лит. ССР) — ведь у республик были свои государственные органы управления и право выйти из состава СССР. Но фактически суверенитет республик был сведен к нулю строго централизованной и единовластной Коммунистической партией Советского Союза.

Трудно сказать, насколько идея социалистической государственности Литвы поддерживалась общественным мнением, ведь в советское время никто не мог задавать таких вопросов. Так или иначе, но —

¹¹ Формирование и развитие идеи национальной государственности и в советский период были предметами изучения специалистов Института истории Литвы. Некоторые историки партии в своих работах пытались акцентировать значение Литовской Советской Республики. Однако в этот период превалировало использование понятия «литовская» только в географическом смысле со всеми атрибутами СССР — «советской властью», «советским народом» и проч. Идею доминирования литовской нации в Литовской ССР часто поддерживали высокопоставленные представители литовских властей: Ю. Палецкис и М. Гедвилас. И все же черты национального коммунизма в советской Литве отмечались реже, чем в Латвии и Эстонии (*Shtromas A. The Baltic States as Soviet Republics: Tensions and Contradictions // The Baltic States. The National Self-Determination of Estonia, Latvia and Lithuania / Ed. by G. Smith. Cambridge, 1996. P. 86–120; Sirutavičius V. Sovietizacijos upatybės Lietuvoje 1945 m. vasarą. Lietuvos SSR pirmasis inteligentų suvažiavimas // Stalininis režimas Lietuvoje 1944–1953 m. / Parengė R. Laukaitytė. Vilnius: LII, 2014. P. 11–36*).

и это можно утверждать однозначно — в Литве о такой альтернативе думали. Одним из очагов подобных обсуждений являлась кафедра философии в Вильнюсском университете¹². Практически выход из состава СССР мог означать реальную близость к статусу Польши, и о таком статусе (как об «интересном» варианте) иногда вполголоса поговаривали и в среде литовских советских властей¹³. И все же попытки конкретизировать и развить идею советской государственности Литвы, как правило, быстро угасали (скорее всего, из-за боязни обвинений в «буржуазных отклонениях»). При этом идея не исчезла бесследно, ее держали про запас, в своеобразном пропагандистском резерве. И вот, в 1988 г. возникла потребность к этому резерву прибегнуть.

Ситуацию осложняло одно, скажем так, формальное обстоятельство: 16 февраля наступало раньше 16 декабря. И советская власть готовилась к приближавшемуся 16 февраля как к настоящей войне. Был мобилизован весь советский актив: и пропагандистский, и «поддерживающий порядок»¹⁴. 16 февраля 1988 г. ситуация в городах Литвы, особенно в Вильнюсе, напоминала военное положение. Всем жителям после работы было рекомендовано вернуться домой, улицы патрулировали специальные отряды дружинников. Но 16 февраля 1988 г. в Литве каких-либо серьезных политических инцидентов не произошло.

Если рассматривать проблему не с эмоциональной, а с академической точки зрения, попытки советской власти Литвы отрицать празднование 16 февраля были не обосновательны. Дело в том, что с исторической точки зрения 16 февраля как День независимости Литвы, по сути дела, был только мифом: когда 16 февраля 1918 г. в Вильнюсе двадцать членов Совета Литвы приняли Декларацию независимости, о реализации этой декларации можно было лишь мечтать. И не только потому, что Литва в то время была оккупирована Германией, и эту оккупацию могла сменить оккупация другой соседней силы. Проблема была глубже. Дело в том, что в Декларации о независимости на основании права народа на самоопределение проектировалось Литовское государство на литовской *этнографической территории* со столицей в Вильнюсе¹⁵. Но фактически в проектируемом Литовском государ-

¹² *Jankauskas A.* Filosofai – Sąjūdžio ideologai // Sąjūdžio ištakų beiieškant. Nepaklusniųjų tinkloveikos galia / Sud. *J. Kavaliauskaitė, A. Ramonaitė.* Vilnius, 2011).

¹³ *Laurinavičius Č., Sirutavičius V.* Lietuvos istorija. Sąjūdis: nuo «persitvarkymo» iki Kovo 11-osios. XII tomas I dalis Vilnius: Baltos lankos, 2008. P. 54.

¹⁴ По данным КГБ, в Лит. ССР было написано 300 статей, опубликовано 17 книг и брошюр, создано 4 документальных и телевизионных фильма, «дающих отпор» празднованию 16 февраля. См.: *Laurinavičius Č., Sirutavičius V.* Lietuvos istorija. P. 58.

¹⁵ Понятие «литовская этнографическая территория, включающая Вильнюс» опирается на данные исследований, согласно которым примерно до XVI в. большинство жителей этой территории имели литовское происхождение. Позже в связи

стве литовцы с натяжкой составили бы лишь около половины населения. Причем в столице Вильнюсе и его окрестностях литовцы практически были несущественным меньшинством — большинство жителей Вильнюсского края считали себя поляками и мечтали не о литовском, а о польском национальном государстве.

Таким образом, декларация 16 февраля 1918 г. была всего лишь привлекательным для литовцев проектом — неизвестно, реализуемым ли в принципе. Конечно, Литва в результате все же создала независимое государство. Но без Вильнюса, который, несмотря на энергичные протесты литовцев, присоединила к своей территории Польша. После сложных перипетий 1923—1924 гг. к Литве отошла Клайпеда — важный для государства порт, но при этом возникла новая проблема: большинство жителей Клайпеды принадлежали к немецкой культуре.

То есть Литовское государство, существовавшее между двумя мировыми войнами, было очень нестабильным и находилось в постоянной боевой готовности к отражению как внутренних, так и внешних врагов. Весной 1939 г. Литва под давлением нацистской Германии была вынуждена отказаться от Клайпеды. Осенью того же года Советский Союз получил от уничтоженной Польши Вильнюс и передал его Литве, и именно этот дар данайцев в 1940 г. облегчил для советов оккупацию и аннексию Литвы. Правда, советский диктатор И.В. Сталин, можно сказать, принял во внимание литовский национальный идеал — Литва со столицей в Вильнюсе — и Вильнюс стал столицей Литовской Советской Республики; в 1945 г. к Лит. ССР была присоединена и Клайпеда. Отчасти это было сделано для того, чтобы присоединение к СССР для литовцев прошло легче. Кстати, согласно советской лексике, Вильнюс и Клайпеда были присоединены к Литовской ССР по воле *народа Литвы (Lietuvos liaudies valia)*¹⁶.

Другими словами, вместо конкретного этнокультурного сообщества — литовцев появилось этнически анонимное сообщество *народ Литвы*, которое стало составной частью народа всего Советского Союза. И новый гимн Литовской ССР гласил: «Tarybinę Lietuvą liaudis sukūrė...» («Советскую Литву создал народ...»). Такая конфигурация политических терминов на первый взгляд упраздняла национальные

с войнами и процессами ассимиляции национальный состав жителей менялся (*Klimas P. Lietuva, jos gyventojai ir sienos. Vilnius, 1917*). Процессы славянизации/полонизации литовцев подтверждены научными исследованиями (*Ochmanski J. Litewska granica etniczna od epoki plemennej do XVI w. Warszawa, 1981; Zinkevičius Z. Rytų Lietuva praityje ir dabar. Vilnius, 1993*).

¹⁶ В литовском языке слову «народ» соответствуют два термина: *tauta* (народ как национальная единица) и *liaudis* (народ как совокупность всех социальных слоев населения, за исключением элиты).

противоречия, мучившие Литву в период между двумя мировыми войнами, однако вместе с тем она символизировала и крепкую «привязку» Литвы к СССР, поскольку только благодаря союзу *народа* Литвы с *народами* СССР Вильнюс с Клайпедой смогли объединиться с Литвой.

Конечно, «литовский народ» (*Lietuvos liaudis*) тоже был лишь мифом. И очевидно, что этот термин не слишком помогал решать возникавшие в Литве этнические разногласия: большая часть литовских поляков (прежде всего вильнюсских) после Второй мировой войны по решению Сталина была вынуждена переселиться в Польшу, немцев из Клайпеды вымело победоносным маршем Красной армии, еще одна этническая группа — евреи Литвы были практически уничтожены в результате холокоста. После таких жестких этнических чисток в Литву, прежде всего в Вильнюс и Клайпеду, приехало немало русских (точнее, русскоговорящих) из СССР.

Однако политика русификации Литвы не была ни последовательной, ни системной. После подавления вооруженного сопротивления (серьезное вооруженное сопротивление советской власти имело место в Литве в 1944—1953 гг.) процент литовцев в Литве начинает расти. В 70-х гг. XX в. литовцы составляют уже около 80% жителей республики (в Вильнюсе и Клайпедо — около 60%). Несмотря на препоны и ограничения различных советских мифологем, развиваются литовское общество, его самосознание, культура¹⁷. Можно утверждать, что правовое определение Литовской Советской Социалистической Республики, хотя и крайне эфемерное (согласно Конституции СССР), в исторической перспективе создало значимые предпосылки для восстановления государственности Литвы. Существовавшая в составе Советского Союза Литва со временем в общих чертах объективно стала походить на тот идеал, который литовцы проектировали 16 февраля 1918 г. Значит, в 1988 г. литовцы могли осознавать, что 16 февраля не фикция, но достаточно реальный ориентир для политических устремлений.

И тогда организованная советской властью акция «не празднования» 16 февраля превратилась в свою полную противоположность. О 16 февраля стали задумываться не только те, для кого эта дата была символом утраченной государственности, но и те, кто вообще мало об этом слышал и не слишком сочувствовал этой дате. После 16 февраля 1988 г. абсолютное большинство жителей Литвы стали воспринимать 16 февраля как альтернативу мифологемам советской власти. Летом 1988 г., впервые после долгих лет советского тоталитаризма в Литве

¹⁷ Lietuva 1940–1990. Okupuotos Lietuvos istorija / Red. A. Anušauskas. Vilnius, 2005. P. 554–574; *Truska L.* Lietuvos Persitvarkymo Sąjūdžio ištakos // 1991 metų sausio 13–oji Lietuvoje naujausių mokslinių tyrimų kontekste / Parengė A. Gaižutis. Vilnius, 2006. P. 13–16.

родилось неформальное национально-политическое движение Sąjūdis (Саюдис), целью которого стало восстановление национального Литовского государства. И уже в 1989 г. 16 февраля отмечали открыто и торжественно.

*Тайные протоколы Молотова—Риббентропа
и договор между Литвой и Советской Россией
12 июля 1920 г.*

Советская пропаганда долго и нудно навязывала миф о социалистической революции в Литве летом 1940 г., в результате которой народ Литвы решил вступить в СССР. Но, несмотря на все усилия пропаганды, в Литве все-таки трудно было найти человека, искренне верившего в этот миф. При этом бóльшая часть жителей Литвы, хоть и понимала «не слишком чистую» сущность советского режима, не видела необходимости от него по этой причине отказываться. Конечно, отсутствие поисков альтернативы было обусловлено, в первую очередь, страхом санкций со стороны аппарата принуждения, но наряду с этой причиной работали и комплексы привыкания, приспособления к советской действительности — альтернатива часто воспринималась как сопутствующие свободному рынку социальные деформации, возобновление трудностей, связанных с Вильнюсом или Клайпедой, и т.д. и т.п. Тем более что после смерти И.В. Сталина (1953) режим стал более мягким, появилась возможность развивать национальную культуру и, в принципе, царил атмосфера достаточно наивной веры в то, что «идолы сгниют и исчезнут, а акулы превратятся в дельфинов»¹⁸.

Но время шло, идолы гнить и исчезать никак не желали, а акулы становились злее. В 1970—1980-е гг. Советский Союз все глубже увязал в кризисе, система социального обеспечения трещала по швам, но идеологическое давление лишь усиливалось. И вот в 1985 г. М.С. Горбачев, став руководителем СССР, заявил: «Так дальше жить нельзя»¹⁹. И начались поиски альтернатив. Но если в Советском Союзе и, в первую очередь, в Москве эти альтернативы выражались в самых разных социально-экономических формах, то в Литве на удивление быстро оформился миф о том, что решение всех проблем — государственная независимость. Началась быстрая эрозия советских мифов.

¹⁸ *Misiūnas R.J., Taagepera R.* Baltijos valstybės priklausomybės metai 1940–1980. Vilnius, 1992. P. 208.

¹⁹ *Горбачев М.С.* Наедине с собой. М.: Грин-стрит, 2012. С. 384.

Основной удар по легитимации принадлежности Литвы к Советскому Союзу был нанесен после обнародования подписанных в 1939 г. тайных договоренностей о разделе сфер влияния между СССР и Германией. После Второй мировой войны СССР долгие годы отрицал факт существования тайных договоренностей с нацистами, но после того, как Горбачев начал кампанию гласности, отрицание стало невозможным.

И вот 23 августа 1988 г. на митинг в Вильнюсе собралась уже не группа диссидентов, но 300-тысячная толпа, которой открыто было объявлено, что протоколы Молотова—Риббентропа существуют, и именно они определили судьбу Литвы в 1940 г. Протоколы были торжественно осуждены, миф о «народной революции» рухнул, и на его месте возникло понимание того, что в 1940 г. Литовское государство как объект международного права было аннексировано Советским Союзом. Значит, логически рассуждая, попранное международное право должно быть восстановлено. И осенью 1988 г. Литва начала войну за восстановление утраченной государственности.

Надо сказать, что этот путь не был простым, потому что крушение одних мифов не означает отказа от других мифов. Одной из осложнений, возникшей во время блужданий по тропам мифологии, был факт присоединения к Литве Вильнюса по тем же осужденным пактам Молотова—Риббентропа: в тайном протоколе от 23 августа 1939 г. зафиксировано: «Признаются интересы Литвы в отношении Вильнюсского края»²⁰. Другими словами, Германия и СССР, зная о давних претензиях литовцев на Вильнюс, решили воспользоваться этим в своих целях и пообещали друг другу после уничтожения Польши так или иначе присоединить Вильнюс к Литве. И вот, Советский Союз по договору от 10 октября 1939 г. передал Вильнюсский край Литве в обмен на право дислоцировать в стране свои военные базы. Понятно, что упомянутый договор от 10 октября можно было трактовать как навязанный Литве, поскольку СССР, преследуя свои цели, использовал раздел сфер влияния с Германией. Однако если ставить вопрос о правомочности действий СССР в отношении Литвы, то очевидно, возникает сомнение и в правомочности передачи Литве Вильнюсского края.

Некоторое время, примерно до лета 1989 г., Sajūdis, которым руководил музыковед В. Ландсбергис, и обновленная местная коммунистическая власть (первым секретарем в это время был А. Бразаускас) придерживались программы так называемого советского государственного (или реального для СССР) федерализма. Существовала на-

²⁰ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1: СССР и Литовская Республика (март 1939—август 1940 г.). Сб. документов / Сост. А. Каспаравичус, Ч. Лауринавичус, Н.С. Лебедева. Вильнюс: ЛП, 2006. С. 131.

дежда, что Москва, учитывая специфику создания Литовской ССР, примет конкретные меры по исправлению «исторических ошибок» и согласится с выбором литовцев. Но время шло, а из Москвы конкретных шагов в желаемом направлении все не было. И летом 1989 г., а именно после акции «Балтийский путь» (23.08.1989), когда в день 50-летия подписания пакта Молотова—Риббентропа цепь людей протянулась от Вильнюса до Таллинна, Sąjūdis меняет стратегию: с советской государственности акцент переносится на нарушение в межвоенный период прав Литвы и на необходимость восстановления этих прав. Понятно, что в таком случае во весь рост встал вопрос правомерности присоединения к Литве Вильнюса.

И тогда для того, чтобы устранить последствия пакта Молотова—Риббентропа и в то же время не потерять Вильнюс, в Литве вспомнили о договоре, подписанном между Литвой и Советской Россией 12 июля 1920 г. в Москве. Согласно этому договору, Вильнюс оставался за Литвой, что в этом случае значило: Литва получила Вильнюс не в результате пакта Молотова—Риббентропа, а просто было восстановлено зафиксированное в 1920 г. право Литвы, нарушенное в период с 1920 по 1939 г. незаконными действиями Польши.

Эта версия могла выглядеть убедительной лишь потому, что очень немногие хорошо разбирались в правовой и политической ситуации межвоенного периода. К сожалению, принимать договор от 12 июля 1920 г. как документ, обладающий полной юридической силой, проблематично. Главным образом потому, что легитимность признания Литвы с Вильнюсом очень сильно зависела от международной конъюнктуры того времени. При этом литовскую сторону, участвовавшую в переговорах с Советами, больше всего заботила Декларация признания независимости Литвы с Вильнюсом. Формальным же деталям литовская делегация должного внимания не уделяла. В результате получилось так, что буква Московского договора не стала препятствием для претензий на Вильнюс со стороны Польши²¹.

Поскольку политическая конъюнктура после поражения Красной армии под Варшавой изменилась, 5 октября 1920 г. в Риге Польша и РСФСР достигли договоренности, согласно которой Советская Россия была территориально отрезана от Литвы. Фактически это означало, что Советы передали Польше право свободы действий в отношении Литвы. Для Польши, как минимум, открылся путь на Вильнюс. Но формально Московский договор 12 июля 1920 г. не был денонсирован. Более того, позже этот договор был подтвержден еще несколько

²¹ *Лауринавичюс Ч.* Вильнюсский вопрос в межвоенное время и не только // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2015. С. 169—188.

раз (в 1926, 1931, 1934 и 1939 гг.) как основа отношений между Литвой и СССР. Сложно говорить о юридическом смысле таких деклараций, однако не вызывает сомнений, что договор подтверждал представленные литовцев об *этнографической территории, включающей Вильнюс*.

При этом расширение Польши на Восток также создало немало противоречий. Несмотря на то, что после заключения в Риге договора с Советской Россией польские генералы склонялись к идее оккупации всей Литвы, стоявший в то время во главе Польши Юзеф Пилсудский выбрал другой путь: официальная Польша 7 октября 1920 г. в Сувалках подписала соглашение о перемирии с Литвой, проявляя толерантное отношение к литовской этнографической территории, включающей Вильнюс. Однако в то же время по приказу Ю. Пилсудского польская военная группировка под командованием генерала Л. Желиговского, имитируя мятеж против официальной политики Польши, 9 октября занимает Вильнюс и провозглашает там *Срединную Литву*. От имени Срединной Литвы Пилсудский предлагает переговоры располагавшейся на западе *Каунасской Литвы*²². Эта интрига, похоже, была задумана с целью подтолкнуть литовцев «вернуться» в историческую унию с Польшей. Однако результат оказался совершенно иным.

Игра официальной Польши, якобы признающей литовскую этнографическую территорию, включающую Вильнюс, заставила литовцев после потери Вильнюса в 1920 г. игнорировать то обстоятельство, что положение Московского договора о признании Вильнюса за Литвой потеряло свою фактическую силу. Литовцы предложили свою версию событий, согласно которой не только Советская Россия Московским договором, но и Польша Сувальским договором признали Вильнюс за Литвой, но Польша нарушила подписанный ею же договор и 9 октября, через два дня после его подписания оккупировала Вильнюс²³. Эта версия, мягко говоря, была сильно натянутой интерпретацией реальных событий. В действительности в Сувалках была достигнута договоренность лишь об очень ограниченной демаркационной линии (*modus vivendi provisoire*), и не было никаких намеков на признание каких бы то ни было территорий²⁴.

²² «Восточная» Литва, скорее всего, должна была проектироваться из белорусских территорий. Таким образом, возможно, могла быть реализована федеральная программа Ю. Пилсудского (*Lewandowski J. Federalizm. Litwa i Białoruś w polityce obozu Belwederskiego*, XI.1918 – IV, 1920. Warszawa, 1962; *Dziewanowski M. K. Joseph Pilsudski. A European Federalist 1918–1922*. Stanford, 1969).

²³ Сувальское соглашение трактовалось в Литве как «мирный договор» между Литвой и Польшей (см.: *Lietuvos TSR istorijos šaltiniai*. Т. III. Vilnius. 1963. Р. 80).

²⁴ *Umowa Suwalkska: fakty i interpretacje* / Ред. Č. Laurinavičius, J.J. Milewski. Vilnius, 2012.

Таким образом, в конце 1920 г. создалась пикантная ситуация: Польша, используя договоренности в Риге с Советской Россией, захватила Вильнюс и потенциально могла занять всю Литву. В то же время загнанная в угол Литва, защищаясь, подняла на щит миф о признании Россией и Польшей Вильнюса за Литвой и объявила Польшу «международной преступницей», нарушившей ею же подписанный договор. Вместе с тем литовцы старались по дипломатическим каналам побудить Советскую Россию «восстановить положение согласно Московскому договору» и время от времени получали от последней ободряющие знаки — «не терять надежды и ждать»²⁵.

Отметим, что по причине такой правовой и моральной путаницы в вильнюсском вопросе цивилизованный мир достаточно скептически относился к действиям Польши. Но, тем не менее, в 1923 г. права Польши на Вильнюс были признаны ведущими западными державами, и в этом смысле шансы Литвы на возвращение Вильнюса стали весьма сомнительны. И если права Литвы на Вильнюс и могли быть обоснованы договором от 12 июля 1920 г., то лишь в том смысле, что Литва попадала в зависимость от Советской России/СССР, что, как мы знаем, было оформлено соответствующим договором осенью 1939 г.

То есть, располагая приведенной выше аргументацией, кажется очевидным, что попытки литовцев «подменить» положение, сформировавшееся в результате пакта Молотова—Риббентропа, Московским договором от 12 июля 1920 г. могут вызвать лишь грустную улыбку. Однако абсолютное большинство литовцев не были осведомлены о реальном положении дел, поэтому человек, сомневающийся в создаваемом образе, подвергался риску быть заклеянным как «ретроград». Таким образом, хотя неприятие тайных протоколов Молотова—Риббентропа и их подмена поднятым на щит договором между Литвой и Советской Россией от 12 июля 1920 г. и напоминало буйство фантазии, на практике эти фантазии стали серьезным фактором — в них верило абсолютное большинство жителей Литвы, или, другими словами, они стали выражением гласа народа.

11 марта, или прыжок к «светочу счастья»²⁶

Революция, начавшаяся в 1988 г. и получившая названия Литовского возрождения, далеко не исчерпывается лишь рассмотрен-

²⁵ Лауринавичюс Ч. Вильнюсский вопрос в межвоенное время. С. 180—186.

²⁶ Образ взят из одноименного рассказа-аллегии, написанного в 1905 г. литовским писателем Йонасом Билюнасом.

ными выше мифологемами. В сущности, это были процессы распространения демократии, охватившие всю Советскую империю, а вместе с ней и Литву. И все же, если мы сосредоточим внимание на Литве и попытаемся понять и проследить логику развивавшихся в республике процессов, придется признать, что именно мотив воссоздания национального государства, а вовсе не какие бы то ни было иные социальные, экономические или экологические вопросы, стали тем магическим «светочем счастья», который манил к себе абсолютное большинство литовцев. Можно сформулировать это положение и по-другому: в ходе начавшегося процесса демократизации именно идея восстановления национального государства придала литовскому восстанию значимое морально-политическое и программное наполнение.

А в это время Москва в лице администрации М.С. Горбачева смотрела на процессы в Литве, словно в перевернутый бинокль: практически не ограничивая абстрактные, характерные для всей Советской империи проявления демократизации, полностью игнорируя литовский *raison d'être* и видя в происходящем в Литве лишь проявления национализма и отход от принципов перестройки. Эта вывернутая наизнанку точка зрения на проблему Литвы проявилась в начале января 1990 г. во время визита в Литву М.С. Горбачева. Несмотря на то, что в это время Литва дышала исключительно идеей восстановления независимости, Горбачев во всех своих выступлениях говорил лишь об абстрактном общем реформировании СССР. И создавалось впечатление, что он просто не слышал выступлений литовских коллег. Ситуация напоминала разговор слепого с глухим.

Неудивительно, что в такой ситуации национальные устремления литовцев резко усилились. 11 марта 1990 г. вновь избранный Верховный Совет Литвы объявил о восстановлении независимости как о свершившемся факте, как о продолжении государственности Литвы межвоенного периода. Такой юридический кульбит можно было выполнить, лишь представляя себе Литву в контексте договора 12 июля 1920 г., Сувалкского договора и других мистифицированных исторических видений. Другими словами, нашло подтверждение теоретическое положение о том, что «превратившаяся в миф история становится социальной реальностью, если в определенное время и в определенном месте она оказывает влияние на тех, кто принимает решения»²⁷. Правда, в конкретном случае эта социальная реальность опиралась на химеру: восстановление Литвы на основе Конституции Литовской Республики 1938 г., но в границах, определенных сталинской Конституцией.

²⁷ Assmann A. Op. cit. S. 40–41.

Неудивительно, что цивилизованный мир не мог признать восстановленную таким образом Литву, а официальная Москва получила мотив для применения силы против «противоправных действий». И все же в этой исключительно неблагоприятной ситуации Литва сохранила один неопровержимый, важнейший аргумент: большинство жителей республики поддерживало восстановление Литовского государства, эта поддержка была заявлена во время всевозможных голосований и подтверждена кровью павших. Перед этим аргументом монолит СССР не устоял, и новая демократическая Россия под руководством президента Б.Н. Ельцина встала на сторону Литвы. В результате, в конце августа 1991 г. Литва фактически стала независимым, получившим мировое признание, государством.

Отрицание наследия советского периода

Казалось бы, эйфория, вызванная головокружительным прыжком в свободу, должна была перейти в рациональное осмысление того, каким образом этот прыжок удался. Однако случилось иначе. Мифологизация сознания, актуализированная в 1988–1991 гг., развивалась и дальше. Получила логическое развитие идея оккупации Литвы Советским Союзом в 1940 г.: как период оккупации стал восприниматься весь советский период с 1940 по 1991 г. Соответственно, предпринимались усилия отторгнуть и все наследие этого периода. После 11 марта 1990 г. со всех официальных зданий были сняты все символы Литовской ССР, и после вывода советских войск были демонтированы все памятники советским политическим деятелям (В.И. Ленину, В. Мицкявичюсу-Капсукасу, З. Алексе-Ангартису, расстрелянным в 1926 г. четверем коммунарам и др.). Позже появилась идея о демонтаже памятников деятелям культуры, активно поддерживавшим советскую власть: П. Цвирке, Саломее Нерис, Л. Гире. В определенный момент пытались сжечь книги Ю. Балтушиса, в 1988–1989 гг. публично высказавшегося против восстановления независимости Литвы. Кроме того, были разорены и разворованы различные промышленные и сельскохозяйственные предприятия (не только из-за их экономической неэффективности, но и принципиально – как советское и оккупационное наследие).

И все же, разрушение и уничтожение наследия советского периода не стало масштабным, ибо последовательный отказ от советского наследия привел бы к тому, что в небольших городах Литвы не осталось бы никаких более или менее значимых зданий: все они были построены в советский период. Кроме того, большая часть произведений, ставших достоянием литовской национальной культуры, были

созданы в советские годы. Таким образом, процесс отторжения был остановлен. И это несколько схоже с процессами, проходившими в свое время в России, когда большевики, ставившие целью отказ от всего «буржуазного наследия», не смогли позволить себе остаться без Л.Н. Толстого и А.С. Пушкина. В Литве процесс «очищения» частично трансформировался в публичную дискуссию: что и в каком виде из периода оккупации следует оставить, каким образом оградить молодое поколение от тлетворного влияния примера коллаборантов и проч.

Однако остаться в рамках здравого смысла этому процессу помешало нарастающее ухудшение отношений Литвы с Россией. Серьезным импульсом к такой динамике отношений послужил принятый Сеймом Литвы в 2000 г. закон, согласно которому литовские учреждения были обязаны требовать от России, как правопреемницы СССР, возмещения причиненного в годы оккупации ущерба. С точки зрения зарубежной политики, такой закон, конечно, имел лишь силу провокационной декларации, поскольку о возможностях его реализации серьезно говорить не приходилось. Однако он послужил укоренению в массовом сознании идеи о периоде существования Литовской ССР как о периоде оккупации Литвы. Эскалация напряжения продолжалась и достигла своеобразной кульминации в 2008 г., когда Сейм Литовской Республики принял закон, запрещающий любую советскую символику. После ратификации закона осталось не совсем ясно, что он значит на практике, но применение нового закона на практике достаточно красноречиво продемонстрировала трансляция Олимпийских игр в Пекине по литовскому телевидению: все церемонии награждений российских спортсменов прерывались на время исполнения гимна России (бывшего гимна СССР). При этом во время исполнения гимна Китая прерывать трансляцию нужным не считали.

Борьба с советским наследием обычно интерпретируется как составная часть всеобъемлющей кампании осуждения и разоблачения жертв тоталитарных режимов. Кампания распространилась и на другие страны региона. В этом контексте можно вспомнить сопровождавшееся большой шумихой перенесение в 2007 г. из центра Таллина памятника советскому воину, созданный позже в Латвии фильм о преступлениях коммунизма, созданный в Польше фильм о расстрелах в Катыни, и, наконец, широко отмечавшаяся в 2008 г. на Украине годовщину голодомора. Конечно, все эти акции, как и законы Сейма Литовской Республики, связаны с идентификацией преступлений сталинизма, пусть и во многом мифологизированными. Однако более пристальный взгляд заставляет предположить, что для этих акций сталинизм лишь предлог, а настоящая цель глубже и конкретнее: кампания против России как государства и цивилизации.

Миф о восстановлении Великого княжества Литовского

Как принципиальный поворот, свидетельствующий о трансформации борьбы с советским наследием в борьбу с российским государством, следует оценивать начавшуюся в Литве ориентацию на восстановление Великого княжества Литовского. Напомним читателю: Великое княжество Литовское формируется в XIII в., то есть после падения Киевской Руси. Княжество объединило значительную часть земель бывшей Руси, и территория литовского княжества простиралась от Балтийского до Черного моря. Какое-то время, примерно до XV в., Великое княжество Литовское и Великое княжество Московское боролись за статус объединителя земель Древнерусского государства. Литва, утратив преимущество в этом противостоянии, в XVI в. подписала унию с Королевством Польским, и с этого момента противостояние объединенного Польско-литовского государства (Речи Посполитой) и Московской Руси начинает приобретать характер противостояния цивилизаций: католический бастион на Востоке Европы против православной азиатской деспотии. Это противостояние Речь Посполитая проиграла, и в конце XVIII в. это государство разделили между собой окружавшие ее империи: Россия, Пруссия и Австрия. В начале XX в. империи распались, их разрушил национальный принцип. И Литва, и Польша были восстановлены уже как национальные государства, существованию которых, правда, сопутствовали самые разные напряжения и конфликты, характерные для эпохи национализма. Так или иначе, национальный принцип просуществовал до краха советской системы. Однако сейчас встает вопрос, не придется ли все-таки от этого принципа отказаться?

Примерно с 2004 г. в публичной сфере Литвы все чаще можно услышать, что объявленная 16 февраля 1918 г. независимость от исторического партнера по государству – Польши – была ошибкой, что современная Литва слишком мала, этнокультурные основы государственности слишком слабы, и т. д. и т. п.

Можно лишь гадать о действительных мотивах такой перемены. Возможно, важным стимулом стали внешние обстоятельства. Вступив в евроатлантические структуры – ЕС и НАТО, Литва в определенной степени ощутила себя утратившей внешнеполитические ориентиры. Как раз в это время набирала силу так называемая антитеррористическая кампания США, агрессивно нацеленная на противопоставление цивилизаций и насаждение демократии в разных регионах мира. Примерно с 2005 г. фиксируется и ориентация литовской политики в похожем направлении: Литва начинает активно высказываться за развитие демократии в бывших республиках СССР (Белоруссии,

Украине, Грузии) и вступает в острую идеологическую конфронтацию с Россией, представляя последнюю как «империю зла». В таком контексте, видимо, было уместно и возрождение реминисценций, связанных с Великим княжеством Литовским, многие века находившимся в цивилизационной конфронтации с Москвой из-за вопроса о доминировании на землях бывшего Древнерусского государства.

Однако, похоже, не меньшее значение для реанимации идеи Великого княжества Литовского имели и внутренние мотивы. Прежде всего, осознание того, что в современной Литве мистификация ограничена, что попытки переложить на СССР/Россию ответственность за все темные эпизоды истории XX в. вряд ли загладят и грехи самих литовцев: проведение авантюристической внешней политики, игнорирование норм демократии и, главное, участие в этнических чистках во время Второй мировой войны. Очевидно, была и надежда на то, что при развороте от современной Литвы к Великому княжеству Литовскому все беды, связанные с доказательством прав на Вильнюс, прекратятся сами собой, а грехи периода модернизма можно будет просто списать как эпизод «крестьянского отклонения».

Однако и мистификация образа Великого княжества Литовского не обошлась без трудностей. Конечно, можно апеллировать к тому, что в старые времена, очевидно, никто не оспаривал прав на Вильнюс как столицу Литвы. Можно гордиться и определенным культурным наследием той эпохи, особенно прославленным вильнюским барокко. В то же время приходится признать, что в Великом княжестве Литовском доминирующую роль — с XV в. практически, а с XVII в. исключительно — играли не литовцы, а поляки. Как же в таком случае «вернуть вспять» насчитывающую более столетия историю освобождения литовцев от польского доминирования? Придется принять во внимание и ряд других неприятных фактов: трения и даже конфронтацию между разными этносами в многокультурном государстве, постоянное военное противостояние Великого княжества Литовского и православной России и напряженные отношения с другими не католическими соседями, в конце концов, не вызвавший никаких заметных знаков сожаления со стороны международной общественности факт падения государства, не выдержавшего груза внутренних и внешних проблем.

Выводы

Рассматривая мифы периода модернизма (этнографическая территория со столицей в Вильнюсе, 16 февраля, 16 декабря, литовский народ / народ Литвы, социалистическая революция, тайные прото-

колы Молотова—Риббентропа, Московский договор 12 июля 1920 г., Сувалкский договор), можно утверждать, что все они внесли, пусть иногда и противоречиво, свою лепту в формирование и создание реальности — Литовского национального государства. В то же время, после вступления в эпоху постмодернизма в Литве начинается эскалация мифов (отторжение советского наследия, воссоздание Великого княжества Литовского и проч.), на практике ведущая к отрицанию созданной реальности. Мы считаем, что такая ориентация ошибочна, поскольку национальное государство, так или иначе, неоспоримая ценность, подтвержденная опытом цивилизованных народов, прежде всего, Европы. И отказ от ориентации на эти ценности оставляет открытым вопрос о том, какими будут устремления в будущем.

И все же, в данном случае нас больше всего интересует вопрос: почему литовцев, создавших свое государство, можно подтолкнуть к отказу от этого государства, почему литовцы, казалось бы, получившие тот самый «светоч счастья», о котором они мечтали, остаются несчастными? Возможно, все еще остается в силе инерция мифологизации. Неудивительно, что в постмодернистской реальности литовцев уже не вдохновляют образы, инспирированные Московским договором 12 июля 1920 г. или Сувалкским договором, и тем более образы, рожденные *литовским народом* или *социалистической революцией*. Идет процесс демистификации, и не удивительно, что для многих мог утратить силу и образ 16 февраля. Другими словами, создается впечатление, что ничего настоящего не осталось, или что все, за то боролись, было ненастоящим. Не удивительно, что в этой ситуации литовцы могут ощущать себя несчастными. И если это так, то это подтверждает, что литовцы оценивают свои достижения не в соответствии с фактами объективной реальности, но согласно созданной тем или иным мифом проекции на действительность. Поэтому литовцы просто не видят и не осознают того, что было ими создано.

Перевод с литовского языка — *Татьяна Тимченко*

Значение Декларации провозглашения независимости Литвы 16 февраля 1918 года: что об этом говорят источники

И.А. Кукушкина

(Москва)

Ключевые слова: Декларация (Акт) независимости Литвы 16 февраля 1918 г.; история Литвы XX в.; литовское национально-освободительное движение.

16 февраля 1918 г. Тариба Литвы («Совет Литвы») приняла Декларацию (Акт) о «восстановлении (Wiederherstellung) независимого литовского государства, основанного на демократических принципах, со столицей в Вильнюсе» и о «разрыве всех государственных связей, существовавших с другими народами»¹. Несмотря на то, что с момента этого события прошло целое столетие, дискуссии о значении данного документа не утихают². Наиболее важным, на наш взгляд, является вопрос о значении данного Акта: как для самой Литвы, так и для расстановки сил на международной арене. Попытаться дать ответ на этот вопрос и будет задачей автора данной статьи.

Войдя в состав Российской империи в конце XVIII в., литовский народ фактически не отказался от своей самостоятельности. Идея создания (восстановления) независимой Литвы³ жила в сознании литовцев. И если политики считали своим большим достижением требование автономии в составе России, в художественной литературе звучала тема именно независимости. Практически идеей независимости про-

¹ Цит. по: *Klimas P.* Der Werdegang des litauischen Staates von 1915 bis zur Bildung der provisorischen Regierung im November 1918. Berlin, 1919. Dok. XXVI. S. 114. См. также: Lietuvos Valstybės Tarybos protokolai (1917–1918). Vilnius: Mokslas, 1991. P. 207.

² См., например: *Rudokas J.* Žygis į Nepriklausomybę. Kaip gymė Lietuvos Respublika. Vilnius: Gairės, 2017.

³ Поднимаемый рядом историков вопрос о том, какую именно Литву хотели видеть в своих программах литовские политические и общественные деятели (в границах ВКЛ или этнографических границах), безусловно, интересен с исторической точки зрения, но для решения поставленного нами в данной статье основного вопроса не является принципиально важным. Подробнее по данному вопросу см.: *Павлова М.С.* Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 14; *Lopata R.* Lietuvos valstybingumo raida 1914–1918 metais. Vilnius: Mintis, 1996. P. 5–9; *История Литвы.* Вильнюс: Eugrimas, 2013. С. 140–146.

никнута вся поэзия Майрониса. Его произведения «Вильнюс (перед рассветом)» (1892), «Затянем новую песнь», «Не остановить реку», «Уверенность в себе» (все — 1895), «Где течет Шешупе» (1902) — это напоминание о прошлом литовского народа и гимны литовского национального возрождения.

*«К делу, литовец! Юному сыну
Властную тьму помоги одолеть!
Надо обрушить стену-плотину,
Нам ли бездушные камни жалеть!»⁴*

— писал поэт.

Тема независимости Литвы звучала также на страницах журнала «Varpas» («Колокол»)⁵.

Официально, на политическом уровне требование автономии Литвы было впервые выдвинуто в 1905 г. После того, как Николай II под воздействием революционных событий 1905 г. опубликовал 17 октября Манифест, где пообещал созвать Государственную Думу, в начале декабря того же года в Вильнюсе по инициативе Йонаса Басанавичюса был созван Великий Вильнюсский сейм, на котором была принята соответствующая резолюция. Ранее, 15 ноября был составлен меморандум о предоставлении Литве культурной и политической автономии (за подписями Й. Басанавичюса, Д. Малинаускаса, М. Сильвестрайтиса и ксендза Амбразеюса) и направлен в Петербург главе кабинета министров С.Ю. Витте.

До 1916 г. лишь Демократическая партия Литвы, основанная в 1902 г., видела свою конечную цель в получении Литвой независимости. Остальные литовские политические партии поддерживали требование политической автономии.

Однако в начале Первой мировой войны часть литовских общественных деятелей поддержали царскую власть. С трибуны Государственной Думы 8 августа 1914 г. о такой поддержке заявил литовский депутат от Ковенской губернии Мартинас Ичас⁶. Он же от имени «литовской общественности» направил в Петербург принятую 22 августа представителями Литвы декларацию (впоследствии названную «Янтарной»), где звучал призыв обратить внимание «даже

⁴ Цит.по: *Майронис*. Голоса весны / Пер. с литовского. Вильнюс: Вага, 1987. С. 63.

⁵ Lietuvos istorija kiekvienam. Trečiasis leidimas / Sudarytojas ir dalykinis redaktorius Alfonsas Eidintas. Vilnius: Mokslų ir enciclopedijų leidybos centras, 2018. P. 204.

⁶ Lietuvos istorija. X tomas. I dalis: Nepriklausomybė (1918–1940 m.). Vilnius: Baltos lankos, 2013. P. 63.

на самые незначительные этнографические единицы». В декларации выражалась надежда, что «Россия объединит их не для того, что поработить, а для того, чтобы жить в мирном культурном сотрудничестве, чтобы соединить их в могучем объединении народов»⁷. На наш взгляд, в декларации не содержалось требований ни федерации, ни даже автономии Литвы⁸, и царское правительство отреагировало на нее вполне адекватно. В Вильнюсе с разрешения вильнюсского губернатора П.В. Веревкина возникло Литовское общество помощи пострадавшим от войны.

В 1915 г. литовская территория оказалась под властью немецких оккупационных войск. Управление осуществлялось немецкой военной администрацией (Militärverwaltung Litauen), входившей в систему Ober-Ost (Верховное командование германскими вооруженными силами на Восточном фронте)⁹. Литовский историк Р. Лопата пишет, что немецкая политика в данном вопросе была «довольно шизофренической. Одни говорили о неудержимом экспансионизме, другие — чуть ли не о прирожденном пацифизме»¹⁰. По его мнению, борьба шла между двумя основными направлениями: «Что выбрать — прямую аннексию или непрямой контроль территории Европы?» «Ответ на этот вопрос, прежде всего, диктовался самим ходом войны»¹¹. В целом с данным утверждением можно согласиться, хотя были и другие значимые факторы, влияющие на официальную политику Германии в ходе войны, прежде всего, это раскол в самом немецком политикуме. Именно раскол и не дал осуществиться планам Э. Людендорфа создать на территории Ober-Ost и возглавить отдельное от Берлина государство¹². Политика оккупационных властей на деле свелась к реквизициям для обеспечения немецкой армии и попыткам германизации литовского общества, начиная со школ.

⁷ Декларация опубликована в сборнике документов: Lietuvos Taryba ir nepriklausomos valstybės atkūrimas 1914–1920 metų dokumentuose / Sudarė Alfonsas Eidintas ir Raimundas Lopata. Vilnius: Mokslų ir enciclopedijų leidybos centras, 2017. P. 123, Dokumentas № 1. См. также: *Каспаравичюс А.* Российский фактор в геополитической мысли литовского истеблишмента в первой половине XX века // Россия и Балтия. Вып. 7: памятные даты и историческая память. М.: Наука, 2015. С. 260–262.

⁸ Иную точку зрения выражает литовский историк А. Эйдинтас. См.: Lietuvos istorija kiekvienam. P. 211.

⁹ См.: *Михалюк Д.* Литовско-белорусские отношения на территории Ober-Ost в годы Первой мировой войны (1915–1919) // Россия и Балтия. Вып. 8: Новый мир на развалинах империи. М.: Весь Мир, 2017. С. 59–78.

¹⁰ *Lopata R.* Lietuvos valstybingumo raida 1914–1918 metais. P. 17.

¹¹ Ibid. P. 18.

¹² О планах Людендорфа см. подробнее: *Lopata R.* Op. cit. P. 61–64.

Значительная часть литовской интеллигенции в этих условиях вынуждена была переселиться вглубь Российской империи — в Санкт-Петербург, Воронеж и Сибирь, где создавались «литовские центры с редакциями литовских газет, гимназиями, организованной подготовкой молодежи к возвращению в Литву»¹³. Первая литовская конференция, проходившая в Стокгольме 11 октября 1915 г., в своих решениях отметила «смертельную опасность» для литовского народа, оказавшегося в схватке держав «между Германией и Россией»¹⁴ и роль «Литовского общества помощи пострадавшим от войны» в будущем политическом и культурном строительстве Литвы. По мнению авторов резолюций, «из официального лексикона исчезло понятие «Северо-Западный край», оно было «заменено понятием Литвы; самобытность и своеобразие литовского народа стало фактом в глазах российского общества и правительства»¹⁵.

3 февраля 1916 г. состоялось совещание литовских политических групп в Вильнюсе, участниками которого поднимался вопрос о независимости Литвы. В докладе Ю. Шаулиса говорилось о том, что «в Литве все время красной нитью продвигалась идея государственной самостоятельности»¹⁶, а также приводились исторические, культурные, этнографические, экономические, религиозные и политические обоснования независимости. «Нужно отбросить всякое иго, мы должны иметь свое государство», — заявил А. Янулайтис. — У нас ведь было свое государство и, только подкупив панов, у нас его отобрали»¹⁷. Из документа¹⁸ не ясно, чем закончилось совещание. Однако практически все собравшиеся сошлись на том, что открыто выступать как «против немцев», так и «против русских» в данный момент «было бы политической ошибкой»¹⁹.

Впервые требование предоставить Литве «полную свободу и независимость»²⁰ прозвучало на Литовской конференции в Берне, проходившей 1–5 мая 1916 г. В качестве обоснования этого требования называлось, в том числе, что:

¹³ История Литвы. С. 151.

¹⁴ Lietuvos Taryba ir nepriklausomos valstybės atkūrimas 1914–1920 metų dokumentuose. Dokumentas № 6. P. 130.

¹⁵ Ibid. P. 131.

¹⁶ Ibid. Dokumentas № 10. P. 141.

¹⁷ Ibid. P. 142.

¹⁸ Речь идет о дневниковых записях П. Климаса, отрывок из которых опубликован в сборнике документов «Lietuvos Taryba ir nepriklausomos valstybės atkūrimas 1914–1920 metų dokumentuose». P. 141–143.

¹⁹ Ibid. P. 142.

²⁰ Lietuvos Taryba ir nepriklausomos valstybės atkūrimas 1914–1920 metų dokumentuose. Dokumentas № 11. P. 144.

1. Литва много веков была независимым государством;
2. Литовский народ никогда не переставал требовать возврата своей независимости;
3. Он имеет свою индивидуальность, оригинальную вековую культуру и особый политический организм;
4. Уничтоженная страна не сможет ожить другим путем, нежели в полном режиме свободы, восстановив независимое литовское государство;
5. Строительство независимой Литвы поможет укрепить общественный мир в Европе...»²¹.

Свою роль в появлении данного документа сыграло стремление Польши к независимости и ее претензии на всю территорию Литвы. Неслучайно поэтому почти половина резолюции была посвящена Польше и ее планам превратить Литву в польскую провинцию. «Литовский народ, — говорилось далее в документе, — сердечно желая польскому народу независимости в его этнографических границах, хочет остаться хозяином на своей земле и энергично протестует против стремления поляков присвоить себе права, принадлежащие литовцам»²².

Нередко в исторической литературе встречается утверждение о решающей роли Германии в получении Литвой независимости²³. Приведенный нами документ и последующие события свидетельствует о том, что это не так. Оккупационные власти не создавали литовскую государственность, а лишь пытались удержать под своим контролем ситуацию в Литве и получить на своих границах дружественное, а не враждебное государство, ибо развитие событий складывалось уже не в пользу Германии. Именно поэтому, на наш взгляд, 30 мая 1917 г. главнокомандующий земли Ober-Ost разрешил создание «Совета литовских доверенных лиц» (*Litauischer Vertrauensrat*), который должен был состоять из самых известных литовских деятелей.

С этой целью на переговоры были приглашены Й. Басанавичюс и А. Сметона. «26 июня вместе с А. Сметоной были в “Военном управлении Литвы” у обер-лейтенанта Кюглера, чтобы переговорить по поводу Совета, — писал в своих воспоминаниях Басанавичюс. — Узнали, что члены этого Совета, численностью около 20 человек, должны быть только литовцами, что они будут не избраны, а назначены властью из

²¹ Ibidem.

²² Ibidem.

²³ *Новикова И., Межевич Н.* Германский фактор провозглашения независимости государствами Прибалтики в 1918 г.: История и современные политические оценки // Прибалтийские исследования в России. 2017–2018. Сб. статей. М.: Русская книга, 2018. С. 30–33.

поданного ей списка кандидатов. <...> Когда разговор зашел о политическом положении Литвы, Кюглер заявил, что полную независимость Литва не получит, она должна принадлежать Германии, которая опасается, как бы Россия, окрепнув после войны, не стала для Германии опасна...»²⁴ Во время следующих переговоров, состоявшихся 3 июля, Басанавичюс и Сметона выяснили, что Кюглер не возражает против созыва конференции представителей литовской общественности в Вильнюсе, и предоставили ему список ее оргкомитета.

Конференция, в которой приняло участие 213 человек, приглашенных оргкомитетом, состоялась 18–23 сентября 1917 г. 21 сентября была принята резолюция, носившая компромиссный характер. В частности, в ней говорилось о необходимости создания в Литве «независимого демократического государства в этнографических рамках», созыва в Вильнюсе Учредительного сейма, избранного демократическим путем всеми гражданами. «Если Германия, — отмечалось далее в резолюции, — еще до созыва Мирной конференции согласится признать Литовское государство и на самой Конференции поддержать его, то Литовская конференция... признает возможным установить особые, не наносящие вреда развитию Литвы отношения между будущим Литовским государством и Германией»²⁵. Была избрана Литовская Тариба в следующем составе:

1. Йонас Басанавичюс (врач, 66 лет, беспартийный).
2. Саламонас Банайтис (печатник, 31 год, член христианско-демократической партии).
3. Миколас Биржишка (юрист, 35 лет, социал-демократ).
4. Казис Бизаускас (студент, 24 года, член христианско-демократической партии).
5. Пранас Довидайтис (юрист, 31 год, член христианско-демократической партии).
6. Стяпонас Кайрис (инженер, 40 лет, социал-демократ).
7. Пятрас Климас (юрист, 26 лет, беспартийный).
8. Донатас Малинаускас (агроном, 48 лет, беспартийный).
9. Владас Миронас (священник, 37 лет, таутининкас).
10. Станисловас Нарутавичюс (юрист, 56 лет, беспартийный).
11. Альфонсас Петрулис (священник, 44 года, член христианско-демократической партии).
12. Антанас Сметона (юрист, 43 года, таутининкас).
13. Йонас Смиглявичюс (крестьянин, 46 лет, беспартийный).
14. Юстинас Стаугайтис (священник, 31 год, член христианско-демократической партии).

²⁴ Цит. по: <http://anthology.lms.lt/teksts/20/tekstas/25.html> (обращение 12.12.2019).

²⁵ Lietuvos Valstybės Tarybos protokolai. Vilnius: Mokslas, 1991. P. 76.

15. Александрас Стульгинскис (агроном, 31 год, член христианско-демократической партии).
16. Юргис Шаулис (экономист, 38 лет, беспартийный).
17. Казимерас Шаулис (священник, 45 лет, член христианско-демократической партии).
18. Йокубас Шернас (юрист, 29 лет, беспартийный).
19. Йонас Вайлокайтис (банкир, 31 год, член христианско-демократической партии).
20. Йонас Вилейшис (юрист, 29 лет, член крестьянской народной партии).

В резолюции, принятой Тарибой 11 декабря, провозглашалось: «Восстановление независимого литовского государства со столицей в Вильнюсе и разрыв всех тех государственных связей, которое оно имело с другими народами». Одновременно отмечалось, что «для создания этого государства и обеспечения его интересов на Мирной конференции, Тариба нуждается в защите и помощи со стороны Германии» и поэтому «выступает за вечный и прочный союз Литвы с Германией на основе военной и транспортной конвенции, общей таможенной и денежной системы»²⁶.

После жарких дебатов на последующих заседаниях, выхода представителей левых партий в знак протеста из Тарибы, демонстративного сложения с себя полномочий председателя А. Сметоной и избрания председательствующим Й. Басанавичюса Тариба приняла, наконец, историческое решение: 16 февраля 1918 г. единогласно была провозглашена независимость Литвы. В документе, отправленном правительствам Германии, России и других стран, говорилось: «Литовская Тариба, как единственный представитель литовского народа, опираясь на признанное право народов на самоопределение и руководствуясь решениями Вильнюсской литовской конференции 18–23 сентября 1917 г., провозглашает восстановление Литовского государства, основанного на демократических принципах, со столицей в Вильнюсе и сообщает о разрыве всех государственных связей, бывших с другими народами. Одновременно Литовская Тариба подчеркивает, что основание Литовского государства и его связи с другими государствами должны быть окончательно определены Учредительным сеймом, избранным как можно скорее демократическим путем всем населением.

Литовская Тариба сообщает об этом... правительству и просит признать независимое Литовское государство»²⁷.

²⁶ Ibid. P. 156–157. См. об этом также: *Кукушкина И.А.* Йонас Басанавичюс: патриарх литовского национального возрождения или «пособник оккупантов»? // *Россия и Балтия. Вып. 4: Человек в истории.* М.: Наука, 2006. С. 114–116.

²⁷ Lietuvos Valstybės Tarybos protokolai (1917–1918). P. 208.

Таким образом, авторы документа провозглашали следование историческим традициям литовской государственности (на это указывает термин «восстановление»), полную государственную независимость Литвы («разрыв всех государственных связей»), следование демократическим принципам и нормам международного права. Определяли также столицу Литвы – Вильнюс (что также соответствовало исторической традиции), подчеркивали необходимость созыва избранного всем народом Учредительного сейма, которому и надлежало определить будущее Литвы.

До недавних пор в исторической литературе господствовало мнение, что Декларация²⁸ 16 февраля не создавала литовской государственности, а лишь свидетельствовала о намерении ее создать²⁹. Действительно, становление государства процесс неодномоментный, и для окончательного решения вопроса Литве предстояло еще урегулировать отношения со своими соседями и определить внутригосударственное устройство. Однако после внимательного изучения источников следует признать, что данная оценка Декларации вряд ли соответствует действительности.

Становление литовской государственности проходило в сложных внешне- и внутривнутриполитических условиях. На территорию Литвы в 1918–1919 гг. претендовало сразу трое ее соседей: Германия (до Ноябрьской революции 1918 г.), Польша (Вильнюсский вопрос до конца 1930-х годов так и не был решен) и Россия. Причем, если большевики после поражения Литовско-Белорусской республики пошли на переговоры с Литвой о заключении мирного договора³⁰, меньшевистская Россия независимость литовского государства так и не признала³¹. В этих условиях Декларация от 16 февраля была важнейшим этапом на пути осуществления литовского национального проекта.

²⁸ Документ в оригинале не имел названия. Декларация, в данном случае, синоним слова «Акт», употребляемый в исторической литературе по отношению к документу от 16 февраля 1918 г.

²⁹ См., например: Lietuvos istorija: Liaud. Švietimo m-jos knygu leidimo komis. Leid / Red. A. Šapoka. Vilnius: Mokslas, 1989. P. 543; Lietuva vokiečių okupacijoje Pirmojo pasaulinio karo metais, 1915–1918. Lietuvos nepriklausomos valstybės genezė. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2006. P. 35; *Žepkaitė R.* Lietuvos tarptautinės politikos labirintuose (1918–1922) Vilnius: Mintis, 1973. P. 21–23, а также нашу раннюю статью по данному вопросу: *Кукушкина И.А.* Литва в системе европейских государств (начало 1920-х гг.) // *Единия Европа: идея и практика.* М.: ИВИ РАН, 1994. С. 5.

³⁰ Мирный договор был подписан 12 июля 1920 г. Об обстоятельствах его заключения см. подробнее: *Кукушкина И.А.* Литва—Россия. 1920 // *Россия и Балтия.* Вып. 1: Народы и страны. Вторая половина XIX – 30-е гг. XX века. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 98–112.

³¹ См. подробнее: *Кукушкина И.А.* Небольшевистская Россия и проблема независимости балтийских государств // *Россия и Балтия.* Вып. 2: Эпоха перемен (1914–1924). М.: ИВИ РАН, 2002. С. 159–185.

В условиях сохраняющейся немецкой оккупации вполне естественным было установить новые отношения с Германией, с чем литовцы, на наш взгляд, вполне успешно справились. Первые шаги в этом направлении дались нелегко. 21 февраля канцлер Германии Г. фон Гертинг потребовал от Тарибы «вернуться к тем принципам, которые гарантировали бы в будущем установление добрососедских принципов с немецким государством»³².

Президиум Тарибы на своем заседании 28 февраля был вынужден заявить, что оба принятых документа не противоречат друг другу³³. На основании этого заявления кайзер Германии Вильгельм II признал независимость Литвы. Хотя в формуле признания не было упоминания о Декларации от 16 февраля, влияние этого акта на официальную позицию Германии, на наш взгляд, очевидно. 11 июля 1918 г. Тариба была переименована в Государственный Совет Литвы, который 2 ноября принял Временную конституцию литовского государства.

Нельзя обойти вниманием факт создания на части территории Литвы и Белоруссии Литовско-Белорусской Советской Республики, независимость которой была признана Советской Россией. Поскольку данный вопрос требует более детального изучения, чем это можно позволить себе в рамках одной статьи, ограничимся пока общими замечаниями. На наш взгляд, важнейшими являются следующие вопросы: 1) насколько возможным было создание советской литовской государственности; 2) что дал Литбел литовскому народу; 3) насколько идея литовской советской государственности исходила из недр литовской компартии, являвшейся составной частью РКП(б).

На наш взгляд, пока не получила опровержения точка зрения литовского историка Ч. Лауринавичюса, которую мы приводили в своей статье «Литва в системе европейских государств»³⁴. По его мнению, создание литовского советского государства в 1918–1919 гг. вряд ли было возможно, так как пролетариат составлял незначительную часть литовской нации, а «литовские коммунисты не смогли оценить значения литовской государственности и поэтому не предприняли серьезных шагов для ее формирования и укрепления»³⁵. Это утверждение подтверждается архивными документами: донесениями самих литовских коммунистов³⁶.

³² Lietuvos Valstybės Tarybos protokolai. P. 215.

³³ Ibid. P. 214.

³⁴ См. Кукушкина И.А. Литва в системе европейских государств. С. 7.

³⁵ Laurinavičius Č. Dėl tarybinio valstybingumo Lietuvoje 1918–1919 m.

³⁶ См., напр.: Докладная записка прибывшего тов. из Вильны // Lietuvos upatingiasias archyvas. F. 77. Ap. 2. Byla 56. L. 17.

В то же время, как убедительно показывает литовский же историк Р. Мотузас³⁷, вильнюсское коммунистическое правительство Винцаса Мицкявичюса-Капсукаса провело ряд важнейших реформ и поддерживало сохранение литовской национальной культуры и ее памятников. Значительная часть литовской интеллигенции, оставшаяся в Вильнюсе, сотрудничала с литовскими большевиками.

Самым сложным является третий вопрос: насколько идея литовской советской государственности исходила из недр самой литовской компартии. Пока имеющиеся в нашем распоряжении источники дают на него отрицательный ответ. 15 декабря 1917 г. в газете «Tiesa» был опубликован проект одного из лидеров литовских коммунистов З. Ангаретиса о будущем Литвы. По его мнению, «Литва вместе с Россией и другими странами» должна составить «общее государство, в котором власть принадлежит советам представителей рабочих и малоземельных крестьян»³⁸.

Этот проект, по признанию самого Ангаретиса, был принят за основу деятельности литовских коммунистов³⁹. В. Мицкявичюс-Капсукас позднее писал, что коммунистам, долгое время боровшимся «против социал-патриотизма, сепаратизма и независимости Литвы», было нелегко решиться провозгласить революционную независимую литовскую власть⁴⁰. В 1920 г. он утверждал, что «Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии никогда не выступала с лозунгом независимости»⁴¹.

В приветственной телеграмме, направленной Ленину 17 февраля 1919 г. председателем Временного Революционного правительства Литвы Мицкявичюсом-Капсукасом, не было ни слова о независимости Литвы. Зато присутствовали лозунги: «Да здравствует братская Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика!», «Да здравствует Социалистическая Федеративная Мировая Советская Республика!»⁴²

Однако в текст Манифеста 16 декабря 1918 г., в котором провозглашалось свержение немецких оккупационных властей в Вильнюсе и «переход всей власти в руки представителей рабочих, безземель-

³⁷ См.: Мотузас Р. Особенности правления большевиков в Вильнюсе в январе — апреле 1919 г. и литовская интеллигенция // Россия и Балтия. Вып. 8: Новый мир на развалинах империи. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 79–93.

³⁸ Angarietis Z. LKP įsikūrimas ir proletarinė revoliucija Lietuvoje (1918–1919 m.) V.: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla. P. 51.

³⁹ Ibid. P. 52.

⁴⁰ Kapsukas V. Pirmoji Lietuvos proletarine revoliucija ir Tarybų valdžia. Vilnius: Valst. politines ir mokslines literatūros leidykla, 1958. P. 101.

⁴¹ Социалистическая республика Литвы и Белоруссии // Lietuvos upatingiasias archyvas. F. 77. Ap. 3. Byla 9. L. 47.

⁴² Vilnius, sausio 17 // Komunistas. № 12.

ных и малоземельных крестьян»⁴³, были внесены изменения. Лозунг «Да здравствует Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика и входящая в ее состав Советская Литва!» по предложению ЦК РКП(б)⁴⁴ был снят и вместо него написано: «Да здравствует Литва — Советская республика рабочих и беднейших крестьян!»

Литовский исследователь Станисловас Феликсас Мачянскас писал в годы перестройки на страницах журнала «Коммунист», что Капсукас в юные годы воспитывался на национальных идеях «аушрининков»⁴⁵ и позднее, в 1918—1919 гг. «отнюдь не “хоронил Литву” и не отрицал возможности ее самостоятельного развития»⁴⁶. Однако здесь следует учитывать, во-первых, что взгляды В. Капсукаса на независимость Литвы могли измениться, а во-вторых, что позиции литовских коммунистов были иными, и именно они определяли политику правительства Литбела. Не случайно сам Капсукас эти позиции позднее критиковал⁴⁷.

На наш взгляд, в условиях существования самостоятельного литовского правительства в Каунасе, провозгласившего независимость Литвы, признанную к тому моменту *de jure* Германией (23.03.1918) и *de facto* Швецией (12.12.1918), отрицать эту независимость ради лозунгов социальной справедливости было бы заранее проигрышным вариантом. Вопрос о том, чьей идеей было провозглашение литовской советской государственности, остается пока открытым.

Главным вызовом самостоятельности Литовского государства была позиция Польши. И дело здесь не только и не столько в споре о государственной принадлежности Вильнюса. Польские политики долгое время вообще отказывались признавать независимость Литвы. Существование двух концепций в польском политикуме: инкорпорационной и федералистской — на деле приводило к единому результату⁴⁸. На Парижской мирной конференции польская делегация выступила с единой позицией, предложив включить Каунасскую, часть Вильнюсской и Сувалкской губерний в состав Польши на правах автономии. Данную позицию поддержала Франция, но Англия, опасаясь усиления своего давнего соперника на континенте, резко высту-

⁴³ Lietuvos TSR istorijos šaltiniai. Vilnius: Valstibinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1958. T. 3. P. 105.

⁴⁴ *Angarietis Z.* Op. cit. P. 53.

⁴⁵ Участников национально-освободительного движения, группировавшихся вокруг журнала «Aušra».

⁴⁶ Мачянскас Ф. Любил ли Капсукас Литву?// Коммунист. 1989. № 4. С. 62.

⁴⁷ *Kapsukas V.* Pirmoji Lietuvos proletarine revoliucija ir Tarybų valdžia. P. 101.

⁴⁸ Данный вопрос нами рассматривался в статье: Кукушкина И.А. Литва в системе европейских государств. С. 8—11.

пила против нее. Не добившись успеха на дипломатическом фронте, Польша вступила на путь вооруженного вторжения (24 апреля 1919 г. польские войска заняли Вильнюс) и подготовки государственного переворота в Литве силами тайной военной организации — POW (Polska organizacja wojskowa). Переворот сорвался, в том числе благодаря предупреждению английской разведки.

Именно «польский фактор» стал основной причиной того, что признание литовской независимости европейскими государствами задерживалось. Другая причина — «русский вопрос», связанный с наступлением А.В. Колчака в России и его попытками объявить себя «Верховным главой русского государства». Антанта благосклонно встретила такие попытки, выдвинув в качестве условия признание им автономии (а не независимости) балтийских государств. Такая позиция вызвала недовольство делегаций Латвии, Эстонии, Украины и Грузии, направивших протест Парижской мирной конференции. Литовская делегация, посчитав, что добиться поддержки можно от «белой» России, не присоединилась к протесту и стала искать связи с российской эмиграцией. Лишь когда выяснилось, что в планы не-большевистской России вовсе не входит предоставление независимости балтийским государствам⁴⁹, а Антанта ожидает, чем закончатся события в России, литовская делегация стала восстанавливать связи с делегациями Латвии и Эстонии.

Постепенно стала меняться и позиция Англии, которая 24 сентября 1919 г. признала независимость Литвы *de facto*. В 1919 г. независимость литовского государства *de facto* признали также Норвегия (22 августа), Латвия (8 ноября), Финляндия (17 ноября), а 11 мая 1920 г. — Франция. Решающим же этапом на пути восстановления литовской независимости стало заключение Мирного договора с РСФСР 12 июля 1920 г., в котором Россия «на вечные времена» отказывалась от суверенных прав над литовским народом и его территорией. Этот договор, по признанию министра иностранных дел Литвы Ю. Пурицкаса, заложил юридическую основу литовского государства и открыл возможность признания его и со стороны других государств⁵⁰.

Литовский историк Ю. Юргинис выделяет в своей статье (написана на немецком языке) три стадии национально-освободительного движения: становление (*Reifen*) национального самосознания, культурное движение (*Kulturbewegung*) и борьба за политическую само-

⁴⁹ См. подробнее: *Кукушкина И.А.* Небольшевистская Россия и проблема независимости балтийских государств. С. 159–185.

⁵⁰ Речь Пурицкаса на заседании Учредительного сейма Литвы. См.: *Steigiamojo Seimo Darbai*. 1920. 8 sąs. P. 311.

стоятельность (*Selbstständigkeit*) нации⁵¹. С этой концепцией можно поспорить в том плане, что первая и вторая стадия, на наш взгляд, неразделимы: невозможен рост национального самосознания без «культурного движения». Однако следует отметить, что описываемые нами события завершают стадию «культурного движения» и полностью вписываются в стадию борьбы за независимость. Важной вехой этой борьбы стал Акт от 16 февраля 1918 г. С его принятием на международной арене появилось новое государство, с которым приходилось считаться, в том числе, и крупным игрокам международной политики.

⁵¹ *Jurginis J.* Eigenartige Züge der Nationalbewegung in Litauen // Lietuvos TSR istorijos šaltiniai. Vilnius, 1958. P. 33.

Архивы и мифы: несуществующие интриги 1918–1919 годов

А. В. Шубин

(Москва)

Ключевые слова: источник; гипотеза; конспирология; В.И. Ленин; Я.М. Свердлов; Л.Д. Троцкий; Иоаким Вацетис (Юкумс Вацетис); Гражданская война в России.

Раньше, обличая конспирологию и мифотворчество, я рекомендовал перед тем, как начинать читать книгу, претендующую на статус научной, смотреть на сноски к ней. Если мало ссылок на архивы и научную академическую литературу, то нужно быть осторожным, настраивать себя на скептический лад, а то и экономить время на ознакомление с очередной публицистической версией событий. Но процессы постмодернизации знания продолжают углубляться, вчерашние экзотические мнения превращаются в доминирующие в публицистике и все глубже проникают в научную среду. Сегодня увлечься конспирологическими теориями вполне может и человек, работающий в архивах.

Насыщенность публикации архивными материалами традиционно придает ей солидность и впечатление доказательности. Однако научность основана на двух столпах — источниках и их рациональном (логичном) анализе и синтезе. Обилие источников ничего не дает, если нарушается логика.

Есть два пути работы с источниками. При первом, научном автор не знает ответа на свои вопросы заранее; источники позволяют ему находить эти ответы в несколько этапов. Сначала выстраивается гипотеза — модель реальности, которая опирается на литературу, убедительную для исследователя, и тех источников, с которых он начал свое исследование. Затем происходит уточнение или пересмотр гипотезы. В этом случае исследователю должны быть наиболее интересны те источники и факты, которые не вписываются в первоначальную гипотезу. Но возможен и противоположный путь, более простой — сформировать жесткую гипотезу в начале исследования, и затем подбирать материалы под нее. Такой путь называется мифотворчеством. В подобной конструкции кроме обильного материала, подтверждающего ключевые положения, существуют и неизбежные пробелы и изъяны,

которые требуют объяснения. Отсутствие источников, подтверждающих версию автора, можно объяснить тайным заговором, который скрыл или уничтожил все доказательства своего существования. Мифотворчество и конспирология идут рука об руку.

*В.И. Ленин, Я.М. Свердлов и Л.Д. Троцкий в 1918 году:
смертельная борьба жуков в банке*

Историк С.С. Войтиков имеет заслуги перед исторической наукой в связи со своими архивными находками, которые его стараниями введены в научный оборот. Он также публикует архивные документы в качестве приложения к своим трудам, давая возможность читателям самим ознакомиться с документами так, как это имеет место в сборниках архивных материалов. И в этом отношении публикации С.С. Войтикова полезны для исследователей независимо от всей той критики, которая с моей стороны последует ниже.

Обнаружив несколько интересных документов, относящихся к механизму принятия решений в большевистском руководстве осенью 1918 г., С.С. Войтиков пытается выстроить на основе своих архивных находок грандиозную картину непримиримой борьбы за власть между Я.М. Свердловым и В.И. Лениным. Как только Ленин был ранен в результате покушения 30 августа, Свердлов ринулся к вождьенной власти. Войтиков видит смысл создания Революционного Военного Совета Республики (РВСР) 2 сентября в установлении «военной диктатуры»⁵² (хотя в документах таких решений нет) и в том, что «Свердлов и Троцкий фактически получили возможность править, прикрываясь Советом как ширмой»⁵³. С тем же успехом можно написать, что В.И. Ленин «прикрывался Совнаркомом как ширмой», а Я.М. Свердлов – «ВЦИКом как ширмой». Впрочем, даже документы, приводимые С.С. Войтиковым, если их читать так, как они написаны, показывают, что ни о каком самовольном правлении двух лиц речь не могла идти. Даже при принятии решения о создании РВС во главе с Л.Д. Троцким в бюро ЦК (весь ЦК трудно было собрать в той обстановке) планировалось решить и такой вопрос: «Троцкому разрешается поехать из Москвы...»⁵⁴ Решения и действия даже самых влиятельных

⁵² *Войтиков С.С.* Узда для Троцкого. Красные вожди в годы гражданской войны. М.: АИРО-XXI, 2016. С. 107.

⁵³ *Войтиков С.С.* Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. М.: Центрполиграф, 2016. С. 219.

⁵⁴ Там же. С. 221.

вождей нужно было обсуждать и согласовывать с товарищами. Этот заведенный В.И. Лениным порядок координации в высшем эшелоне власти никто не отменял. Коммунистический режим вообще был основан на том, что решения, принимавшиеся узким руководством (не двумя людьми, конечно, а ЦК, СНК, президиумом ВЦИК, теперь и РВСР), освящались авторитетом съездов, ВЦИК и Советов. Но советские органы были не просто ширмой, но и аппаратом, через который шла мобилизация кадров и организовывалось осуществление решений. Поэтому и с ними нужно было обсуждать принимаемые решения.

Войтиков пытается доказать антиленинский заговор Я.М. Свердлова по захвату власти на основании списка руководителей, приглашенных на заседание бюро ЦК. Ф.Э. Дзержинский оценивается как явный противник Ленина, ибо он «постоянно выступал против В.И. Ленина по важнейшим политическим вопросам»⁵⁵. По каким, кроме Брестского мира? Автор ссылается на старческие воспоминания В.М. Молотова и на заседание Военного совета при Наркоме обороны 1—4 июня 1937 г.⁵⁶ Нет надежнее источника для конспирологических теорий.

Коварный Свердлов уже получил «ширму» в виде РВСР, но ему мало, и ширмы начинают множиться. «Свердлову Троцкий подходил в качестве “ширмы” по всем параметрам: амбициозный, властный, но, в силу большевистского прошлого, окруженный очень слабой... свитой — а потому управляемый. И тоже еврей — то есть был шанс, что рано или поздно террорист а-ля Леонид Канегиссер найдется»⁵⁷. То есть Свердлов, окруженный ширмами, ловко управляет Троцким, но почему-то мечтает, что того застрелят враги евреев.

Забыв, что объявил Л.Д. Троцкого ширмой Я.М. Свердлова, Войтиков рассказывает: когда Ленина ранили, у Троцкого возник «реальный шанс укрепить свои позиции во власти. А потому у Свердлова были все основания опасаться соратника»⁵⁸. Жуки в банке бояться не наступающих со всех сторон врагов, а друг друга. Параноики просто. Впрочем, С.С. Войтиков, приписывая свои мысли советским вождям, не приводит доказательств, что они действительно так думали.

Я.М. Свердлов, который после ранения Ленина вел заседания Совнаркома, становится «новым «хозяином»»⁵⁹. Здесь Войтиков очевидно перепутал 1918 г. с 1948-м. Но при этом, по Войтикову, хитрый Свердлов «пошел на провозглашение новым вождем револю-

⁵⁵ *Войтиков С.С.* Армия и власть. С. 226.

⁵⁶ Там же. С. 707.

⁵⁷ *Войтиков С.С.* Узда для Троцкого. С. 98—99.

⁵⁸ Там же. С. 103.

⁵⁹ Там же. С. 112.

ции Л.Д. Троцкого»⁶⁰, хотя и не находит документы, которые подтверждают такое сенсационное провозглашение. Зато идея о том, что нужно зачем-то обязательно при этом убить Троцкого, становится у Свердлова (точнее, у Войтикова) просто-таки навязчивой: «подставить другого человека под удар очередной Шарлотты Корде»⁶¹. Похоже, у Я.М. Свердлова (за которого взялся думать Войтиков) появилась точная информация, что у террористов теперь остался только один патрон (или кинжал). Так что если они убьют Л.Д. Троцкого, то Я.М. Свердлов спасется.

Пока Свердлов молча обдумывает свои коварные думы, не проявляя придуманных Войтиковым намерений словесно, Троцкого просто распирает от ненависти к Ленину. В заголовок одной из глав своей книги С.С. Войтиков выносит «цитату» из Троцкого, который якобы сказал, что Ленину «не хватает металла... в теле...»⁶² Если бы Троцкий действительно такое сказал, он бы очень удивил слушателей. Но ничего такого он не говорил. Войтиков сконструировал эту цитату сам из обрывков слов Троцкого, имеющих совершенно иное значение: «Мы знали, что о т. Ленине по его характеру никто не может сказать, что ему не хватает металла, сейчас у него не только в духе, но и в теле металл...»⁶³ Здесь и сочувствие, и комплимент, а совсем не «злорадство», которое Троцкому хочет приписать Войтиков.

Ранение В.И. Ленина вызвало небольшое обсуждение того, кто будет подписывать решения Совнаркома в его отсутствие. Г.Е. Зиновьев предложил, чтобы подписывал один из наркомов, а не Свердлов, чтобы не нарушать формальное разделение полномочий Совнаркома и ВЦИК. Также Зиновьев предложил сформировать бюро ЦК в составе Я.М. Свердлова, Л.Д. Троцкого, с совещательным голосом А.И. Рыкова, и еще кандидатами предполагались Ф.Э. Дзержинский, Н.Н. Крестинский и Л.Б. Каменев⁶⁴.

Из этих деловых предложений С.С. Войтиков делает неожиданный вывод, что Зиновьев «признал как совершившийся факт» «временную постановку во главе государственно-партийного механизма Я.М. Свердлова», и это не что иное, как «предательство вождя»⁶⁵. В чем же предательство? Войтиков не приводит никаких свидетельств того, что В.И. Ленин был противником Я.М. Свердлова и что Г.Е. Зиновьев обещал Ленину не допускать Свердлова к ведению Совнаркома, а потом

⁶⁰ *Войтиков С.С.* Узда для Троцкого. С. 111.

⁶¹ Там же. С. 111.

⁶² Там же. С. 105.

⁶³ Цит. по: *Войтиков С.С.* Узда для Троцкого. С. 109.

⁶⁴ *Войтиков С.С.* Узда для Троцкого. С. 122–123.

⁶⁵ Там же. С. 124.

предал. Тезис о предательстве нужен для того, чтобы подкрепить конструкцию о борьбе Ленина и Свердлова резкой эмоциональной оценкой и опереть ее, таким образом, на стереотипы, сформированные во время внутривнутрипартийной борьбы 1920–1930-х гг., где коварный Зиновьев интриговал уже против И.В. Сталина. В 1920-е гг. Г.Е. Зиновьеву припомнили и «предательство» 1917 г., когда они с Каменевым возражали против вооруженного захвата власти. Получается сплошная цепочка событий с вечным предателем Зиновьевым.

Но дальше начинается самое интересное. Дело не только в «предательском характере» Зиновьева. Он испугался «врагов Ленина», которые могли бы просто убить трусливого Григория, если бы он остался верен Ленину: «упрочение властных позиций Я.М. Свердлова и Л.Д. Троцкого... при демонстративных возражениях сулило председателю Петросовета совершенно случайную, не имеющую, конечно, никакого отношения к товарищам по ЦК, смерть от “эсеровского” (30 августа, выстрелы якобы Ф. Каплан), как вариант — организованного некими “анархистами подполья” теракта (от такого через год погиб друг юности Я.М. Свердлова секретарь Московского комитета РКП В.М. Загорский-Лубоцкий) или банального схода с рельс поезда...» Здесь С.С. Войтиков почему-то обращается не к облюбованной конспирологами катастрофе, унесшей жизнь Артема (Ф.А. Сергеева), а к авариям с участием Н.И. Подвойского и А.А. Маниковского. Подвойский, правда, остался жив, и новых «покушений» на него не последовало, а Маниковский, как и Артем, погиб уже после кончины самого Свердлова. Но разве такие мелочи могут остановить конспирологические рассуждения? Чтобы придать вид научности картине, в которой убийства соратников по партии были поставлены Я.М. Свердловым на поток, нужно было бы еще поискать связи между ним и лидером «анархистов подполья» К. Ковалевичем и как-то объяснить удивленному читателю, зачем Свердлову понадобилось тащить своего друга юности Загорского в могилу через несколько месяцев после собственной смерти.

Вся эта сенсационная конспирологическая картина опирается на версию Ю.Г. Фельштинского о причастности Я.М. Свердлова к покушению на В.И. Ленина. Какие основания его подозревать? Во-первых, Фельштинский, как и вслед за ним и Войтиков, считает, что руководители РСФСР с самого начала ее существования вели друг с другом смертельную борьбу. А раз Свердлову удалось после ранения В.И. Ленина посидеть в кресле предсовнаркома, то на нем и шапка горит. И к тому же он, не дождавшись результатов расследования, сразу обвинил в преступлении эсеров, которые ни сном, ни духом. А Свердлов как раз и сном, и духом, потому что он, по версии Фельштинского, выпустил свое

воззвание о покушении на Ленина практически одновременно с выстрелами: «Это могло произойти только в том случае, если обращение было написано заранее, если Свердлов был осведомлен о планируемом покушении, если он умышленно допустил теракт, а может быть, через ВЧК и Ф.Э. Дзержинского, является его непосредственным организатором»⁶⁶. Вот такой приговор без права обжалования на столь жидкой доказательной базе. Раскрыл дело на зависть чекистам. Как в анекдоте: «Соболезнования СССР поступили за день до покушения на Сагата».

Однако при малейшей проверке логикой такая версия рассыпается. Четкого хронометража выступления В.И. Ленина не существует. Опубликовать даже написанный заранее документ до поступления известий о покушении может только глупец из анекдота, но не Свердлов. В любом случае заявление о покушении было опубликовано вскоре после поступления сообщения о покушении на Ленина. Насколько позднее — на час или десять минут — мы не знаем. Воззвание — это не картина маслом, такой опытный писатель воззваний, как Свердлов, может справиться с подобным текстом и за пять минут. Тем более что ему все было ясно — виноваты эсеры. Они — главные враги в это время, и к тому же большевики не без оснований боялись, что эсеры могут вернуться к террористическим методам борьбы (в июле другими эсерами были убиты В. Мирбах и Г. Эйхгорн).

Ю.Г. Фельштинский пишет: «Спустя три года, на открытом судебном процессе против эсеровской партии, советское правительство формально признало тот факт, что покушение на Ленина 30 августа 1918 г. готовили сотрудники ВЧК Г.И. Семенов-Васильев и Л.В. Коноплева (проникшие в эсеровскую партию)»⁶⁷. Ну какие еще нужны доказательства, что покушение на Ленина организовала ЧК! Однако подтасовка заключается в том, что в 1918 г. Семенов-Васильев и Коноплева никакими чекистами не были, а были собственно эсерами. А чекистами, разочаровавшись в эсерстве, они стали к 1922 г. Никаких доказательств, что Семенов и Коноплева были чекистами («проникшими» в ПСР) уже в 1918 г., Ю.Г. Фельштинский не приводит.

Во-вторых, Свердлов приказал уничтожить Ф. Каплан⁶⁸. Следы заметал. Правда, если Каплан не стреляла и непричастна — тогда она безопасна для «заказчика». Что у нее можно узнать? Можно выяснить, кто ее привел на место действия. Но это ведь явно не какой-то известный чекист или сотрудник Свердлова. Максимум информации, которую из нее можно было бы «выбить» (в способностях чекистов сделать

⁶⁶ *Фельштинский Ю.Г.* Вожди в законе. М.: Терра-Кн. клуб, 1999. С. 193.

⁶⁷ *Фельштинский Ю.Г.* Указ. соч. С. 206.

⁶⁸ Там же. С. 181.

это Фельштинский не сомневается) — это все та же группа Семенова-Васильева, которая привела бы следователей куда? Правильно — все к той же партии эсеров. Такой же результат получается, если Каплан стреляла в В.И. Ленина при поддержке Семенова-Васильева или других «агентов ВЧК». Так что, если Я.М. Свердлов как-то таинственно заказал Ленину агентам ВЧК, то бояться расследования не было никаких оснований. Если покушение на В.И. Ленина по «заказу» Я.М. Свердлова организовали чекисты, то у Свердлова не было нужды изымать ее из ведения ВЧК. А тут Свердлов забирает у них обвиняемую. Это как-то не вяжется со схемой их совместного заговора против В.И. Ленина. Еще Каплан, по версии Ю.Г. Фельштинского, была уничтожена, чтобы ее нельзя было опознать⁶⁹. Так, может быть, расстреляна не Каплан, а неведомая жертва? А Каплан потом выполнила еще немало заданий партии?

В-третьих, на верную гибель В.И. Ленина послал именно Я.М. Свердлов, который отвечал за проведение митингов в Москве. Фельштинский в этом не сомневается: «По приказу Свердлова “совнаркомщик” Ленин без охраны отправился на выступление, о котором заранее были извещены в районе»⁷⁰. Так это Я.М. Свердлов считал, что нужно проводить митинги, а В.И. Ленин выступал против этого? И Свердлов запретил давать Ленину охрану? Никаких источников, которые подтверждали бы столь экзотическую версию, Фельштинский не нашел. Практика участия советских лидеров в митингах была обычной и Лениным вполне одобрялась. Путевки на выступления выдавались и МГК РКП(б), и агитотделом ВЦИК, то есть не лично Свердловым. Вставал вопрос о том, чтобы освободить Ленина от участия в митингах. И конечно, если бы Ленин не хотел участвовать в этой работе, он легко мог бы добиться снятия с себя обязанности ездить на митинги в связи с занятостью. Но он считал для себя необходимым такой вид общения с массами⁷¹.

К организации охраны В.И. Ленина Я.М. Свердлов вообще не имел никакого отношения. Тут же сам Ю.Г. Фельштинский приводит произошедший за два дня до этого эпизод, когда Ленин возмущался слишком нарочитой охраной, организованной Ф.Э. Дзержинским, а Дзержинский нехотя шел на уступки. В этот раз Дзержинского не было в Москве — поехал расследовать убийство М.С. Урицкого.

А еще, по версии Ю.Г. Фельштинского, «у заговорщика Свердлова были планы расправиться с раненым Лениным», но ему очень меша-

⁶⁹ Фельштинский Ю.Г. Указ. соч. С. 197.

⁷⁰ Там же. С. 191.

⁷¹ Выстрел в сердце революции. М.: Политиздат, 1989. С. 65–70.

ли управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич и его жена. И представляете, что сделал коварный Свердлов? Жена Бонч-Бруевича умерла. А причина смерти такая невероятная в то время — от испанки⁷². Ну явная рука Свердлова, кого же еще. Так и хочется спросить Фельштинского, что от свердловской испанки спасло Бонч-Бруевича, который как раз и мешал Я.М. Свердлову по этой версии, а ведь выжил же как-то. Но автора его увлекательная версия уже ведет дальше. И он цитирует В.Д. Бонч-Бруевича, который рассказывает о кончине Свердлова от испанки через несколько месяцев. Вот она — ответка! Бонч-Бруевич с Лениным сумели-таки своего врага то ли заразить, то ли отравить. Если читать Бонч-Бруевича не так, как написано, а глазами Ю.Г. Фельштинского — это же явное «устранение Свердлова, но уже по указанию Ленина, оправившегося от августовского покушения 1918 года»⁷³.

Поведение Я.М. Свердлова и чекистов в тех условиях может быть объяснено без конспирологических допущений. Свердлов был одним из инициаторов террора, предусматривавшего бессудный расстрел тысяч людей. Сохранение при этом в живых Каплан, признавшейся в покушении на Ленина, выглядело бы странным и даже возмутительным для жаждущих мести коммунистов, а указание расстрелять ее было естественным. То, что оно исходило от высшего государственного руководителя, тоже объяснимо без конспирологических предположений — это была большая ответственность, политическое решение, которое руководители ВЧК не хотели принимать самостоятельно (чтобы не возникло подозрение, что они чего-то скрывают, поскольку Ф.Э. Дзержинскому еще были памятны подозрения, возникшие по его поводу после убийства Мирбаха).

Перевод особо важного преступника, каковой была Ф. Каплан, в Кремль тоже не удивительно — там и до этого содержались важные политические преступники, например, лидеры левых эсеров.

Расстрел Каплан был призван показать всем, что дело уже раскрыто, преступник понес заслуженную кару, связи убийцы с эсерами и буржуазией, на чем базировалось идеологическое обоснование террора, не вызывают сомнения.

Как мы видим, нет документальных доказательств смертельной борьбы В.И. Ленина и Я.М. Свердлова за власть. Работа С.С. Войтикова демонстрирует читателю хорошее знакомство с архивными материалами. Это должно создать впечатление обоснованности его основного вывода о смертельной борьбе за власть в большевистском руководстве.

⁷² *Фельштинский Ю.Г.* Указ. соч. С. 205.

⁷³ Там же. С. 206.

Но такой вывод из документов вовсе не вытекает. С.С. Войтикова это «наводит на мысль о целенаправленном уничтожении документов о борьбе за лидерство в РКП(б) при жизни В.И. Ленина»⁷⁴. Прекрасное конспирологическое объяснение.

В.И. Ленин, по Войтикову, панически боялся военного переворота со стороны Л.Д. Троцкого. Спору нет, коммунисты опасались повторения сценария французской революции и устраняли военных, «почитывавших биографию Наполеона»⁷⁵, как выразился Троцкий о главкоме И. Вацетисе (Ю. Вацетисе). Но Троцкий, как и Ленин, понимал важность партийно-государственных гражданских структур, и ждать от него собственно военного антипартийного переворота не приходилось. Отношения с Л.Д. Троцким В.И. Ленин в случае необходимости выяснял на политических площадках, прежде всего в ЦК. А Троцкий, в свою очередь, уступал перед угрозой раскола партии, как это было перед Брестским миром и будет во время дискуссии о профсоюзах. Но Войтиков не видит ничего, кроме «противостояния» партийных вождей в придуманной им схватке за власть и так комментирует обсуждение в Совете рабоче-крестьянской обороны проблемы масштабов армии, которую может выдержать экономика республики: «Осознав готовность вождя в очередной раз рискнуть обороноспособностью Советской России для предотвращения потенциальной угрозы военного переворота, Л.Д. Троцкий 18 декабря вторично был вынужден почтить своим присутствием Совет Обороны»⁷⁶. С.С. Войтикову невдомек, что для совершения военного переворота общая численность армии не имеет никакого значения. Конспирологический метод основан на том, что любой факт, любая цитата вырывается из собственного исторического контекста и служит повторению заранее придуманного идеологического штампа — Л.Д. Троцкий готовит переворот, В.И. Ленин так этого боится, что готов белым войну проиграть и быть повешенным, лишь бы навредить «военному диктатору» (так Войтиков называет Троцкого, забыв, что тот еще не совершил военного переворота, о котором якобы мечтал).

Партия большевиков не была монолитной, в ней явно выделяются более умеренное и более радикальное течения. Заметны также трения между сторонниками укрепления центральной власти и регионалистами, этатистами и синдикалистами, сторонниками и противниками широкого привлечения офицерства в военное строительство; была и личная неприязнь между влиятельными лидерами. Но это не зна-

⁷⁴ *Войтиков С.С.* Узда для Троцкого. С. 140.

⁷⁵ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Книга, 1990. Т. 2. С. 127.

⁷⁶ *Войтиков С.С.* Узда для Троцкого. С. 201.

чит, что сторонники разных тенденций большевизма в 1917–1922 гг. были готовы уничтожать друг друга. И не приведено доказательств, что Свердлов, следующий во всех публичных дискуссиях в фарватере политики Ленина, был на самом деле его тайным стратегическим оппонентом и даже врагом. В.И. Ленин исполнял роль координатора партии, стараясь находиться над группировками, и лишь иногда резко вставал на одну из сторон. Я.М. Свердлов в таких ситуациях всегда оказывался вместе с Лениным. Так что версии о противостоянии Я.М. Свердлова и В.И. Ленина требуют очень серьезных доказательств, а такие доказательства не приведены, что заставляет нас констатировать ложность самих версий.

Между большевистскими руководителями было множество тактических деловых разногласий и ведомственных трений, которые тогда было принято обсуждать, иногда довольно эмоционально. Культура спора, которая в последующие десятилетия будет вырвана с корнем из отечественной государственной иерархии, тогда не была признаком принципиальных разногласий и враждебности спорящих. И лишь нынешние конспирологи пытаются из этих споров вывести схему смертельной борьбы между большевиками, которые предстают не борцами за свой идейный проект, а бандой гангстеров, дорвавшихся до власти.

Суть деятельности В.И. Ленина, Л.Д.Троцкого, Я.М. Свердлова, И.В. Сталина и других видных большевистских политиков в это время заключалась не в мелких интригах и подставах, не в борьбе за место «хозяина», которого не было, а в борьбе за выживание коммунистического проекта, крах которого обернулся бы для них физической гибелью или в лучшем случае прозябанием в эмиграции. И для этой эмиграции, в отличие от дореволюционного периода, было бы тяжело найти безопасное место. Борьбой за власть между собой можно будет заняться в мирное время, после победы в Гражданской войне, а пока у них были совсем другие приоритеты.

1919 год: как Ленин Вацетиса заказал

Справедливости ради, необходимо отметить, что когда масса источников в исследовании С.С. Войтикова нарастает, он становится менее конспирологичным, а иногда даже и антиконспирологичным, отрицая наличие заговора в тех случаях, когда таковой «разоблачали» чекисты. Правда, и здесь может проявляться идеологическая заданность. Войтиков априори не доверяет чекистам (на что имеет полное право). Но, отрицая частные заговоры, он не забывает внушать читателю свою основную конспирологическую версию, объясняя с ее по-

мощью действия чекистов. Рассмотрим эту ситуацию на примере «заговора» в Полевом штабе РККА, «разоблаченного» чекистами в 1919 г., в результате чего произошел арест главнокомандующего И. Вацетиса 8 июля 1919 г.

В целом Войтиков солидаризируется с выводом исследователя и работника спецслужб А.А. Здановича: «Все, что происходило в Ставке, включая и арест Вацетиса, — это урок, преподанный Лениным своему оппоненту Троцкому»⁷⁷. Заслуга Здановича заключается в том, что он ввел в научный оборот материалы следственного дела о «заговоре в Ставке». Зданович показал, что дело было, как минимум, раздуто чекистами, но эта антиконспирологичность имеет своей оборотной стороной версию, которая без доказательств сама является конспирологической: Ленин приказал арестовать Вацетиса и штабистов, чтобы насолить Троцкому. А.А. Зданович не приводит достаточных доказательств для такого вывода, и даже согласный с ним в основном С.С. Войтиков признает: «Объем статьи не позволяет А.А. Здановичу воссоздать обстановку в Ставке и причины арестов в ней в полном объеме»⁷⁸. Эту лауну Войтиков стремится заполнить в своем исследовании и делает на этом пути много полезного, подробно и на основании большого источникового материала повествуя о ситуации в Полевом штабе РККА в 1919 г., описывая борьбу группировок штабных работников, особенности их биографий. В частности, автор обращает внимание на сложные отношения Вацетиса и Л.Д. Троцкого (хотя по версии Здановича арест Вацетиса должен был стать «уроком» именно Троцкому), а также на то, что Троцкий в это время в кадровой политике руководствовался вовсе не фракционными соображениями (например, предложив назначить комиссаром Полевого штаба своего недоброжелателя С.И. Гусева)⁷⁹. При этом С.С. Войтиков не перестает напоминать читателю, что Ленин опасается переворота со стороны «Красного Бонапарта», то есть Троцкого (увы, опять не подкрепляя этот смелый тезис доказательствами, а вводя его как аксиому)⁸⁰.

Как известно, летом 1919 г. в советском партийно-государственном и военном руководстве возникли разногласия по поводу распределения сил между Восточным и Южным фронтами. С одной стороны, на востоке страны РККА успешно наступала против войск Колчака, и возникал соблазн разгромить его окончательно. С другой стороны, в июне началось наступление войск Деникина, которое грозило ката-

⁷⁷ См.: *Зданович А.А.* Был ли заговор в Полевом штабе? // *Родина*. 2009. № 5. С. 91–95.

⁷⁸ *Войтиков С.С.* Армия и власть. С. 13.

⁷⁹ Там же. С. 374.

⁸⁰ Там же. С. 376.

строфой Южному фронту (отчасти она даже произошла, и летом красные эвакуировались с Украины). Южному фронту требовались силы, которые можно было перебросить с Восточного. Серьезные проблемы возникли и под Петроградом в связи с наступлением из Эстонии Северного корпуса белых под командованием А. Родзянко. Как вспоминал Л.Д. Троцкий, командующий Восточным фронтом С.С. Каменев не спешил делиться войсками. Л.Д. Троцкий и И. Вацетис считали, что пока рискованно углубляться на восток дальше Уральского хребта, и настаивали на выполнении указаний о переброске войск⁸¹. В мае Троцкий даже отстранил Каменева от командования, заместив его А.А. Самойло. Но тот не сработался с большевиками из РВС фронта С.И. Гусевым и М.М. Лашевичем. 22 мая С.С. Каменев был возвращен на пост командующего Восточным фронтом, но продолжал конфликтовать с Вацетисом, не желая тормозить наступление против Колчака. Эти трения вызывали недовольство политиков в ЦК и РВС Восточного фронта, симпатии которых были на стороне Каменева, который, как казалось, вот-вот мог принести Сибирь на блюде с красной кашкой. Авторитет Вацетиса упал и из-за развала Южного фронта, а также из-за падения Риги и разгрома Армии Советской Латвии. Кстати, среди тех, кто активно поддерживал С.С. Каменева против Л.Д. Троцкого и И. Вацетиса, был недавно назначенный начальник Политуправления РККА И. Смилга, в будущем — видный «троцкист».

В.И. Ленин и ЦК вмешивались в распределение сил между фронтами и определяли перестановки в военном руководстве — иногда вместе с Троцким, иногда вопреки ему. Разногласия Ленина, Троцкого и других чекистов иногда были довольно острыми, хотя и тактическими. В.И. Ленин, в отличие от Л.Д. Троцкого, не считал положение Южного фронта катастрофическим⁸² (здесь, в итоге, прав оказался Троцкий), поэтому был склонен поддерживать наступательный порыв С.С. Каменева. Председатель Совнаркома считал нужным провести перестановки в военном руководстве и чистку сотрудников Полевого штаба, Троцкий исходил из того, что коней на переправе не меняют. 16 июня он взял под защиту «спецов» штаба, тем более — от возможных арестов: «В терроре элементы каприза ожесточают и дезорганизуют гораздо более, чем самая свирепая жестокость <...> Ставка — “вертеп”. Конечно, там не монастырь, полагаю. Но не сомневаюсь в чудовищности преувеличений всяких кумушек <...> Теперь мы начинаем экспериментировать — с оттенком озорства — в области Ставки?»⁸³ 17 июня

⁸¹ См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 185.

⁸² *Ленин В.И.* О современном положении и ближайших задачах Советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 37.

⁸³ Цит. по: *Войтиков С.С.* Армия и власть. С. 401.

В.И. Ленин резко одернул Л.Д. Троцкого: «большинство Цека пришло к убеждению, что Ставка “вертеп”, что в Ставке *неладно*, и в поисках *серьезного улучшения*, в поисках средств *коренного изменения*, сделало определенный шаг»⁸⁴.

5 июля Троцкий обвинил своих оппонентов в нарушении военной системы, установленной VIII съездом партии, и подал в отставку с постов члена Политбюро и председателя РВС (ссылаясь на техническое обстоятельство — длительное отсутствие в Москве)⁸⁵.

Надо сказать, что решения съезда по военному вопросу носили компромиссный характер и требовали реорганизации Всероссийского Главного штаба, Полевого штаба и РВС. Так что Ленин и другие сторонники реорганизации командования решений съезда не нарушали. Но в то же время съезд брал под защиту тех военных специалистов, которые не были замечены в предательстве, и успокоительно констатировал: «С этой точки зрения у партии не может быть никакого основания к пересмотру нынешней военной политики»⁸⁶. То есть при поддержке В.И. Ленина одобрялась линия Л.Д. Троцкого.

После демарша Троцкого 5 июля Ленин почувствовал, что теперь пережал, отставку не принял и предпринял шаги для умиротворения Наркомвоена, чтобы он мог работать в прежнем режиме. 5 июля эта позиция получила поддержку Политбюро и Оргбюро. Так нередко случается в командной работе, и поведение В.И. Ленина соответствует именно командному, а не фракционному стилю. В эти дни Ленин даже дал Троцкому лист, на котором написал: «Зная строгий характер распоряджений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело»⁸⁷.

Жертвовать в этой ситуации успешным командующим только для того, чтобы «преподать урок» Л.Д. Троцкому, было бы абсурдно и самоубийственно. Но В.И. Ленин в это время уже не считал, что И. Вацетис находится на своем месте. Мотивы Ленина и других сторонников перемен в военном руководстве были другими, поэтому Вацетис после своего ареста и последующего освобождения не вернулся на столь же высокий уровень руководства. Если не произошло бы его ареста, он все равно был бы заменен.

⁸⁴ Там же. С. 402.

⁸⁵ *Войтиков С.С.* Армия и власть. С. 385.

⁸⁶ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М.: Политзидат, 1959. С. 419, 422.

⁸⁷ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 204.

Но С.С. Войтиков, подчиняясь схеме борьбы В.И. Ленина и «Красного Бонапарта», считает, что как раз после благоприятных для Л.Д. Троцкого решений Политбюро коварный Ленин и «его чекисты» начали «генеральное наступление» на Троцкого⁸⁸. А ведь успех генерального наступления заканчивается разгромом «врага». Если бы такое генеральное наступление В.И. Ленина было, то и арестован был бы не И. Вацетис, а Л.Д. Троцкий. Или уж по крайней мере снят с «опасного» для Ленина поста наркомвоена. Как известно, в результате ареста Вацетиса и его сотрудников ничего подобного не произошло.

ЦК еще 3 июля, одновременно с изменениями состава РВС, решил заменить И. Вацетиса на С.С. Каменева на посту главкома, и при этом Вацетису «дать почетное военное назначение с приличным окладом»⁸⁹. Не требовалось и тем более не планировалось арестовывать Вацетиса. Арест произошел потому, что в той напряженной обстановке появилась информация, будто И. Вацетис намерен защищаться незаконными средствами. И это показалось большевистским руководителям весьма вероятным.

Кстати, и Л.Д. Троцкий считал вероятным наличие у И. Вацетиса бонапартистских намерений: «Возможно, что на сон грядущий он почитывал биографию Наполеона...»⁹⁰ Когда Вацетис, имевший в качестве главкома совещательный голос в Совете рабоче-крестьянской обороны, спросил Троцкого о возможности предоставить ему там решающий голос, Троцкий ответил: «Какой вы умник! Вы держите в своих руках всю вооруженную силу Республики и хотите еще пользоваться в Директории решающим голосом. Так вы заберете все в свои руки»⁹¹. Аналогия Троцкого вполне очевидна: не нужно главнокомандующему лезть в Наполеоны — хуже будет.

Таким образом, арест И. Вацетиса был вызван не желанием В.И. Ленина нанести удар Троцкому, а другими причинами, связанными с недоверием политиков военным, которому не был чужд и сам Л.Д. Троцкий.

С.С. Войтиков справедливо увязывает дело штабистов с борьбой ВЧК за расширение своих полномочий после их сокращения в конце 1918—начале 1919 гг.⁹² Но он с упорством верующего продолжает повторять, что ВЧК действовало против других членов большевистского

⁸⁸ *Войтиков С.С. Армия и власть. С. 382.*

⁸⁹ Выписка из протокола заседания ЦК РКП(б) 3 июля опубликована: *Войтиков С.С. Армия и власть. С. 462.*

⁹⁰ *Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 127.*

⁹¹ Цит. по: *Войтиков С.С. Узда для Троцкого. С. 192.*

⁹² *Войтиков С.С. Армия и власть. С. 366–371.*

руководства «во исполнение воли» Ленина, по указаниям их «хозяина» Ленина. «Для закрепления материала» он и по поводу Вацетиса повторяет: «инициатива ареста исходила от вождя»⁹³. «Доказательством» этого является только жесткая схема Войтикова, а не источники. А вот в стремлении чекистов «раскрывать» дела, показывая свою нужность, нет ничего невероятного.

Как «дело Ставки» рисуется в документах, на которые опираются А.А. Зданович и С.С. Войтиков? 3 июля в Серпухове, где базировался Полевой штаб, был арестован бывший начальник штаба Западного фронта Н.Н. Доможиров, недавно назначенный командующим только что созданной на базе Армии Советской Латвии 15-й армии. Командовать латышами Доможирову не понравилось, и накануне ареста он был переведен в Полевой штаб РККА⁹⁴. Сам арест не был связан с какими-то делами Доможирова в Серпухове, куда он приехал накануне. Чекисты рассматривали связь Доможирова с заговорщиками в Кронштадте⁹⁵. Эта деталь, которая содержится в опубликованных Войтиковым документах, не привлекла его внимания, так как находится далеко от версии о ленинском «заказе». А ведь она многое объясняет.

Лихорадочный поиск заговора в Кронштадте и на Западном фронте развернулся после восстания в форте Красная горка 13–15 июня, где чекисты проглядели реальный заговор. Чтобы реабилитироваться, они теперь развили бурную активность, проверяя старых «клиентов». Раньше Н.Н. Доможиров уже бывал под следствием. Теперь, оказавшись под арестом, он огорошил чекистов новостями о разговорах в Полевом штабе, где Доможиров был не участником «заговора», а лишь свидетелем и практически доносчиком. Кстати, И. Вацетис критиковал работу Доможирова, так что отношение к главному у штабиста было не лучшим, и он мог «подставить» Вацетиса и его сотрудников, чтобы отвести следствие от своих опасных связей на Западном фронте⁹⁶.

Н.Н. Доможиров стал рассказывать, что сотрудник Полевого штаба, порученец при главкоме Е. Исаев в июне вел беседы с пьяным Вацетисом о возможности совершить переворот в Серпухове и затем в Москве с помощью латышской части, верной лично Вацетису. Мотивы такого переворота выглядели абсурдно — чтобы заслужить прощение белых, которые якобы все равно вот-вот победят. Эти «планы» в разговорах, пересказанных Доможировым, перемежались с противоположными намерениями Исаева продолжать карьеру у красных в Москве. Получалось, что Н.Н. Доможиров был участником каких-то

⁹³ *Войтиков С.С.* Армия и власть. С. 372, 393, 521.

⁹⁴ Там же. С. 382–383.

⁹⁵ Там же. С. 406.

⁹⁶ Там же. С. 383.

очень противоречивых и путаных разговоров Исаева и некоторых других офицеров, а о согласии Вацетиса с Исаевым знал только со слов Исаева⁹⁷. Никаких подтверждений, что Вацетис действительно участвовал в подобных разговорах, чекисты не получили, самого Вацетиса они даже не стали допрашивать. При этом Войтиков не исключает, что какие-то рискованные высказывания И. Вацетис себе позволял, потому что в это время началась чистка Полевого штаба, был уволен начальник штаба Ф.В. Костяев, и Вацетис был раздражен этим. Однако предположение С.С. Войтикова о том, что Вацетис, Костяев и их подчиненные действительно «могли признать» «необходимость военного переворота»⁹⁸, довольно смелое, если учесть, что дело о подготовке переворота затем полностью развалилось.

На допросе в ЧК Е. Исаев и другой порученец А. Малышев признали, что вели разговоры о возможном восстании, которое могло состояться только при условии, если его возглавит И. Вацетис⁹⁹. Поскольку Вацетис не соглашался возглавить движение, эти планы были оставлены. Были арестовано несколько штабных работников, включая начальника разведки штаба Б. Кузнецова. На допросе у Ф.Э. Держинского они вроде бы сознались не только в планах восстания, но и в поиске связей с деникинцами. Но эта версия потом не была подтверждена следственными действиями.

Нет ничего невероятного в том, что офицеры штаба — «спецы» вели разговоры, в которых нелояльность к «комиссарам» переплеталась с карьерными планами и страхом перед победой белых. За такие разговоры штабисты могли попасть под следствие. Но самого факта таких разговоров было недостаточно для ареста И. Вацетиса. Однако и фабриковать дело, чтобы снять командующего с поста, было излишним — его и так уже решили заменить С.С. Каменевым. Зато появление «плана переворота» в следственных материалах серьезно приподнимало значение чекистов, разоблачивших опасный заговор. И политические руководители поверили чекистам, увязавшим болтовню штабистов с реальными намерениями Вацетиса.

Арест И. Вацетиса и его изоляция без допросов свидетельствует о том, что испуг властей вызывала угроза превращения в «Красного Бонапарта» не Л.Д. Троцкого — человека из партийных, а не военных кругов, а как раз Вацетиса. Военные, тем более бывшие царские офицеры, были под подозрением у политиков. Если «военная оппозиция» относилась к ним просто враждебно, то Троцкий — прагматично, но

⁹⁷ *Войтиков С.С.* Армия и власть. С. 382–383.

⁹⁸ Там же. С. 384.

⁹⁹ Там же.

тоже с недоверием (в свое время на основании подозрений он подвел под расстрел начальника морских сил Балтфлота А.М. Щастного)¹⁰⁰. Так что появление информации о том, что И. Вацетис замышляет переворот, легло на благодатную почву. Оно требовало немедленной изоляции главкома и самого строгого расследования. Сначала арестовать, а потом разобраться, а не наоборот — логичная реакция политиков на сведения о перевороте. Но расследование не подтвердило версию о планах переворота, и арестованные были освобождены. Однако доверия штабистам больше не было — обвинение в нелояльных разговорах с них снято не было. Вацетис, соответственно, тоже был скомпрометирован как начальник проштрафившихся офицеров.

1 октября Оргбюро ЦК РКП(б) по докладу Л.Д. Троцкого, Ф.Э. Дзержинского и П. Стучки приняло постановление об И. Вацетисе, где охарактеризовало его как человека, «неразборчивого в своих связях», но не занимавшегося контрреволюционной деятельностью. Вацетиса было решено освободить и передать в распоряжение военного ведомства¹⁰¹. С.С. Войтиков признает, что компрометирующее И. Вацетиса постановление «вполне устраивало»¹⁰² Л.Д. Троцкого. То есть бывший главком не был для Троцкого столь близким человеком, чтобы удар по Вацетису воспринимался Троцким как удар лично по нему. Это был тактический, ситуативный вопрос для Троцкого.

В связи с амнистией ко второй годовщине революции выпустили и остальных арестованных по «делу Ставки». Но было решено не давать им ответственных должностей (Ф.Э. Дзержинский настаивал, что таких должностей нельзя доверять лишь Е. Исаеву)¹⁰³. Войтиков делает категоричный вывод: «в действиях указанных сотрудников Полевого штаба состав преступления отсутствовал начисто»¹⁰⁴. Но в Советской России нередко выпускали на свободу противников большевизма и уж тем более тех, кто попадался на оппозиционных разговорах. Иногда поручали им и ответственную работу. А затем могли и снова арестовать и даже расстрелять, как командарма Ф.К. Миронова в 1921 г. (впервые арестован за неповиновение в 1919 г.). То, что Ф.Э. Дзержинский выделил конкретно Е. Исаева, следует из материалов дела: именно Исаев вел панически-провокационные разговоры. Остальные фигуранты их слушали и, может быть, в чем-то поддакивали. Но Политбюро решило,

¹⁰⁰ См.: *Шошков Е.Н.* Наморси А.М. Щастный (трагическая биография в событиях, фактах и комментариях). СПб.: Петровский фонд, 2001; *Шубин А.В.* 1918 год. Революция, кровью омытая. М.: Академический проект, 2019. С. 382–393.

¹⁰¹ *Войтиков С.С.* Армия и власть. С. 520.

¹⁰² *Войтиков С.С.* Армия и власть. С. 521.

¹⁰³ Там же. С. 521.

¹⁰⁴ Там же.

что и поведение остальных, хотя они и не поддержали явно Исаева, свидетельствует об их ненадежности¹⁰⁵. Ведь пока не последовали аресты — они и не донесли на Исаева. Так что итоги «дела Ставки» свидетельствуют, что весь этот дым был не без некоторого огня. «Дело Ставки» было раздуто чекистами, но это не значит, что в его основе не было и реальной нелояльности, и панических разговоров штабистов.

А вот чего в этой истории нет, так это специального заказа В.И. Ленина чекистам сфабриковать дело Вацетиса, чтобы «преподать урок» Троцкому. Доказательств таких действий Ленина А.А. Зданович и С.С. Войтиков не приводят. В этой версии проявляется конспирологический подход даже в том случае, когда авторы отрицают реальность «разоблаченного заговора», искусственно выстраивая при этом версию еще более масштабного «заговора» Ленина против Троцкого.

С.С. Войтиков рассматривает отношения между руководством Советского государства и Красной армии в контексте многовековых традиций, абсолютизируя их до полной потери историзма: «Армия — вечная проблема любой власти. Как сохранить боеспособность вооруженных сил и не слететь? Этот нелегкий вопрос должен постоянно задавать себе любой правитель, хорошо усвоивший истину, что корона представляет собой головной убор, который снимается исключительно вместе с головой»¹⁰⁶. То есть Войтиков считает, что при любой власти невозможны отставки высших руководителей с постов иначе как с переходом на тот свет. А как же многочисленные первые лица, которые в XX в. уходили в отставку к западу от России, сохраняя здоровье и благосостояние? Вероятно, это для С.С. Войтикова нечто по ту сторону реальности, и речь идет об отечественном опыте. Здесь, правда, тоже есть такие важные прецеденты, как Н.С. Хрущев и М.С. Горбачев, которые явно не вписываются в предложенную Войтиковым «истину». Но именно на ней он основывает свое повествование о ситуации начала XX в., в том числе в большевистском партийно-государственном руководстве. И этим задает мифологическую систему координат, под которую сортирует материал, объясняя лакуны «целенаправленным уничтожением документов». Но если читать документы так, как они написаны, то события находят естественное объяснение без конспирологических допущений.

Мораль этого историографического сюжета такова: даже обилие источников, на которые опирается научная работа, еще не является гарантией приближения к истине. Читатель должен внимательно следить, корректно ли автор интерпретирует эти источники, достаточно

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ *Войтиков С.С.* Армия и власть. С. 5.

ли он логичен и делает ли те выводы, которые вытекают из имеющегося материала. Этим материалом являются как архивные источники, впервые вводимые в научный оборот, так и та совокупность источников и их интерпретаций, которая была опубликована в литературе ранее. Нельзя забывать, что даже самая сенсационная находка в архивах не отменяет, а лишь дополняет достижения исторической науки, опубликованные ранее. И корректировка той картины истории, которую мы имеем, должна осуществляться осторожно, без заранее заданной жесткой схемы.

Истина или легенды: актуальные вопросы истории латышских стрелков в публицистике и историографии Латвийской Республики

В. Шалда
(Даугавпилс)

Ключевые слова: Латышские стрелки; Латвийская Республика; политизация истории, большевизация латышских стрелков; латвийская историография и публицистика о латышских стрелках.

В современной исторической литературе, посвященной изучению хода Первой мировой войны в Латвии, установлено, что «даже с точки зрения наиболее хорошо изученного круга вопросов — истории латышских стрелков, диапазон не исследованных или слабо исследованных вопросов еще достаточно широк»¹. Недостаточно исследованы и вопросы, связанные с определением причин и с оценкой создания, а затем большевизации латышских стрелковых частей, их исторической роли, отношением латышской общественности к латышским стрелкам в разные исторические периоды, которые рассматриваются в данной статье.

Уже со времени формирования латышских стрелковых батальонов (позже полков и дивизии) отношение к ним в обществе менялось в зависимости от развития политических событий, интересов правящего слоя, поощрявшего распространение одних и тормозившего распространение других взглядов. Обычно делались акценты, необходимые в данный момент правящим политикам, и либо игнорировались, либо искажались неугодные им факты. До сих пор в зависимости от политической ситуации предпочтение оказывалось двум точкам зрения на события, связанным с деятельностью латышских стрелков: национальной или классовой.

По случаю 100-летия создания батальонов латышских стрелков латвийский журнал «*Sestdiena*» («Суббота») отмечал: «В связи с латышскими стрелками возникают две главные проблемы. Должны ли мы только гордиться ими или же стыдиться того, что они натворили в России, подпирая во время Гражданской войны большевиков, и способствовали или мешали стрелки созданию Латвийского

¹ *Jēkabsons Ē. Ievadam // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. 2014. No. 4. 6 lpp.*

государства»². Вопрос можно ставить и более широко: соответствовало или противоречило то, что они «натворили» в России и Латвии, закономерностям исторического развития, способствовало или мешало прогрессу своего и других народов. Наиболее рьяно копья ломались по вопросу оценки действий различных общностей латышских стрелков: так называемых «старых», которые сражались в годы Первой мировой войны, и «красных», участвовавших в Гражданской войне в России и Латвии. В зависимости от поставленной цели пропагандисты того или иного взгляда создали много мифов, основанных на односторонней интерпретации фактов. Споры все еще продолжаются, как среди историков-профессионалов, так и публицистов. К сожалению, глубокая политизация названных вопросов привела к тому, что историки часто лишь повторяли оценки, данные политиками и политическими публицистами.

Отражению попыток решения этих вопросов в Латвийской Республике посвящена данная статья. Автор не смог в небольшом ее объеме дать обзор всей обширной публицистики и историографии по названной теме, однако считает, что собранный материал позволяет сделать некоторые выводы по вынесенным в заголовок вопросам.

* * *

С началом Первой мировой войны среди латышей ярко проявилась долго копившаяся ненависть к местным имущим слоям балтийских немцев, боязнь, что Балтия попадет в руки Германии, и их власть увеличится. Латышская буржуазия, в первую очередь, заботилась о том, чтобы ослабить конкурентов — балтийских немцев, — помещиков и буржуазию. Фактически это была поддержка царизма. Исследователь событий Первой мировой войны на территории Латвии и истории латышских стрелков В. Берзиньш отмечал, что «...латышская буржуазия вообще была очень активно вовлечена в кампанию по безоговорочной поддержке войны и самодержавия, без возражений принимая лозунги «Все для войны!», «Все для победы!», призыв забыть «внутренние разногласия»³. В то же время латышский историк в эмиграции А. Швабе признал, что «в тот момент, когда началась Первая мировая война, латыши, за исключением левого подполья, практически не были политически организованными <...> и более широкие слои населения еще не были активированы для достижения больших национальных политических целей»⁴.

² Zirnīs E. Uz ežiņas galvu liku // Diena (SestDiena). 2015. 31. jūl. 15 // <https://www.diena.lv/raksts/sestdiena/uz-ezinas-galvu-liku-14106672> (обращение 13.02.2019).

³ Bērziņš V. Latvija pirmā pasaules kara laikā. Rīga, 1987. 55 lpp.

⁴ Švābe A. Latvijas vēsture, 1800—1914. Upsala, Daugava. 1958. 734 lpp.

В зажиточных кругах латышской буржуазии было распространено мнение, что, продемонстрировав правительству во время опасности свою полную лояльность и поддержку, латыши смогут добиться определенных реформ в самоуправлении и культурной жизни края. Этой позиции полностью соответствовали смиренные и патетические заверения латышского депутата IV Думы Я. Голдманиса в лояльности латышей России по поводу начала войны. В Государственной думе от имени латышей и эстонцев он также заявил: «У нас много счетов с нашими прибалтийскими немцами, <...> когда пройдут грозные, тяжелые дни отечества, тогда мы представим эти счета вашему рассмотрению...»⁵.

Единственной политической силой, которая в Латвии выступала против войны, была Социал-демократия Латышского края (СДЛК). В августе 1914 г., после начала Первой мировой войны, X конференция СДЛК приняла резолюцию «*Par tekošo momentu*» («О текущем моменте»), в которой война характеризовалась как «неизбежное последствие капиталистического производства», и поставлена задача «раскрыть всем причины нынешней войны и попытаться превратить ее в революцию»⁶. СДЛК уже в самом начале войны вплотную подошла к лозунгу превращения империалистической войны в гражданскую, а ее установки в целом отвечали революционной программе, выдвинутой в условиях войны В. Лениным⁷. В дальнейшем СДЛК несколько раз уточняла свою тактику по отношению к войне, основываясь на решениях большевистской партии по тактическим вопросам, но решение X конференции оставалось в силе.

Однако многие латыши были увлечены антинемецкой пропагандой и военной романтикой. Один из лидеров социал-демократии в Латвии Я. Янсонс-Браунс в 1915 г. с сарказмом писал, что «тот факт, что война велась против юнкерской Германии, исказил умы и временно заставил многих стать слепыми слугами царизма»⁸.

В начале войны 1-я и 2-я русские армии были в значительной степени укомплектованы резервистами, мобилизованными в западных

⁵ Россия. Государственная дума. Созыв (4). Сессия (2). Историческое заседание Государственной думы 26 июля 1914 года: (по поводу войны): стенографический отчет / Россия. Гос. дума. Созыв 4. Сессия 2. 3-е изд., неофиц. [Хутор Тихорецкий Кубан. обл.], 1914. С. 31 // <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/17555-rossiya-gosudarstvennaya-duma-sozvyv-4-sessiya-2-istoricheskoe-zasedanie-gosudarstvennoy-dumy-26-iyulya-1914-goda-po-povodu-voyny-stenograficheskiy-otchet-hutor-tihoretskiy-kuban-obl-1914#page/37/mode/inspect/zoom/4> (обращение 12.09.2019).

⁶ Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi. I daļa. Rīga, 1958. 106 lpp.

⁷ *Niedre O. Vidzemes un Kurzemes strādnieki un zemnieki pirmā pasaules kara laikā.* Rīga, 1972. 102, 104 lpp.

⁸ [Jansons] Brauns J. «Uz ežiņas galvu liku...» // *Ciņa*. 1915. dec. No. 135–138. 78 lpp.

провинциях России, и по некоторым данным несколько десятков тысяч солдат-латышей участвовали в боях в Восточной Пруссии. Многие латыши служили в 20-м корпусе 1-й, а затем 10-й армии. Согласно приблизительным, трудно поддающимся проверке отчетам, в некоторых полках этого корпуса латыши составляли около 80%. Русские офицеры даже называли их «латышскими полками»⁹.

Русская армия в целом и латышские солдаты в частности во время боев в Восточной Пруссии несли тяжелые потери. По мнению некоторых авторов, они были самыми высокими из тех, что солдаты-латыши понесли во время Первой мировой войны. В 20-м корпусе перед боями в Августовских лесах в январе—феврале 1915 г. насчитывалось 45 533 человек, после них состав сократился на 34 172 человек¹⁰. По некоторым данным, от 15 до 20 тыс. солдат, мобилизованных в Прибалтийских губерниях, погибли, пропали без вести или попали в плен. Большинство из них были латышами¹¹. Имеется даже предположение, что погибло около 25 тыс. солдат-латышей¹². Думается, что последнее число преувеличено. Сведения о потерях Российской армии в Восточной Пруссии его не подтверждают¹³. Однако историк В. Берзиньш считает, что гибель 20-го корпуса «...побудила более активную часть латышского общества рассмотреть возможность создания крупных национальных воинских частей и их привлечения к участию в стабилизации фронта, пересекающего Латвию»¹⁴. К сожалению, исследователь не указал на источники, подтверждавшие, что уже в 1914 г. представители латышского общества восприняли такое «побуждение». Это также противоречило бы высказываниям одного из их организаторов Я. Голдманиса¹⁵.

⁹ *Iksēns A.* Strēlnieku pulki priekšteči // Strēlnieks. 1957. No. 1. 27 lpp.

¹⁰ *Каменский М. П.* Гибель XX корпуса. Пг: Гос. изд-во, 1921 // <http://militera.lib.ru/h/kamensky/index.html> (обращение 27.09.2019).

¹¹ *Zariņš K.* 1914. gads: mobilizācija un kaujas Austrumprūsijā // <http://www.sargs.lv/Vesture/Vesture/2014/04/30-01.aspx#lastcomment> (обращение 10.10.2019).

¹² Pirmais pasaules karš Latvijā // https://lv.wikipedia.org/wiki/Pirmais_pasaules_karš_Latvijā (обращение 13.10.2019).

¹³ См.: Восточно-Прусская операция (1914) // [https://ru.wikipedia.org/wiki/Восточно-Прусская_операция_\(1914\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Восточно-Прусская_операция_(1914)) // (обращение 12.10.2019); *Линец С.* Первые военные операции русской армии в 1914 году: планирование и реализация // <http://warfiles.ru/show-79039-pervye-voennye-operacii-russkoj-armii-v-1914-godu-planirovanie-i-realizaciya.html> (обращение 12.10.2019); *Каменский М. П.* Гибель XX корпуса. Пг: Гос. изд-во, 1921 // <http://militera.lib.ru/h/kamensky/index.html> (обращение 27.09.2019).

¹⁴ *Bērziņš V.* Latviešu strēlnieki Pirmajā pasaules karā (1915—1918). Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2014. 17 lpp.

¹⁵ *Goldmanis J.* Par Latviešu strēlnieku pulku dibināšanu un viņu nozīmi // Līdums. 1917. 20. aug. No. 190. 4 lpp.

Прямым поводом для создания латышских стрелковых батальонов послужило вторжение в Курземе (западная часть Латвии) германской армии летом 1915 г. Тогда ряд известных латышских общественных деятелей выступил с инициативой создания национальных частей. Очевидно, что критическая военная ситуация была основным фактором, побудившим руководство российской армии принять предложение латышской буржуазии, которое не было бы одобрено в менее опасной для империи ситуации. С другой стороны, элита латышского буржуазного общества использовала ситуацию, в которой ее стратегические цели — укрепить свои политические и экономические позиции — совпадали с тактическими интересами российской армии — максимально использовать патриотический настрой местного населения, чтобы стабилизировать фронт в Прибалтийских губерниях¹⁶.

19 июля (1 августа) 1915 г. главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал М.В. Алексеев издал приказ о создании латышских стрелковых батальонов. Получив это известие, латышские депутаты Государственной думы Я. Голдманис и Я. Залитис выступили с воззванием к латышскому народу «*Pulcējaties zem latviešu karogiem!*» («Собирайтесь под латышскими знаменами!»), авторами которого были писатели А. Кениньш и К. Скалбе. В нем были строки: «Латышские полки будут служить отвоеванию и защите Латвии, чтобы она и впредь расцветала как неотъемлемая часть могучей России. <...> Вперед с латышским знаменем за будущее Латвии!»¹⁷ Содержавшийся в воззвании и в дальнейшей пропаганде призыв к будущему Латвии, хоть и в контексте всей России, использование стрелками латышской символики (знамена, нагрудные знаки) позволили внушить будущим воинам-латышам определенный национальный восторг. Газета «*Līdums*» («Подсека») писала: «Латышский полк — это символ того, что против Германии воюет и латышская нация...»¹⁸

В Организационном комитете латышских батальонов состояли наиболее видные представители латышской буржуазии: думцы Я. Голдманис и Я. Залитис, несколько адвокатов, сотрудников банков, агрономы и др. Автору неизвестны факты, чтобы в 1915 г. кто-то из них в качестве аргумента в пользу создания латышских стрелковых частей сослался бы на большие потери латышей, воевавших в 20-м корпусе в первый год войны. Напротив, член Оргкомитета Я. Брумелис

¹⁶ *Zemītis K.* Latviešu strēlnieku bataljonu Organizācijas komitejas izveidošana un darbība bataljonu formēšanas posmā, 1915. gada jūlijs-decembris // Latvijas Arhīvi. 2015. No. 1. 34 lpp.

¹⁷ *Pulcējaties zem latviešu karogiem!* // http://lv.wikipedia.org/wiki/Pulcējaties_zem_latviešu_karogiem! (обращение 10.10.2019).

¹⁸ *Latviešu pulks ir atļauts* // *Līdums*. 1915. 8. jūl. No. 181. 1 lpp.

вспоминал, что 19 мая 1915 г. на первом заседании латышских общественных деятелей, на котором обсуждалась идея формирования латышских воинских частей, некоторые из участников дискуссии высказались против этого начинания. Прозвучало мнение, что российское правительство не согласится на это. Но «были также такие, кто утверждал, что создание отдельных латышских воинских частей может нанести слишком большой ущерб жизненной силе народа»¹⁹. Другой член Оргкомитета, Г. Кемпелс, в своих воспоминаниях отметил, что член Государственной думы Я. Залитис на вышеупомянутом заседании изначально высказался «определенно против», заявив, что «латыши пытаются избежать военной службы, и потому согласия народа на это дело нельзя предвидеть». Он также настаивал на том, что перед «окончательным решением вопроса необходимо сделать опрос среди латышского народа». Однако эти прагматичные мысли были преодолены со ссылкой на вклад латышских ополченцев в защиту Елгавы²⁰.

Один из организаторов латышских стрелковых батальонов Я. Голдманис в августе 1917 г., оправдывая их создание, также не говорил о необходимости сократить гибель латышей. Он лишь утверждал, что потери латышских солдат 20-го корпуса в битве в Августовских лесах в январе—феврале 1915 г. были почти в два раза выше, чем потери стрелковых полков в течение всего периода их двухлетнего существования. Однако он даже не пытался сравнить потери латышских стрелков с потерями военнослужащих других частей российской армии, а также латышских солдат в них²¹.

То, что Я. Залитис, несомненно, был прав, говоря о нежелании значительной части латышского народа служить в армии, подтверждается документами. Так, в отчете о деятельности с 4 сентября по 31 декабря 1915 г. Руенского пункта приема добровольцев Организационного комитета латышских батальонов было прямо заявлено, что каждый призывник из окрестностей Руены надеется, что окружная призывная комиссия «признает его негодным для службы в армии и отпустит домой», и только тогда, когда «видит, что его домой не отпустят, вступает добровольцем в лат[ышские] бат[альоны]». В том же докладе отмечалось, что «среди людей существует большая убежденность в том, что солдат лат[ышских] бат[альонов] быстрее обучают и быстрее отправ-

¹⁹ *Brumelis J.* Pirmie soļi latviešu strēlnieku organizēšanas darbā // Latviešu strēlnieki. Latviešu veco strēlnieku vēsturisko dokumentu un atmiņu krājums. 1936. No. 6, maijs. 608 lpp.

²⁰ *Ķempels G.* Kā radās latviešu strēlnieku bataljoni // Latviešu strēlnieki. Latviešu veco strēlnieku vēsturisko dokumentu un atmiņu krājums. 1936. No. 6, maijs. 548—549 lpp.

²¹ *Goldmanis J.* Par Latviešu strēlnieku pulku dibināšanu un viņu nozīmi. 4 lpp.

ляют на позиции и вероятность пасть у них больше, чем вступив в другие воинские части»²².

Даже сегодня приходится читать утверждения о том, что летом 1915 г. среди латышей был большой патриотический энтузиазм, «что, наконец, можно будет сражаться с оружием в руках против «ненавистных немцев», как германских войск, так и местных социально и политически привилегированных балтийских немцев»²³; что «в 1915 г. пришел истинный час расплаты» за «потопление в крови немецкими баронами с помощью армии России» революции 1905 г.²⁴ Распространители мифа даже не пытаются объяснить, как латыши могли бороться с «местными социально и политически привилегированными балтийскими немцами», которые также, как латыши и другие подданные империи, служили в российской армии и всячески продолжали укреплять империю, которая дала им эти привилегии? Какой уж тут «час расплаты», когда новообразованные латышские стрелковые батальоны вместе с балтийским немецким дворянством встали в ряды защитников Российской империи? Только в 1917 г. ситуация изменилась, и обе эти силы встали по разные стороны баррикад.

Первоначально командование царской армии видело главную задачу формируемых батальонов в том, чтобы «облегчить войскам, действовавшим в Прибалтийском крае, разведку и службу связи». Считалось, что «латыши, хорошо знакомые с особенностями края (язык, топография, устройство), могут оказать существенную пользу не только как разведчики, но и служа проводниками и переводчиками». Но на самом деле они стали ударными подразделениями при атаках и критических ситуациях. У латышских стрелков действительно было более короткое время обучения, чем у других частей. Можно даже сказать, что первые латышские батальоны были отправлены на фронт полуобученными и сразу же брошены в бой²⁵, что отнюдь не способствовало минимизации потерь. Напротив, шансы на гибель в рядах латышских стрелков, которые чаще сражались в критических

²² Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts vēstures arhīvs (далее – LNA LVVA). 5 434. f., 1. apr., 667. l–7 lр.; *Zemītis K.* Latviešu strēlnieku bataljonu Organizācijas komitejas izveidošana un darbība bataljonu formēšanas posmā. 62, 66 lpp.

²³ *Zirnis E.* Uz ežiņas galvu liku.

²⁴ *Šneps-Šnepe M.* Latviešu strēlnieki. Rīgas revolūcija 1917. [Rīga]: Sava grāmata, 2017. 37 lpp.

²⁵ *Baltiņš [K].* Latviešu Strēlnieku bataljonu dibināšana 1915/1916. g. // Latviešu Strēlnieks, 1924. 1. janv. №. No. 2. 1.-2. lpp.; *Siliņš H.* Mūsu pirmās kaujas // Strēlnieks. 1957. No. 1. 29–30 lpp.; *Копылов Н.А.* Латышские стрелки в Первой мировой войне 1914–1918 гг.: формирование и социально-этнический состав // <http://latvjustrelnieki.lv/ru/statji-95941/латышские-стрелки-в-первой-мировой-войне-1914-1918-гг.-формирование-и-социально-этнический-состав> (обращение 12.10.2019).

ситуациях, были больше, чем в других частях. Таким образом, при создании латышских стрелковых батальонов не учитывался опыт латышских солдат в Восточной Пруссии; все перевесили сиюминутные цели буржуазных политиков.

В этой связи следует сказать, что эстонская общественность оказалась гораздо прозорливее латышской, и в 1915 г. заняла отрицательную позицию к организации национальных воинских частей. Даже после Февральской революции противники создания эстонских частей неуклонно подчеркивали угрозу больших потерь и негативный опыт боевого применения латышских стрелков²⁶.

В мемуарах современников встречаются сообщения, что одновременно с созданием батальонов латышскими буржуазными политиками поднимались также и политические требования, но им пришлось отказаться от них. Они получили ответ, что политические вопросы выходят за рамки компетенции военных властей. Я. Голдманис заключил соглашение с руководством российской армии еще до разработки конкретных требований²⁷.

В нелатышской (в основном немецко-балтийской) публицистике можно найти утверждения, что уже в 1915 г. политической целью латышей было добиться создания независимой Латвийской республики. Как справедливо указал латышский историк в эмиграции У. Германис, «это чепуха, которая полностью противоречит историческим источникам. <...> Ничто не свидетельствует о том, что политические цели организаторов латышских стрелковых батальонов шли бы дальше широкого самоуправления и ликвидации привилегий балтийско-немецкого дворянства»²⁸. Никаких обещаний от царского правительства, его учреждений представители латышской буржуазии так и не получили.

В местной латышской прессе призыв добровольцев сопровождался прославлением их патриотизма, желанием воевать с «вековыми врагами» — немцами. С октября 1915 г., когда первые части латышских стрелков были отправлены на фронт, периодическая печать регулярно отражала их боевую деятельность. Воюя на родной земле, латышские стрелки были значительно более мотивированы, чем остальные части российской армии, что сказывалось на их боеспособ-

²⁶ Паюр А. Эстонские национальные воинские части в Русской армии в 1917—1918 годах // Россия и Балтия. Вып. 8: Новый мир на развалинах империи. М.: Вест Мир, 2017. С. 40—42.

²⁷ Zemītis K. Latviešu strēlnieku bataljonu Organizācijas komitejas izveidošana un darbība bataljonu formēšanas posmā. 43. lpp.; Ģermanis U. Zemgaliešu komandieris // Jaunā gaita. 1970. No. 80 // http://jaunagaita.net/jg80/JG80_Germanis-V.htm#_edn55 (обращение 10.10.2019).

²⁸ Ģermanis U. Zemgaliešu komandieris.

ности, которая вновь и вновь вызывала к ним повышенное внимание. Общественность организовывала концерты, театральные представления и другие мероприятия для сбора средств на нужды стрелков. Издавались посвященные им открытки. Выходили сборники очерков об их деятельности с произведениями известных в то время латышских литераторов, которые иллюстрировали также латышские художники²⁹, сборники песен, распеваемых стрелками³⁰. Уже в течение 1915–1916 гг. эти действия развились в ширококомасштабную кампанию национальных кругов по прославлению латышских стрелков, которая впоследствии переросла в создание мифа о героических латышских стрелках, якобы шедших в бой за свое национальное государство.

Следует отметить, что русская буржуазная пресса также не прошла мимо проявлений лояльности латышской буржуазии к России, ее усилий по формированию национальных армейских частей. Еще до создания стрелковых батальонов было опубликовано много статей, в которых восхвалялась любовь латышей к отечеству и их преданность России³¹. Российские издания приветствовали создание латышских стрелковых батальонов, описывали бои, в которых они участвовали, не жалея хвалебных слов. Например, журнал «Нива» писал: «Силою их мужества держались трудные позиции, брались неприступные вооруженные высоты, занимались участки врагов в непролазных болотах», «латыши блестяще сражаются, выделяя из своих народных масс новые и новые мужественные отряды»³². Кроме словесных одобрений латыши получили и некоторые материальные приобретения. Так, в Петрограде пожертвования на нужды латышских беженцев «пришли от многих русских фирм, сердца руководителей которых тронули латышские стрелки своей выдающейся борьбой на поле брани»³³.

²⁹ Latviešu strēlnieku bataljoni: skices un epizodes: ar valsts domnieka J. Goldmaņa autogrāfu un daudz fotogr. uzņēmumiem no bataljonu dzīves /sast. Līgotņu Jēkabs. Pēterpils: Kukurs, 1916; Latvju strēlnieks: rakstu krājums / K. Skalbes sakopojumā; ilustrējis Nik. Strunke... [u.c.]. Rīga: A. Valtera, J. Rapas & Co apgādībā, drukājis Müllers, 1916.

³⁰ Strēlnieku dziesmas. Rīga; Pēterpils: J.A. Kukurs, [1916]; 28 jaunākās kara dziesmas un dzejas no latviešu kareivjiem. Sigulda: A.J. Kļaviņš, [1916], 16 lpp.; Jaunākās Latviešu varoņu Kara dziesmas. Valmiera: J. Legzdīņš, [1916] 32 lpp.; Kara dziesmas, velētās tautas kareivjiem / sakopojis Kārlis Skalbe. Rīga: A. Waltera un J. Rapas un biedru apgāds, drukājis Müllers, 1916.; *Paeglis M.* Latviešu strēlnieku kara dziesmas. Rīga: Aut. izdevums, 1917. 32 lpp.; Kara dziesmas no Latvju kareivjiem. Cēsis: J. Kļaviņš, [1917].

³¹ Прибалтийский край и война: материалы из русской печати за август, сентябрь и октябрь 1914 г. Собрал и составил А.П. Тупин; с предисловием проф. К.А. Арабажина. П.: изд. А.П. Тушина, 1915.

³² Латышские батальоны // Нива, 1916. № 35. С. 3; *Бартеле Т.* Отражение событий Первой мировой войны в Прибалтике в журнале «Нива» // *Vēsture: avoti un cilvēki.* XXVI Starptautiskie zinātniskie lasījumi. Vēsture XX. Daugavpils: Saule, 2017. 24–25 lpp.

³³ *Bērziņš A.* Kārlis Zariņš dzīvē un darbā. Londona. 1959. 154 lpp.

СДЛК, так же как против империалистической войны вообще, вполне логично выступила и против создания латышских батальонов и призвала молодых латышей не вступать в эти «национальные» войска. Нельзя же было предать принципы интернационализма и поддержать царский режим. В декабре 1915 г. газета СДЛК «Сīņa» («Борьба») писала: «Мы считаем создание латышских батальонов преднамеренным преступлением против народных масс, и с глубочайшей горечью скорбим по всем тем, кто становится жертвой этой нелепости. <...> Они напрасно жертвуют собой ради царского насилия, они проливают свою кровь ради того, чтобы ценою их загубленных жизней националистическая буржуазия могла засвидетельствовать свою рабскую лояльность»³⁴.

Из донесений жандармских агентов видно, что сами члены СДЛК в большинстве случаев предпочитали уклоняться от военной службы³⁵. На состоявшихся летом 1915 г. двух собраниях так называемых «идейных сил» (пропагандистов) СДЛК были приняты рекомендации членам организации вести работу в армии «извне, не вступая самим на действительную воинскую службу, ибо упорядоченная организаторская работа в войсках, особенно таких, которые интенсивно меняют свои позиции, невозможна»³⁶. Вопреки трудностям социал-демократическая работа среди стрелков велась, особенно в местах их отдыха. Известен ряд членов партии, проводивших агитационно-пропагандистскую работу среди солдат Рижского фронта. В войсках распространялись листовки³⁷.

Правда, работавшие в подполье социал-демократы не смогли остановить формирование стрелковых батальонов. Латвийской буржуазии удалось на некоторое время разжечь шовинизм среди латышских стрелков, посеяв иллюзии, что они проливают кровь за освобождение Курземе и всего латышского народа от угнетения немецкими баронами.

В ноябре 1916 г., когда батальоны уже стали полками, количество стрелков (включая огромный запасный полк) достигло примерно 30–35 тыс. человек. Однако лишь около 8 тыс. из них были добровольцами, если можно было назвать «добровольцами» и тех, кто вступил в ряды стрелков только для того, чтобы не подвергаться вскоре ожидаемой мобилизации, и не служить в других частях российской армии. Поскольку известно, что в армию во время Первой мировой войны в Латвии было мобилизовано от 120 до 140 тыс. человек³⁸, то вряд ли

³⁴ [Jansons] Brauns J. «Uz ežiņas galvu liku...» 95 lpp.

³⁵ LNA LVVA. 4 569. f. 1.apr. 920. l. 138 lp.; 7. apr. 141. l. 156 lpp.

³⁶ Rīgas org[anizācijas] idejisko spēku sapulce // Ziņotājs. 1915. No. 5. 6 lpp.

³⁷ LNA LVVA. 4 569. f. 7. apr. 141.l. 214–215 lpp.

³⁸ *Bērziņš V.* Latvija pirmā pasaules kara laikā. 42, 39 lpp.

можно считать очень эффективной деятельность латышских буржуазных политиков по вовлечению народа в стрелковые части.

Наличие добровольцев еще не свидетельствовало о том, что все они были настроены патриотически. Например, М. Авотиньш из команды разведчиков Рижского батальона, который был одним из первых добровольцев, писал в своих воспоминаниях: «Тот энтузиазм, с которым мы собирались защищать землю наших отцов, даже излишне упоминать. <...> Мы, пацаны, чувствовали себя великими героями. Быть солдатом считалось особой честью, особенно перед девчонками, которые, как мы надеялись, будут нас лелеять и обожать со всех сторон. Собравшись в группы, мы рассуждали, как пройдем через войну, каким большим героем будет каждый из нас, какие получит награды, повышения, и, самое главное, сможет пострелять от души»³⁹.

Переход же латышских солдат из русских частей в части, составленные из соотечественников, которые действовали на территории Латвии, убедительно объяснил один из перешедших: «Было гораздо приятнее сражаться и умереть на своей земле, а не где-то еще в далеких Пинских болотах, на равнинах Бессарабии, в Балканских или Карпатских горах»⁴⁰. Согласно списку военнослужащих, переведенных в латышские части, который был составлен Оргкомитетом на рубеже 1916–1917 гг., таковых было в общей сложности несколько тысяч⁴¹. В ряды стрелков вступали также беженцы из Курземе, люди, которые в условиях войны не могли найти работу и средства к существованию.

На рубеже 1916–1917 гг. прошло масштабное наступление российской 12-й армии, известное как «Рождественские бои» (по старому стилю с 23 по 29 декабря 1916 г.). В этой операции и в последующих «Январских боях» (с 10 января по 21 января 1917 г.) важную роль играли части латышских стрелков. В Латвии многие надеялись на освобождение Курземе. Основная масса латышских стрелков также шла в бой с таким настроением. Газета «Baltija» писала: «Наши собственные сыновья и братья идут в первых рядах и вызволяют наше драгоценное отечество из лап врага. Мы своей кровью и собственными силами его вновь приобретаем»⁴². В некоторых воспоминаниях можно найти упоминания о том, что перед боями латышские художники нарисовали

³⁹ *Zariņš K.* Latviešu strēlnieku bataljonu dibināšana strēlnieku atmiņās un vēstulēs // <http://www.tevijassargs.lv/ts/latviesu-strelnieku-bataljonu-dibinasana-strelnieku-atminas-un-vestules> (обращение 10.10.2019).

⁴⁰ *Grīnbergs G.* Latvju tauta un latvju strēlnieki // *Latviešu Strēlnieks*. 1923. 1. janv. No. 1. 14 lpp.

⁴¹ *Zariņš K.* Latviešu strēlnieku bataljonu organizācijas komiteja // <http://www.sargs.lv/lv/Vesture/Vesture/2015/07/16-01.aspx?p=1> (обращение 10.10.2019).

⁴² *Jaunā gadā.* // *Baltija*. 1917, 1. janv. No. 1 (195). 1 lpp.

флажки в латышских национальных (красно-бело-красных) цветах и стрелки их, спрятав под шинели, пронесли на поле боя⁴³.

Несмотря на то, что стрелкам удалось добиться значительных тактических успехов, цель не была достигнута. В течение месяца потери (убитыми, ранеными, пропавшими без вести) составили около 9 тыс. человек, что соответствовало примерно трети всех атакующих сил⁴⁴.

Рождественские бои рассеяли надежды латышской общественности изгнать врага из Курземе. Пережитая неудача вызвала серьезный психологический надлом как среди стрелков, так и у части общества. Она также имела далеко идущие политические последствия в событиях 1917 и более поздних лет, ибо в губительных потерях обвинялись как неумелые царские генералы и царизм как таковой, так и охочие до славы офицеры стрелковых полков, и буржуазная интеллигенция, которая лавировала между лояльностью к существовавшему политическому режиму и национальными идеалами. Так, ссылаясь на газету «Līdums», которая в январе 1917 г. писала, что «терпение и великодушие латышей принесли им только пирровы победы», и подчеркивала, что «прежняя латышская политика впредь не должна продолжаться», историк У. Германис сделал вывод: «Пик этой критики явно направлен против чрезмерно осторожных латышских представителей в Государственной думе, против скромных лидеров латышских организаций и против самообмана буржуазной интеллигенции в целом»⁴⁵.

Среди стрелков резко возросли антивоенные настроения, были созданы благоприятные условия для большевистской агитации, которая смогла развернуться после Февральской революции в России.

Часть национально настроенных публицистов и историков по сей день видят в Рождественских боях причину большевизации латышских стрелков. В 1919 г. один из официальных национальных идеологов писатель Я. Акуратерс писал, что до революции многие латыши погибли «только потому, что их использовали как орудие в руках темных и предательских русских политиков. Этим и объясним переход стрелков на сторону большевиков, ибо кровь напрасно павших зовет живых к мести»⁴⁶. Писатель А. Гринс в 1928 г. писал, что после Рождественских боев именно «в недовольстве стрелков теми, кто руководил судьбами большой империи и ее армии, надо искать причину того, что часть

⁴³ *Lapiņš J.* Latviešu karogs // *Burtnieks.* 1932. 1. janv. 27 lpp.; *Skalbe K.* Zemes dēli // *Jaunākās Ziņas.* 1937. 5. janv. No. 3. 4 lpp.

⁴⁴ *Latviešu strēlnieku vēsture* / Red. J. Krastiņš. Rīga, 1970. 58 lpp.

⁴⁵ *Ģermanis U.* Zemgāliešu komandieris // *Jaunā gaita.* 1971. No. 83 // https://jaunagaita.net/jg83/JG83_Germanis-VIII.htm (обращение 10.02.2019).

⁴⁶ *Akurāters J.* Latviešu kareivji. Rīga: Valsts informācijas birojs, 1919. 15 lpp.

стрелков перешла на сторону большевиков...»⁴⁷. Уже в наши дни примерно так же высказалась историк В. Берзиньш: «Причину симпатий стрелков к большевикам надо искать в исходе Рождественских боев»⁴⁸. В действительности потери в Рождественских боях послужили лишь своеобразным катализатором, ускорившим созревание понимания стрелками безнадежности поддержки царского режима, необходимости политических и социально-экономических перемен.

После Февральской революции и падения монархии массы солдат, в том числе латышских стрелков, не хотели долго ждать, пока общество постепенно, демократическим путем решит наболевшие российские вопросы, в первую очередь войны и аграрный. Однако буржуазные газеты в Риге только отражали политические изменения, но не выдвигали какой-либо конкретной программы. Латышские буржуазные деятели молчали, ожидая дальнейшего развития событий, не предъявляли более радикальных требований, чем автономия Латвии. Повсюду в крае звучал лозунг «Свободная Латвия в свободной России». Но первоначально не было ясности о его конкретном содержании, и он толковался по-разному. Так, 15 августа 1917 г., выступая на Государственном совещании России, Я. Залитис подчеркнул, что «латыши не стремятся не только к отделению или отпадению от России, но даже не к отмежеванию от нее <...> латыши стремятся к объединению населенной ими территории в одну автономную единицу, где они желают сами вестись своими делами и устраивать свою судьбу...»⁴⁹.

В 1917 г. с 27 по 29 марта (с 9 по 11 апреля) в Риге состоялось заседание «депутатов, объединенных латышских стрелковых полков и к ним присоединенных частей», которое в исторической литературе обычно называют I съездом латышских стрелков. На съезде критиковались действия «отцов» стрелковых полков Я. Голдманиса и Я. Залитиса во время революции, и было решено выразить им недоверие⁵⁰. Решение было принято единогласно, что характеризует общий революционный настрой стрелков.

Политическая позиция думцев Я. Голдманиса и Я. Залитиса скомпрометировала их не только в глазах приверженцев социалистических идеалов, но и многих демократически, либерально и национально ориентированных латышей. Примечательно, что, когда Государственная дума России в ходе Февральской революции начала обсуждать

⁴⁷ *Grīns A. Strēlnieku piemiņai* // *Latvis*, 1928, gada 6. janv. No. 1870. 1 lpp.

⁴⁸ См.: *Nagle G. Latviešu strēlnieki. Sarkanie?* // *Diena*. 2001, 13. okt. // <http://vip.latnet.lv/lpra/strelnieki.htm> (обращение 08.10.2019).

⁴⁹ Государственное совещание. (1917, Москва). М., Л., 1930. С. 188.

⁵⁰ *Germanis U. Zengaliešu komandieris* // *Jaunā Gaita*. 1971. No. 84 // http://jaunagaita.net/jg84/JG84-86_Germanis-IX.htm (обращение 10.10.2019).

вопрос о власти в стране, депутаты от Латвии Я. Голдманис и Я. Залитис не явились на ее заседания⁵¹. Газета «Jaunā Dienas Lapa» («Новый дневной листок») критиковала за «чрезмерную умеренность» изданное депутатами Думы Я. Голдманисом и Я. Залитисом уже после Февральской революции воззвание «Latvieši!» («Латыши!»), в котором был одобрен поддержанный латышской буржуазией еще до революции лозунг «объединения всех краев Латвии на основе широкой автономии» и «ни словом» не была упомянута революция и свершивший ее народ. Кроме того, газета заметила, что в дни революции Я. Голдманиса никто нигде «не видел и о нем не слышал», ибо он «даже не вышел из квартиры»⁵².

Было непонятно, какое место в революции должны занять стрелки. Через несколько лет после событий латышский национальный идеолог Э. Бланкс писал, что «общество (буржуазное. — В.Ш.) считало, что жертвованиями наличными и маслом оно уже искупило свой долг перед стрелками»⁵³. Уже в наши дни этот вывод дополнил историк Я. Томашевскис. Он подчеркнул, что в начале 1917 г. «буржуазные партии и общественные организации были убеждены в том, что стрелки будут следовать начертанному ими пути решения национального вопроса — пути постепенных реформ, полагаясь на благоприятное решение Временного правительства»⁵⁴. Буржуазные партии в этот период не смогли предложить идеалы, за которые латышские солдаты были готовы продолжать сражаться в окопах Первой мировой войны. Они «почти ничего не смогли рекомендовать и обещать стрелкам»⁵⁵. Это понимали и наиболее дальновидные представители латышской буржуазии. Основанная 24 марта 1917 г. в Москве Латышская национал-демократическая партия, и особенно уже упомянутый ее публицист Э. Бланкс сурово критиковали ошибки других буржуазных политиков: отсутствие инициативы и смелости, «рабско-пассивную тактику попрошайничества» у правительства и неспособность руководить национально-освободительной борьбой. Таким образом, по словам Э. Бланкса, «буржуазные рохли» лишь «удобряли поля большевиков»,

⁵¹ *Dribins L.* Latvija 1917.gadā // Pretstatu ciņā. Latvija 1917–1950. Rīga: Avots. 1990. 13 lpp.

⁵² *Krīvs.* Tagadējā brīdī // Jaunā Dienas Lapa. 1917, 16. marts. No. 56. 1 lpp.

⁵³ *Blanks E.* Republikas priekšvakarā. Maskavas latvju kolonija. 1915–1918. Rīga: Latvā, 1922. 35 lpp.

⁵⁴ *Tomaševskis J.* Latviešu strēlnieki starp Februāra revolūciju un Oktobra apvērsumu: nacionālais faktors // Latvijas Arhīvi. 2013 No. 1/2. P. 96.–97; также: http://www.arhivi.lv/sitedata/ZURNALS/zurnalu_raksti/72-101.pdf (обращение 10.10.2019).

⁵⁵ *Bērziņš V.* Latviešu strēlnieki politisko pārmaiņu apstākļos. Latvijas vēsture krustceļēs un jaunu pieeju meklējumos (Latvijas vēsturnieku I kongresa materiāli). Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2014. 235 lpp.

то есть способствовали успеху левых радикалов, которые своим смелым и активным революционным выступлением сумели увлечь латышских стрелков⁵⁶.

Следует отметить, что для успешной агитации большевиков имела благоприятная почва. В начале XX в. Латвия стала одним из самых пролетарских регионов Российской империи. По количеству сельских батраков Лифляндская и Курляндская губернии были на первом месте в государстве. В Курляндской губернии безземельное население составляло 57,2%, а в Лифляндской — 54,5% всех сельских жителей⁵⁷. В 1913 г. наемные работники в Латвии с членами семей составляли 61% населения⁵⁸. Яркое выраженное классовое расслоение явилось причиной того, что в развернувшуюся в начале XX в. классовую борьбу включились довольно широкие массы, что содействовало ее обострению⁵⁹.

Имеются данные о социальном составе латышских батальонов осенью 1916 г. Так, во 2-м Рижском батальоне 83,4% стрелков были представителями сельских и городских рабочих, ремесленников, моряков и рыбаков, в 6-м Тукумском батальоне — 79,2%⁶⁰. Примерно таким же был социальный состав остальных латышских стрелковых батальонов. Мобилизационная кампания в стрелковые батальоны обеспечила их стабильный социальный состав, который практически не менялся все время Первой мировой войны. Латышские формирования по составу были пролетарскими и полупролетарскими.

Почти всеобщая грамотность позволила латвийским трудящимся не только самообразовываться, но и открыла возможность читать революционную, в основном, социально-демократическую литературу. До падения империи в феврале 1917 г. среди латышей были распространены идеи как национального, так и социального освобождения. Однако в 1915—1916 гг. политическая активность в массах латышских стрелков была по большей части односторонней. Национально ориентированные круги, деятели буржуазного общества, не желая вступать в открытый конфликт с царизмом, надеясь на постепенное устранение национального гнета, не осмеливались создать организации, которые

⁵⁶ *E. Bl. [Blanks E.] Lielinieku lauku mēsloņāji // Dzimtenes Atbals. 1917, 17.jūn. No. 15. 2 lpp.*

⁵⁷ *Latvijas padomju enciklopēdija. 5² sēj. Rīga: Galvenā enciklopēdiju redakcija, 1984. 175, 176 lpp.*

⁵⁸ *Очерки экономической истории Латвии (1900—1917). Рига: Зинатне, 1968. С. 9.*

⁵⁹ *Зиемелис С. Победа ленинизма в рабочем движении Латвии. Рига: Авотс, 1980. С. 15.*

⁶⁰ *Спрелсис А. Латышские стрелки на страже завоеваний Октября. 1917—1918 гг. Рига: Зинатне, 1967. С. 6, 7; Кайминь Я. Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. 1917—1918. Рига: Латгосиздат, 1961. С. 37.*

могли бы накопить национально-освободительную энергию и нести ее дальше в народ. Сегодня трудно судить о том, что больше определяло эту позицию — нежелание в результате активной политической деятельностью нанести вред всем стратегическим интересам нации или страх рискнуть своим достигнутым благополучием.

Фактически только латышские социал-демократы до февраля 1917 г. посмели развернуть последовательную борьбу за свои политические идеалы. Социал-демократы даже на нелегальном положении завоевали популярность в народе, возглавили борьбу трудящихся Латвии. СДЛК не только в городах, но и в сельской местности имела сильные местные организации. У латвийских социал-демократов был значительный политический и боевой опыт. Именно они вели массовую революционную борьбу в Латвии в 1905 г., понесли в ней несравненно большие жертвы, чем буржуазные политики и их партии. Революция 1905 г. в глазах общественности сделала революционеров героями, страдальцами и главными противниками царского режима. В событиях 1917 г. и последующих лет это стало важным фактором в борьбе за политическую власть. В начале войны СДЛК являлась одной из наиболее крупных организаций большевистской партии. Она объединяла более 3 тыс. членов партии, не считая примерно 2 тыс., находившихся в заключении, ссылке и эмиграции⁶¹. Война, мобилизация в армию, эвакуация промышленности (1915) внесли значительные трудности в деятельность СДЛК. Тем не менее, на неоккупированных территориях Латвии остались нелегальные социал-демократические организации, послужившие достаточно крепкой основой для развертывания деятельности партии в условиях легальности. О месте латышских социал-демократов в рядах большевистской партии в целом можно судить по тому, что до Февральской революции 14% ее членов составляли латыши⁶².

Победа Февральской революции открыла латышским большевикам широкие возможности для политических действий. Латышские большевики, которые в 1915 и 1916 гг. активно противодействовали созданию стрелковых батальонов, после Февральской революции проявили способность быстро переориентироваться и в условиях приобретенной легальности развернуть широкую пропаганду среди стрелков, убедить их в правильности своей политики. Э. Бланкс констатировал, что «...борьба за идеалы Латвии в недостаточной мере захватила батальоны стрелков. Во время революции был необходим лозунг борьбы,

⁶¹ Очерки истории Коммунистической партии Латвии. I. 1893—1919. Рига: Ин-т истории партии, 1962. С. 286.

⁶² Великая партия Ленина. К 60-летию II съезда РСДРП. М., 1963. С. 284.

и когда его стрелкам не дало буржуазное общество, пришли большевики»⁶³.

Политическая программа СДЛК отвечала политическим устремлениям многих латышей. Существенной была целевая антивоенная пропаганда СДЛК. Большевики были единственной политической силой, которая, в отличие от Временного правительства России, призвала к немедленному прекращению войны. У. Германис признал, что успех СДЛК среди латышских стрелков был обеспечен лозунгом «Завершение войны революционным путем, без аннексии и контрибуций, основываясь на праве народов на самоопределение»⁶⁴. Это означало бы восстановление довоенной ситуации, вывод немецких оккупационных войск из Курземе, прекращение военных действий и появление возможности возвращения беженцев в Латвию. Большевики предлагали практически невыполнимое, но очень привлекательное для многих латышей завершение трехлетней войны. Чтобы добиться этого, считалось необходимым развешивать пропаганду мира, братание с немецкими солдатами, чтобы ускорить их революционное пробуждение, бороться с Временным правительством, которое хотело продолжать войну. По завершении империалистической войны СДЛК надеялась дожидаться революции в раздираемой войной Европе. Выступая на II съезде латышских стрелков 12–17 мая 1917 г., большевик Ю. Данишевский заявил, что «стратегия аннексий и контрибуций, товарищи, нам теперь не нужна; нам необходимо правительство, которое будет налагать контрибуции на фабрики, аннексии на помещиков, и только такое правительство приведет Россию в порт мира. <...> Мир должен быть заключен революционными народами, а не военными правительствами, ибо в таком случае это будет не мир, а вооруженное перемирие, и через несколько лет снова начнется мировая война»⁶⁵.

По сравнению с большевиками, буржуазия, которая придерживалась лояльности по отношению к Временному правительству, находилась в неблагоприятном положении, не имея возможности предложить народу какие-либо значительные политические или иные приобретения. В условиях демократических свобод большевики убедительно продемонстрировали как идеологическое, так и организационное превосходство над буржуазными силами.

Особенно интенсивной деятельность СДЛК стала в мае 1917 г., когда ее Центральный комитет переехал из Москвы в Ригу, где начала выходить его газета «Сīņa». Большевистская агитация сказалась также

⁶³ *Blanks E. Republikas priekšvakarā.* 35 lpp.

⁶⁴ *Ģermanis U. Zemgaliešu komandieris.*

⁶⁵ *Latviešu Strēlnieku Pulku Apvienotās Padomes sapulce 12. maijā 1917.gadā Interim teātra telpās // Brīvais Strēlnieks, 1917. 17, 25 maijs.*

и на стрелках. Их II съезд принял известную резолюцию 17 (30) мая, в которой выражалось недоверие к Временному правительству России и звучало требование передать всю власть советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; была отвергнута «активная тактика защиты» и было предложено организовывать братания с противником для достижения «мира без аннексий и контрибуций, самоопределения народов»⁶⁶.

В «Письме из Риги», написанном видным деятелем латышских большевиков П. Стучкой и опубликованном 4 июня 1917 г. в газете «Правда», говорилось: «Социал-демократия Латышского края может с гордостью оглянуться на свое прошлое. <...> При всех трудностях военного положения она издала на узкой территории своего края больше нелегальных воззваний и партийных изданий против войны, чем вся остальная революционная Россия вместе». П. Стучка особо акцентировал, что успешная работа СДЛК в армии выразилась и в том, что она сумела сплотить вокруг себя латышских стрелков, принявших 17 мая большевистскую революцию⁶⁷.

Буржуазные общественные организации Латвии, политические партии, все латышские небошевистские газеты начали массовую кампанию против этой, как они ее в то время называли, «позорной резолюции Данишевского». Ее осуждали как предательство Латвии и российской демократии. Особенно резкие статьи были опубликованы «отцами» латышских батальонов думцами Я. Голдманисом и Я. Залитисом, которым уже выразил недоверие I съезд стрелков 27–29 марта (9–12 апреля). Они характеризовали резолюцию стрелков от 17 мая как тяжелое преступление и смычку с анархией, братание стрелков с немцами и отказ идти в наступление квалифицировали как предательство национальных интересов, утверждая, что члены СДЛК и латышские стрелки являются предателями Курземе. Прозвучало предупреждение, что стрелковые полки, если они не исправятся и не станут на «платформу народа», будут распушены⁶⁸.

Протесты против большевистского курса II съезда прозвучали также из рядов самих стрелков. Как подсчитал Я. Томашевскис, в газетах были опубликованы протесты более десяти больших или меньших подразделений, которые требовали отказа от курса, принятого на II съезде. Историк сделал вывод, что «протесты были довольно внушительными, но из более крупных подразделений, таких как роты или батальоны, протестов не было. По-видимому, большинство стрелков

⁶⁶ Latviešu strēlnieku pulku apvienotās deputātu padomes rezolūcija par tekošo momentu. 1917.g. 17 (30) maijā. Latvijas Komunistiskā partija Oktobra revolūcijā. 1917. Dokumenti un materiāli. Rīga: Latvijas valsts izdevniecība, 1957. 103 lpp.

⁶⁷ Письмо из Риги // Правда, 1917, 4 (17) июня. № 73. С. 2–3.

⁶⁸ Goldmanis, J., Zālītis, J. Protests // Līdums. 1917. 2. jūn. No. 123. 4 lpp.

все еще были в замешательстве или не могли четко определить свое отношение к резолюции»⁶⁹. Однако о том, что стрелки «смогли четко определить свое отношение к резолюции», свидетельствовал полковник (позже генерал) К. Гопперс. Он писал, что после II съезда стрелков «начались бесчисленные митинги в ротах и командах всех полков; газеты «Brīvais Strēlnieks» («Свободный стрелок») и «Сīņa» опубликовали целую серию резолюций, принятых в ротах и командах о присоединении к резолюциям от 17 мая...»⁷⁰. Способности многих стрелков «определять свое отношение к революции» также подтвердило быстрое увеличение числа членов СДЛК среди них. Если в марте во всех полках было только 70 членов СДЛК, то в начале июня было 1737, в июле 1826, в августе 3000⁷¹.

Начались первые попытки буржуазных публицистов объяснить, почему стрелки отказались от предложенного им пути защиты национальных идеалов. Вскоре после принятия резолюции 17 мая, когда буржуазия еще не потеряла надежду на ее отмену, газета «Līdums» писала: «Не может быть, чтобы это была подлинная воля стрелков, скорее всего это лишь искусственно достигнутый случайный результат»⁷², тенденцию стрелков к большевизму объясняла как «славянскостью в характере латышей», так и «моментом смущения», которому «не стоит придавать слишком большое значение»⁷³.

Наряду с этими «объяснениями» перемен, произошедших в стрелковых полках, буржуазия прибегла к угрозам. Если в мае ее пресса призывала не жертвовать «ни одной бумажной марки латышским стрелкам, пока они не откажутся от своей нелепой резолюции, которая ведет народ навстречу разорению и уничтожению»⁷⁴, то в июле уже было выдвинуто ультимативное требование провести «чистку внутри стрелковых полков», угрожая тем, что иначе «решение о расформи-

⁶⁹ *Tomaševskis J.* Latviešu strēlnieki starp Februāra revolūciju un Oktobra apvērsumu: nacionālais faktors // *Latvijas Arhīvi*. 2013. No. 1/2. 95 lpp. http://www.arhivi.lv/sitedata/ZURNALS/zurnalu_raksti/72-101.pdf (обращение 10.10.2019).

⁷⁰ *Goppers K.* Starp divām revolūcijām // http://www.lacplesis.com/Freedom_Battle_files/Starp_divam_revolicijam.htm (обращение 10.10.2019). Говоря о резолюциях (во множественном числе), Гопперс, очевидно, имел в виду ряд приветствий от съезда, включая приветствие В.И. Ленину.

⁷¹ *Томан Б.* За свободную Россию, за свободную Латвию. М.: Политиздат, 1975. С. 32; *Andersons E.* Latvijas vēsture 1914–1920. Stokholma: Daugava, 1967. 186, 202, 207, 217 lpp.; *Šiliņš J.* Padomju Latvija. 1918–1919. Rīga: Vēstures izpētes un popularizēšanas biedrība, 2013. 32, 33 lpp.

⁷² Rīga // *Līdums*, 1917, 19 maijs (2 jūn.). No. 112. 2 lpp.

⁷³ *Apmulsuma brīdis* // *Līdums*. 1917, 16 (29) jūn. No. 135. 1 lpp.

⁷⁴ *Vasaras svētku ievada vietā* // *Līdums*. 1917, 21 maijs (4.jūn.) No. 114. 1 lpp.

ровании стрелковых полков потребует весь народ»⁷⁵. Угрозы думцев Я. Голдманиса и Я. Залитиса, а также прессы свидетельствовали о том, что латышская буржуазия считалась с возможностью, что ей придется бороться за уничтожение выпестованной ею надежды — латышских стрелковых полков. Ход событий просто не дал этой возможности воплотиться в жизнь.

Поскольку буржуазные деятели выступали лишь как критики резолюции 17 мая, а не пытались понять и предотвратить причины ее принятия, стрелки еще более отдалились от национально-либеральных сил. По поводу их призывов продолжить войну, освободить Курземе газета стрелков иронизировала: «Если вы хотите выгнать немцев из Курземе, тогда ваша первая обязанность взять винтовку в руки и направиться в окопы...»⁷⁶.

Одним из средств борьбы за «возвращение» большинства латышских стрелков под влияние Организационного комитета латышских батальонов должно было стать образование Национального союза латышских воинов («Latvju kareivju nacionālā savienība»), которое произошло в Риге 5 (18) августа 1917 г. Большинство членов Союза являлись офицерами. Целями Союза объявили ликвидацию сформированного стрелками Исколастрела (Исполнительного комитета Объединенного совета латышских стрелков), создание демократического строя в Прибалтике, и поддержание связи с латышскими солдатами в русских частях.

Однако Союз «оказался малочисленным и маловлиятельным», был создан слишком поздно, чтобы оказать серьезную конкуренцию деятельности СДЛК⁷⁷. Несколько позже газета «*Lidums*» была вынуждена констатировать: «Наши стрелки полностью обособлены в своей среде и почти все офицеры полностью обособлены в своей среде. Где же попытки эти два противоположных направления выровнять путем создания единой национальной платформы? Мы знаем, что наряду с большевистской образовалась вторая — национальная организация солдат (Национальный союз латышских воинов. — *В.Ш.*), но она больше прославляет саму себя и осуждает другую, а не ищет общую основу.

⁷⁵ Jautājums par latviešu strēlnieku pulku izformēšanu // *Lidums*. 1917, 12 (25) jūl. No. 156. 1 lpp.

⁷⁶ Tautisko birģeļu kara gājiens pret latviešu strēlniekiem // *Brīvais Strēlnieks*. 1917, 25 maijs. No. 33. 1 lpp.

⁷⁷ *Bērziņš V.* Latviešu strēlnieki politisko pārmaiņu apstākļos. Latvijas vēsture krustcelēs un jaunu pieeju meklējumos: (Latvijas vēsturnieku I kongresa materiāli). [Rīga]: LU Akadēmiskais apgāds, 2014. 238 lpp.; *Tomaševskis J.* Latviešu strēlnieki starp Februāra revolūciju un Oktobra apvērsumu: nacionālais faktors // Latvijas Arhīvi. 2013. No. 1/2. 95 lpp.; также: http://www.arhivi.lv/sitedata/ZURNALS/zurnalu_raksti/72-101.pdf (обращение 10.10.2019).

Значит, происходит типичный со старых времен способ культивирования классового духа»⁷⁸. Кроме того, по словам исследовательницы истории стрелков И. Кригере, многие офицеры, поддерживавшие Союз, больше были связаны с русскими традициями и офицерством, чем с латвийскими стрелками. (По-видимому, с этим выводом не согласны те латышские историки, которые подчеркивают национальный дух латышских офицеров.) Следовательно, организация служила не объединению стрелков с офицерами, а наоборот, их раскалыванию⁷⁹. Буржуазные деятели в этот период почти полностью потеряли влияние на стрелков. Как свидетельствовал бывший видный политический деятель Латвийской Республики А. Кливе, один из «отцов» батальонов Я. Голдманис на вопрос о стрелках, «не ведая другого выхода, стонал, бессильно разводя руками»⁸⁰.

Когда в августе 1917 г. в боях за Ригу латышские стрелки геройски сражались, потеряв около 6,5 тыс. человек, или 41,5% павших и 17% раненых всей российской 12-й армии, то после долгого перерыва они снова получили положительную оценку. О стрелках писали различные издания, в том числе те, кто недавно их охаивал и клеветал на них⁸¹. Например, национально настроенный поэт Э. Вирза, описывая подвиги 5-го Земгальского полка, подчеркнул, «вдохновленный большими идеями свободы и благородного патриотизма»⁸². Однако о том, каковы были эти «большие идеи свободы», имели ли они связь с «благородным патриотизмом», как его понимала латышская буржуазия, можно долго дискутировать. Как бы там ни было, отношение буржуазии к стрелкам в это время, в основном, было между настороженным и отрицательным. В Валке с 16 (29) ноября до 19 ноября (2 декабря) 1917 г. состоялась первая сессия Латышского временного национального совета (Latviešu Pagaidu Nacionālā padome), объединившего представителей буржуазных партий Латвии. На ней было принято и воззвание к латышским стрелкам, упрекавшее их в уходе от национальных задач⁸³.

Так в 1917 г. СДЛК одержала победу в борьбе с «отцами-основателями» и другими латышскими буржуазными политиками за поддержку

⁷⁸ Attiecību pārvērtēšana // Līdums. 1917. 14 nov. No. 260. 1 lpp.

⁷⁹ *Kriģere I.* Latviešu strēlnieki – internacionālisti vai nacionālisti? // Latvijas Kara muzeja gadagrāmata IX. Sast. J. Čiganovs. Rīga: Latvijas Kara muzejs, 2008. 16 lpp.

⁸⁰ *Klīve A.* Brīvā Latvija. Latvijas tapšana. Atmiņas, vērojumi un atzinumi. [Bruklina]: Grāmatu draugs, 1969. 210 lpp.

⁸¹ *Bērziņš V.* Latviešu strēlnieki politisko pārmaiņu apstākļos. 81 lpp.

⁸² *Virza E.* Piekta Latviešu Zemgales pulka cīņas pie Ikšķiles 19 un 20 augustā // Līdums. 1917. 1 sept. No. 200. 1–2 lpp.

⁸³ Latviešu Pagaidu Nacionālās Padomes pirmās sesijas protokols // http://www.historia.lv/alfabets/L/la/lpnp/dokumenti/1.sesija_prot.htm (обращение 10.10.2019).

стрелков. После принятия резолюции от 17 мая 1917 г. влияние буржуазных политиков на большинство стрелков было минимальным. Наиболее ярко это проявилось в том, что 25 ноября 1917 г. на выборах в Учредительное собрание России в полках латышских стрелков число голосов, отданных за большевиков, достигло 96,5%. Как в наши дни отметил историк Я. Шилиньш, выборы были честными. Об этом свидетельствует то, что ни один из политических оппонентов СДЛК не подверг сомнению их результаты⁸⁴. Латышские буржуазные политики и историки во все времена неохотно вспоминают о демократических выборах в Латвии в 1917 г., которые свидетельствовали о провале реализуемого до тех пор политического курса буржуазных кругов. По словам латышского историка в эмиграции А. Эзергайлеса, в конце 1917 г. «в Латвии, практически говоря, у большевиков не было оппозиции»⁸⁵.

Дальнейший путь латышских стрелков широко известен. После большевистского переворота в Петрограде немедленно легализовался Военно-Революционный комитет 12-й армии, развернутой на территории Видземе (северная часть Латвии), который поставил перед стрелковыми полками различные задачи. Все полки их выполнили. В конце ноября 6-й Тукумский стрелковый полк прибыл в Петроград для гарнизонной службы. Кроме того, там была создана Сводная рота латышских стрелков, которая несла охрану Смольного, где находилось Советское правительство, а затем она была развернута в 9-й латышский полк, охранявший Кремль.

Уже тогда возможные последствия действий стрелков породили беспокойство среди латышской буржуазии. В декабре 1917 г. газета «Lidums» отмечала, что «латышские стрелки в настоящее время находятся в центре внимания российской общественности», если до сих пор русские газеты «не обозначали национальность исполнителей приказов большевистских комиссаров», то теперь «собираются материалы не столько против латышских стрелков, сколько против латышского народа как такового»⁸⁶.

Затем стрелки раскололись. Часть из них после октябрьского переворота демобилизовалась, и после немецкого вторжения в Видземе в начале 1918 г. многие (около 12 тыс. человек) попали в немецкие лагеря для военнопленных⁸⁷. Впоследствии, в 1919 г. часть из них

⁸⁴ Šiliņš J. Padomju Latvija. 1918–1919. Rīga: Vēstures izpētes un popularizēšanas biedrība, 2013. 35 lpp.

⁸⁵ Ezergailis A. The Latvian impact on the Bolshevik Revolution: The first phase: September 1917 to April 1918. New York, 1983. P. 92.

⁸⁶ Maldu ceļš // Lidums. 1917, 3 dec. No. 277. 1–2 lpp.

⁸⁷ Latviešu strēlnieki // http://vesture.eu/index.php/Latviešu_strēlnieki (обращение 10.10.2019).

были призваны в армию Латвийской Социалистической Советской Республики. Когда та была вынуждена отступить, они большей частью дезертировали и, в конце концов, попали в армию Латвийской Республики. К сожалению, нет сведений о том, сколько этих «старых» стрелков служило в армии Советской Латвии и сколько в Латвийских национальных вооруженных силах, что открывает возможность для спекуляций.

По сведениям историка А. Спреллиса, после заключения Брестского мира в Советской России находилось около 21 тыс. латышских стрелков⁸⁸. Около 10 тыс. человек после демобилизации разбрелись по просторам России в поисках родственников, оказавшихся там в результате беженства, а позже часть этих бывших «старых» стрелков была вовлечена в Гражданскую войну в России⁸⁹. Еще часть стрелков в начале 1918 г. перешла на службу в Красную армию. 13 апреля 1918 г. приказом Народного комиссариата по военным делам РСФСР была создана Латышская стрелковая советская дивизия под командованием И. Вацетиса. В Латышскую стрелковую дивизию вступило до 7 тыс. добровольцев⁹⁰. В дальнейшем их ряды добровольно пополнили многие эвакуированные рабочие, другие беженцы из Латвии, латышские солдаты из русских полков. Так, например, латышские рабочие петроградских заводов вступали в Сводную роту латышских стрелков, охранявшую Советское правительство⁹¹.

Затем латыши приходили в ряды стрелков путем всеобщей мобилизации. Еще до того, как декретом ВЦИК «О принудительном наборе в Рабоче-крестьянскую Красную армию» от 29 мая 1918 г. была объявлена всеобщая мобилизация рабочих и беднейших крестьян, 25 мая 1918 г. коллегия Комиссариата по латышским национальным делам рассмотрела вопрос об отношении к мобилизации латышских беженцев. Ее решение было: «Не допускать никаких предлогов, чтобы выкрутиться от военной службы»⁹². Таким образом, среди так называемых «красных» латышских стрелков немало было и людей, попавших в их ряды не по идейным убеждениям, а в поисках пропитания или в порядке мобилизации. К осени 1918 г. состав дивизии значительно вырос, но теперь только часть стрелков имела опыт сражений в Первой мировой войне. В конце 1918 г. в Красной армии насчитывалось от 23

⁸⁸ *Спреллис А.* Латышские стрелки на страже завоеваний Октября. С. 90.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ *Latviešu sarkanie strēlnieki* // http://vesture.eu/index.php/Latviešu_sarkanie_strēlnieki (обращение 11.10.2019).

⁹¹ *Dribins L.* «Prometejs» ciņā. Rīga: Liesma, 1972. 12 lpp.

⁹² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 1. Д. 859. Л. 27.

до 24 тыс. латышских стрелков, из них добровольцев было 85–90%, в то время как во всей Красной армии 16,6%⁹³.

Естественно, что действия стрелков в рядах защитников революции вызвали явное недовольство как среди представителей Антанты, с которой свои надежды на отмежевание от большевистской России уже связывала большая часть латышской буржуазии, так и российских антибольшевистских кругов. Оправдались страхи, высказанные латышским публицистом в конце 1917 г., что антипатии русских имущих слоев против латышских стрелков скажутся на всех латышах. Латвийский дипломат Я. Сескис писал о том, как представитель Антанты ему втолковывал, что «большевизм латышских стрелков в русской политической жизни есть величайшее зло. Из-за вас, латышей, мы на Западном фронте истекаем кровью. Если бы не было латышских стрелков, не было больше большевизма и большевистского правительства»⁹⁴. Неприязнь к латышам пришлось почувствовать латышским беженцам, особенно на Юге России и на Украине, где им «белыми» русскими и украинскими националистами приписывались значительно преувеличенные «прегрешения» латышских большевиков. По словам латышского политика К. Бахманиса, уже в начале 1918 г., после того как с помощью латышских стрелков в Петрограде было разогнана демонстрация в поддержку Учредительного собрания, против латышей была развернута «мерзкая политика травли и науськивания в местных газетах», и на территории, контролируемой «белыми», эти нападки продолжались все годы Гражданской войны⁹⁵.

Ксенофобия проявлялась также и в высших эшелонах власти «белых» и сказывалась даже на тех латышах, которые непосредственно служили в различных «белых» армиях. Так, начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего адмирала А. Колчака генерал Д. Лебедев заявил представителю Антанты генералу М. Жанену, что «если бы ему разрешили, он велел бы всех латышей расстрелять». В конце 1918 г. командир формирующегося в составе армии Колчака так называемого Троицкого латышского батальона П. Дардзанс попросил поддержки у своего соплеменника — служившего у А.В. Колчака полковника Р. Бангерского. Но Бангерский, боевой офицер и командир полка латышских стрелков в Первую мировую войну, отказался «взять на себя ответственность за пролитие латышской крови», сославшись именно на опыт создания в 1915 г. латышских воинских частей. Правда, в искренности причины отказа приходится сомневаться, ведь

⁹³ Революционные латышские стрелки (1917–1920). Рига: Зинатне, 1980. С. 89.

⁹⁴ Цит по: Красные латышские стрелки // <http://latvjustrelnieki.lv/ru/statji-95941/krasnye-latyshskie-strelki-100453> (обращение 11.10.2019).

⁹⁵ *Bahmanis K. Latvieši Ukrainā 1917–1919.gados.* Autora izd., 1926. 46, 126, 127 lpp.

сам Р. Бангерский, как позже узнал П. Дардзанс, говорил русским, что он поляк, и таким образом в первую очередь хотел сам отмежеваться от латышей⁹⁶. Кроме того, в дальнейшем чувство ответственности «за пролитие латышской крови» не помешало Бангерскому в годы Второй мировой войны стать генеральным инспектором так называемого Латышского добровольческого легиона СС (*Latviešu SS brīvprātīgo leģions*).

В годы Гражданской войны в России латышские стрелки как дисциплинированные и надежные воины направлялись советским командованием на самые критически важные фронтовые участки, где выполняли функции «спасательной команды». В 1918 г. стрелки участвовали в подавлении восстания левых эсеров в Москве, других анти-советских выступлений, за что «белые» нередко их называли карателями. В августе 1918 г. 5-й латышский стрелковый полк за героическую оборону Казани был первым среди воинских частей Красной армии награжден Почетным Революционным Красным Знаменем ВЦИК.

В начале 1919 г. стрелки сражались за Советскую Латвию. Военная и политическая роль Латышской стрелковой дивизии не только в создании Советской Латвии, но, как отметил Я. Шилиньш, и «в ходе всей «Балтийской кампании» оказалась неоценимой. Приход латышских стрелков вызвал восторг жителей Латвии и подорвал боевые способности национальных латвийских подразделений, сформированных правительством К. Улманиса, которые отказывались сражаться со стрелками»⁹⁷. Когда национальное правительство К. Улманиса обратилось к «красным» стрелкам с воззванием, опечатанным многотысячным тиражом, в котором, в частности, говорилось: «Латышские воины в России! В темные и ужасные дни вы вынуждены были расстаться с Латвией. Теперь Латвия стала свободной. По воле народа объявлена демократическая независимая республика. Латвия зовет вас как свободных граждан под свой флаг», оно не возымело ни малейшего успеха⁹⁸.

Однако в 1919 г. латышские большевики из-за перевеса сил противника, собственной ошибочной экономической политики и необоснованного применения насилия потеряли доверие латышского народа, и Советская Латвия потерпела военное поражение.

Часть стрелков дезертировала, чтобы остаться в Латвии. К сожалению, до сих пор не выяснено, какая часть «красных», служивших

⁹⁶ *Dardzāns P.* Dieva plaukstā. *Latviešu vecā strēlnieka atmiņas, pārdomas, atziņas.* 2.sēj. Čikāga: Autora izd., 1987. 124 lpp.

⁹⁷ *Šiliņš J.* Padomju Latvija. 1918–1919. 74 lpp.

⁹⁸ Красные латышские стрелки // <http://latvjustrēlnieki.lv/ru/statji-95941/krasnye-latyshskie-strelki-100453> (обращение 11.10.2019).

в стрелковых полках еще до 1918 г., покинула ряды своих товарищей в Латвии в 1919 г., а какая продолжила борьбу за революционные идеалы. Часть латышских стрелков, мобилизованных уже в Латвийскую национальную армию, участвовала в боях против войск П.Р. Бермонта-Авалова и «красных» в Латгале (восточная часть Латвии). Бывший офицер стрелков П. Дардзанс даже считал, что около 50% состава Латвийской национальной армии в «боях за освобождение» (1919–1920) были стрелками⁹⁹. В современной публицистике названа цифра, что в рядах национальной армии Латвии сражались около 10 тыс. бывших ветеранов Рождественских и Январских боев¹⁰⁰. Однако эти сведения не подтверждены ссылками на документы и, думается, сильно преувеличены.

Оставшиеся в Латышской советской стрелковой дивизии солдаты показали высокие боевые качества в борьбе с «белыми» в России. В октябре–ноябре 1919 г. они участвовали в Орловско-Кромской операции против войск А. Деникина. В начале 1920 г. дивизия вела бои с формированиями Н. Махно, а с апреля участвовала в боях за Крым, в том числе, в августе–октябре в захвате и обороне Каховского плацдарма, затем вела бои по ликвидации войск П. Врангеля в Крыму. За годы Гражданской войны десятки латышских стрелков были награждены орденами Красного Знамени, а Я. Фабрициус был первым четырехкратным кавалером этого ордена.

В то же время следует признать, что в частях латышских стрелков встречались и нарушения дисциплины, случаи неисполнения боевых приказов, что приводило к конфликтам между стрелками и командованием Красной армии¹⁰¹.

Статья 8 мирного договора между Латвией и Советской Россией, подписанного 11 августа 1920 г., предусматривала, что после его ратификации обе стороны будут проводить демобилизацию граждан другой стороны, а также оптантов этого гражданства. Однако, несмотря на мирный договор, дивизия латышских стрелков продолжала бои с армией генерала П. Врангеля. В октябре 1920 г. на VI конференции латышских секций РКП(б) было заявлено: «Получен приказ, что все латышские стрелки считаются подданными Украины», однако принятая конференцией резолюция требовала немедленно оповестить стрелков об их праве выбрать подданство, и освободить из Красной

⁹⁹ *Dardzāns P.* Op. cit. 377 lpp.

¹⁰⁰ *Latviešu strēlnieki pēc kara. 1921* // <http://www.dveseluputenis.lv/lv/laika-skala/notikums/129/latviesu-strelnieki-pec-kara> (обращение 11.10.2019).

¹⁰¹ *Bērziņš V.* *Latviešu strēlnieki – drāma un traģēdija.* Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 1995. 139 lpp.; *Latviešu strēlnieki par un pret lieliniekiem, 1915–1920. Dokumenti un materiāli / Sast. V. Šalda.* Daugavpils: Saule, 2006. 76–83, 85–86, 91–95 lpp.

армии тех, кто примет гражданство Латвии¹⁰². Решение конференции не повлияло на положение стрелков. Только после взятия Перекопа, поражения «белых» в конце 1920 г. дивизия была расформирована. Среди стрелков проявилось недовольство задержкой в демобилизации, на что они получили ответы политработников, что «Украина, как отдельная республика, не заключила договор с Латвией, и поэтому договор Московского правительства с Латвией к Украине не относится», «возможно, это задержка приказа (о демобилизации. — *В.Ш.*) было ошибкой правительства Украины. И если это даже так, то эту ошибку можно простить. Латышские стрелки были необходимы, чтобы разбить контрреволюцию»¹⁰³.

После того как Латвийская Республика успешно защитилась от сторонников альтернативных вариантов государственности Латвии — советского и немецко-бермонтовского, — у стрелков появился реальный выбор: остаться в Советской России, бороться там за победу социализма или вернуться на свою родину, где наметилось создание демократического общества. Значительная часть стрелков осталась в Советской России, продемонстрировав свое недоверие к Латвийскому государству, созданному 18 ноября 1918 г., и политикам, находившимся там у власти. Все же слабость «классовых» и «социалистических» убеждений латышских стрелков проявилась в том, что после заключения договора 11 августа 1920 г. многие из них, в том числе бывшие рабочие, даже члены большевистской партии, стремились покинуть страну «победившего пролетариата» и вернуться в буржуазную, но демократическую Латвию, хотя возвращение и было связано с трудностями.

4 декабря 1920 г. Латышская секция Народного комиссариата по делам национальностей направила Латышской секции ЦК РКП(б) заявление, в котором говорилось, что уже демобилизованные стрелки попали в «безвыходное положение». Во время демобилизации они были лишены лучшей одежды и обуви, вместо которой было выдано все порванное, да и отправка в Латвию постоянно откладывалась. Стрелки роптали на Советскую власть, которой во время Гражданской войны они прослужили по два-три года и которая теперь, по их мнению, отнеслась к ним очень сурово и рассматривала их как своих противников. Сотрудники Латышской секции Народного комиссариата по делам национальностей предупреждали, что таким образом «из менее сознательных мы можем создать себе врагов или серьезные препятствия для распространения коммунистических

¹⁰² Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), Ф. 17. Оп. 62. Д. 9. Л. 33.

¹⁰³ Там же. Д. 4. Л. 15–19.

идей в Латвии»¹⁰⁴. Вполне возможно, что именно эта инициатива привела к тому, что 18 января 1921 г. председатель Революционного военного совета РСФСР Л.Д. Троцкий вместе с наркомом внутренних дел Ф.Э. Держинским направили на места циркулярную телеграмму с указанием отправить демобилизованных стрелков на родину в первую очередь и выдать им материальное пособие¹⁰⁵.

Однако недовольство среди части демобилизованных стрелков сохранилось. 15 августа 1921 г. на пленарном заседании Латсекции ЦК РКП(б) из 52-й дивизии Красной армии, где еще служила часть латышских стрелков, сообщалось, что в связи с разъяснением условий оптации латвийского гражданства «оптируются почти все коммунисты»¹⁰⁶. Разочарование в Советской власти часть уже бывших «красных» стрелков демонстрировала и при возвращении в Латвию. Были случаи, когда они над эшелонами поднимали красно-бело-красный латвийский флаг¹⁰⁷. Это создавало возможности и для некоторых своеобразных попыток «реабилитации» «красных» стрелков национальными деятелями. Так, литератор и политик, бывший и министром внутренних дел Г. Милбергс, который в 1919–1925 гг. служил чиновником в латвийской армии, рассказывал, что бывшие «красные» стрелки, возвращаясь в Латвию, предлагали ее представителям «очистить от русских» Смоленскую и Минскую губернии, чтобы присоединить их к Латвии. Возможно, так Милбергс интерпретировал непонятный для него юмор стрелков, или же он пустил понравившуюся ему байку в оборот, чтобы дискредитировать якобы ничего не соображавших в политике стрелков. Жаль только, что эту байку и сегодня вполне серьезно повторяют некоторые латышские публицисты¹⁰⁸.

Те латышские стрелки в России, которые хотели вернуться на родину, но не имели родственников в Латвии и не могли получить гарантии, требуемые латвийским правительством, были вынуждены оставаться в России. Это было большим разочарованием для них¹⁰⁹.

В этой связи следует отметить, что в начале 1920-х гг., когда военным министром Латвии был Я. Голдманис, на обеспечение поддержки возвращения бывших стрелков из России в Латвию правительством были выделены всего лишь 16 тыс. лат. Причем в 1928 г. Латвийский

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 909. Л. 274.

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 23. Д. 7. Л. 2.

¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 62. Д. 10. Л. 9.

¹⁰⁷ *L. As. Aculiecinieka nostāsts par strēlnieku atgriešanos dzimtenē // Strēlnieks. 1966. No. 11/12. 57–58 lpp.; Bērziņš V. Latviešu strēlnieki – drāma un traģēdija. Rīga, 1995. 231 lpp.*

¹⁰⁸ *Pulcējieties zem latviešu karogiem! Rīga: Zelta grauds, 2013. 7 lpp.*

¹⁰⁹ *Bērziņš V. Latviešu strēlnieki – drāma un traģēdija. 240 lpp.*

парламент (Saeima/Сазэйма, также Сейм) дал разрешение на судебное разбирательство правомерности использования этих средств Голдманисом, тогда — депутатом и председателем (с 1923 г.) Общества старых латышских стрелков. В 1929 г. была признана растрата средств Голдманисом, за что он был осужден на год тюремного заключения¹¹⁰. Была ли растрата мстью одного из «отцов» стрелков «красным» стрелкам, или политик просто потратил выделенные средства на свои нужды, или была еще какая-то другая причина пропажи денег, точно сказать не представляется возможным.

Уже в 1921 г., когда почти половина бывших латышских бойцов и командиров в Советской России были демобилизованы, большинство из них уехало в Латвию¹¹¹. В 1921-м и первые четыре месяца 1922 г. на родину вернулись 11 395 бывших солдат Красной армии¹¹². Как оценил В. Берзиньш, «примерно половина или чуть меньше» из них сражались в рядах латышских стрелков¹¹³. По оценке Дз. Вискны, после подписания мирного договора 11 августа 1920 г. около 10 тыс. стрелков вернулось в Латвию и почти столько же осталось в России¹¹⁴. Бывший же директор Латвийского музея красных стрелков В. Стинкулис, соглашаясь с числом вернувшихся на родину стрелков, считал, что «почти 5 тысяч, в основном старших командиров и членов партии, остались в России»¹¹⁵. Судя по тому, что в 1932 г. только в Организации бывших латышских стрелков при ОСОАВИАХИМе (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) в СССР состояло около 2 тыс. членов¹¹⁶, число оставшихся в России стрелков могло быть и больше.

Надо отметить, что в рядах «белых» по приблизительным оценкам также воевало от 8 до 10 тыс. латышей¹¹⁷. Сколько из них вышли из рядов стрелков, сведений, к сожалению, нет. И. Кригере считает, что среди «белых» в большинстве были мобилизованные латышские колонисты и эвакуированные рабочие. Только 3—4% были добро-

¹¹⁰ *Jēkabsons Ē. Jānis Goldmanis: 135.gadi kopš dzimšanas un vieta Latvijas vēsturē // Ikšķiles almanahs. 3. laidziens. Ikšķile, 2010. 126 lpp.*

¹¹¹ *Latviešu strēlnieku vēsture (1915—1920). Rīga, 1970. 577 lpp.*

¹¹² *Bērziņš V. Latviešu strēlnieki — drāma un traģēdija. 240 lpp.*

¹¹³ *Bērziņš V. Latviešu strēlnieki politisko pārmaiņu apstākļos. 244 lpp.*

¹¹⁴ *Viksna Dz. Strēlnieki: spožums un posts // Latviešu saraksti (1929—1938). Rīga. 1999. 54 lpp.*

¹¹⁵ *Stinkulis V. Vai tiešām tik sarkani? // Latviešu strēlnieks. 1994. No. 4. 3 lpp.*

¹¹⁶ Латвийский государственный архив. Партийный архив. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—2.

¹¹⁷ *Екабсон Э., Щербинский В. Участие латышей в военных формированиях белых во время Гражданской войны в России (1917—1920) // Россия и Балтия. Вып. 1: Страны и народы. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 93.*

вольцами (в большинстве своем это были офицеры)¹¹⁸. Так, известно, что в руководимом Б. Савинковым (1879–1925) «Союзе защиты Родины и Свободы», чья программа предусматривала «установление твердой власти, непреклонно стоящей на страже национальных интересов России», «установление в России того образа правления, который обеспечит гражданскую свободу и будет наиболее соответствовать потребностям русского народа»¹¹⁹, действовали несколько десятков латышских офицеров во главе с полковниками Ф. Бриедисом и К. Гопперсом. Первый в 1918 г. был казнен за участие в антисоветском заговоре, а второй позже служил у адмирала А.В. Колчака. Сегодня латышские историки подчеркивают, что, за исключением офицеров, ни один латыш не желал добровольно участвовать в «белом» движении¹²⁰.

* * *

После окончания Гражданской войны и подписания Советско-латвийского мирного договора перед латышскими публицистами по обе стороны советско-латвийской границы возник вопрос исторической оценки феномена латышских стрелков. Понятно, что в основном эти оценки были противоположны, ибо объективности мешала политическая предвзятость. Оба молодых государства должны были еще только утвердить свою легитимность. Оба создавали свой пантеон героев, легенды и мифы, только частично соответствовавшие реальности. Возникла своеобразная конкуренция, кто лучше сумеет использовать образ «героического латышского стрелка» в своих идеологических целях.

Пришедшие к власти в Латвии буржуазные круги испытывали серьезные затруднения в средствах повышения национального самосознания латышского народа, до того веками находившегося не только под социальным, но и национальным гнетом. Дело в том, что в Освободительной войне Латвии за независимость (*Latvijas atbrīvošanas karš*), как в Латвии трактовались события 1918–1920 гг., национальные вооруженные силы сыграли лишь второстепенную роль.

Первой воинской частью, сформированной Временным правительством Латвии в конце 1918 г., была Первая рота охраны Риги, среди бойцов которой были как бывшие латышские стрелки, так и освобожденные из немецкого плена другие солдаты-латыши. 29 декабря эта

¹¹⁸ Nagle G. Latviešu strēlnieki. Sarkanie? // Diena. 2001, 13. okt. // <http://lpra.vip.lv/strelnieki.htm> (обращение 12.10.2019).

¹¹⁹ Красная книга ВЧК. Т. 1. 2-е изд. М.: Политиздат, 1989 // http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/Red_book_VChK_files/057.htm (обращение 13.10.2019).

¹²⁰ Sprūde V. Karotāji ar raksturu, nevis nelieši // Latvijas Avīze, 2004, gada 5. febr. // <https://www.tvnet.lv/6222489/karotaji-ar-raksturu-nevis-neliesi> (обращение 13.09.2019).

рота отказалась подчиниться приказу выступить против наступающих большевиков. По просьбе Временного правительства после предупредительных выстрелов находившегося под Ригой английского флота немецкие оккупационные войска разоружили роту, арестовав 193 человек. Хотя сопротивления не было оказано, из ее состава 11 человек были расстреляны¹²¹.

После того как армия Советской Латвии в начале 1919 г. заняла почти всю территорию Латвии, задачу ее вытеснения из Курземе и взятия Риги (22 мая) выполнили немецкие войска под командованием генерала Р. фон дер Гольца. Латвийский историк И. Фелдманис прямо признал, что «главная роль в военных действиях этого времени принадлежала регулярным немецким частям»¹²². Затем схватку латышских и эстонских национальных частей с немецкими войсками под городом Цесис (Венден) выиграла в основном войска Эстонии. Атаку на Ригу так называемой Русской Западной добровольческой армии под командованием П. Бермонта-Авалова осенью 1919 г. латышские национальные вооруженные силы смогли отбить только при помощи военного флота Антанты (11 британских и 4 французских кораблей). При этом Антанта добилась, чтобы армия П. Бермонта-Авалова прекратила получать из Германии боеприпасы и теплое обмундирование, ее силы иссякли, и она была вынуждена отойти от Риги истощенной¹²³, как войска Наполеона от Москвы в 1812 г. Затем при вытеснении Красной армии из Латгалии (восточная область Латвии) главную роль сыграли войска Польши. Потери национальных вооруженных сил Латвии в годы войны за независимость по сравнению с потерями латышских стрелков в годы Первой мировой войны и Гражданской войны были незначительны. Были убиты и пропали без вести 3046 человек, ранено и контужено было 4 085 человек¹²⁴.

Миф о подвигах латышских героев в рядах национальной армии в борьбе за независимость государства остро нуждался в подкреплении мифом о подвигах латышских стрелков во имя независимости еще до ее провозглашения. Это понимала, по крайней мере, часть латышских национальных идеологов. Свою роль сыграло и стремление бывших членов Организационного комитета батальонов латышских стрелков,

¹²¹ *Nonācs O., Šreiners V.* Pēc 18. novembra. Tautas Padomes locekļu memoriāli. Rīga. 1933. 4, 13–14 lpp.; *Andersons E.* Latvijas vēsture. 1914–1920. Daugava, 1967. 374 lpp.

¹²² История Латвии. XX век. Рига: Jumava, 2005. С. 127.

¹²³ *Bermonts-Avalovs P.* Cīņa pret boļševismu. Rīga: Zvaigzne ABC, 2015. 275 lpp.; *Darstellungen aus dem Nachkriegskämpfen Deutschen Truppen und Freikorps. III Band. Die Kämpfe im Baltikum nach der zweiten Einnahme von Riga: Juni bis Dezember 1919.* Berlin, Verlag E.S. Mittler & Sohn, 1938. S. 89, 97, 104, 154.

¹²⁴ *Latvijas brīvības cīņas, 1918–1920: enciklopēdija.* Rīga: Preses nams. 1999. 40 lpp.

их офицеров получить свою часть почестей за вклад в создание государства.

Они в декабре 1923 г. учредили Общество старых латышских стрелков (*Latviešu veco strēlnieku biedrība*). Его официальной целью было «поддерживать в народной памяти историю стрелков и развивать их традиции и дух»¹²⁵. Еще в октябре, до официального создания Общества, будущие члены на своем собрании решили, что в его состав будут приниматься лишь те стрелки, кто в полки вступил до 1 октября 1917 г.¹²⁶ Таким образом «старые» стрелки, хотя бы частично, отделялись от «красных», хотя часть «старых» одновременно являлась и основным ядром «красных». Общество регулярно выпускало журнал «*Latviešu Strēlnieks*» («Латышский стрелок»)¹²⁷. С 1935 по 1940 г. было выпущено несколько номеров сборника «*Latviešu strēlnieki*» («Латышские стрелки»)¹²⁸. Правда, в этих изданиях главным образом публиковались материалы, одобренные правлением союза, где подчеркивался героизм стрелков, способности отдельных латышских командиров, но умалчивалась возможная критика, и лишь некоторые из очерков упоминали об их отношениях с большевиками.

Однако как в осуществлении пожеланий офицеров «старых» стрелков, так и в деятельности общества возникли два препятствия.

Во-первых, офицеры, воевавшие в 1919–1920 гг. в национальной армии, не были настроены делиться своими заслугами перед государством с теми, кто в это время служил в России у «красных» или «белых». Имеются данные, что в названные годы только около 50% всех офицеров национальной армии до этого служили в стрелковых полках¹²⁹. Служившие в годы Освободительной войны Латвии в национальной армии имели явные преимущества в продвижении по карьерной лестнице перед теми, кто в Латвию прибыл уже после признания ее независимости. Как правило, только те «старые» стрелки, кто не стали «красными», могли рассчитывать на признание своих заслуг перед Латвией. Немногие исключения составляли офицеры, прослужившие какое-то время у «красных», но затем в 1919 г. перебежавшие на сторону национальных сил.

После государственного переворота К. Улманиса 15 мая 1934 г. Общество латышских старых стрелков захотело выпустить очеред-

¹²⁵ *Latviešu veco strēlnieku biedrības īss darbības pārskats // Latviešu Strēlnieks*. 1924, 1 janv. No. 2. 33–34 lpp.

¹²⁶ *Latviešu strēlnieki // <http://www.gudrinieks.lv/referati/referats/latviesu-strelnieki.html>* (обращение 12.10.2019).

¹²⁷ *Latviešu Strēlnieks*. 1923–1940. No. 1–18.

¹²⁸ *Latviešu strēlnieki*. No. 1–7. Rīga: *Latviešu veco strēlnieku biedrība*, 1935–1940.

¹²⁹ *Bangerskis R. Latviešu strēlnieki kā nacionālās armijas avangards // Latviešu Strēlnieks*. 1931, 1 janv. No. 10. 1–5 lpp.

ной сборник исторических документов и воспоминаний «Латышские стрелки». Но тогдашний военный министр генерал Я. Балодис, не служивший в стрелковых частях, потребовал от представителей общества формального заявления о том, что латышские «старые стрелки» не имели никакого влияния на появление свободной Латвии. По воспоминанию П. Дардзанса, чтобы сборник мог выйти, такое заявление пришлось написать¹³⁰.

Во-вторых, в 1920–1930-х гг. в Латвийской Республике наблюдалась сильная тенденция замалчивать действия латышских «красных» стрелков во время Гражданской войны в России, а затем и их нахождения в Советском Союзе. В публицистике Латвийской Республики оценка проживавших в Советском Союзе соотечественников была явно отрицательной. Молодому государству приходилось решать свои задачи экономического и политического строительства, проблемы национальной консолидации, и латышская диаспора за рубежом рассматривалась как враждебная национальным усилиям. В первую очередь, это относилось к «красным» латышским стрелкам, которые остались в стране, провозгласившей строительство «социализма».

Замалчивание малоизвестных страниц прошлого не может привести к гармонии национального самосознания и исторической памяти, но этой тактики устранения из народной памяти образов тех латышей, которые своим идеалом выдвинули достижение социального равенства и справедливости, правящие круги Латвии фактически придерживались все 1920–1930 гг. «Красных» стрелков, особенно тех, кто проживал в Советском Союзе, редко упоминали в латышской литературе и периодике. В Латвийской Республике до 1940 г. публиковались исследования, посвященные главным образом сражениям стрелков во время Первой мировой войны и боям Национальной армии Латвии против Красной армии и бермонтовцев, а борьба стрелков на фронтах Гражданской войны в России замалчивалась¹³¹. У. Германис отметил: «Я хорошо помню, как в мои гимназические годы в Риге в латышских исторических книгах я напрасно пытался найти известия о наших стрелках после падения Риги в сентябре 1917 г. (в соответствии с новым стилем. — *В.Ш.*). История «старых» латышских стрелков как бы заканчивалась Рождественскими боями. После этого следовало несколько размытых фраз о том, что часть из них поддалась большевист-

¹³⁰ *Dardzāns P.* Op. cit. P. 272.

¹³¹ *Latvijas brīvības karš.* [Rīga], 1928.: *Latvijas atbrīvošanas kara vēsture.* Rīga, 1938; *Peņķis M.* Pasaules karš 1914, 1915 un 1916 gadā un Latviešu strēlnieku bataljonu-pulku cīņas. Rīga, 1935–1939; *idem.* Latvijas nacionālās armijas sākums un cīņas Latvijā līdz 1919 g. jūlijam. Rīga, 1932; *idem.* Latvijas nacionālās armijas cīņas 1919 g. vasarā un rudenī. Rīga, 1931.

ской агитации и ушла в Россию. С этим упоминания о стрелках почти исчезают»¹³².

В 1929 г., в первом выпуске сборников материалов Общества старых латышских стрелков¹³³, было объявлено, что в четвертом выпуске предполагается рассмотреть события времен революции. Но следующие выпуски так и не увидели свет. В других изданиях общества лишь эпизодически мелькает какой-либо факт об отношениях между стрелками и большевиками¹³⁴. То же можно сказать о других публикациях документов и материалов¹³⁵.

Поэтому исследователь истории латышских стрелков и публицист А. Меменис в эмиграции с горечью писал о «политиках и политиках», которые «во времена нашего свободного государства (подразумевается Латвия в 1920—1940 гг. — *В.Ш.*) учили СВОЮ правду и чтити только СВОИХ собственных героев, либо полностью забывая о стрелках и их заслугах, либо говоря только о тех этапах, которые казались им приемлемыми», которые пытались замолчать боевой путь латышских стрелков на фронтах гражданской войны в России и, таким образом, «обокрали латышский народ»¹³⁶.

Какой являлась эта «своя правда» и «свои герои», Латвийское государство демонстрировало уже с 1920 г., когда высшую военную награду — орден Лачплесиса (в честь мифического латышского героя) — стали вручать не только участникам борьбы за независимость в 1918—1920 гг., но и латышским стрелкам за бои в годы Первой мировой войны. Согласно современной публицистике ордена получили более двухсот «старых» стрелков¹³⁷. В 1927 г. за Рождественские бои орденом Лачплесиса I степени был посмертно награжден уже упомянутый полковник Ф. Бриедис. Примечательно, что в 1924 г. один из

¹³² *Ģermanis U., Vācietis J.* Pa aizputinātām pēdām. Daugava, 1956. 12 lpp.

¹³³ *Latviešu strēlnieki. Vēsturiski materiāli un atmiņas.* 1.d. Rīga, 1929.

¹³⁴ *Latviešu strēlnieki. Latviešu veco strēlnieku vēsturisko dokumentu un atmiņu krājums.* 1—7.sēj. Rīga, 1935—1940.

¹³⁵ *Tupiņš A.* Nāves sala. Latvju strēlnieku cīņas Ikšķiles priekš tilta apcietinājumos. Rīgā: Valters un Rapa, 1923. 80 lpp.; *idem.* Tīreļa purvos. Pirmās latviešu strēlnieku brigādes pārrāvums Jelgavas virzienā Mangaļu-Skangaļu rajonā 23. decembrī 1916. gadā Rīgā: Valters un Rapa, 1924. 144 lpp.; *Porietis J.* Sāpju ceļš. Latviešu veco strēlnieku cīņu laikmeta vēsturiskie dokumenti un atmiņas. Rīga: Valters un Rapa, [1932]. 336 lpp.; *idem.* Strēlnieki Nāves salā. Latviešu strēlnieku leģendāro cīņu piemiņai. Rīga: Erva, 1937. 147 lpp.; *idem.* Astoņas zvaigznes: latviešu strēlnieku likteņstāsti Rīgas frontē, revolūcijā un pilsoņu karā Krievijā: cīņu laikmeta vēsturiskie dokumenti un atmiņas. Rīga: Erva, 1937. 237 lpp.; *Gopers K.* Četri sabrukumi. Rīga: Dzīve un Kultūra. 1920. 168 lpp.; *idem.* Strēlnieku laiki: atmiņas. Rīga: Valters un Rapa, 1931. 111 lpp.

¹³⁶ *Memenis A.* Strēlnieki. Latviešu strēlnieki I pasaules karā. Rīga, 1995. 1, 130 lpp.

¹³⁷ *Latviešu strēlnieki pēc kara* // <http://www.dveseluputenis.lv/lv/laika-skala/notikums/129/latviesu-strelnieki-pec-kara/> (обращение 13.10.2019).

офицеров стрелковых полков, затем публицист Э. Меднис напечатал якобы свои воспоминания о казненном большевиками полковнике Ф. Бриедисе, «к которому из-за его тактики прорыва заграждений из колючей проволоки без артиллерийской подготовки и захвата позиций противника в открытом штыковом бою у латышских стрелков возникло острое чувство ненависти»¹³⁸. Э. Меднис же изображал его горячим приверженцем автономии и чуть ли не независимости Латвии. Автор даже нафантазировал, что Ф. Бриедис эти «наметки на будущее втайне обсудил с наиболее видными деятелями нашего национального движения, которые также в тайниках своих сердец строили планы на будущее на успехах наших стрелков. В этом отношении их воспоминания о полковнике Бриедисе обещают много интересных открытий»¹³⁹. Несмотря на прозрачный призыв представить «интересные открытия», они так и не появились. Все же, несмотря на то, что долгодетный военный министр Латвии Я. Балодис крайне негативно оценивал деятельность Ф. Бриедиса, не без основания считая полковника русским офицером, убежденным монархистом, нисколько не заботившимся о независимости Латвии¹⁴⁰, в латвийской публицистике началась и по сей день продолжается мифологизация безусловно храброго офицера как горячего патриота Латвии.

Таким образом, государство признало не только военные, но и политические заслуги «старых» стрелков. В ходе аграрной реформы стрелки-инвалиды и наследники их павших товарищей при получении земли были приравнены к участникам Войны за независимость. Созданию мифа о том, что стрелки и воины национальной армии Латвии боролись за одну и ту же цель — независимую Латвию, служило и Братское кладбище в Риге, где рядом с павшими в годы Первой мировой войны на Рижском фронте стрелками с 1919 г. хоронили и останки погибших в войне за независимость. На миф работали и даты на воротах кладбища: «1915—1920»¹⁴¹.

6 января 1922 г., в день, когда в 1916 г. начались Рождественские бои (24 декабря по старому стилю), впервые провели празднование дня памяти латышских стрелков, президент страны Я. Чаксте обратился к ним со словами: «...вы заложили основы Латвии». Год спустя,

¹³⁸ *Klīve A.* Brīvā Latvija. Latvijas tapšana. Atmiņas, vērojumi un atzinumi. [Bruklina]: Grāmatu draugs, 1969. 295 lpp.

¹³⁹ *Mednis E.* Pulkveža Brieža nacionālie centieni // *Latviešu Strēlnieks*. 1924, 1 janv. No. 2. 21—25 lpp.

¹⁴⁰ Фридрих Бриедис. Полковник вместо монаха // *Наша Газета*. 2007, 6 сент. // <http://www.nasha.lv/article.php?id=5601289&date=6-9-2007> (обращение 12.10.2019).

¹⁴¹ *Zellis K.* Mūžības skartie: Latviešu strēlnieka tēls Latvijas kolektīvajā atmiņā // *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls*. 2014. No. 4 (93). 99 lpp.

комментируя слова президента, Я. Голдманис заявил: «Чтобы найти место, где заложить основы нашего государства, сначала надо было достичь того, чтобы Германия не легла как кошмар на то место, где эти основы надо было закладывать, чтобы она не победила в мировой войне. Заслуги латышских стрелков в достижении этой первой цели по героизму не затмят никакие века». Он также подчеркнул тесную связь деяний латышских стрелков и солдат национальной армии Латвии, указав, что «только благодаря этой общей работе мы приобрели самостоятельную, независимую Латвию»¹⁴².

Несколькими днями позже видный националистический публицист Э. Бланкс опубликовал статью, в которой постарался определить место латышских стрелков в истории создания независимой Латвии. Она содержала следующие тезисы:

- организация батальонов была «зрелым стихийным требованием латышского народа» в условиях, когда «русская армия оказалась неспособной отстоять латышскую землю против врага»;
- «Латышские стрелковые батальоны, их яркие победы над немцами [Если не считать мелких успехов при контрнаступлениях, хоть одну более-менее значительную победу нельзя было назвать, ведь армия России в 1915–1917 годах на территории Латвии только оборонялась. — *В.Ш.*] <...> дали латышскому народу не только новое воодушевление, но в большой мере подготовили путь к боям за Латвийскую республику»;
- «Настоящая роль латышских стрелков должна была начаться после Февральской революции, когда у латышского народа появилась большая возможность завоевать право на самоопределение. Однако множество условий определило то, что латышские стрелковые полки от нее отделились»;
- «Своей главной задачей стрелки избрали уничтожение власти деспотии большой России. И на этом поле роль латышских стрелков велика. Не скажем, что они уничтожили Российскую державу, но их заслуги в ослаблении политических, военных и хозяйственных сил России никто не может отрицать»;
- латышские стрелки «косвенно работали и на новые национальные государства»¹⁴³.

Последнюю мысль Бланкса подхватил в том же издании публицист Я. Озол, утверждая, что латышские стрелки на фронтах Гражданской войны в борьбе против «восстановителей российской монархии и врагов Латвии Деникина и Врангеля» воевали не против, а за «интересе-

¹⁴² *Goldmanis J.* Latvju strēlnieki // *Latviešu Strēlnieks*. 1923, 1 janv. No. 1. 12–13 lpp.

¹⁴³ *Blanks E.* Latviešu strēlnieku piemiņai // *Latvijas Sargs*. 1922, 6 janv. No. 5. 1–2 lpp.

сы независимой Латвии». Он ратовал за «прощение» тех, кто оставил Латвию и воевал на чужбине, но, демобилизовавшись, вернулся на родину¹⁴⁴. Эти публикации содержали уже многие положения, которые в дальнейшем развивались как в латышской публицистике, так и в историографии, хотя на каждое из них можно найти возражения и уточнения.

Например, упорно подчеркивалась связь между стрелками и национальной армией Латвии. Время формирования латышских стрелковых батальонов называлось «решающей эпохой национального возрождения латышского народа»¹⁴⁵. Генерал А. Аузанс писал, что «Рождественские бои дали латышскому народу ту уверенность и чувство собственного достоинства, с которыми он выступил в 1918 и 1919 году против пришельцев из чужих стран и прогнал их...»¹⁴⁶. Эти же бои поэт К. Скалбе назвал «днями славы и похорон нашей первой национальной армии»¹⁴⁷. Несколькими годами позже уже упомянутый генерал Р. Бангерский назвал стрелков «авангардом национальной армии»¹⁴⁸.

Центральным сюжетом воспоминаний стрелков, очерков о них, отдельных высказываний политиков были сражения латышских стрелков в годы Первой мировой войны; выражался восторг по поводу их подвигов. Но отдельные публицисты не могли обойти и самый неприятный для них вопрос: почему стрелки в 1917 г. перешли на сторону большевиков. Назывались самые разные причины.

Уже в 1918 г. в латышской буржуазной прессе появились рассуждения, будто во всем виновата проводимая царизмом политика русификации, не позволившая местной буржуазии воспитать молодежь в духе национализма. Пытаясь умалить влияние большевиков в Латвии, буржуазные публицисты писали, что оно распространилось лишь на стрелков и беженцев — людей, которым «нечего было терять»¹⁴⁹. Да только авторы этих статей «забыли» о том, что количество таких людей, которым «нечего было терять», на не оккупированной немцами территории Латвии достигало свыше 70% населения, и именно столь-

¹⁴⁴ *Ozols J.* Latviešu strēlnieki svešumā // *Latviešu Strēlnieks*. 1923. 1 janv. No. 1. 22–23 lpp.

¹⁴⁵ *Veco latviešu strēlnieku piemiņas svētkos* // *Latvijas Sargs*. 1926. 5 janv. No. 3. 1. lpp.

¹⁴⁶ *Auzans A.* Ziemassvētku kauju nozīme // *Latviešu Strēlnieks*. 1923. 1 janv. No. 1–18. 19 lpp.

¹⁴⁷ *Skalbe K.* Strēlnieku piemiņas dienā. Mazās piezīmes // *Jaunākās Ziņas*. 1924. 5. janv. No. 4. 1 lpp.

¹⁴⁸ *Bangerskis R.* Latviešu strēlnieki kā nacionālās armijas avangards // *Latviešu Strēlnieks*. 1931. 1 janv. No. 10. 1 lpp.

¹⁴⁹ *Шалда В.* Обманутые надежды латышской буржуазии // *Горизонт*. 1977. № 14. С. 13.

ко голосов было отдано за списки большевиков на выборах в уездные земские советы и в Учредительное собрание России осенью 1917 г.¹⁵⁰

В 20-е гг. XX в., отвергая такие объяснения большевизации стрелков, как их усталость, потерю веры в победу, предательство русских генералов [не поддержавших Рождественское наступление стрелков] и др., бывший командир одного из полков латышских стрелков К. Гопперс усмотрел причину перемены позиции стрелков в прошедших перед их II съездом в мае 1917 г. перевыборах делегатов, на которых «единственно вожди большевиков были знакомы со значением ленинской школы демагогии»¹⁵¹. В 1925 г. публицист К. Упитс объяснял успехи большевистской пропаганды среди латышей тем, что большевики «были тесно организованы, а остальная им не сочувствовавшая масса беженцев еще не приступила к политической организации»¹⁵².

Видный латвийский политик А. Бергс увидел истоки «трагедии» стрелков в противоречии национального и социального. Он писал: «Уже с идеи батальонов стрелков возник и драматичный конфликт, ставший судьбоносным для латышских стрелков. С одной стороны, латышские патриоты, с другой стороны, защитники той власти, что безжалостно боролась с латышским патриотизмом». Дальнейшие рассуждения автора начертили мнимую предопределенность пути стрелков. При развале старой России они не могли ни сдать в плен немцам, ни поддержать предавших их русских генералов. Им якобы оставался только один путь — «стрелки спасли и посадили в Кремль коммунистов, которые без них уже в 1918 г. болтались бы каждый на своем фонарном столбе. Фактически наши стрелки создали большевистскую Россию. <...> Коммунисты [же] их направили против белой Латвии, против свободной, самостоятельной Латвии, о которой они мечтали, шепотом говорили на позициях...». Явный недостаток доказательства того, о чем же стрелки «шепотом говорили на позициях», автора не смутил. Его вывод о стрелках звучал: «Нам нечем гордиться, но нам и не за что стыдиться»¹⁵³.

В 20-е гг. XX в. появились и другие толкования поведения стрелков. Один из авторов, скрывающийся за инициалами Fg. B., пытаясь защитить стрелков от нападок за коммунистические взгляды, писал, что именно в Латвии были наиболее благоприятные условия для развития революционного движения: «Нигде в России так тесно не переплетались национальные и классовые отношения, как у нас». Правда, этому тезису явно противоречил другой, что «вся большевистская про-

¹⁵⁰ Latvijas padomju enciklopēdija. 5² sēj. 196 lpp.

¹⁵¹ *Goppers K.* Starp divām revolūcijām.

¹⁵² *Upits K.* Pulkvedis Fr. Briedis Golgātas gaitā. Rīga, 1925. 16, 26 lpp.

¹⁵³ *Bergs A.* Strēlnieku traģēdija // Latvis, 1925, 6 janv. No. 985. 1–2 lpp.

паганда попала в полки стрелков извне, т.е. из тыла. Пришли Стучки, Данишевские, Драудини [Теодорс Драудиньш — один из деятелей социал-демократии Латвии. — *В.Ш.*] и др., которые делали все, чтобы разрушить дух и дисциплину латышских стрелков». По мнению этого автора, даже «в Россию стрелки отправились не по своей воле, а только потому, что они еще подчинялись приказам и указаниям». Очевидно, чтобы не ставить под сомнение свой тезис о том, что значительная часть стрелков в начале 1918 г., не «подчиняясь приказам и указаниям», так и не ушла в Россию, в данном случае автору было невыгодно упоминать. Все же вывод звучал реалистично: «Стрелки не являлись в бóльшей мере большевистскими, чем сами [местные] жители, что доказывают избранные в то время учреждения самоуправления. Поэтому упрек стрелкам в поддержке коммунизма одинаково адресуем всему обществу»¹⁵⁴. Однако такие мысли о поддержке коммунизма «всем обществом» Латвии пришлись не ко двору и в дальнейшем не получили сколько-нибудь широкого распространения.

Все эти толкования происшедшего так и не смогли раскрыть причины, почему весьма богатые видными творческими личностями буржуазные и мелкобуржуазно-рабочие партии, которые уже в 1905 г. «приступили к политической организации», в 1917 г. уступили большевикам в борьбе за массы, и в том числе за стрелков.

Примечательно, что практически одновременно в Советской России и в Латвии именно наиболее выдающиеся представители командиров стрелков пришли к уже высказанной Э. Бланксом идее о том, что «красные» стрелки, успешно воюя против «белых», внесли вклад в становление не только Советской России, но и «косвенно работая на новые национальные государства» на территории бывшей Российской империи.

В 1922—1924 гг. в Пскове в двух частях вышла книга бывшего главнокомандующего Красной армии Ю. Вацетиса об историческом значении латышских стрелков. В ней он не скрывал свои национал-демократические взгляды, за что уже в предисловии книги ее издатели из Компартии Латвии подвергли Вацетиса критике за непонимание «классовой борьбы»¹⁵⁵. Думается, что его книгу, хоть и изданную в РСФСР/СССР, можно причислить к изданиям национально-демократического направления. Кроме того, Вацетис в начале 1920-х гг. стремился получить разрешение властей Латвии вернуться на родину¹⁵⁶ (правда, по-

¹⁵⁴ *Fr. B. Vai latviešu strēlnieki vairojami komunistiskā kustībā // Latviešu Strēlnieki. 1924. 1. janv. No. 2. 32—33 lpp.*

¹⁵⁵ *Vācietis J. Latviešu strēlnieku vēsturiskā nozīme. Pleskava: Spartaks. 1922 (1. daļa), 1924 (2. daļa).* Переиздана: Rīga: Avots, 1989.

¹⁵⁶ *Ģermanis U. Zemgalešu komandieris.*

пытка оказалась безуспешной. — *В. Ш.*), что, должно быть, повлияло на изложение его взглядов.

Бывший главком утверждал, что «латышские стрелки были борцами за идейные стремления», «отдавались революции с полнейшим сознанием и самоотверженностью». Но он также не единожды подчеркивал, что советское правительство было единственным, которое заботилось о судьбах малых народов бывшей Российской империи, и «потому латыши должны были поддержать российскую советскую власть оружием, чтобы получить также свободную Латвию»¹⁵⁷. Переход латышских стрелков на сторону большевиков он мотивировал тем, что «мы, латыши, должны были поддержать в России ту партию, которая признала нашу свободу и независимость. И это была большевистская партия России. Другие российские партии не хотели ничего слышать о независимости малых народов. Многие до сих пор не знают, какое значение для латышских стрелков имеет лозунг: Свободная Латвия»¹⁵⁸. В его книге звучала уверенность, что история когда-то по достоинству оценит роль «красных» стрелков.

Вскоре после этого уже в Латвии была опубликована статья первого председателя Исколастрела В. Озолса. Признавая, что «нет другого такого явления в исторической жизни нашего народа, которое более популяризовало бы латышей, чем стрелки», автор указал, что латышские стрелки «нашли пути, которые во время мировой войны связывали латышские силы с силами других европейских народов против Германии, а также нашли пути, которые во время Русской революции связывали русский народ с латышскими стрелками против старой России и ее строя, а также те пути, которые в 1918—1919 гг. во время революции в Германии объединили все угнетенные народы, которые в то же время выступали против остатков старых угнетателей (Гольц, Бермонт и др.), и Советскую Россию. При этом особенно судьбоносная роль досталась так называемым красным стрелкам, которые в 1919 г. частично перешли в Латвийскую национальную армию, но другая их часть поддержала Советскую Россию в борьбе против Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича, таким образом, косвенно подпирая и Латвию, и другие созданные на руинах России новые страны»¹⁵⁹.

Следует заметить, что если Ю. Вацietис подчеркивал деятельность «красных латышских стрелков» на благо Латвии и «малых народов», то В. Озолс связывал ее также и с всеобщими мировыми процессами.

¹⁵⁷ *Vācietis J.* Latviešu strēlnieku vēsturiskā nozīme. Rīga: Avots, 1989. 254, 261 lpp.

¹⁵⁸ *Ibid.* 158 lpp.

¹⁵⁹ *Ozols V.* Ko māca latvju strēlnieku vēsture? // *Latviešu Strēlnieks.* 1925. 1 janv. No. 4. 18—22 lpp.

Национальной латышской публицистике в то время, безусловно, ближе был более «патриотичный» подход Ю. Вацетиса к оценке позиции «красных» латышских стрелков. До сих пор в ней вслед за Вацетисом звучат утверждения, что латышские стрелки в 1917 г. следовали за большевиками потому, что они «обещали признать независимость Латвии»¹⁶⁰, что косвенно наталкивает на мысль о том, что большевики обманывали латышских стрелков. Поэтому следует подчеркнуть, что никакого обмана со стороны большевиков не было, что латышские большевики как в прессе, так и в устной агитации стремились разъяснить массам свой взгляд на национальный вопрос. Они указывали, что наиболее важными и актуальными в тот момент являлись задачи положить конец империалистической войне и добиться победы социализма, а вместе с тем будет устранен и национальный гнет. 10 апреля 1917 г. В.И. Ленин писал, что «в национальном вопросе пролетарская партия должна отстаивать, прежде всего, провозглашение и немедленное осуществление полной свободы отделения от России всех наций и народностей, угнетенных царизмом, насильственно присоединенных или насильственно удерживаемых в границах государства, т.е. аннексированных». Однако там же было сказано, что «пролетарская партия стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к сближению и дальнейшему слиянию наций...»¹⁶¹.

Такой же была позиция латышских большевиков. Один из видных деятелей латышских большевиков Ю. Данишевский 8 марта 1917 г. четко изложил в газете «Сīпа» мнение большевиков, что «...сначала будет решена социальная проблема, а затем национальная. Или лучше: национальный вопрос будет разрешен наряду с социальным вопросом. <...> В борьбе классов пролетариат освободит себя, народы, все человечество <...> И с победой международного пролетариата будет положен окончательный конец войне народов». По крайней мере, большинство оставшихся после Гражданской войны в Советской России/Советском Союзе стрелков не боролись за провозглашенную 18 ноября 1918 г. Латвийскую Республику, а надеялись вернуться на родину, когда там победит социалистическая революция.

Однако объяснение участия стрелков в Гражданской войне в России как борьбы за свободную Латвию в различных контекстах и формах появлялось вновь и вновь. В 1932 г. была опубликована большая статья П. Дардзанса об историческом значении латышских стрелков.

¹⁶⁰ Latviešu strēlnieki // <http://www.gudrinieks.lv/referati/referats/latviesu-strelnieki.html> (обращение 22.10.2019).

¹⁶¹ Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 167.

Автор признавал, что «в наше время мелкой повседневности и демагогии, когда все покупается и продается, когда все определяется только голыми интересами, тщетны усилия искать в прессе правду». Он выступил против деления стрелков на две части — тех, «кто воевал против немцев у Риги и в Видземе», и тех, «кто потом забрели в Россию и проливали свою кровь <...> на всех фронтах, где только были вспышки боевых действий со старой царской Россией». Подобно националистическим журналистам, он постулировал, что «создание стрелковых батальонов в 1915 г. в первую очередь должно рассматриваться как момент окончательного национального пробуждения и созревания сознания латышской нации. Национальная идея, выразившись в создании войск, логически подготовила путь к независимости Латвийского государства». В то же время П. Дардзанс писал, что «следует признать аксиомой, что большевики были единственной группой, на которую страны окраин, включая Польшу и Финляндию, могли надеяться, что та признает их независимость», и поэтому в 1918 г. «без лидеров и офицеров, порицаемые большей частью народа старые стрелки покинули битву с одним из исторических врагов латышского племени, немцами, и сердцем и душой увлеклись, пусть и одухотворенные заблуждениями, борьбой с другим застарелым, не менее жестоким врагом — старой Россией. Если бы верх взяли А. Колчак, А. Деникин или любой другой белый генерал, латвийская армия и независимость Латвии были бы в гораздо большей опасности, чем перед Бермонтом и большевиками вместе взятыми»¹⁶². Последняя мысль была обоснована, но борьба «красных» стрелков снова и снова объяснялась лишь националистическими мотивами.

Большинство публицистов продолжали «поэтическое» восхваление «старых» стрелков. Анонимный автор писал, что в результате Рождественских боев перед латышским народом взошла «звезда надежды, подобная той, что тысячу лет назад воссияла над Вифлеемом»¹⁶³. Писатель А. Гринс характеризовал создание латышских стрелковых батальонов как «порождение народного инстинкта самосохранения», и заключил, что принесенные ими «частично из-за вины их боевых товарищей — русских» жертвы «ускорили размежевание латышского народа с большим, но немощным и трусливым соседом» и «построили между обоими соседними народами стену отчуждения», а неприязнь к тем, «кто руководил судьбами большой империи и ее армии», является причиной того, что «часть стрелков пере-

¹⁶² *Dardzāns P. Latviešu strēlnieku vēsturiskā nozīme // Burtņieks, 1932. No. 2. 105–111 lpp.*

¹⁶³ *Kauju dalībnieks. Ziemas svētku kauju 10 gadu piemiņai // Latvīvis. 1927. 6 janv. No. 1574. 2 lpp.*

шла на сторону большевиков...». Он также сделал предположение, что если бы «среди национальных деятелей того времени нашлась рука, которая бы подняла знамя независимой Латвии <...>, то как знать? И дальнейшие пути стрелков в пустошах России были бы другими». А. Гринс призывал не судить стрелков за переход к большевикам, ибо «заслуги стрелков с лихвой покрывают ошибки, допущенные позже частью их семьи»¹⁶⁴.

После установления в Латвии диктатуры К. Улманиса писатель Я. Акуратерс прямо указал, что «латышские стрелки являются одной из легенд народной истории...». Далее он сформулировал эту легенду: «Во время Рождественских боев стрелки нанесли удары врагу, от которых вздрогнули не только поля Латвия, но и вся обширная Россия и Европа. Прозвучал голос нового народа, поднялась на звездном небосклоне народов новая звезда — звезда Латвии»¹⁶⁵. Ему вторил другой писатель, К. Скалбе: «Рождественские бои вынесли славу латышского солдата в широкий мир. Когда рассказывали об этом, уже слышалось: “Новое государство родилось”»¹⁶⁶.

Однако надо отдать должное К. Скалбе в том, что он один из первых в Латвийской Республике еще в 1920-е гг. поднял вопрос о том, «нужно ли было эти полки [латышских стрелков. — *В.Ш.*] создавать? Для чего эти бои, отнявшие у нас столько дорогих жизней? <...> Какое приобретение мы получили от этих боев, которые потребовали столько жертв и не несли никаких реальных достижений?» Правда, ответ его неубедителен: «Поздно об этом говорить. <...> Лучше было сложить голову на меже родины, чем скитаться по чужой земле. У нас не было своей истории. Полки латышских стрелков вынесли героическую славу народа во весь мир. <...> Неугасающая историческая легенда...»¹⁶⁷

В том же году неизвестный автор (*S.N.*) дал свою оценку роли «старых» латышских стрелков в создании «новых государств» на территории бывшей Российской империи: «Не смерть 10 000 стрелков, а война войне и революция создали новые государства». Он дал краткий ответ и на прославление политиков, по чей инициативе были созданы батальоны стрелков: «Не стоит превращать заслуги тогдашних вождей стрелков в героические легенды, но необходимо позволить логике фактов поставить их, если не в ряд преступлений, то в любом случае, [в ряд] «остроумного» легкомыслия и «дерзкой» близорукости»¹⁶⁸.

¹⁶⁴ *Grīns A. Strēlnieku piemiņai // Latvis. 1928. 6 janv. No. 1870. 1 lpp.*

¹⁶⁵ *Akurāters J. Gari un karogi // Jaunākās Ziņas. 193. 5 janv. No. 3. 5 lpp.*

¹⁶⁶ *Skalbe K. Kad zvaigzne iedegās // Jaunākās Ziņas. 1938. 4 janv. No. 3. 1 lpp.*

¹⁶⁷ *Skalbe K. Strēlnieku piemiņas dienā. Mazās piezīmes // Jaunākās Ziņas. 1924. 5. janv. No. 4. 1 lpp.*

¹⁶⁸ *S.N. Piemiņa un strēlnieki // Domas. 1924. No. 2. 187–188 lpp.*

В предвоенный период эти здравые мысли не получили дальнейшего развития.

Так как ни идеологи, ни профессионалы, военные и историки Латвии так и не нашли общего решения проблемы, в период между двумя войнами не было создано и обобщающего труда по истории латышских стрелков.

По завершении Второй мировой войны оказавшиеся в эмиграции представители латышской буржуазии и интеллигенции стремились продолжить освещение темы стрелков, но, как и прежде, не могли найти общий знаменатель. Истолкование позиции латышских стрелков в 1917–1920 гг. вызывало трудности.

В первом послевоенном эмигрантском сборнике, посвященном стрелкам, их поддержка большевиков в боях против «белых» генералов по-прежнему упрощенно рассматривалась как борьба за самоопределение Латвии¹⁶⁹. Продолжалось прославление «старых» стрелков. По ходу дела создавались новые легенды. Так, Я. Голдманис в 1953 г. поведал о какой-то итальянской газете, которая в годы Первой мировой якобы писала, что латышский стрелок стоит столько золота, сколько сам весит¹⁷⁰. (Работники Военного музея Латвии уже в наши дни напрасно искали такую газету с таким утверждением¹⁷¹.)

Все еще мало упоминалась та часть стрелков, которая осталась в Советской России после окончания Гражданской войны. В книге бывшего стрелка, затем журналиста Я. Порьетиса «Легендарный путь стрелков» более широко, чем в его предвоенных книгах, говорится о действиях стрелков в 1919 г. и позже. Однако научные и тем более политические установки исследователя остались неизменными¹⁷². В работах антибольшевистски ориентированных участников событий, журналистов и историков в эмиграции нередко прослеживается явное нежелание говорить о потере влияния буржуазии и, наоборот, о распространении влияния большевиков среди стрелков, и стремление избежать поиска причин этого явления. Эту позицию озвучил автор интересных мемуаров Я. Эзергайлис, сам прослуживший более года в полках советских латышских стрелков в России и Латвии. Он писал: «Было бы неразумно говорить о делах стрелков в России. Там было много хороших и плохих дел. Можно было бы сказать о многом, но будет лучше, если мы помолчим. Современные историки не внесут никакой ясности. Чистовик истории сможет дать

¹⁶⁹ Zvaigžņu pulku atmirdza. Nirnberga, 1947. 41–42 lpp.

¹⁷⁰ Latviešu strēlnieki mūžības gaismā. Sakārtojuši Jānis Goldmanis un Edvins Mednis. [Nujorka]: Strēlnieks, 1953. 11 lpp.

¹⁷¹ Zirnīs E. Uz ežiņas galvu liku.

¹⁷² Porietis J. Strēlnieku leģendārās gaitas. Pilskalns, 1968. См. также выше, сн. 133.

только следующее столетие, когда герои своего времени уже будут под травой»¹⁷³.

Правда, такое стремление избежать неудобных проблем и надежда лишь на будущее не были всеобъемлющими. Например, политический деятель Латвийской Республики А. Кливе и в эмиграции упрекал латышских стрелков в том, что они «в самую нужную минуту отвернулись от своего народа и ушли служить чужим господам и их целям». В их жертвах на фронтах Гражданской войны он винил Ю. Вацietиса, который якобы их увлек в Россию. Кливе также считал «не выдерживающим критики утверждение, что стрелки спасли Латвию от Колчака и вхождения в состав Российской монархии», ибо для этого их силы были слишком слабыми¹⁷⁴.

Как видим, начатый еще в 1920-х гг. спор продолжался. Его незавершенность признали и сами эмигранты. Историк У. Германис писал, что «дискуссии и памятные статьи о стрелках и их лидерах в нынешней латышской эмигрантской прессе в основном показывают те большие разногласия, которые по-прежнему связаны с этими вопросами истории»¹⁷⁵.

Шли оценки потерь стрелков. Латышский историк в эмиграции Э. Андерсонс, ссылаясь на «не основанном на фактах предположении латышских историков», писал, что во время Первой мировой войны потери латышских солдат достигли от 30 до 35 тыс., а всего погибли 62 тыс. латышей¹⁷⁶.

Явно заниженная оценка потерь латышских стрелков, как «старых», так и «красных» — от 10 до 12 тыс. — дана в изданной за границей «Латышской энциклопедии»¹⁷⁷. В современной публицистике утверждается, что потери латышских стрелков во время Первой мировой войны, считая погибших, раненых и пропавших без вести, составляли около 20 тыс. человек¹⁷⁸. Как видим, все цифры не подтверждены документально. Ясно одно: с осени 1915 г., когда стрелки стали участвовать в боях на территории родной Латвии, их потери были на-

¹⁷³ *Ezergailis J.* Ezergaiļa grāmata. Jāņa Ezergaiļa skices un atmiņas. (1898–1984). Itaka, 1988. 242 lpp.

¹⁷⁴ *Klīve A.* Brīvā Latvija. Latvijas tapšana. Atmiņas, vērojumi un atzinumi. [Bruklina]: Grāmātu draugs, 1969. 178, 190 lpp.

¹⁷⁵ *Ģermanis U.* Zemgaliešu komandieris // http://jaunagaita.net/jg76/JG76-90_Germanis.htm (просмотр 10.02.2018).

¹⁷⁶ *Andersons E.* Latvijas vēsture. 1914–1920. Stokholma: Daugava, 1967. 225, 346 lpp.

¹⁷⁷ *Latvju enciklopēdija* / Red. A. Švābe. Otrās sējums. Stokholma: Trīs zvaigznes, 1952, 1953. 1337 lpp.

¹⁷⁸ *Latviešu strēlnieki pēc kara.* <http://www.dveseluputenis.lv/lv/laika-skala/notikums/129/latviesu-strelnieki-pec-kara> // (просмотр 23.02.2018).

много выше, чем у латышей, призванных в другие части российской армии.

Кстати, нет точных данных и о потерях латышских стрелков во время Гражданской войны в России, так как их ряды постоянно пополнялись мобилизованными латышами. По словам историка В. Штрауса, из каждых десяти латышских стрелков-красноармейцев восемь погибли в Гражданской войне¹⁷⁹. Думается, что без тщательной проверки эти данные приходится считать значительно завышенными. Существует также оценка, что в Гражданской войне, «главным образом на стороне Ленина против белогвардейцев», потеряли жизнь «по меньшей мере, 28 000» латышей¹⁸⁰. По другим подсчетам, на фронтах Гражданской войны были убиты около 20 тыс. латышских стрелков¹⁸¹. Учитывая то, что большевистские власти направляли латышских стрелков на самые ответственные участки фронта, и против них была сосредоточена особенная враждебность «белых», можно смело предположить, что и здесь их потери были выше средних среди частей Красной армии.

Оценивая состояние изученности темы латышских стрелков, к малоутешительному выводу пришел уже неоднократно упоминавшийся П. Дардзанс: «Мы часто стараемся строить свою историю на вымышленных легендах, но не на основе действительности и фактов». Отвечая на поставленный им же самим вопрос, почему так получилось, что латышский народ годами смирялся с историей, основанной на «пожеланиях заинтересованных сторон и искусственно созданных легендах», он признал, что «в основном это произошло за счет умолчания правды, навязанного прессе и обществу заинтересованными властью имущими»¹⁸². П. Дардзанс был уверен, что «погружаясь в события той эпохи, мы должны прийти к выводу и признанию, что мы не можем и не должны делить наших стрелков на красных и белых, а как одни, так и другие являются плотью от нашей плоти и кровью от нашей крови, и как одни, так и другие проливали свою кровь за свой народ и его свободу от рабства великороссов»¹⁸³. По его заключению,

¹⁷⁹ *Штраус В.* О бутовских латышах // Бутовский полигон 1937–1938. Кн. 3. Москва, 1999. С. 24.

¹⁸⁰ *Rislaki J.* Maldināšana: Latvijas gadījums. Jumava, 2008. 89.lpp.; *Vārpa I.* Ceļš uz Latvijas valsti. 1914–1922. Rīga: Jumava. 2012. 341 lpp.

¹⁸¹ *Klīve A.* Brīvā Latvija. Latvijas tapšana. Atmiņas, vērojumi un atzinumi. [Bruklina]: Grāmatu draugs, 1969. 190 lpp.; *Vīksna Dž.* Strēlnieki: spožums un posts. Latviešu saraksti (1929–1938). Rīga, 1999. 54 lpp.; *Lācis V.* Latviešu zemes un tautas vēsture. Rīga: Vieda. Latvijas ekoloģiskās izglītības apgāds, 2006. 142 lpp.

¹⁸² *Dardzāns P.* Strēlnieku un atrbrīvošanas cīņu laikmeta vēsture jāpārraksta. Apskats par Ulža Ģērmaņa monografiju «Zemgaliešu komandieris» // Jaunā Gaita. 1974. No. 99 // http://jaunagaita.net/jg99/JG99_Dardzans.htm (просмотр 12.10.2019).

¹⁸³ *Ibid.*

«окончательная самостоятельность Латвии» была завоевана не только на территории самой Латвии, но и «в тех боях на востоке, где окончательно была разбита старая Россия и где Латышские стрелки неоднократно играли решающую роль»¹⁸⁴.

О стрелках, их отношениях с большевиками писали и профессиональные историки-эмигранты. В их работах появились суждения о том, что «латышские стрелки не терпели тех, кто поддерживал старый режим, и поэтому стали надежными союзниками Ленина»¹⁸⁵. Отмечалось, что «если коммунистические агитаторы смогли использовать невежество и колебания стрелков в свою пользу, то в этом своя доля вины была и в недостаточной активности противоположной стороны»¹⁸⁶. Однако в цитированных работах латышских зарубежных историков еще видна тенденция показать латышских стрелков как пассивный объект активного воздействия большевиков.

Более основательно, чем другие исследователи, развитием политической позиции стрелков, стремясь всесторонне объяснить их отношения с большевиками, занимались У. Германис¹⁸⁷ и Э. Андерсонс¹⁸⁸. Первый признал, что «в стрелковых полках было много сыновей рабочих, батраков и малообеспеченных людей, поэтому соблазн большевиков имел успех»¹⁸⁹. Э. Андерсонс писал, что главная причина, по которой стрелки оказались столь отзывчивыми к коммунистической пропаганде, заключалась в отсутствии единого латышского национального центра и политической программы, а также малого опыта у буржуазных слоев Латвии, их небольшого интереса к созданию сплоченной политической организации и определенной идеологии¹⁹⁰. Он на основе обширного материала также пришел к выводу, что бои советских латышских стрелков «косвенно способствовали укреплению независимости Латвии, разрушив планы русских белогвардейцев»¹⁹¹. Фактически шло уточнение позиции, высказанной латышскими публицистами еще в 1920-е гг.

¹⁸⁴ Цит. по: *Stinkulis V. Quo vadis? // Latviešu Strēlnieks*. 1992. No. 5 (25). 12 lpp.

¹⁸⁵ *Balodis A. Latvijas un latviešu tautas vēsture*. Rīga, 1991. 180 lpp.

¹⁸⁶ *Šilde A. Latvijas vēsture. 1914—1940. Valsts tapšana un suverēna valsts*. Stokholma: Daugava, 1976. 107 lpp.

¹⁸⁷ *Ģermanis U. Pa aizputinātām pēdām: Pulkveža J. Vācieša apcerējums Latviešu strēlnieku vēsturiskā nozīme*. Stokholma: Daugava, 1956; *idem*. *Oberst Vācietis und die lettischen Schützen im Weltkrieg und in der Oktoberrevolution*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1974.

¹⁸⁸ *Andersons E. Latvijas vēsture .1914—1920*. Stokholma: Daugava, 1967; *idem*. *Latvijas bruņotie spēki un to priekšvēsture*. Toronto, 1983.

¹⁸⁹ *Ģermanis U. Latviešu tautas piedzīvojumi*. [An Arbor, MI]: Ceļinieks, 1974. 251 lpp.

¹⁹⁰ *Andersons E. Latvijas vēsture 1914—1920*. 202, 203 lpp.

¹⁹¹ *Andersons E. Latvijas bruņotie spēki un to priekšvēsture*. 17 lpp.

В СССР только после смерти И.В. Сталина по мере изменения политической ситуации вновь проявился научный интерес к феномену латышских стрелков, частично истребленных в результате репрессий 1937 г., и затем замалчиваемых в исторических трудах. В середине 1950-х гг. исследование этой темы было возобновлено. В нем участвовал целый ряд историков Советской Латвии. Был создан ряд обширных работ, в том числе и обобщающая «История латышских стрелков. 1915–1920»¹⁹². Исследования продолжались и в дальнейшем. Стрелкам приписывалась высокая классовая сознательность и интернационализм, умалчивались факты, свидетельствовавшие о том, что отнюдь не все стрелки могли похвастаться этим. Образ верного революции и непоколебимого латышского стрелка широко использовался в пропаганде коммунистических идеалов. 29 марта 1966 г. ЦК Компартии Латвии постановил создать Мемориальный музей-памятник «красным» латышским стрелкам. Здание музея было открыто в 1970 г., памятник перед ним в 1971 г. В 1972 г. авторы проектов музея и памятника были удостоены Государственной премии СССР. Частыми гостями, а зачастую и внештатными сотрудниками музея стали бывшие «красные» стрелки, которым в то время было около 80 лет.

В годы так называемой «перестройки» (которую в Латвии называют «возрождением») пока еще советские латышские историки фактически переняли идею о «красных» стрелках как союзниках национальных вооруженных сил Латвии. Один из них, Э. Пелкаус, писал, что «в то же самое время, когда красные латышские стрелки у Орла и Кром вместе с другими частями Красной армии остановили движение белогвардейских войск Деникина к Москве и в сражении при Павловске отбросили от Петрограда армию Юденича, одетые в шинели национальной армии латвийские рабочие (правда, вопрос о том, сколько в национальной армии перед возвращением беженцев и сражающихся на фронтах Гражданской войны в России латышей могло быть рабочих, весьма спорен. — *В.Ш.*) у Риги остановили контрреволюционные банды фон дер Гольца и Бермонта. При радикально различных обстоятельствах были достигнуты аналогичные результаты, сокрушены ударные силы международной реакции, главная цель которой заключалась в подавлении русской пролетарской революции. Была устранена возможность использования этих сил против революционного движения в Германии»¹⁹³. Однако заметим, что автор на первое место, как главное содержание общей борьбы, поставил ее направленность про-

¹⁹² *Latviešu strēlnieku vēsture. 1915–1920* / J. Krastiņa red. Rīga: Zinātne, 1970; *История латышских стрелков. 1915–1920* / Под ред. Я. Крастыня. Рига: Зинатне, 1972.

¹⁹³ *Pelkaus E.*. 1919. gads pretspēku cīņā // *Pretstatu cīņā. Latvija 1917–1950*. Rīga: Avots, 1990. 97 lpp.

тив «международной реакции», а не только за свободу Латвии и других «малых народов».

После распада СССР и восстановления Латвийской Республики начались поиски «исторических врагов» и создание их образов. В публицистике появилась тенденция приписывать латышским стрелкам, сражавшимся в Красной армии, а также другим латышам, оставшимся в Советской России, «вину» не только за победу большевиков в Гражданской войне, но и за совершенные сталинские преступления¹⁹⁴. Часто такие суждения содержат только один или два (черный и белый) цвета из разноцветного спектра исторических событий. Слабое разрешение видения определяла социальная идентичность авторов, их личный опыт, политическая ориентация. Как отметил один из исследователей темы стрелков, некоторые авторы «ненужными помоями обливают также латышских стрелков — участников Гражданской войны в России»¹⁹⁵. Воевавшим на стороне «красных» все еще отводится явно негативная роль в частично уже сложившейся, но частично еще специально создаваемой «национальной памяти».

В 90-х гг. XX в. сложилось впечатление, что новому, антироссийски настроенному правящему слою Латвии удастся в исторической памяти народа заменить политическими событиями Второй мировой войны многие вехи истории более 200-летнего существования латышских земель в составе Российской империи, а латышских стрелков как образы национальных героев — латышскими легионерами. Однако этого не случилось. Среди легионеров слишком многие до того служили в полицейских батальонах, которые совершали зверства на соседних с Латвией территориях. Нельзя отрицать роль легиона в продлении войны и, следовательно, страданий всех народов Европы, что псевдопатриоты не хотят видеть, говоря лишь о защите Латвии от сталинских репрессий. Согласно их логике, интересы Латвии не совпадают с интересами антигитлеровской коалиции и в целом всего человечества. Однако отрицательное отношение народов Европы к любым прислужникам нацистов не позволяет изобразить легионеров героями и образцами патриотизма.

Все же попытки «задвинуть» хотя бы «красных» латышских стрелков на задворки истории не прекращаются. Например, публицист А. Крейцс изображает их как предателей Временного правительства Латвии, хотя последнее было создано только через несколько месяцев после образования советской Латышской стрелковой дивизии.

¹⁹⁴ Šteins V. Latviešu strēlnieki — cits viedoklis // Latvijas Vēsture. 1994. No. 3 (14). 57–60 lpp. и др.

¹⁹⁵ Stinkulis V. «Sarkanos» aizstāvēt // Latviešu Strēlnieks. 1996. No. 2. 15 lpp.

Тот же автор пишет: «Не надо прославлять геройство красных латышских стрелков в борьбе против войск царской России и правительства Керенского...»¹⁹⁶, хотя дивизия «красных» стрелков была создана через год после свержения царского правительства и через полгода после свержения Временного правительства, да и стычки стрелков «старых полков» с «войсками правительства Керенского» были незначительными и особого «геройства» в них не было проявлено.

Все же латышские публицисты и историки современности пытаются углубить исследования деятельности стрелков, всесторонне оценить их место в истории нации. При этом сталкиваются различные представления¹⁹⁷. Появились ранее неизвестные материалы о боевых действиях латышских солдат в России в составе различных формирований «белых»¹⁹⁸. В 1989—1998 г. свой вклад в выяснение проблем истории латышских стрелков внесло издание Ассоциации латышских стрелков и Военного музея Латвии «Latviešu Strēlnieks» («Латышский стрелок»), давшее возможность высказаться сторонникам различных мнений¹⁹⁹.

В начале «перестройки» (2-я половина 1980-х гг.) подчеркивался «большой вклад стрелков в победу революционных сил в Гражданской войне»; их достижения объяснялись «прежде всего, пролетарским или полупролетарским происхождением, а также относительно высоким уровнем образования и интернационалистического сознания»²⁰⁰. А в 1990-х гг. историки уже глубже показали причины, из-за которых в 1918 г. многие стрелки покинули Латвию, отправляясь в Россию и становясь там, в основном, на сторону «красных». По мнению авторов, позицию стрелков определяли не только «классовые», «идейные», но и другие, зачастую не менее важные факторы: нежелание оставаться в оккупированной Германией Прибалтике; отсутствие средств к существованию на территории России определило необходимость единства вдали от родных мест. Стрелки понимали связь между судьбой Латвии и событиями в России, кроме того, они надеялись на обещанное большевиками достижение справедливости и процветания. Среди причин,

¹⁹⁶ Kreics A. Latviešu sarkanie strēlnieki Latvijas likteņgaitās. [Liepāja: LiePA], 2016. 136—137 lpp.

¹⁹⁷ Stinkulis V. Aizgāja latvietis pasaulē tālu... // Latvijas vēsture. 1993. No. 2 43—46. lpp.; Šteins V. Latviešu strēlnieki — cits viedoklis // Latvijas vēsture. 1994. No 3. 57—60 lpp.; *idem*. «Sarkanos» aizstāvēt // Latviešu Strēlnieks. 1996. No. 2. 15 lpp.

¹⁹⁸ Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V. Latvieši krievu pretlielinieciskajā kustībā. 1917—1920 // Latvijas Vēstures Institūta žurnāls. 1997. No. 1. 90—107 lpp.; Екабсонс Э., Щербинский В. Указ. соч. С. 79—96.

¹⁹⁹ Latviešu Strēlnieks. 1989—1998. No. 1—100.

²⁰⁰ Blūzma V. Latviešu strēlnieki — kvēli internacionālisti. Pret vēsturiskās patiesības sagrozišanu // Padomju Latvijas Komunisti. 1988. No. 5. 78 lpp.

вливающих на позицию стрелков, указывается также стремление молодежи к романтике и т. д.²⁰¹ Подчеркивается также, что образование стрелков было поверхностным, скорее «полу-образованием», революционные идеи — «нахватанными»²⁰².

Некоторой попыткой всесторонне показать отношения латышских стрелков с большевиками за весь период существования их частей было издание сборника документов и материалов «Латышские стрелки за и против большевиков. 1915—1929»²⁰³.

Особого внимания заслуживают работы, посвященные стрелкам, известного историка В. Берзиньша, вышедшие после восстановления независимости Латвии²⁰⁴. Автор, рассматривая вопросы, о которых в советские времена нельзя было свободно говорить (дезертирство из рядов «красных» стрелков, их конфликты с руководством армии и т. п.), в то же время выдвинул и некоторые сомнительные выводы. Например, он утверждает, что во время Орловско-Кромской операции (1919) в основе боевого духа латышской стрелковой дивизии «бесспорно» был «национальный фактор», готовность стрелков разбить воевавшие за восстановление «единой и неделимой» как «тюрьмы народов» части деникинцев²⁰⁵. Конечно же, «красные» стрелки не желали восстановления «тюрьмы народов», но они также не хотели установления власти какой-либо националистической буржуазии, что уже доказали в борьбе с немецкими, финскими, польскими, украинскими, эстонскими, литовскими, а также латышскими националистическими силами.

И впрямь историк также необоснованно противопоставил «национальное» «классовому», говоря, что «марксистская идеология утверждала, что главным в гражданской войне был социальный, классовый момент, но на самом деле огромное значение в борьбе имел национальный момент. Именно поэтому появилось много национальных подразделений»²⁰⁶. Следует заметить, что марксистская идеология отнюдь не отрицает существования «национального момента», в соответствии с которым большевики и создали в 1918 г. Латышскую стрелковую дивизию. И как бы «национальные» историки ни выделяли

²⁰¹ *Stinkulis V.* Strēlnieki Krievijā // *Latviešu Strēlnieks*. 1990. No. 9. 4 lpp.; *idem.* Vai tiešām tik sarkani? // *Latviešu Strēlnieks*. 1990. No. 4. 3 lpp.; *idem.* Quo vadis? // *Latviešu Strēlnieks*. 1992. No. 5. 12 lpp.

²⁰² *Jekabsons Ē.* Vēsturē neaizmirstamie // *Lauku avīze*. 1997. 17 nov. No. 91. 31 lpp.

²⁰³ *Latviešu strēlnieki par un pret lieliniekiem, 1915—1920. Dokumenti un materiāli*. 245 lpp.

²⁰⁴ *Bērziņš V.* *Latviešu strēlnieki — drāma un traģēdija*. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 1995.

²⁰⁵ *Ibid.* 195 lpp.

²⁰⁶ *Sprūde V.* Karotāji ar raksturu, nevis nelieši // *Latvijas Avīze*. 2004. 5. febr. // <https://www.tvnet.lv/6222489/karotaji-ar-raksturu-nevis-neliesi> (обращение 13.09.2019).

«национальный момент» в Гражданской войне в России, им придется признать, что «главным в гражданской войне был социальный, классовый момент», ибо в России победили все же силы, ориентированные на классовую борьбу.

В массовом издании пересказаны мысли В. Берзиньша, что «советская власть сознательно содействовала уничтожению стрелков, отправляя их на борьбу против Деникина и Врангеля. Когда во время боев с деникинцами распространился тиф, никто не давал отдохнуть, хотя противник уже бежал. Заболевших стрелков после выздоровления не отправляли обратно в латышские части, а в другие. Они убегали из больниц, чтобы вернуться в свои полки. При взятии Перекопа стрелков посылали в повторные атаки, а обещанные подкрепления не давали». «Это было сильно похоже на уничтожение. Однако доказать документами, что такие указания поступали, не удалось», — заключил историк²⁰⁷.

Примечательно, что ни историк, ни журналист, опубликовавший мысли Берзиньша в газете, не заметили, что слова историка сами уже содержат опровержение предположения о «сознательном уничтожении стрелков». Если бы такой план существовал, то заболевших, приговоренных к «сознательному уничтожению» латышских стрелков по выздоровлении не направляли бы в «другие» части, а посылали бы обратно в «уничтожаемые» латышские полки.

Да и другие высказывания В. Берзиньша не вполне обоснованы. Кому, как не ему, хорошо известно, что и до Перекопа были случаи, когда измученным стрелкам «никто не давал отдохнуть», «обещанные подкрепления не давали»²⁰⁸. Таково уж зачастую у «красных» было положение на фронтах, похожих на «тришкин кафтан»: заменить понесшие тяжелые потери и потерявшие силы воинские части было просто нечем. Так, например, когда в 1919 г. в боях против А.И. Деникина под Орлом и Кромами решалась судьба Москвы и, возможно, советской власти, тут уж ради победы большевики были готовы пожертвовать не одной, пусть и весьма боеспособной дивизией. С той же степенью достоверности можно говорить, что против армии Врангеля на «уничтожение» посылали бойцов и других частей Красной армии, а не только латышей.

Большую активность в исследовании тематики стрелков в Латвии проявляют историки-непрофессионалы. После восстановления неза-

²⁰⁷ *Sprūde V. Karotāji ar raksturu, nevis nelieši* // *Latvijas Avīze*. 2004. 5. febr. // <https://www.tvnet.lv/6222489/karotaji-ar-raksturu-nevis-neliesi> (обращение 13.09.2019).

²⁰⁸ *Latviešu strēlnieki par un pret lieliniekiem, 1915–1920. Dokumenti un materiāli* / Sast. V. Šalda. Daugavpils: Saule, 2006. 85–86, 91–95 lpp.

висимости в 1991 г. было издано несколько работ о «старых» стрелках²⁰⁹. Они богаты фактическим материалом, но имеют тот же недостаток, что и в межвоенный период: они не дают представления о причинах большевизации стрелков. Один из авторов — Я. Хартманис, утверждает, что «логичным и целенаправленным результатом длительных битв «старых» стрелков было провозглашение нашей Латвийской Республики 18 ноября 1918 года <...> Путь, начатый латышскими стрелками-добровольцами в июле 1915 года, закончился через пять лет в августе 1920 года, когда долгожданный мир пришел в Латвию»²¹⁰. В действительности части «старых» стрелков прекратили свое существование значительно раньше провозглашения Латвийской Республики и какого-либо влияния на него не имели. Разрешение провозгласить Латвийскую Республику было дано послами Антанты в России после того, как большевики заключили перемирие с Германией и разогнали Учредительное собрание (в такой ситуации Антанта больше не надеялась на возвращение России в ближайшем будущем к войне против Германии), а также генеральным уполномоченным Германии в Балтийском регионе А. Виннигом уже после того, как в Германии произошла Ноябрьская революция²¹¹. Путь только части «латышских стрелков-добровольцев», начатый в июле 1915 г., закончился в августе 1920 г., а «красная» их часть продолжила его до разгрома П. Врангеля. Эта позиция не замечать неприятные факты осталась с предвоенных лет.

Вышло также несколько работ, охватывающих весь период существования латышских стрелковых частей²¹². Однако приходится признать, что кроме нового изложения фактического материала, порою ранее неизвестного, они содержат и недостаточно аргументированные выводы, противоречивые суждения. Так, М. Шнепс-Шнеппе утверждает, что латышские стрелки «в Риге в мае 1917 г. совершили мирную пролетарскую революцию без залпов «Авроры», еще до

²⁰⁹ *Andersons I.* Gaitu sākums: Latviešu strēlnieki Rīgas frontē, 1915–1917. Rīga: Latvijas Žurnālistu savienības komerccentrs, 1991; *Hartmanis J.* Latvju strēlnieki Nāves salā 1916. Rīga, 2014. gads. Izdevējs — Ķekavas novada pašvaldība // http://latviesustrelniekusaraksts.lv/Kaujas_darbiba/Book_2.html (обращение 20.02.2018); *Hartmanis J.* Aizmirstie karavīri. Latviešu strēlnieki Ķekavas kaujā. Rīga, 2009; *Hartmanis J.* 4. Vidzemes latviešu strēlnieku pulks 1915–1917. Rīga, 2015.

²¹⁰ *Hartmanis J.* Aizmirstie karavīri. Latviešu strēlnieki Ķekavas kaujā. Rīga, 2009. 3 lpp.

²¹¹ *Šalda V.* Latviešu pilsonības ceļš uz Latvijas valsti proklamēšanu. 1914.– 1918. // *Vēsture: avoti un cilvēki.* XXV Zinātniskie lasījumi. *Vēsture.* XXIX. Daugavpils: Saule. 352–354 lpp.

²¹² *Šneps-Šneppe M.* Latviešu strēlnieki. Rīgas revolūcija 1917. [Rīga]: Sava grāmata, 2017; *Vārpa I.* Ceļš uz Latvijas valsti. 1914–1922. Rīga: Jumava, 2012; *Vārpa I.* Latviešu karavīrs zem Krievijas impērijas, Padomju Krievijas un PSRS karogiem. Rīga: Nordik, 2006.

Великой Октябрьской революции...»²¹³, хотя как в Риге, так и на других не оккупированных территориях Латвии пока продолжало существовать двоевластие.

И. Варпа, справедливо критикуя латышскую буржуазию в годы Первой мировой войны за мелочные корыстолюбивые интересы, также упрекает «красных» латышских стрелков в том, что они «боролись против всех национально-освободительных движений, против новых государств»²¹⁴, шли также против «молодой, только что основанной Латвии»²¹⁵. Здесь Варпа резонно опровергает мнение тех авторов, которые указывают на роль стрелков в разгроме «белых», открывшем путь к независимости новых национальных государств. Правда, при этом он не учел, что против сторонников независимой Латвии и ее союзников «красные» латышские стрелки воевали лишь около полугода, а против врагов как Советской власти, так и независимой Латвии — почти два с половиной года.

Очень богатый визуальный материал, дополненный обстоятельным комментарием, содержит фотоальбом «Собирайтесь под латышские знамена!»²¹⁶, создатели которого не признают деление стрелков на «старых» и «красных», считая, что повсюду и всегда «латышские стрелки боролись за Латвию»²¹⁷.

Как видим, латышские историки и публицисты все еще не освободились от сугубо политической интерпретации истории стрелков. Часть из них все еще строго по политическим признакам делит стрелков на «старых» и «красных», хотя в социальной и культурной памяти народа стрелками являются латышские солдаты, которые сражались в латышских стрелковых полках с 1915 по 1920 г.²¹⁸ Историки Э. Андерсонс, В. Берзиньш, У. Германис, И. Кригере и др. в основном выступили против того, чтобы делить стрелков на «старых» и «красных», в целом положительно оценивая их деятельность, как полезную с точки зрения национальных интересов Латвии.

Интересным примером столкновения различных взглядов является судьба памятника «Красным латышским стрелкам». Уже в 1990 г. площадь Красных латышских стрелков в Риге потеряла в своем названии слово «красных». Под ударом оказались также музей и памятник «красным» латышским стрелкам. В здании музея 1 июля 1993 г. разместился вновь созданный музей Оккупации, а в 1998 г. встал вопрос

²¹³ *Šņeps-Šņeppe M.* Latviešu strēlnieki. 25 lpp.

²¹⁴ *Vārpa I.* Ceļš uz Latvijas valsti. 6, 112 lpp.

²¹⁵ *Ibid.* 7 lpp.

²¹⁶ *Pulcējaties zem latviešu karogiem!* Rīga: Zelta grauds, 2013.

²¹⁷ *Ibid.* 7 lpp.

²¹⁸ *Zellis K.* *Op. cit.* 94 lpp.

о демонтаже памятника. Однако через два года группа членов комиссии историков при президенте Латвии нашла в себе силы обратиться к властям с письмом, содержащим призыв сохранить памятник. В письме, в частности, говорилось, что «латышские стрелки являются частью истории нашего народа, и убрать памятник с надлежащего ему места на берегу Даугавы было бы непростительным позорным делом, глубоким неуважением к себе самим, которое не имеет и не может иметь оправдания». Авторы письма предлагали сменить прежнее название на постаменте памятника на «Латышские стрелки. 1915–1920». Когда в 2001 г. у Рижской думы не нашлось средств на ремонт памятника, один из его авторов архитектор Г. Лусис-Гринбергс за свои личные средства провел эти работы. Совет памятников архитектуры Рижской думы смог лишь выразить сожаление, что архитектор самовольно сменил надпись на памятнике²¹⁹. Однако характерная для «красных» стрелков символика – звездочки на фуражках и орден Красного Знамени на лацкане шинели одного из них – сохранились. Думается, что причастные к этому событию историки и архитектор сделали благое дело. Замысел советских властей прославить «красных» стрелков был искажен, но памятник сохранили, и историческая правда не пострадала. Ведь часть «красных» стрелков была и осталась одновременно и «старыми» стрелками, а надписью стрелками безоговорочно были признаны и те из них, кто присоединился лишь к «красным» стрелкам.

Большую работу по сохранению памяти латышских стрелков ведет «Военный музей Латвии». Издается «Ежегодник Военного музея», в котором печатаются также материалы о стрелках. Успешно работает «Музей Рождественской битвы». Правда, стрелкам-участникам Гражданской войны в России уделяется значительно меньше внимания, чем воинам Первой мировой и войны за независимость Латвии.

1 августа 2015 г. в честь юбилея создания латышских батальонов в Риге был проведен «праздник народа и армии «Латышским стрелкам – 100»». Была открыта памятная доска на доме, где находился Организационный комитет батальонов, состоялась концертная постановка «Батальонам латышских стрелков – 100». В рамках праздника прошло шествие, выставка оружия и показательные выступления частей Латвийской армии, чем организаторы продекларировали ее историческую преемственность со стрелками.

Однако вопреки не уменьшающемуся вниманию к теме стрелков еще отнюдь не даны ответы на все выдвинутые в статье вопросы.

²¹⁹ Gabre A. Strēlnieki ar nepareizo biogrāfiju // Rīgas Balsis. 2006. 24 apr. // <https://www.apollo.lv/4899407/strelnieki-ar-nepareizo-biografiju> (обращение 10.08.2019).

В 2011 г. юрист и политик, а ныне президент Латвии Э. Левитс высказал мысль, что «создание частей стрелков в 1915 г. надо оценивать как близорукое вовлечение латышей в нелепую войну»²²⁰. Однако его мнение «в публичном пространстве, кажется, осталось незамеченным»²²¹. Это и понятно: нынешняя политическая элита не желает рушить миф о якобы плодотворной патриотической инициативе латышских национальных политиков начала XX в., которые выдвинули идею создания национальных частей, активно участвовали в их формировании. Но они же несут так называемую «политическую ответственность» за непомерно высокие потери стрелков, и их дальнейшую судьбу.

Следует подчеркнуть, что речь идет об ответственности политиков, которые более или менее успешно использовали стрелков для достижения своих целей. Стрелки за следование призывам первоначально латышских буржуазных деятелей, а затем большевиков заплатили своей кровью и жизнями. Из 15 же членов Оргкомитета латышских стрелковых батальонов, а также других известных латышских буржуазных политиков того времени никто не потерял жизнь на войне.

В исторической литературе повторяются встречавшиеся ранее суждения, что борьба латышских стрелков «глубоко взволновала и увлекла народ, и эти полки сыграли исключительную роль в повышении национального самосознания латышей»²²², что «латышские стрелковые батальоны (позже полки) сыграли выдающуюся роль в сплочении латышского народа и в повышении его национального сознания»²²³. Эти мнения справедливы относительно ситуации 1915–1916 гг. Однако позже, когда произошла большевизация части стрелков, ситуация изменилась. Сложно говорить об их «выдающейся роли в сплочении латышского народа и в повышении его национального сознания», когда часть из них перешла на службу большевиков, а другая — разбрелась. После этого оценка стрелков уже никогда не была однозначной. Люди оценивали стрелков в соответствии со своими политическими взглядами. Следовательно, «национальное самосознание» не только «повышалось», но и раскалывалось. Большевистская латышская пресса в Советской России не без основания писала, что «когда во время империалистической войны были сформированы первые латышские

²²⁰ *Levits E.* Runa Cicerona balvas saņemšanas sarīkojumā 28.11.2011 http://www.cicerons.lv/index.php?option=com_content&view=article&id=51:egils-levits-cicero-na-balvas-laurets-2011&catid=5:runas-2011&Itemid=22 (обращение 29.10.2019).

²²¹ *Zellis K.* Op. cit. 103 lpp.

²²² *Ģermanis U.* Ceļā uz Latviju. Raksti par mūsu vēsturi. Upsala: Memento. 1990. 15 lpp.

²²³ *Feldmanis I.* Latvijas valsts: izveidošanās un starptautiskā atzišana // Latvijas vēsture. 1998. No. 3 (31). 6 lpp.

батальоны, буржуазия Латвии отнюдь не думала, что эти батальоны превратятся в силу, которой предназначено бороться не за интересы буржуазии, а пролетариата»²²⁴. Даже отбросив выпяченную классовость в цитированном тексте, приходится признать, что надежды, которые латышские буржуазные политики связывали с созданием стрелковых частей, не сбылись. Намерения буржуазных политиков при их формировании могли быть самими лучшими, но оценка их действий должна вестись главным образом по их результатам.

Что касается большевизации стрелков, то следует сказать, что на сегодня ее причины в латышской публицистике и историографии уже получили достаточное объяснение, которое не хотят признать только самые упорствующие радикально-националистические элементы. Для анализа причин большевизации стрелков необходимо оценивать:

- привлекательность среди стрелков идей, выражаемых претендующими на руководство ими политическими силами;
- распространение этих идей уже до решающего столкновения в 1917 г., которое определялось объективными социально-экономическими и политическими условиями, а также деятельностью пропагандирующих эти идеи сил и достигнутыми ими результатами;
- степень консолидации этих сил в начале 1917 г. и способность укрепить ее во время революции, использовать свои организационные структуры в борьбе за идеологическое и организационное влияние среди латышских стрелков.

Следует признать, что радикализация стрелков обуславливалась всемирными процессами, которые в 1914 г. привели к небывалой катастрофе в истории человечества — Первой мировой войне. Она обострила противоречия в развитии России, способствовала победе демократической революции, а также росту влияния большевиков среди значительной части измученного войной населения. Латышский народ также отдал дань этой закономерности.

С другой стороны, в деятельности латышских стрелков во время Первой мировой войны и Гражданской войны в России проявились традиции, характерные для Латвии в начале XX в., отразились отношения между разными социальными группами, различные политические ориентации.

Оказавшиеся в России латышские стрелки, как рабочие, безземельные сельчане, так и мелкобуржуазные элементы, в новых условиях войны, развала царизма, власти Временного правительства, больше-

²²⁴ *Famozs*. Sarkanie latvju strēlnieki // Krievijas Cīņa. 1929, 28 maijs. No. 60. 3 lpp.

вистского режима продолжали реализовывать свои социальные роли, приобретенные ими еще до этого. Можно сказать, что экономические и политические потрясения, поставившие людей перед тем или иным выбором, выступали в качестве катализатора, способствовавшего формированию их убеждений, жизненной позиции. Именно поэтому в 1917 г. среди латышских стрелков широко распространились радикальные большевистские убеждения о необходимости реорганизации всего общественного строя. Свою привлекательность они потеряли только после попытки насильственного претворения в жизнь.

Кроме того, в публицистике и историографии Латвийской республики уже практически выкристаллизовалось понимание того, что помимо объективных социально-экономических причин большевизации латышских стрелков, большое значение имели и причины субъективные, такие как готовность социал-демократии Латвии возглавить народное движение и, наоборот, длительная неспособность буржуазных политических сил отказаться от уже доказавшего свою малую результативность курса компромиссов, сотрудничества с царизмом.

Мнение латышских социал-демократов уже в 1915 г. было выражено словами Я. Янсонса-Браунса: «Одним из самых страшных преступлений, лежащих на совести нашей национальной буржуазии, является создание прославляемых батальонов латышских стрелков»²²⁵. Автор настоящей статьи, следуя словам, приписанным Ш. Талейрану, но фактически принадлежащим другому французу — А. де Мерту: «C'est plus qu'un crime, c'est une faute» («Это более, чем преступление. Это ошибка»)²²⁶, — считает создание латышских стрелковых батальонов ошибкой. Оно дало латышскому народу лишь временное «повышение национального самосознания», но принесло большие человеческие жертвы, и еще в наши дни существующие мифы о «старых» и «красных» латышских стрелках. Причины ошибки связаны с неправильными прогнозами, сделанными латышскими буржуазными политиками относительно перспектив России, в том числе латышских земель в годы войны. Кроме того, отсутствовала тщательно продуманная и последовательно осуществляемая национальная политика. Надо признать, что предсказание будущего в условиях Первой мировой войны было очень сложным: в большей или меньшей степени ошибались практически все политики разных наций и разных направлений, но из-за этого ошибка не перестает быть ошибкой. Недаром ошибки в политике сравнивают со смертельной болезнью. Когда болезнь все еще может быть из-

²²⁵ [Jansons] Brauns J. «Uz ežiņas galvu liku...» 93 lpp.

²²⁶ См.: Словарь крылатых слов и выражений // https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3097/Это (обращение 08.08.2019).

лечима, ошибки часто не заметны. Когда они заметны, болезнь может быть уже необратимой. Так было и с отношением латышской буржуазии к стрелкам. К сожалению, еще долго после Первой мировой войны, Гражданской войны в России и войны за независимость Латвии латышская буржуазия не хотела эту ошибку признать и тщательно ее замалчивала. Эта тенденция существует и по сей день. Более того, во время Второй мировой войны часть лидеров латышской буржуазии из созданного немецкими оккупантами так называемого «Латвийского Земельного самоуправления» во второй раз «наступила на те же грабли», подписав призыв к латышам присоединиться к «Латышскому добровольческому легиону СС» и активно участвовать в его формировании. По крайней мере, это теперь признано «большой политической ошибкой»²²⁷. По мнению автора, такой же вывод должен быть сделан о создании латышских стрелковых батальонов.

Не решен вопрос об оценке военно-политической роли латышских стрелков. Авторитетный в Латвии историк Э. Жагарс признал: «Те же латышские стрелки. Никак не могут разобраться с ними и с их ролью в истории России и Латвии»²²⁸. Думается, причина этого в том, что до сих пор заинтересованные лица оценивали роль стрелков в истории лишь согласно своим политическим предпочтениям и с точки зрения интересов создания национального государства, а не в контексте мировых процессов.

По нашему мнению, необходимо признать, что «старые» латышские стрелки воевали храбро, но какого-либо исторического значения, отличного от других частей российской армии, не имели. Вместе с поражением России в Первой мировой войне потерпело поражение и намерение латышской буржуазии использовать их для достижения желательных ей изменений в общественном устройстве Латвии. Даже если бы вся территория Латвии была завоевана Германией уже в 1915—1916 гг., по большому счету это не могло изменить результаты Первой мировой войны. Ведь достигла независимости полностью оккупированная немецкими войсками Литва.

Военный опыт тех из «старых» латышских стрелков, кто затем служил в национальных вооруженных силах Латвии, послужил приобретению и защите Латвией независимости. Однако такие же навыки латышские солдаты и офицеры в годы Первой мировой приобрели бы и в других, русских частях. Таким образом, утверждения латышских политиков и публицистов о том, что латышские стрелки «заложили ос-

²²⁷ *Feldmanis I.* Latviešu un citu nevācu tautību ieroču SS vienības Otrajā pasaules karā: kopīgais un atšķirīgais // *Latvijas vēsture. Jaunie un jaunākie laiki.* 2003. No. 1. 108 lpp.

²²⁸ *Малач А.* Эрик ЖАГАРС: Существование исторической науки в Латвии под вопросом // <http://baltnews.lv/news/20160121/1015467189.html> (обращение 07.04.2018).

новы нашего государства» не соответствуют действительности. Прав был генерал Я. Балодис²²⁹, требуя признания у Общества старых латышских стрелков вывода, что «старые» стрелки не имели влияния на создание Латвийского государства. К такому же выводу пришли авторы «Латышской энциклопедии»²³⁰.

Рядом с Латвией такие же независимые государства образовались в Литве и Эстонии, где в Российской армии не было создано литовских частей²³¹, а в Эстонии формирование 1-й Эстонской пехотной дивизии осуществлялось лишь в конце 1917 — начале 1918 г.²³²

Да, можно сказать, что «полки латышских стрелков вынесли героическую славу народа во весь мир», но эта слава Латвии не дала никаких благ. Можно согласиться с исследовательницей И. Кригере, что «надо гордиться, что у нас были такие воины, однако героизм стрелков <...> достаточно высоко и без их дополнительной героизации, какая проходила во времена Улманиса»²³³.

Другой оценки заслужили «красные» латышские стрелки. Общеизвестна выдающаяся их роль в сохранении Советской власти в 1918 г. Если представить, что она была бы свергнута до завершения Первой мировой войны, страны Антанты, скорее всего, не стали бы ссориться с «белой» Россией из-за балтийских провинций. Да и в 1919—1920 гг., когда в составе Красной армии служили уже миллионы бойцов, латышские стрелки среди них не затерялись, а находились на острейших направлениях борьбы. В этом смысле можно признать правоту И. Вацетиса о досоветском этапе их истории, что «этот период военной деятельности латышских стрелков пригодился как попытка подготовки к большей исторической деятельности. Другого значения у этого периода нет»²³⁴.

К признанию заслуг «красных» латышских стрелков перед Латвийской Республикой пришла также та часть националистически настроенных латвийских публицистов (Э. Бланкс, П. Дардзанс) и историков (Э. Андерсонс, В. Берзиньш, У. Германис, И. Кригере и др.), которые считали и считают, что стрелки на фронтах Гражданской войны воевали не против, а за «интересы независимой Латвии», «косвенно подпирая

²²⁹ Об позиции Балодиса упоминал в своей книге Дардзанс. См.: *Dardzāns P.* Op. cit. 272 lpp.

²³⁰ *Latvju enciklopēdija* / Red. A. Švābe. Otrais sējums. Stokholma: Trīs zvaigznes, 1952, 1953. 1337 lpp.; *Dardzāns P.* Op. cit. 272 lpp.

²³¹ *Lācis V.* *Latviešu zemes un tautas vēsture.* Rīga: Vieda. Latvijas ekoloģiskās izglītības apgāds, 2006. 132—133 lpp.

²³² *Паюл А.* Указ. соч. С. 34.

²³³ Слова И. Кригере цитирует Э. Зирнис в статье: *Zirnis E.* *Uz ežiņas galvu liku.*

²³⁴ *Vācietis J.* *Latviešu strēlnieku vēsturiskā nozīme.* Rīga, 1989 30 lpp.

и Латвию, и другие созданные на руинах России новые страны». Однако они остановилась перед признанием заслуг «красных» стрелков перед Россией и всем человечеством, ведь тогда пришлось бы признать историческое место Советской власти в мировой истории.

Однако «красные» латышские стрелки отнюдь не сражались лишь за национальные интересы, что часть из них окончательно доказала, наряду с «белыми» сражаясь и с местными националистами, а затем оставшись жить в пролетарском государстве. По меньшей мере часть из них действовала под воздействием идейных мотивов, искренне верили в то, что победа Советской власти принесет благо не только для Латвии и для них лично, но и для всей России и всего мира. Один из авторов последних работ о латышских стрелках М. Шнепс-Шнеппе удачно сформулировал вывод, что «история красных латышских стрелков — это ярчайшая страница в истории латышского народа, написанная самим благородным позывом души»²³⁵.

«Красные» стрелки не смогли достичь своих идеалов, но оставили заметный след в истории. Правда, они участвовали в утопическом эксперименте, но именно этим содействовали социально-экономическим и политическим переменам мирового масштаба, созданию в СССР конкурирующей старому миру общественно-политической системы, которая, являясь примером для многих обездоленных, заставила власть имущих в странах «свободного мира» ограничить безудержную эксплуатацию трудящихся, повлияла на все дальнейшие события XX в. СССР внес наибольший вклад в разгром нацизма, тем самым предотвратив уничтожение многих народов, в том числе и латышского. Возможно, только ядерный потенциал СССР уберег мир от Третьей мировой войны. Вклад в создание Советского государства обусловил мировую историческую роль «красных» латышских стрелков, которую у них никому не отнять.

²³⁵ Šneps-Šneppe M. Latviešu strēlnieki. 202 lpp.

Латыши в русской революции. Судьба Карла Яковича

Е.Л. Назарова

(Москва)

Ключевые слова: русская революция 1917 г.; красные латышские стрелки; латыши в ВЧК; красный и белый террор; Карл Якович; Гражданская война в России.

1. Латыши в красном и белом терроре

В последние 25 лет представление у граждан России о революции 1917 г. и Гражданской войне перевернулось на 180 градусов. Если в советское время руководителей белого движения изображали не иначе, как в виде своры собак на службе у международного империализма, то теперь они герои русского народа, которым ставят памятники в городах страны. А те, кто делал революцию и устанавливал советскую власть, теперь губители России, развязавшие красный террор и уничтожившие сотни тысяч простых крестьян и горожан. Причем едва ли не главными участниками «заговора» против русского народа, убийцами царской семьи называют красных латышских стрелков. Идея о латышах — палачах русского народа, на чьей совести «сотни тысяч ни в чем неповинных жертв», охотно поддерживается в самом популярном в настоящее время средстве массовой информации — интернете¹.

Источниковой основой для представления о латышах как кровавых пособниках большевиков в русской революции являются многочисленные издания последних лет, рассказывающие о красном терроре, в котором большая роль уделяется преступлениям латышских стрелков и чекистов². Эти издания составлены в значительной мере

¹ См.: *Добровольский А.* «Не ищи палача, а ищи латыша» // <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/04/07/197783-he-ischi-palacha-a-ischi-latyisha.html> (обращение 16.01.2019); Также: *Прояснение недоумения — почему Ленина латыши охраняли* // <https://nktv1tl.livejournal.com/961004.html> (обращение 16.01.2019); *Волкова С.* Латышские стрелки — палачи русского народа // <https://sofya1444.livejournal.com/1210326.html> (обращение 20.01.2019) и др.

² *Красный террор глазами очевидцев. Материалы из фонда С.П. Мельгунова: свидетельства очевидцев / Комм. и предисл. С.В. Волкова. М., 2013; Террор*

по материалам воспоминаний эмигрантов, собранных историком С.П. Мельгуновым и хранившихся в архиве института Гувера в США. Воспоминания написаны представителями русского дворянства, интеллигенции, в том числе анархистов и членов партии социалистов-революционеров, претендовавших вместе с большевиками на власть в России после падения монархии. Многие из этих воспоминаний были записаны вскоре после эмиграции их авторов из Советской России. В них события революции и Гражданской войны изображаются исключительно как преступления большевиков против русского народа. Частично эти воспоминания публиковались в «Русском архиве» (Берлин) в 1920-х гг.

Ряд современных работ основывается на материалах, которые собирал и выпускал информационный отдел (Осведомительное агентство) ОСВАГ — активно действующий пропагандистский орган Добровольческой армии, затем вооруженных сил Юга России, и на материалах, которые собирала специальная комиссия, созданная А.И. Деникиным после образования правительства Юга России для расследования преступлений большевиков.

Кроме того, на формирование в современной отечественной историографии представлений о красном терроре и роли в нем латышских стрелков и чекистов заметное влияние оказало большое исследование о красных латышских стрелках, изданное в 1982 г. за рубежом историком Н.А. Нефедовым. Он подробно описал военные действия латышских стрелковых частей, как против белых армий, так и в подавлении антибольшевистских восстаний, охватывая период с момента перехода стрелков на сторону большевиков до роспуска латышской стрелковой дивизии в конце декабря 1920 г. При этом через всю книгу красной нитью проходит утверждение о разрушительной роли действий латышских стрелков в судьбе России³.

Популярность точки зрения о латышах — губителях России и царской семье в немалой степени поддерживается телевизионным фильмом (в подготовке которого приняли участие Н.А. Нарочницкая и др.),

глазами очевидцев / Сост. С.В. Волков. М., 2009; Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев / Сост., автор комм. и предисл. С.В. Волков. М., 2013; *Ратьковский И.* Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М., 2017 и др.

³ *Нефедов Н.А.* Красные латышские стрелки // Вече. Мюнхен, 1982. № 4. С. 95–155; № 5. С. 111–161; № 6. С. 45–106. Работа выложена также в интернете: <http://latvjustrelnieki.lv/ru/statji/krasnye-latyshskie-strelki-n-a-nefedov-103137> (обращение 20.02.2019), что делает ее пособием по истории латышских стрелков для широкой российской аудитории.

который вышел на экраны в начале XXI в., неоднократно затем повторялся, а также был выложен в интернете⁴.

Весьма неприглядную картину действий латышей как пособников большевиков, начиная со времени Первой мировой войны, рисует издание «Гвардейцы Октября». В первых главах книги приводится подборка отрывков из публикаций или архивных материалов, в которых латышские стрелки представлены едва ли не основной силой большевиков для утверждения их власти. В результате создается впечатление, что за весь негатив в русской истории от падения империи до конца Гражданской войны ответственны если не исключительно, то в очень большой степени именно латышские стрелки⁵.

Безусловно, проявление насилия со стороны советской власти к своим противникам — как военным, так и штатским — в условиях Гражданской войны не подлежит сомнению. Латышские стрелки и чекисты как составные части этой власти действовали в рамках политики, направленной на победу большевиков. Вместе с тем, бросается в глаза односторонний подход в упомянутых изданиях к изложению красного террора, проводимого большевиками для укрепления своей власти, и конкретно участия в этом терроре латышских стрелков и чекистов. Полностью отсутствует анализ самих используемых источников. Хотя надо учитывать, что люди, изначально настроенные против советской власти и подвергшиеся репрессиям с ее стороны, и тем более те, кто находился какое-то время в заключении, вряд ли могли беспристрастно излагать все, что с ними произошло в Советской России. К тому же в условиях общей обстановки страха и непонимания того, что происходит в стране, в память чаще всего врезались те представители и слуги новой власти, которые отличались по внешнему виду, языку, поведению. К ним относились, как к зловещему проявлению большевистского насилия, даже если их отношение к заключенным или задержанным не было агрессивным или жестоким. Тем более что пострадавшие в акциях, проведенных латышскими стрелками в Москве против спекулянтов, против анархистов и эсеров, разносили по стране слухи об их кровавом беспределе в отношении русского населения. При этом формировался легко воспринимаемый обывателями в условиях разрухи, голода, разгула бандитизма обобщенный негативный образ латышей, которые якобы специально приехали в Россию

⁴ Фильм «Каратели. Правда о латышских стрелках» <https://de-film.com/v-фильм-каратели-правда-о-латышских-стрелках-начало-нарочница\~UybJU5tzbNE.html> (обращение 21.03.2019).

⁵ Гвардейцы Октября. Роль коренных народов стран Балтии в установлении большевистского строя. 1915–1938. Сб. документов и материалов / Сост. В.А. Гончаров, А.И. Кокурин и др. М.: Индрик, 2009.

«на заработки», пошли работать в ВЧК и другие органы власти за «хорошее жалование» и устраивали «на эту службу своих родственников». Все они — «коммунисты», добросовестно поддерживающие эту власть, а все латышки — «шпионки, сыщицы и женщины легкого поведения». Они получают хорошие деньги, но в структуре ВЧК находятся на низшей ступени — несут «палаческую и охранническую службу»⁶. Они — палачи, правда, по степени изощренной жестокости они проигрывают палачам-китайцам, которые «на Лубянке» расстреливали «массами ежедневно человек по 20»⁷. Китайцы упоминаются и среди наиболее жестоких «специалистов по пыткам» в Одессе⁸.

Надо отметить, что концентрация внимания на том, что власть большевиков опирается на иностранцев — «чужих», среди которых были и латыши⁹, а из «своих» — только на евреев, должна была подчеркнуть антинародный в значении «антирусский» характер советской власти.

⁶ См.: Бюллетень ЦК левых эсеров № 4, апрель 1919 г. // Красный террор в Москве. С. 162—165. Действительно, в московской ЧК, особенно на первом этапе ее деятельности, латышей было много, причем даже не столько на оперативной работе, сколько на секретарских должностях и среди obsługi: курьеров, уборщиц и т.п. Это определялось, во-первых, тем, что работа здесь требовала достаточно высокого уровня образования, который у латышей был в среднем выше, чем у русских. А во-вторых, преимущество при поступлении на работу в ЧК отдавалось членам партии или тем, кого рекомендовали уже работавшие в Комиссии. Естественно, что среди последних оказывались родственники или знакомые латышей-чекистов. Латыши были и на руководящих должностях в центральном аппарате ЦК. Наиболее известны Я. Петерс и М. Лацис. Однако среди членов коллегии ВЧК, утвержденной СНК РСФСР 24 марта 1919 г., из 14 человек было всего три латыша, а в июне 1920 г. — только два латыша из 12 человек. См.: *Шалда В.* Латышские чекисты в Москве (1918—1938) // *Vēsture: Avoti un cilvēki. Humanitārās fakultātes XVI starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture X. Daugavpils: Saule, 2007. 176—184 lpp.*

⁷ Гвардейцы Октября. С. 174.

⁸ *Журавлев Е.И.* Террор и репрессии на Юге России в годы Гражданской войны, межвоенного периода и Великой Отечественной войны. Азов, 2009. С. 89.

⁹ До массового наплыва латышских беженцев во внутренние губернии империи в годы Первой мировой войны представления о латышах в русской среде были весьма смутные. Соответственно вновь прибывшие с особым языком и менталитетом воспринимались как «чужие». Собственно говоря, так же как и латыши воспринимали русских в своих этнических районах (См. *Кузнецова Т.* Внутренние предпосылки создания Латвийского государства: «русское» в жизни латышей на рубеже XIX—XX веков // Электронный научно-образовательный журнал «История». Вып. 7 (81) Т. 10. Вопросы истории международных отношений в Скандинавско-Балтийском регионе в XIX—XXI вв. М., 2019 // <http://history.jes.su/> (обращение 10.11.2019).) Такое отношение использовалось противниками большевиков в пропагандистских целях, хотя с юридической точки зрения латыши, как подданные бывшей Российской империи, оказавшись после октября 1917 г. на территории России, стали гражданами Российской Федерации. После заключения мирного договора между Советской Россией и Латвийской республикой 11 августа 1920 г.

Представление о латышах как о «чужих», что ставило их в один ряд с китайцами, венграми, немцами, служившими в Красной армии и карательных органах, присутствует также в распространяемых на Юге России материалах ОСВАГ и Особой следственной комиссии. Китайцы и латыши охраняли в Пензе памятник Карлу Маркса, после разрушения которого в городе начался «страшный террор». Хотя конкретно имена тех, кто проводил в городе аресты и расстрелы, не названы, исполнители этих акций ассоциируются с названными выше «чужими»¹⁰.

Представление об изощренно жестоких «чужих» формировалось, например, в таких материалах Особой следственной комиссии (которые перепечатаны без каких-либо комментариев в современном издании), как сообщение некоего музыканта о том, что солдаты-латыши часто расстреливают своих жертв под музыку оркестра и обязательно стреляют в шею. Этот музыкант бежал из большевистской Москвы в занятый белыми Белгород. Хотя его коллеги-музыканты охарактеризовали его как не очень психически здорового человека, здесь он вполне осознанно изобрел такой рассказ для белгородских охранных органов, чтобы его не приняли за шпиона большевиков. Его рассказ оказался очень кстати для пропагандистских служб белых и был опубликован сотрудниками Особой следственной комиссии¹¹.

В многочисленных свидетельствах об участии в массовом терроре упоминаются «большевики», «коммунисты» с русскими фамилиями, но их национальная принадлежность не подчеркивается. Среди наиболее активных исполнителей террора называются также матросы; упоминаются палачи-красноармейцы¹². Но все они не имеют национальной характеристики, которая лучше всего запоминалась при распространении информации в массах. При упоминании же латышей среди представителей власти большевиков этноним используется вместо указания на профессию или определения с негативным смыслом. Например, среди «главарей» большевистской власти в Армавире упоминаются портной Никитенко, ветфельдшер Гутнев, булочник братоубийца Смирнов и **латыш** Вилистер¹³.

латыши, желавшие вернуться из РСФСР на родину, проходили процесс оптации — принятия латвийского гражданства, отказываясь от российского, и возвращения в Латвию. Те же, кто не уехал из Советской России, оставались гражданами советского государства. То есть, «чужими» в России по принадлежности к государству они не были ни до, ни после Октября 1917 г.

¹⁰ Журавлев Е.И. Указ. соч. С. 90.

¹¹ Красный террор в годы Гражданской войны. Тайны истории в романах, повестях и документах / Ред. Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского. М.: Терра, 2013. С. 197.

¹² Там же. С. 52–57.

¹³ Там же. С. 157.

Очень больших масштабов достигли карательные акции чекистов на Украине в 1919 г., когда во главе ВУЧК был поставлен М. Лацис. По проведенным подсчетам, национальный состав чекистов был многонациональным, причем латышей вместе с венграми и китайцами было только 15%¹⁴. Тем не менее, судя по опубликованным примерам, латышами могли называть чекистов, которые говорили по-русски с незнакомым акцентом. Так, в ЧК Одессы упоминается «матрос-латыш Абаш», говоривший с акцентом: «теньги», «тофариш», «турак», «упей меня пог, если фру»¹⁵. Может, конечно, очевидец, вспоминая об этом чекисте через несколько лет, и спутал, но очевидно, что латыши с таким акцентом не говорят. К тому же фамилия Абаш — восточного (тюркского) происхождения¹⁶. Также маловероятно латышское происхождение следователя киевской ЧК Каана, для которого «жестокость и издевательство были наслаждением»¹⁷. Не беремся судить, насколько справедлива характеристика данного следователя. Но судя по фамилии, Каан не был латышом. Возможно, он был эстонцем¹⁸ или представителем еще какого-то народа.

Приведем еще два примера, характеризующие красный террор, точность и достоверность которых вызывает сомнение. Первый пример касается публикации в издании о красном терроре в Москве воспоминаний подпоручика Д.А. Сидорова, члена «Военной лиги»¹⁹, позже журналиста, сотрудничавшего с газетой «Русский терем»²⁰, о его нахождении в Бутырской тюрьме весной—осенью 1918 г. Записывал он свои воспоминания, вероятно, уже находясь в Белой армии в 1919 г.²¹

Его воспоминания сохранились в двух версиях, одна из которых опубликована отдельной брошюрой (без указания года и места издания), а вторая — в виде статьи в газете «Новое время» (Белград)

¹⁴ Красный террор глазами очевидцев. С. 80.

¹⁵ Там же. С. 137.

¹⁶ См.: Абашевы — происхождение фамилии // <https://unotices.com/page-families.php?id=27292> (обращение 19.02.2019).

¹⁷ Там же. С. 36.

¹⁸ Фамилия Каан встречается у эстонцев. См., например: Каан Освальд // [https://ru.openlist.wiki/Каан_Освальд_Кустович_\(1889\)](https://ru.openlist.wiki/Каан_Освальд_Кустович_(1889)) (обращение 23.02.2019).

¹⁹ Организация офицеров царской армии — противников уничтожения монархии, которая была создана еще летом 1917 г. См.: *Маслаков А.С.* Русский офицерский корпус и офицерские организации летом 1917 г. // <http://www.hist.msu.ru/Calendar/1999/Apr/lomonos99/Maslakov.htm> (обращение 23.02.2019).

²⁰ Газета «Русский терем» издавалась при вооруженных силах Юга России и Русской армии в период командования ею генералами А.И. Деникиным и П.Н. Врангелем. См.: Красный террор в Москве. С. 474.

²¹ Рассказывая о своем товарище по несчастью подпоручике Романовиче, Сидоров упомянул, что тот «находится сейчас в Сибирском стрелковом батальоне Южной армии». Очевидно, речь идет об армии Колчака летом—осенью 1919 г.

в 1929 г.²² Общими в обеих версиях было место действия: Бутырская тюрьма и помещение ВЧК на Лубянке, а также узники, с которыми пришлось общаться Сидорову: бывшие царские министры, члены различных политических партий, священники, известные профессора и др. Но обе версии значительно различаются в деталях. Например, в разных версиях он сидит в одной камере с разными людьми; по-разному описан расстрел, когда ему удалось убежать, в одной и той же ситуации упоминаются разные люди и т.п.

Судя по содержанию воспоминаний, Сидоров попал в тюрьму еще в мае (сидел вместе с Д.С. Ермоленко. — См. о нем далее в статье) и оставался там еще в начале сентября²³, хотя полностью доверять его рассказу сложно. Согласно первой версии, его арестовывали дважды, причем второй раз уже через сутки после выхода на свободу. За время, проведенное в заключении, он успел изучить своих тюремщиков, среди которых большинство было латышей — рядовых стрелков, выполнявших в тюрьме обязанности охранников и членов расстрельной команды, а также чекистов, как рядовых, так и руководителей ВЧК.

Насколько достоверно изображены у Сидорова руководители ВЧК, можно судить по портрету Ф.Э. Дзержинского. В воспоминаниях Сидорова Дзержинский был «в рваной папахе и нарочито засаленной куртке» и часто повторял «вся кровь» (как истинный поляк!). А допрос подпоручика Романовича, по рассказу последнего Сидорову, Дзержинский проводил, водя «заряженным маузером около головы» и «стрелял из пулемета мимо него...»²⁴. Подобное изображение руководителя ВЧК характерно для пропагандистских листовок, выпускаемых для населения районов Юга России сотрудниками ОСВАГ.

Одним из тех, кого допрашивал лично Ф.Э. Дзержинский и кому был «подписан смертный приговор», Сидоров называет «правого социалист-революционера Дистлера», который по второй версии воспоминаний сидел с Сидоровым в одной камере²⁵. О том, что в 1918 г. было два правых эсера Дистлера, сведения отсутствуют. А единственный известный правый эсер Василий Дистлер в 1917—1920 гг. был глас-

²² См.: *Сидоров Д.А.* В Бутырской тюрьме // Красный террор в Москве. С. 243—251; *Сидоров Д.А.* Расстрел // Там же. С. 252—257.

²³ Сидоров рассказывает о том, что его неоднократно допрашивали по поводу «Доры Каплан» (Фанни Каплан, псевдоним которой был «Дора»), арестованной после покушения на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. (*Сидоров Д.А.* Расстрел. С. 256). Кроме того, он якобы сидел вместе с братьями Фриде, участвовавшими в заговоре Локкарта (*Сидоров Д.А.* В Бутырской тюрьме. С. 248), аресты группы которого также начались после покушения на Ленина (см.: *Кравченко В.* Под именем Шмидхена. М.: Советская Россия, 1973. С. 175—179).

²⁴ *Сидоров Д.А.* Расстрел. С. 253; *Он же.* В Бутырской тюрьме. С. 245.

²⁵ *Сидоров Д.А.* Расстрел. С. 252; *Он же.* В Бутырской тюрьме. С. 245.

ным Иркутской городской думы. В 1918 г. он был делегатом IV (чрезвычайного) Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, который проходил 14–16 марта 1918 г. в Москве, и был избран в состав членов ВЦИК. Но вернуться в Иркутск он должен был до того, как в июле 1918 г. белые заняли город. При белых Дистлер продолжал работать в городской думе вплоть до восстановления в Иркутске советской власти в январе 1920 г. и только тогда был арестован²⁶. То есть очевидно, что Сидоров либо спутал его с кем-то другим, либо вообще придумал эпизод с Дистлером, о котором он мог слышать еще до ареста.

К главным злодеям Сидоров относит также начальника Отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК М. Лациса, которого он «знал хорошо... и пощады не ждал». При этом он ссылается на статью Лациса «Законы гражданской войны не писаны», опубликованную в «Известиях» 23 августа 1918 г. Статья была написана после поражения Красной армии под Казанью, когда белогвардейцы казнили большое количество пленных и раненых красноармейцев. Оценивая эти события, Лацис написал, что советская власть должна действовать так же, как и белогвардейцы, и не щадить врага. *«Нас расстреливают сотнями, тысячами, мы единицами и то после долгих утмований в комиссиях и трибуналах. <...> Борьба идет не на жизнь, а на смерть. Ты не будешь бить, так побьют тебя. Поэтому бей, чтобы не быть побитому»*²⁷. Статья имела очень большой резонанс в России и по резкости содержания вызвала нарекания у В.И. Ленина. В народе же основная мысль статьи была воспринята как «раненных надо убивать», о чем и упоминает Сидоров. Если учесть, что прочитать статью Лациса сразу после ее появления Сидоров, находясь в тюрьме, не мог, то и впечатление о ней летом 1918 г. он мог получить только из разговоров с другими заключенными.

Сомнительна достоверность рассказа об освобождении Сидорова, разрешение на которое якобы дал Лацис по «протекции» важных людей. Одним из таких ходатаев Сидоров называет своего гимназического товарища Щепотьева, который работал секретарем «у члена

²⁶ См.: Дистлер Василий Григорьевич // http://irkipedia.ru/content/distler_vasiliy_grigorevich (обращение 28.02.2019); Становление карательных органов в Иркутской губернии в январе-сентябре 1920 года // http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/power/10.html (обращение 28.02.2019). Этот арест В.Г. Дистлер пережил, в 1930-х гг. работал юрконсультантом в Министерстве пищевой промышленности СССР, был арестован и расстрелян 28 января 1938 г. (упомянут в Списке жертв политических репрессий) // <http://lists.memo.ru/index5.htm> (обращение 10.10.2019).

²⁷ *Лацис М.* Законы гражданской войны не писаны // Известия депутатов трудящихся. 1918. 23 авг. № 181. С. 1. См. также: *Майсурия А.* Лацис 100 лет назад // <https://mywebs.su/blog/history/41007/> (обращение 18.02.2019).

ЦИК доктора Семашко»²⁸. Правда, в статье «Расстрел» Щепотьев уже не секретарь доктора-большевика, а также заключенный — «капитан, ревностный эсер и поклонник Керенского». Ходатаем за Сидорова он быть в этом случае не мог. Вторым «благодетелем» Сидоров назвал еще одного члена ЦИК — Владимирского, который, как он полагал, был когда-то его курсовым офицером в Александровском военном училище, позже «записался в эсеры», а затем — в коммунисты²⁹. Но членом ЦИК был совсем другой человек: врач М.Ф. Владимирский³⁰, знакомый с Сидоровым. Третьим назван «левый эсер», член «Верховного Революционного Трибунала» Бердников, с которым Сидоров якобы познакомился, когда увлекался идеями социалистов-революционеров. Но А.И. Бердников, кандидат в члены и член ВЦИК, не был левым эсером, а состоял в «Союзе эсеров-максималистов» с самого начала его создания в 1905 г. Эсеры-максималисты в 1918 г. сотрудничали с большевиками³¹. Так что и участие Бердникова в освобождении Сидорова тоже нереально. Соответственно слова Бердникова, что «товарищ Лацис немного пьян, ... поэтому и удалось так скоро» освободить Сидорова³², выдуманы самим же Сидоровым. К тому же, если верить последовательности изложения событий в воспоминаниях Сидорова, произойти это могло в конце июня (во всяком случае, до левоэсеровского мятежа), а Лацис возглавил Отдел по борьбе с контрреволюцией в ВЧК только в конце мая. В июне он еще не приобрел такую широко дурную славу среди населения страны, как в течение 1918—1919 гг.

То есть о Лацисе Сидоров писал не на основании собственного опыта, а по слышанным им в тюрьме рассказам, в том числе и из разговоров с арестованными после подавления мятежа 6 июля 1918 г. левыми эсерами, которым Сидоров симпатизировал³³.

Как бы мимоходом Сидоров упоминает второго человека в ВЧК — Якова Петерса. Его он называет «полуграмотным», поскольку у него «на папках красовались надписи “входячие” и “выходячие”»³⁴.

Очевидно, сам Сидоров с Петерсом не встречался, поскольку во время нахождения его в тюрьме Петерс был партийным руководителем ВЧК, непосредственно делами контрреволюционеров не занимался.

²⁸ Сидоров Д.А. В Бутырской тюрьме. С. 247.

²⁹ Там же.

³⁰ Официальная справка члена ЦК // http://hrono.ru/biograf/bio_we/vladimirski_mf.php (обращение 19.02.2019).

³¹ Бердников Александр Иванович // <http://opentextnn.ru/censorship/russia/sov/personalia/leader/kollegium/index.html?id=3979> (обращение 19.02.2019).

³² Сидоров Д.А. В Бутырской тюрьме. С. 247.

³³ Там же. С. 249.

³⁴ Там же. С. 244.

С Сидоровым, по его словам, работал совсем другой, молодой следователь. К тому же маловероятно, чтобы следователи из разных отделов ЧК, включая их руководителей, сидели в одной комнате. Поэтому представление о нем у Сидорова также складывалось из разговоров «сидельцев» Бутырской тюрьмы, которые могли видеть неправильные надписи на папках (если их и делал сам Петерс, ошибки латыша в русском языке вполне объяснимы), а может, просто злословили, учитывая его акцент и не всегда правильную русскую речь.

Образ чекиста Петерса в стране не без активного влияния непримиримых противников большевиков складывался в течение лета 1918 г. Петерс был одним из тех, кто руководил ликвидацией левоэсеровского мятежа. С 7 июля по 22 августа 1918 г. он вместо Дзержинского исполнял обязанности председателя ВЧК, он же возглавлял группу чекистов, претворявших в жизнь план ликвидации заговора Локкарта (в июле—августе 1918 г.). Иначе говоря, Петерса, как и Лациса, Сидоров описывал по полученной им информации в тюрьме, дополненной теми представлениями о руководителях ВЧК, которые сложились о них в обществе в течение 1918—1919 гг., и в том ракурсе, которого ждали от него многочисленные противники советской власти.

Фигурирует в брошюре Сидорова и некий «филер Чрезвычайной комиссии латыш Буйкинс... восемнадцатилетний малый, один из Ленинской причины», который повторно арестовывал Сидорова³⁵. Очевидно, что человек, которого Сидоров называет Буйкинсом, был на самом деле Янис Буйкис. Буйкис (в 1918 г. ему было 23 года) работал в Москве в ЧК с марта 1918 г. и участвовал в ряде крупных операций по аресту анархистов, бандитов и т. п. Так что, теоретически он мог быть при втором аресте Сидорова. Правда, вот вопрос: представлялись ли чекисты по фамилиям тем, кого приезжали арестовывать? Думается, что о «Буйкинсе» Сидоров узнал от крупного «взломщика Зезюки» (или его подельников), с которыми встречался в Бутырке. В ликвидации банды Зезюки Буйкис принимал участие вскоре после начала работы в ЧК³⁶.

Не мог Буйкис и приходиться в тюрьму за арестованными в начале сентября 1918 г. после раскрытия заговора Локкарта. Буйкис был одной из главных фигур в ликвидации заговора, сумел под именем Шмидхена войти в доверие к Локкарту. Но по завершению операции он сразу был отправлен с другим заданием на фронт³⁷. Так что Сидоров, очевидно, принял за Буйкиса другого чекиста-латыша (если таковой вообще был при его аресте).

³⁵ Сидоров Д.А. В Бутырской тюрьме. С. 248.

³⁶ Кравченко В. Под именем Шмидхена. С. 9—15.

³⁷ Там же. С. 218; Буйкис Я. Просчет Локкарта // Особое задание. Воспоминания ветеранов-чекистов. М., 1988. С. 77—83.

Мимоходом Сидоров упомянул и еще одного известного латыша — наркома юстиции РСФСР П. Стучку. Он якобы видел Стучку, когда тот «приехал допрашивать» бывшего прапорщика Д.С. Ермоленко, известного тем, что, будучи военнопленным во время войны, он был завербован немцами и от них узнал о том, что Ленин — германский шпион. Ермоленко якобы сидел также в одной камере с Сидоровым. По словам Сидорова, Стучка «жестко разнес начальника тюрьмы», за то, что тот посадил такого важного преступника в общую камеру, «нашумел, накричал, пригрозил “к стенке”»³⁸. Из письма самого Ермоленко к публицисту и противнику большевиков В.Л. Бурцеву следует, что он действительно сидел в Бутырской тюрьме в марте—апреле 1918 г., а затем его перевели в Кремль, должны были расстрелять, но 27 августа он «с помощью одного латыша бежал с Кремля» и сумел добраться до Хабаровска³⁹. Можно предположить, что Сидоров действительно какое-то время сидел вместе с Ермоленко. Но очень сомнительно, чтобы нарком приезжал допрашивать его в Бутырку, хотя обычно на допрос заключенных возили на Лубянку. Так что, видел ли на самом деле Сидоров наркома юстиции или это был кто-то другой, или вообще такого факта не было? Вообще при чтении воспоминаний Сидорова создается впечатление, что в Бутырской тюрьме была только одна общая камера (не считая одиночек), в которой он встречался со многими значимыми для Белого движения и для прошлой России людьми.

Не кажется достоверным и эмоциональный рассказ Сидорова о том, как его расстреливали, который также содержит разные детали в брошюре и статье. В первом случае группу из пяти человек повезли на расстрел за город, но оказались они всего-навсего в Петровском парке, то есть в пределах города. Расстреливали, конечно, латыши. Латыш-командир «кричал, задыхаясь», чтобы приговоренные встали к стене и не смели прощаться друг с другом, а затем хриплым голосом отдал команду: «Товарищи, пли!» Если расстреливали латыши, плохо говорящие по-русски, то почему команда им отдавалась по-русски? И обязательно с ненавистным Сидорову словом «товарищи».

Сидорову повезло: он получил пулю в ногу, но сумел вскочить и бросился к Петровскому дворцу, при этом видел (а дело было ночью), как ему вслед стреляли «слуги революции», почему-то «трусливо прятаясь за деревьями». Каким-то образом ему удалось «истекая кровью», вскарабкаться на крышу высокого трехэтажного Петровского дворца (а до этого еще перебраться через каменную стену

³⁸ Сидоров Д.А. В Бутырской тюрьме. С. 246–247.

³⁹ Письмо Д.С. Ермоленко к В.Л. Бурцеву от 30 октября 1918 г. // Из фонда В.Л. Бурцева // <http://leninism.su/books/4030-mezhdu-dvumya-perevorotami.html?start=18> (обращение 10.03.2019).

высотой более двух метров) и притаиться там до утра. А утром он слез с крыши и выбрался из города⁴⁰. Надо иметь в виду, что во дворце постоянно жила его обслуга, были размещены различные службы, так что остаться незамеченным постороннему человеку, да еще раненому, было чрезвычайно сложно. То есть все произошедшее нельзя рассматривать иначе как чудесное избавление.

Заметим, что в статье расстрел описан в более спокойном тоне и с большей долей правдоподобности. Расстрельная команда здесь состояла из красноармейцев без указания национальности. В статье вообще нет упоминаний о латышах — охране и чекистах. Убегая от стрелявших, Сидоров «перелез через забор. Взобрался на чердак». Его видела какая-то женщина, но дала ему уйти. Утром встретивший его милиционер поверил, что нога в крови, так как он «попал под трамвай». Его отправили в больницу, где он отоспался и сумел сбежать на Юг⁴¹.

Даже если «большевицкая милиция глуповата», как считал Сидоров, и милиционер не осмотрел его рану, то в больнице ранение от пули не могли не отличить от травмы под колесами трамвая. Так что в эту часть рассказа не очень верится. Что касается места расстрела, то в парке около Петровского дворца вечером (а не ночью) 5 сентября 1918 г. действительно была проведена массовая казнь группы бывших царских министров и политических деятелей. Это была единственная показательная устрашающая акция в весьма людном Петровском парке. Обычно расстреливали в подвалах ЧК или в безлюдных местах⁴².

Иначе говоря, место, где его якобы расстреливали и где произошло его чудесное избавление от смерти, Сидоров указал по аналогии с расстрелом 5 сентября, получившим широкую известность в стране. Так был ли расстрел вообще?

Таким образом, воспоминания Сидорова — это художественный вымысел, в основе которого лежит реальный факт — пребывание его в Бутырской тюрьме, сопровождающийся многочисленными слухами, преувеличениями, выдумками. Основная же цель рассказа — подчеркнуть жестокость и даже абсурдность кровавого большевистского режима, а также показать значимость самого автора как пострадавшего от чекистов.

Другой пример о красном терроре, содержание которого вызывает сомнения, связан с рассказом о приходе латышских стрелков в Новгород. Этот рассказ был заимствован Н.А. Нефедовым у латышского публициста Я. Пориетиса, затем перепечатан в издании

⁴⁰ Сидоров Д.А. В Бутырской тюрьме // Красный террор в Москве. С. 251.

⁴¹ Сидоров Д.А. Расстрел. С. 257–258.

⁴² Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. Москва: Март, 1996. С. 84.

«Гвардейцы Октября». Рассказ приводится в качестве иллюстрации того, как латышские стрелки устанавливали власть большевиков в разных городах России⁴³. Согласно этому рассказу в октябре 1917 г. в Новгород, враждебно настроенный к большевистскому перевороту, вошли части 4-го и 6-го латышских стрелковых полков: brave ребята — «фуражки заломлены на затылок, гимнастерки на шее растегнуты... котелки стучат о ручные гранаты, засунутые за пояс». Их появление привело горожан в ужас, так как «вся Россия уже давно знает об их победах на фронте», а простые новгородцы своим «глупым умом истолковали эти победы как дикие, ужасные деяния». Горожане прячутся по домам. «Господь, Спаситель, латыши идут. Бегите прятаться!» Где-то раздался случайный выстрел, из-за которого стрелки пошли вдоль улиц, бросая в любую толпу, на каждый шорох и скрип гранаты — «шишки» (их у них «полные карманы»), бутылки с зажигательной смесью, стреляя из винтовок, крича: «Устроим вам пекло, темные души!» А за закрытыми ставнями люди в страхе молятся перед иконами и без остановки шепчут: «Господь, Спаситель, зло захватило твое государство!» До вечера «город уже умер». В мертвом городе «никому не придет в ум» сопротивляться. А для стрелков пострелять — это забава, «веселит душу». Так было в Новгороде, в Петрограде, в Москве, затем в Ярославле и в Казани! «И победили большевики. Извините, победили закаленные в Тирельских болотах стрелки!»

В публикациях на русском языке этот фрагмент трактуется как документальное подтверждение бандитской сущности латышских стрелков. Причем тот факт, что подобный текст написан латышским автором, подтверждает, по мнению Нефедова, достоверность описываемого⁴⁴.

Однако Я. Пориетис не является автором этого текста. Его автор — журналист и писатель К. Лапиньш (псевдоним Мертцс). За 10 лет с начала войны и до окончательного возвращения в Латвию в 1924 г. Лапиньш прошел путь от латышского стрелка, воевавшего на фронтах Первой мировой войны, закончив ее в составе 12-й армии, и до узника ВЧК. Между этими датами были служба в красных латышских частях, участие в установлении советской власти в Латвии, отступление в Россию в 1919 г., учеба на командных курсах в Москве, затем служба комиссаром Административного управления в полевом штабе Красной армии. В 1920–1921 гг. после заключения мирного договора

⁴³ Нефедов Н.А. Красные латышские стрелки // Вече. Мюнхен, 1982. С. 98–99; Гвардейцы Октября. С. 37–38; *Poriētis J. Strelnieku leģendāras gaitas*. Linkoln, Nebr. USA, 1968. 488–490 lpp. Впервые Пориетис опубликовал этот рассказ в книге: *Poriētis J. Sāpju ceļš. Latviešu veco strēlnieku cīņu laikmeta vēsturiskie dokumenti un atmiņas*. Rīgā, Valtera un Rapas A/S generālkomisija. 1932. 255–256 lpp.

⁴⁴ Нефедов Н.А. Указ. соч. С. 98.

между РСФСР и Латвийской республикой Лапиньш работал по линии реэвакуации латышей на родину, затем занимался помощью голодающим. Успешная карьера советского чиновника прервалась его арестом чекистами из-за связи с посольством Латвии. Он провел 4 месяца в тюрьме, затем был сослан в Вологодскую губернию на два года, но сумел бежать и вернуться в Латвию⁴⁵.

Свой путь от стрелка до беглеца из Советской России он описывал под псевдонимом Мертцс в многочисленных статьях в газетах и журналах. Кроме того, историю своего поколения через историю своей жизни: участие в Первой мировой войне, в установлении советской власти в России и Латвии, общение со многими лидерами большевиков (русскими, латышами и др.), арест, тюрьма и возвращение на родину — он описал в нескольких романах-хрониках и в сборниках очерков и репортажей. Эти произведения можно лишь отчасти называть документальными, поскольку автор пользовался рассказами своих сослуживцев, других современников, различной доступной информацией. Причем через все его произведения рефреном проходит главный подвиг латышских стрелков в годы Первой мировой войны — «Рождественские» бои в Тирельских болотах на рубеже 1916–1917 гг. (хотя не понятно, участвовал ли он сам в этих сражениях). Задержав тогда наступление немцев, стрелки спасли Россию. Полученный затем их боевой опыт использовали большевики, сделав латышских стрелков основной своей военной силой, но затем бросили их, когда стрелки выполнили свою миссию и стали им не нужны. Действия и потери красных стрелков в последних их боях — при взятии Перекопа в ноябре 1920 г. — Лапиньш сравнивает с боями в Тирельских болотах: «Таков отголосок боев в Тирельских болотах в далеких степях России...»⁴⁶ Лапиньш восхищается стрелками, но ненавидит большевиков⁴⁷.

Я. Пориетис поместил в своей книге два отрывка из воспоминаний Лапиньша, в которых противопоставляются начало и конец службы стрелков большевикам. В начале службы они уверены в своих силах, считают, что, пережив бои в Тирельских болотах, они все могут, и чувствуют себя победителями — испытывают этакий кураж от чувства своих возможностей и силы. А в конце Гражданской войны они, уставшие от бесконечных боев, с замерзшими ногами, в потрепанной оде-

⁴⁵ *Rožkalne A.* Lapiņš Karlis // <http://literatura.lv/autors/Karlis-Lapins/26328> (обращение 07.03.2019).

⁴⁶ *Lapiņš K.* Ties kas neatgriezās // Lapiņš K. Kara stasti. Rīgā: Zemnieka domas, 1937. 162 lpp.

⁴⁷ *Lapiņš K.* Nemiera paaudze. Laikmetisks romans-kronika. Rīgā: Jaunie Daiļdarbi, 1929. 166–189 lpp. u. c.; *Lapiņš K.* Revolūcijas muļoļos. Rīgā, 1927; *Lapiņš K.* Tīreļi // Lapiņš K. Kara stasti. 38–51 lpp. u. c.

жде (носили одно и то же пять лет)⁴⁸, голодные, без винтовок и гранат, не хотят больше воевать за коммунистов. Для Порьетиса это показатель того, как человек, работавший на советскую власть, «соблазнившись на посулы коммунистов», сам лично наблюдал и очень хорошо почувствовал ошибочность такого пути⁴⁹. А публикуемые воспоминания Лапиньша для латвийского общества межвоенного времени были подтверждением ошибки красных латышских стрелков, последовавших за большевиками.

Что же касается достоверности сообщаемых Лапиньшем фактов в том отрывке, который опубликован на русском языке Нефедовым, то изложенная в нем информация не подтверждается конкретными фактами. Латышские стрелковые полки в октябре 1917 г. не могли устанавливаться в Новгороде советскую власть, так как находились на Западном фронте в составе 12-й армии. В Россию они отошли в январе–феврале 1918 г. после того, как германская армия заняла города Северной Латвии, где до этого стояли латышские полки. 6-й Тукумский полк первым из латышских полков перешел на сторону советской власти и участвовал в конце февраля 1918 г. в боях под Псковом и Дно, остановив наступление германской армии⁵⁰. Но сведений о том, что 6-й полк (как и 4-й полк) когда-либо располагались в Новгороде, нет.

Первый этап установления советской власти в Новгороде и создание советских административных учреждений в городе и в уездах проходил с ноября 1917 по март 1918 г. в острой политической борьбе между сторонниками большевиков и правых эсеров, но без присутствия латышских стрелков. Латышские стрелковые полки участвовали в подавлении крестьянских восстаний в Новгородской губернии в 1918 г. (тогда крестьяне губернии реально должны были испытывать и страх, и неприязнь к стрелкам), а также в боях против войск Юденича в августе–октябре 1919 г. Но 4-й и 6-й латышские полки в этих действиях не участвовали⁵¹. В Новгородской губернии находились 5-й и 7-й полки. Вполне вероятно, что крестьяне и горожане губернии встречали войска Красной армии без удовольствия. Но расположенный

⁴⁸ О причинах потрепанной одежды стрелков перед возвращением на родину см. в настоящем сборнике ст. В. Шалды: Истина или легенды: актуальные вопросы истории латышских стрелков в публицистике и историографии Латвийской Республике.

⁴⁹ *Porietis J.* Sāpju ceļš. 256–258 lpp.

⁵⁰ *Tomanis B.* Revolūcijas dēli. Rīgā, Liesma, 1970. 76–84 lpp.; *Томан И.Б.* Воспоминания спустя полвека // Россия и Балтия. Вып. 5: Войны, революции и общество. М.: Наука, 2008. С. 281–307.

⁵¹ *Павлов Е.М.* Из истории советского строительства в Новгородской губернии (1918–1920 гг.) // Новгородский исторический сборник. Л.: Наука, 1989. № 3 (13). С. 206–213 (с. 206–218); *Tomanis B.* Op. cit. 175 lpp.

в Новгороде 7-й полк сумел найти общий язык с местными жителями. Известно, что, когда весной 1918 г. в новгородские детские дома и больницы вовремя не подвезли продовольствие, стрелки 7-го полка передали туда часть своих продуктов⁵². И очевидно, что в действиях стрелков не было такого презрительного, высокомерного отношения к горожанам, как в рассказе Лапиньша.

Маловероятно, что жители Новгорода слышали о том, какие именно части участвовали в сражениях на подступах к Риге в Рождество 1916 г. и в январе следующего года. В газетах подробной информации об этом не давалось. Но даже если они и знали о роли в этих боях латышских частей, то совершенно непонятно, почему героизм на фронте горожане могли воспринимать как «ужасное деяние» и прятались, узнав, «что латыши идут».

Неизвестно, был ли сам Лапиньш в Новгороде, который он ставит в один ряд с другими городами, где красные латышские стрелки сыграли важную роль в закреплении позиций советской власти. В боевых действиях на фронтах Гражданской войны Лапиньш не участвовал — находился либо на учебе, либо в тылу, либо занимался гражданскими делами. Во всяком случае, в своих книгах он о собственном участии в боевых действиях Гражданской войны не пишет. Поэтому личных воспоминаний о боях и походах у него не было. Он либо использовал рассказы других стрелков, либо опирался на общую известную информацию и, основываясь на ней, описал свои впечатления. Причем первичные личные его впечатления в 1918—1919 гг. явно претерпели изменения и переоценки в последующие годы под влиянием его жизненных переживаний. Иначе говоря, нет оснований считать данный рассказ Лапиньша отражением конкретного события периода Гражданской войны.

Следует заметить, что характерное для работы Н.А. Нефедова преувеличение разрушительной роли красных латышских стрелков при подавлении антибольшевистских восстаний в разных городах страны уже отмечалось в историографии. Например, исследователь роли латышских стрелков в Ижевско-Воткинском рабочем антибольшевистском восстании 8 августа—13 ноября 1918 г. Е.Г. Ренев, который детально анализировал архивные документы и публикации по этой теме, отметил, что Нефедов допустил множество фактических ошибок в описании подавления данного восстания. Но его ошибки во множестве воспроизводятся другими авторами⁵³. Представление об особо разрушительной роли латышских стрелков в красном терроре

⁵² *Tomanis B.* Op. cit. 168 lpp.

⁵³ *Ренев Е.Г.* Латышская тема в Ижевском рабочем восстании 1918 г. // Россия и Балтия. Вып. 6: Объединяя страны и поколения. М., Весь Мир, 2011. С. 47.

в Ижевске при подавлении восстания сложилось на основании работ бывших участников Белого движения. Решающая роль именно латышских стрелков в подавлении этого восстания является одним из мифов Гражданской войны. Документы свидетельствуют о том, что «в падении восставшего Ижевска вина латышей весьма относительно»⁵⁴.

Думается, что появление работы Н.А. Нефедова, как и переиздание в дополненном варианте упомянутой книги Я. Порьетиса в 1962 г., было связано с тем, что к истории красных латышских стрелков в эти годы обратились и в советской историографии. Публикации, в которых упоминались действия красных латышских стрелков в годы Гражданской войны, выходили в 1920-х — начале 1930-х гг., но прекратились с началом массовых репрессий, в которых одними из первых пострадали советские латыши. В 1950—1980-х гг. внимание к красным латышским стрелкам в советской периодике, публицистике и научной литературе в значительной мере имело политический подтекст: надо было подчеркнуть, что история красных латышских стрелков — это неразрывная часть истории советской Латвии, строившей социалистическое общество.

В молодежных газетах часто публиковались интервью с ветеранами латышской стрелковой дивизии, в которых они рассказывали об участии в боях Гражданской войны, об охране В.И. Ленина и встречах с ним и т. п. Эта тема была одной из наиболее важных составляющих идеологического воспитания комсомольцев и пионеров в Советской Латвии. В конце 1940—1970-х гг. вышли в свет многочисленные научные исследования о латышских стрелках на латышском и русском языках⁵⁵. В этих работах обобщен большой архивный и документальный материал. Но действия латышских стрелков в установлении и закреплении завоеваний советской власти очень часто рассматривались в отрыве от участия в тех же событиях других частей Красной армии, рабочих отрядов и т. д. Это способствовало представлению о том, что большевики сумели удержать власть исключительно благодаря красным латышским стрелкам.

⁵⁴ Ренев Е.Г. Латышская тема в Ижевском рабочем восстании 1918 г. // Россия и Балтия. Вып. 6: Объединяя страны и поколения. М., Весь Мир, 2011. С. 60, 69, 70.

⁵⁵ *Ķisis R.* Oktobra revolūcija un latviešu strēlnieki. Rīgā, LVI, 1948; *Крастынь Я.П.* Борьба латышского народа против немецких поработителей. М., 1948; *Kondatijevs N. Jānis Fabricius.* Biogrāfiskas apraksts. Rīgā, LVI, 1957; *Kaimiņš J.* Latviešu strēlnieku cīņā par Oktobra revolūcijas uzvaru. Rīgā, LVI, 1957; *Кайминь Я.* Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. Рига, 1961; *Draudīņš T.* Latviešu strēlnieku cīņu ceļš. 1917—1920. Rīgā, LVI, 1961; *Спецлис А.И.* Латышские стрелки на страже завоеваний революции. 1917—1918. Рига, Зинатне, 1967; *Tomanis V.* Op. cit.; История Латышских стрелков (1915—1920) / Ред. Я.П. Крастынь. Рига, Зинатне, 1972; *Томан Б.А.* За свободную Россию, за свободную Латвию: Латышские стрелки и красногвардейцы в первый год советской власти. М.: Политиздат, 1975 и др.

Разумеется, роль латышских стрелков в сохранении власти большевиков была достаточно большой, особенно на раннем этапе Гражданской войны. Когда советское правительство издало приказ о расформировании царской армии, рядовые латышские стрелки отказались исполнять его, а также аналогичное требование Исколатстрела (Исполнительного комитета латышских стрелковых полков). Стрелки не хотели расходиться, поскольку считали, что вместе им легче будет возвращаться на родину, а скорое возвращение домой им обещал В.И. Ленин⁵⁶. Но именно из-за этого отказа разойтись стрелки остались в тот момент единственными боевыми частями, способными остановить германское наступление в феврале 1918 г.

Латышская стрелковая дивизия была едва ли не основной силой, на которую могли опираться большевики, пока вновь создаваемая Красная армия не приобрела достаточную численность и опыт. Тем не менее, для отражения наступления антибольшевистских сил одной латышской дивизии было недостаточно. Так, в основном латышскими стрелковыми частями был подавлен левозеро-московский мятеж в Москве 6–7 июля 1918 г., а план операции был разработан командиром латышской стрелковой дивизии Ю. Вацетисом. Но кроме частей латышской дивизии против левозеро-московских отрядов действовали курсанты трех военных школ, бойцы полка коменданта города, рабочие дружины, которые контролировали районы за пределами центра города⁵⁷. Так что Вацетис мог сконцентрировать в центре Москвы против верных левым эсерам отрядов все самые боеспособные силы.

В период формирования Красной армии с марта по июнь 1918 г. стрелки составляли не более 7% от всего состава военнослужащих, причем они концентрировались в основном в центре и на Северо-Западе России⁵⁸. Стрелки были лучше обучены и дисциплинированы, чем только что поступившие на службу красноармейцы. Тем не менее, пока вновь создаваемые части Красной армии не увеличились численно и не приобрели достаточный боевой опыт, латышские стрелки в одиночку или вместе с наспех формируемыми и необстрелянными частями должны были отступать на Восточном фронте, сдавая белочехам и белогвардейским отрядам города Поволжья⁵⁹. Иначе говоря, латышская стрелковая дивизия была важной боевой

⁵⁶ *Томан И.Б.* Указ. соч. С. 290–295.

⁵⁷ *Вацетис И.И.* Мятеж левых эсеров в июле 1918 г. // Латышские стрелки в борьбе за советскую власть. Окаянные дни. М.: Вече, 2018. С. 51–66; К ликвидации мятежа левых социалистов-революционеров // Правда. 1918. 9 июля. № 140. С. 1.

⁵⁸ *Томанис В.* Op. cit. 124–125 lpp.

⁵⁹ Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис. Сборник документов. Рига, 1978. С. 43–75 и др.

единицей Красной армии, но в одиночку победить белых она не могла даже при поддержке латышских дружин и отрядов, составленных из рабочих эвакуированных из Рижского региона предприятий. Надо также иметь в виду, что пополнение состава латышской стрелковой дивизии по естественным причинам не могло вестись только этническими латышами. Поэтому в рядах дивизии сражались русские, украинцы, татары, башкиры, белорусы и другие народы бывшей Российской империи⁶⁰.

Очень болезненно в современном российском обществе воспринимается тема подавления восстаний крестьян, недовольных продовольственной политикой советской власти в 1918–1921 гг. Латышские стрелки, а также латыши, состоявшие в отрядах ЧК в разных губерниях страны, естественно, принимали участие в подавлении этих выступлений. Однако участие их в карательных акциях не означает, что они единственные проводили эти акции. Если верить данным, что в 1918 г. в стране произошло не менее 245 восстаний, а в январе–июле 1919 г. — около 100⁶¹, то очевидно, что всех латышских сил для подавления восстаний в стране не хватило бы, с учетом того, что большая часть стрелков воевала на фронтах.

Подробные данные о разрушительных последствиях карательных акций советских войск против восставших крестьянских районов с упоминанием числа убитых, сожженных домов и т. п. приводятся в издании «Гвардейцы Октября». При этом среди руководителей красных карателей названы только латышские командиры. Соответственно создается впечатление, что все акции террора производились исключительно латышскими частями. Более детальное изучение документов показывает, что сведения об участии латышей приводятся в книге выборочно, не раскрывая всех относящихся к упоминаемым лицам сведений в данной конкретной ситуации.

Например, сообщая о действиях против белых красновардейского отряда во главе с Э. Аппогой в Чердынском уезде Пермской губернии, составители ссылаются на воспоминания очевидицы событий Г.П. Рычковой. Она подробно рассказывает о борьбе красновардейских отрядов против мятежей местного кулачества и белогвардейцев, нападавших на органы советской власти, казнивших коммунистов, сочувствующих им крестьян и красноармейцев, а также захватывавших баржи с товарами и продовольствием для здешних жителей. Аппога возглавлял один из таких красновардейских отрядов. Позже его отряд освобождал уезд от войск Колчака.

⁶⁰ *Tomanis B.* Op. cit. 120 lpp.

⁶¹ Гвардейцы Октября. С. 85.

О популярности Аппоги среди населения свидетельствовало то, что после освобождения района от войск Колчака и отъезда самого красного командира мальчишки из местных деревень на вопрос о том, кем они хотят стать в будущем, часто отвечали: «Аппогой!» А «деревенское кулачество люто ненавидело Эрнста, распространяя самые злостные слухи о якобы совершаемых им зверствах. Его именем пугали маленьких ребят: “Вот придет Апуга, он вам задаст!”»⁶² Составители же издания «Гвардейцы Октября» эту информацию сократили до сообщения: «Летом 1918 г. подавлял крестьянские выступления в Чердынском уезде Пермской губернии отряд во главе с военкомом Э.Ф. Аппогой. Его именем пугали маленьких детей: «Вот придет Апуга, он вам задаст!»⁶³. Иначе говоря, из первоисточника взята только та информация, которая соответствует концепции составителей сборника.

Выборочно приводятся в издании «Гвардейцы Октября» и сведения об участии латышей-красноармейцев и командиров, в подавлении Тамбовского восстания (крестьянской войны) в 1918–1921 гг. В этих событиях, составлявших часть Гражданской войны в России, смешались политические, социальные и уголовные аспекты. В отрядах повстанцев воевали обиженные новой властью крестьяне, идейные (и не очень) социалисты-революционеры и просто бандиты. Чрезмерно большие размеры продналога, наложенные на губернию, распределялись стоявшими у власти в сельской местности эсерами таким образом, что в худшем положении оказывались даже не кулаки, а более бедные слои крестьянства, которые в такой ситуации присоединялись к восставшим⁶⁴.

В период наиболее острой фазы восстания с лета 1920 г. борьба с отрядами А.С. Антонова в Тамбовской губернии происходила при полном бездействии местных органов власти разных уровней — от сельских до губернских. При этом крестьяне, не поддерживавшие повстанцев, оставались без какой-либо защиты и от антоновцев, и от беззакония со стороны советских войск. Затяжной характер восстания в значительной степени был вызван отсутствием взаимодействия между командованием действовавших здесь советских вооруженных сил и местными властями, которые старались скрыть от московских ревизоров-комиссаров реальное положение в губернии, а военные поражения объясняли исключительно ошибками командования. Командующие же должны были решать боевые задачи одновременно

⁶² Рычкова Г.П. Мгновения и годы. Пермь, 1972. С. 66. См. также с. 75–78.

⁶³ Гвардейцы Октября. С. 83.

⁶⁴ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1918–1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов: Ред.-изд. отдел, 1994. С. 231.

с борьбой с дезертирством, мародерством, отсутствием дисциплины во вверенных им войсках⁶⁵.

В такой ситуации постоянно менялись командующие войсками в Тамбовской губернии. Хотя в издании «Гвардейцы Октября» названы только латыши Ю. Аплук (Аплокс) и О. Скудре, за год с лета 1920 г. сменилось не менее шести командующих. Но поскольку другие командующие не упомянуты, а сроки их пребывания в должности не указаны, то складывается впечатление, что в борьбе с повстанцами А.С. Антонова командовали советскими войсками и проводили в жизнь карательные акции против гражданского населения лишь эти командиры.

Ю. Аплук, бывший ранее начальником Орловского сектора ВОХР, принял командование войсками Тамбовской губернии в начале сентября и ушел в отставку в начале октября 1921 г. Для характеристики его деятельности в книге «Гвардейцы Октября» приводится ссылка на установленные Аплом карательные меры против населения: предполагался расстрел на месте лиц, пойманных с оружием; за сочувствие к повстанцам и укрывательство участников повстанческих отрядов грозил трибунал или взятие в заложники; села, оказывающие сопротивление войскам, должны были быть сожжены дотла⁶⁶.

Но для более полного представления об этом командующем следовало бы упомянуть, что Аплук был назначен в Тамбовскую губернию в один из наиболее критических моментов для советских войск. При этом он получил «общие директивы по скорейшему завершению подавления восстания». Для большей эффективности ведения военных действий Аплук сумел перестроить войска в губернии и наладить координацию между отдельными частями. Он организовал также разведывательную службу, а также санитарное обеспечение войск. Такое реформирование привело к серьезным успехам на том этапе войны⁶⁷.

Карательные меры, о которых шла речь выше, указаны в обращении Аплука к местному населению от 16 сентября 1920 г.⁶⁸ Такие меры, включая сожжение населенных пунктов, применялись при борьбе с повстанцами и до и после пребывания Аплом на командной должности и были инициированы властями губернии⁶⁹. Разрушение

⁶⁵ *Самошкин В.В.* Антоновское восстание. М.: Русский путь, 2005. С. 50–51, 63; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии. С. 33–34, 230–233.

⁶⁶ Гвардейцы Октября С. 84.

⁶⁷ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1918–1921 гг. С. 65–67; Внутренние войска Советской республики. 1917–1922. Документы и материалы. М.: Юридическая литература, 1972. С. 516, 521–526, 528–530, 551.

⁶⁸ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1918–1921 гг. С. 66.

⁶⁹ Там же. С. 58: Приказ оперативного штаба при губчека о карательных мерах по отношению к селениям, примкнувшим к восстанию от 31 августа 1920 г.

и сожжение сел и деревень, крестьяне которых не хотели помогать восставшим, применялось и Антоновым⁷⁰. Так что Аплом не был новатором в выборе карательных мер, а использовал то, что уже применялось здесь на практике. Сожжение села действительно имело место в командование Апломка в ответ на обстрел красноармейского разъезда, в результате чего погибли два бойца. Но в отличие от распространенной в губернии практики, он не облагал контрибуцией села, замеченные в поддержке повстанцев⁷¹.

Таким образом, отношения Апломка с местным населением не отличались от того, которое уже существовало в губернии. Кроме того, он пытался упорядочить проводимый войсками сбор продовольствия: «Составил план распределения войсковых частей на продовольственные работы»⁷², что препятствовало самовольному изъятию продуктов у крестьян, превращавшемуся в прямой грабёж. Кроме того, он налаживал контакты с бедными и безземельными крестьянами, которые служили у него проводниками для определения «мест расположения бандитов»⁷³. В результате по итогам боев в начале октября 1920 г. Апломк сообщал, что «в районе восстания никаких антисоветских движений по агентурным сведениям не замечается». Несмотря на успех советских войск, о котором докладывал Апломк⁷⁴, он был тогда же отстранен от должности якобы по состоянию здоровья, хотя, скорее, потому, что у него не сложились отношения с губернским руководством⁷⁵.

Однако удержать и развить успех после отставки Апломка следующим двум командующим не удалось. О. Скудре, исполнявший до этого обязанности командующего войсками Орловского военного округа, возглавлял борьбу с повстанцами с 28 декабря 1920 г. и до начала марта 1921 г. В проведенном им анализе ситуации в губернии Скудре чет-

Сожжение домов и взятие заложников из семей сторонников Антонова практиковалось и летом 1921 г. (см.: Там же. С. 190, 218).

⁷⁰ Казаков А. Партия социалистов-революционеров в Тамбовском восстании. 1920–1921 гг. // Самошкин В.В. Антоновское восстание. М.: Русский путь, 2005. С. 258.

⁷¹ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1918–1921 гг. С. 65–66; Самошкин В.В. Указ. соч. С. 43–44.

⁷² Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1918–1921 гг. С. 65.

⁷³ Внутренние войска Советской республики. 1917–1922. Документы и материалы. С. 528–530.

⁷⁴ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1918–1921 гг. С. 66. (Этот доклад не датирован; в комментариях его дату определяют как «не ранее 12 сентября 1920 г.». Но, судя по содержанию, этот доклад, скорее, можно рассматривать как отчет Апломка о результатах его деятельности на посту командующего войсками Тамбовской губернии.)

⁷⁵ Внутренние войска Советской республики. 1917–1922. С. 551; Самошкин В.В. Указ. соч. С. 43–47.

ко различал два разнородных явления: «чистый бандитизм и частичное восстание населения на почве продовольственной кампании». Развитию «бандитизма» в восстание способствовали в том числе «малоопытность административных органов и недостаток политической работы среди местного населения». А «подпольную работу различного рода агитаторов, будирующих население» облегчило «неумелое и зачастую пристрастное действие продовольственных агентов»⁷⁶. В связи с этим Скудре считал необходимым учитывать настроения крестьян губернии, применять в разных ситуациях строго индивидуальный подход и стараться привлекать крестьян на свою сторону, поскольку террор против всех только усиливал число противников советской власти. В первом своем приказе на посту командующего войсками в губернии он предупредил командиров и красноармейцев об осторожности в применении репрессивных мер и о недопущении таких крайних мер, как сожжение населенных пунктов. Необходимо отделять активных участников восстания от тех, кто сдается, или вообще от мирного населения, которое старается остаться в стороне⁷⁷.

В «Гвардейцах Октября» о Скудре сказано, что «им был введен режим оккупации (оккупационная система), включивший занятие территории, наложение контрибуций, разорение хозяйств и разрушение домов участников восстания и их семей, взятие заложников и создание концентрационных лагерей»⁷⁸.

Для понимания ситуации внесем некоторые разъяснения. Подобные карательные меры к восставшим появились задолго до вступления в должность Скудре. Они применялись по решению президиума Тамбовского губисполкома уже летом 1920 г. и до конца подавления восстания⁷⁹. Система оккупации устанавливалась в отдельных «бандитских селах», которым выносился особый «приговор» с перечислением «их преступлений перед трудовым народом». В тех случаях, когда такую систему по тактическим соображениям надо было распространить на большой район, внутри его проводился дифференцированный подход к населению. Для сохранения порядка создавались крестьянские дружины из тех крестьян, которые не поддерживали восставших и шли на сотрудничество с властями⁸⁰. Таким образом, власти укрепляли свои позиции в крестьянской среде.

Оккупационная система, которая была введена по приказу Скудре в начале 1921 г., устанавливалась в пограничных с Тамбовской губер-

⁷⁶ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1918–1921 гг. С. 116–117.

⁷⁷ *Самошкин В.В.* Указ. соч. С. 64.

⁷⁸ Гвардейцы Октября. С. 84.

⁷⁹ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1918–1921 гг. С. 58, 235, 238.

⁸⁰ Там же. С. 235, 238.

нией уездах Воронежской губернии, чтобы проникающие туда отряды восставших не сумели бы найти поддержку среди настроенных против властей местных жителей. Принятыми мерами удалось предотвратить разрастание восстания в Воронежской губернии. Но неизвестно, в полном ли объеме была здесь применена оккупационная система, поскольку чрезвычайные меры могли лишь обострить отношения между властью и крестьянами и обратить последних к поддержке восставших. Во всяком случае, согласно докладу Скудре, было сохранено «прежнее положение Воронежской губернии, хотя выполнение продовольственной программы продолжало возбуждать население»⁸¹.

Таким образом, публикация выборочных фрагментов о действиях названных выше командиров в подавлениях крестьянских выступлений в 1918 и 1920—1921 гг. не дает реального представления об их роли в этих событиях.

Обратим также внимание на участие латышей в расстреле Николая II и его семьи. В упомянутых работах и фильме говорится о том, что охрана Романовых в Екатеринбурге и расстрельная команда состояла из латышей или в основном из латышей. Наибольший резонанс в современном российском обществе имело изображение латышей непосредственными участниками расстрела в документальном фильме.

Выводы о роли латышей в расстреле строились на воспоминаниях участников тех событий. Практически нет разногласий в том, что охрану царской семьи какое-то время осуществляли латыши. Что касается расстрельной команды, то в этом вопросе долгое время опирались на записки Я. Свикке, находившегося летом 1918 г. в Екатеринбурге. В те годы, когда казнь царской семьи многими рассматривалась как заслуга, Свикке приписывал особую роль в этот акте себе и командующему Северо-Урало-Сибирского фронта Р.И. Берзину, якобы осуществлявшему непосредственную связь с В.И. Лениным. А Свикке выполнял распоряжения Берзина. В список расстрельной команды Свикке включил 13 человек, из которых 9 были латышами. Эта версия была охотно подхвачена некоторыми авторами. Однако проведенное конкретное исследование показало, что рассказ Свикке является вымыслом человека, не занимавшего в то время сколь-нибудь значимых постов, но стремившегося представить более значимой свою роль в происшедших событиях. По документальным данным, в июле 1918 г. он был комиссаром типографии екатеринбургской латышской газеты и не имел отношения к охране царской семьи⁸². Поэтому сомнительно, что он

⁸¹ Там же. С. 117.

⁸² *Плотников И.А.* Правда истории. Гибель царской семьи. Екатеринбург—Москва: СРОО «За Духовность и Нравственность», 2003. С. 213.

мог командовать сопровождением Романовых при переводе их из Тобольска в Екатеринбург⁸³. Что касается конкретного участия латышей в расстреле, то, по имеющимся сведениям, в расстрельной команде мог быть только один латыш и то предположительно⁸⁴.

Итак, рассмотренные примеры показывают, что в современной отечественной историографии наблюдается тенденция к преувеличению роли латышских стрелков и чекистов в красном терроре и вообще в победе советской власти в России. Нет сомнения в том, что пропорционально численности латышей в России количество участников их в революции было достаточно велико. Однако нет основания считать их основной силой, которая помогла большевикам победить. Тем более, что исследователи приводят и факты, указывающие на преувеличение размаха красного террора. В частности, доказательства такого преувеличения приводились по материалам Ижевско-Воткинского восстания Е.Г. Реневым, работа которого упомянута выше. Выводы Ренева разделяются и другими исследователями⁸⁵. Кроме того, давать оценку красному террору можно только в общем контексте событий, учитывающем также размах белого террора, поскольку в значительном числе случаев они взаимосвязаны, один порождал другой, «это обе стороны одного явления — трагедии Гражданской войны»⁸⁶. В современных работах есть убедительные доказательства того, что как раз массовые проявления белого террора, а также политика белых правительств на Юге, в Поволжье и в Сибири в отношении гражданского населения в конечном итоге и вынудили жителей страны выбрать из двух зол власть большевиков⁸⁷.

Говоря об участии латышей в русской революции и Гражданской войне, надо также иметь в виду, что они воевали не только на стороне большевиков. В составе белых армий было до 10 тыс. латышей, в том числе бывшие полковники и генералы российской армии⁸⁸. Например,

⁸³ Об этом говорится, например, в издании «Гвардейцы Октября». С. 73.

⁸⁴ Плотников И.А. Указ. соч. С. 212–235; Архив новейшей истории. «Публикации». Т. III. Скорбный путь Романовых, 1917–1918 гг. Гибель царской семьи. Сборник документов и материалов / Ред. В.М. Хрусталева. М.: РОСПЭН, 2001. С. 194–197.

⁸⁵ См.: Корабельников А.В. Ижевские повстанцы и «Красный террор» (протоколы ЧК 1918–1919 гг.). Ижевск: Иднакар, 2013. 173, [1] с.

⁸⁶ См.: Ратьковский И.С. Хроника белого террора. Репрессии и самосуды (1917–1920). М.: Алгоритм, 2017. С. 8 и др.

⁸⁷ Ратьковский И.С. Хроника белого террора. С. 15–21, 132–137 и др.; Красный и белый террор. Портреты эпохи. Русская революция / Ред. Е.А. Павликова. М.: Айрис, 2018. С. 178–186, 220–230, 242, 262, 275–285 и др.

⁸⁸ Екабсон Э. Щербинкис В. Участие латышей в военных формированиях белых во время Гражданской войны в России. 1917–1920 // Россия и Балтия. Вып. 1:

полковник К. Гопперс и подполковник Ф. Бриедис в июле 1917 г. были связаны с военным отделом организации Русский Республиканский центр, которым руководил Л. Корнилов, а после разгрома Корнилова установили контакты с Б.В. Савинковым. Для защиты Учредительного собрания в конце 1917 г. они сумели организовать отряд по разным данным численностью от 120 до 200 латышских офицеров и 300 стрелков. С февраля 1918 г. они были активными участниками Союза защиты родины и свободы во главе с Савинковым, составляя в нем отдельную латышскую группу⁸⁹. Знаменательно, что, когда Бриедис, выдававший себя за простого служащего, был арестован и отправлен в Бутырскую тюрьму, сокамерники ему активно сочувствовали. Считали, что его оговорили и что он пострадал невинно. В том факте, что Бриедиса арестовали свои же соплеменники, видели особое проявление гнусности латышей-чекистов⁹⁰.

В комментарии к публикации воспоминаний Н. Сутуженко дается лишь краткая справка о Бриедисе: где, когда родился и когда был расстрелян⁹¹. О том, что он действительно был активным участником антибольшевистского движения, не указано. В результате у читателя, как и у сокамерников Бриедиса, складывается образ невинной жертвы чекистов. То есть неполная информация создает обманчивое представление о данном человеке (как бы ни относиться к его антибольшевистской деятельности)⁹².

Таким образом, тема красных латышских стрелков, безусловно, представляет большой интерес как составная часть истории революции 1917 г. и Гражданской войны в России. Причем участие латышей (как и других народов бывшей Российской империи) в русской революции наиболее полно можно оценить не на отдельных, выбранных эпизодах, а именно в общем контексте трагедии Гражданской войны, детально анализируя всю связанную с тем или иным эпизодом информацию. При этом важно максимально использовать имеющиеся источники, как уже введенные в научный оборот, так и еще не опубликованные.

Страны и народы. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 79–97; *Нам И.В.* Латышские организации в Сибири в условиях революции и Гражданской войны (1917–1919) // Россия и Балтия. Вып. 5: Войны, революции и общество. М.: Наука, 2008. С. 139–176; *Волков Е.В., Егоров Н.Д., Куцов И.В.* Белые генералы Восточного фронта гражданской войны. М.: Русский путь, 2003. С. 14, 17, 44, 80–81, 147, 211.

⁸⁹ *Екабсонс Э. Щербинский В.* Указ. соч. С. 80–83.

⁹⁰ *Сутуженко Н.* Сухая гильотина // Красный террор в Москве. С. 141.

⁹¹ Там же. Сн. 36. С. 472–473.

⁹² Улица в Риге названа в честь Фрициса Бриедиса не из-за его антибольшевистской деятельности, а за проявленное им мужество во время Первой мировой войны в Рождественских и других боях в 1915–1917 гг.

В издании «Россия и Балтия» уже печатались не известные ранее источники о латышских стрелках и их участии в революции, Гражданской войне и последующей жизни в СССР⁹³. Далее представляем рассказ о жизни латышского стрелка и участника Гражданской войны Карла Яковица, основанный на документах из домашнего архива членов его семьи.

II. Судьба Карла Яковица

Одним из младших командиров латышских стрелковых частей, которые поддержали установление советской власти в России, был Карл Яковиц (латышский вариант имени, вероятно, Kārlis Jakovics)⁹⁴. Представить основные эпизоды из его жизни помогают сохранившиеся документы:

1. Автобиография, написанная в 1923 г. (поздняя копия).
2. Паспорт, выданный Карлу Яковицу в 1914 г. (подлинник).
3. Учетно-воинский билет (поздние копии).
4. Билет из госпиталя 22 марта 1916 г. (подлинник).
5. Удостоверение от Исколатстрела 1 декабря 1917 г. (подлинник).
6. Удостоверение политкомиссару Отдела снабжения 37-й дивизии Карлу Яковицу от 1 июня 1919 г. (подлинник).
7. Удостоверение на владение К. Яковицем двумя лошадьми от 1 октября 1920 г. (копия того времени, заверенная печатью).
8. Мандат участника конференции в Миргороде 1921 г. (подлинник).
9. Свидетельство о рождении Тамары Яковиц, выдано 23 июля 1921 г. (подлинник и копия).

⁹³ Лиэпа Ю.А. Отец (расплата или наказание) // Россия и Балтия. Вып. 4: Человек в истории. М.: Наука, 2006. С. 223–234; Томан И.Б. Воспоминания спустя полвека // Россия и Балтия. Вып. 5: Войны, революции и общество. М.: Наука, 2008. С. 281–307; Назарова Е.Л. (подг. к печати, комментарии) «Арестован по неизвестным мне причинам». Дело Карлиса Дулькиса. 1937–1956 // Россия и Балтия. Вып. 7: Памятные даты и историческая память. М.: Наука, 2015. С. 165–177.

⁹⁴ Фамилии, оканчивающиеся на –виц (-vics), встречаются у латышской достаточно часто. По мнению специалистов по антропонимии, такие фамилии могли быть польского или восточнославянского происхождения, записанные еще в Российской империи немецким писарем с окончанием не -ич, а -иц по аналогии с немецкими фамилиями (см.: Сталтмане В.Э. Латышская антропонимия. Фамилии. М.: Наука, 1981. С. 79–80). Предполагаем и обратный вариант, исходя из того, что фамилия «Яковиц» нередко встречается в Германии. Не исключено, что первоначальный вариант фамилии «Яковиц» уже в Риге превратился в «Яковиц».

10. Удостоверение о праве на медицинскую помощь от 30 января 1924 г. (подлинник).
11. Удостоверение военнослужащего от 10 июня 1924 г. (подлинник).
12. Аттестат на денежное довольствие К. Яковица 19 июня 1924 г. (подлинник).
13. Свидетельство о демобилизации Яковица 23 сентября 1924 г. (подлинник).
14. Выписка о предоставлении ему средств на лечение 5 января 1925 г. (подлинник).
15. Выписка о смерти К. Яковица 31 января 1925 г. (подлинник).
16. Удостоверение на получение пособия М.Г. Яковиц 4 мая 1925 г. (подлинник).
17. Удостоверение М.Г. Яковиц, подтверждающее место работы умершего мужа от 12 мая 1925 г. (подлинник).
18. Заявление об устройстве дочерей К. Яковица в детский дом (подлинник).
19. Заявление о назначении пенсии 14 мая 1925 г. (подлинник).
20. Заявление страховой кассы 28 мая – 1 июня 1925 г.
21. Обращение Бюро ячейки РКП(б) банка в МК РКП(б) об устройстве дочерей Яковица в детский дом (копия того времени, с подписью отв. секретаря ячейки).
22. Справка для М.Г. Яковиц 2 марта 1926 г. о работе ее мужа в Банке для Внешней торговли (подлинник).
23. Удостоверение из домоуправления о возвращении Тамары из детдома от 2 декабря 1927 г. (подлинник).
24. Грамота, выданная М.Г. Яковец в 1933 г. (подлинник).
25. Свидетельство о смерти М.Г. Яковец 16 февраля 1942 г. (подлинник)⁹⁵.

Карл Гуго Карлович Яковиц родился в Риге в 1884 г. (по другим документам 1886 и 1890 гг.) Отец его, латыш, лютеранского вероисповедания, был приказчиком в фирме (или магазине), торговавшей чаем. В семье было три сына и одна дочь; жалования главы семьи на шесть человек хватало с трудом. Все же старший сын Карл сумел поступить в гимназию и доучиться до 5 класса. Но в 1900 г. после смерти отца Карл стал старшим мужчиной в семье, пришлось оставить учебу

⁹⁵ Используемые в данной статье документы и фотографии хранятся в семье потомков К. Яковица; предоставлены его внуком Г.З. Глускиным, публикуются с его разрешения. Со слов Г.З. Глускина записаны и некоторые данные о семье, не отразившиеся в документах. В тексте ссылки на документы указаны под номерами перечня.

и искать работу. Как человеку, по тем временам уже образованному, ему удалось поступить учеником наборщика в типографию (№ 1, № 2, № 3: л. 2).

В отличие от рабочих других профессий, типографские рабочие – полиграфисты, печатники – были почти поголовно грамотными и имели неплохой заработок. Они отличались и по внешнему виду: одевались скорее как служащие, а не как их братья по классу⁹⁶. При этом работа наборщика была очень трудоемкой, требовавшей большого напряжения для зрения и вредной для здоровья: при ручном наборе приходилось постоянно дышать свинцовой пылью и краской. Поэтому проблема охраны труда и медицинского страхования имели для работников этой отрасли очень большое значение. Добиться же выполнения улучшения условий труда и медицинской помощи без политических изменений в стране и специального законодательства не удавалось. Неудивительно, что в 1905 г. полиграфисты участвовали в революционных событиях, активно поддержали требования улучшения условий труда и создание профсоюзов⁹⁷. В Латвии профсоюз полиграфистов был создан в 1905 г. В руководстве профсоюзами большую роль играли социал-демократы. В 1906 г. профсоюз рабочих книжной промышленности заключил первый коллективный договор с предпринимателями⁹⁸.

В Риге, а также на всей территории Прибалтийских губерний начал революционных выступлений был наиболее сильный и продолжительный по сравнению с другими районами Российской империи. Здесь требования экономических и политических свобод народных масс сочетались с требованием предоставить латышам и эстонцам права участвовать в административном управлении в губерниях и владеть землей, большая часть которой принадлежала прибалтийско-немецким помещикам⁹⁹. Карл Яковиц «в 1905 г. участвовал в революции совместно с ЛСДПР (большевиков) Уздвинского района» (№ 1).

Говоря об «Уздвинском районе» Риги, Яковиц имел в виду, вероятно, «Усть-Двинский», то есть район у устья Западной Двины/Даугавы, где в средневековой Ливонии была построена крепость Дюнамюнде

⁹⁶ Мишин А. Рабочие в 1917 году: почему они восстали // http://1917daily.ru/rabochie_1917_god/ (обращение 06.02.2019).

⁹⁷ Первая русская революция Всеобщая политическая стачка в октябре 1905 г. https://historl.ru/periudi_istorii/pervaia_rusaskaia_revolyucia/vseobshaia_politicheskaia_stachka.htm (обращение 06.02.2019).

⁹⁸ Из истории профсоюзов Латвии // http://www.baltic-course.com/rus/kruglij_stol/?doc=7337 (обращение 06.02.2019).

⁹⁹ 1905. Gada revolūcija // 20. Gadsimta Latvijas vēsture. I. Latvija no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai. 1900–1918 / Atb. red. V. Bērziņš. Rīga: Latvijas Vēstures Institūta apgāds, 2000. 337–401 lpp.

(Dunamünde; латыш. Daugavgrīva). В 1905 г. в районе и крепости действовала военная организация ЛСДРП, летом и осенью там прошли массовые демонстрации и митинги; к массовым митингам присоединились солдаты местного гарнизона¹⁰⁰.

Таким образом Карл оказался в самом центре революционных событий и уже с начала его революционной деятельности находился под влиянием большевиков. После наступления реакции в 1906 г., вероятно, его наставники-большевики помогли ему эмигрировать в Париж, чтобы спасти от тюрьмы и ссылки. В Париже он «потерял связь с партией» (№ 1). Но могла быть и другая причина эмиграции. В 1905 г. Карлу (если считать годом его рождения 1884) исполнился 21 год — призывной возраст. Вероятно, в разгар революционных событий призывные комиссии не имели возможности следить за потенциальными призывниками, но, когда накал классовых боев в Риге несколько спал, Карл, если бы он избежал ареста, вполне мог оказаться в армии и участвовать в подавлении народных бунтов. Поэтому на учет как призывник он встал только в 1911 г. Вполне вероятно, что ему удалось уменьшить свой возраст, указав год рождения как 1890, при постановке на воинский учет в октябре 1911 г. Его определили в «ратники ополчения 1 разряда», но в армию он тогда не попал. Сведения о возрасте (1890) и годе постановки на учет указаны в выданном ему в мае 1914 г. паспорте на право проезда по стране (№ 2)¹⁰¹.

Чем Карл занимался в Париже, не ясно. Но, по воспоминаниям родственников, он там учился. Не исключено, что он посещал какие-то курсы, связанные с делопроизводством, бухгалтерией, финансами. На эту мысль наводит то обстоятельство, что в дальнейшем его работа в значительной мере была связана с интендантской службой и финансами.

Эмиграция продлилась недолго; уже в 1907 г. Якович вернулся в Ригу и сразу включился в профсоюзное движение — стал «членом Профессионального союза полиграфических искусств» (№ 1). Его возвращение совпало с возрождением профессиональных союзов под руководством социал-демократов в Латвии¹⁰².

С 1909—1910 гг. начался подъем профсоюзного движения, в котором экономические требования составили тогда основную часть всех требований. В 1912 г. удалось добиться от правительства закона о социальном страховании от несчастного случая — необычайно важного при тогдашнем уровне техники безопасности и нежелании большинства

¹⁰⁰ Daugavgrīva // Rīga. Enciklopēdija. Rīgā. 1988. 239 lpp.

¹⁰¹ Паспорт выдан на фамилию «Якович», а подписался Карл на документе: «Якович».

¹⁰² Из истории профсоюзов Латвии.

предпринимателей тратиться на улучшение условий труда. Этот успех воодушевил трудящихся. В следующем, 1913 г. в забастовках профсоюзов в Латвии с экономическими требованиями участвовало почти 120 тыс. работников разных профессий¹⁰³. В забастовке печатников всего Прибалтийского края Карл Яковиц «был казначеем забастовочного бюро для оплаты пособий бастующим» (№ 1), то есть ему доверили очень ответственное дело — надо было из ограниченных средств обеспечивать семьи бастующих рабочих.

Упомянутый выше паспорт действовал до 8 августа 1914 г. Куда он ездил, неизвестно. В том же паспорте указано его семейное положение: «женат»¹⁰⁴. То есть жениться он мог уже в мае 1914 г. Можно предположить, что он ездил в Кутаиси за женой — Марией Григорьевной, у которой 1 августа родилась дочь Таисия. Судя по рассказам членов семьи Карла, Таисия не была родной дочерью Карла, но он ее удочерил. В документах он упоминал ее как свою дочь (№ 3: л. 3).

То есть после вступления Российской империи в Первую мировую войну Карл мог и не находиться в Риге, соответственно, мог и не возвращаться туда, а попробовать затеряться и оттянуть время призыва, но он вернулся домой и вскоре оказался в армии.

Отношение Яковица к войне и службе в армии в его автобиографии не однозначно. Он пишет, что, оказавшись в армии и «таскаясь по запасным полкам под разными предложениями, думая скорого окончания войны», он ухитрился до 1916 г. «под разными предложениями» оставаться в резервных полках (№ 1). Но в 1916 г., узнав о его неполном среднем образовании, Яковица «принудительно» послали на двухмесячные подготовительные курсы в учебную полковую команду для подготовки в военное училище, потом шесть месяцев он отучился в училище и как латыш был назначен ротным командиром в Вольмарский (Валмиерский) латышский стрелковый полк (№ 1, № 3: л. 2). О своих настроениях в тот момент он написал: «Признаюсь, что в то время у меня было чисто патриотическое мнение это потому, что у нас в Латвии насилие было со стороны немецких баронов и думая с разбитием немцев освободимся от баронов» (№ 1). Иначе говоря, его взгляды на участие в войне изменились после того, как он оказался среди соплеменников и поддался общим настроениям, царившим в латышских стрелковых частях.

Показательно, что результатом победы в войне, по его мнению, (надо полагать, что это мнение разделяло большинство латышских

¹⁰³ Там же; Arodiedrību aktivitāte // 20. Gadsimta Latvijas vēsture. I. Latvija no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai. 1900—1918. 417—418 lpp.

¹⁰⁴ Написано от руки по зачеркнутому: «холост».

стрелков) должно было быть не просто освобождение Латвии от германской армии, но и освобождение латышей от остзейских помещиков. Вопрос об «освобождении от баронов», то есть о равных правах латышей на землю и о самоуправлении (автономии) латышей на их этнических землях в латышской прессе постоянно обсуждался в предвоенные годы. Программу широкой латышской автономии в составе федеративной демократической России лидеры латышской национальной интеллигенции, которые были инициаторами и создания латышских стрелковых частей, начали воплощать в жизнь в период правления Временного правительства в 1917 г.¹⁰⁵

Правда, честно написав о своих настроениях в 1916 г., сам Яковиц по прошествии лет как бы извиняется за свои тогдашние взгляды. Возможно, и желание избежать отправки на фронт, и «принудительная» отправка его в военное училище также преувеличены, чтобы больше соответствовать установке большевиков на поражение русской армии в войне и превращение войны империалистической в войну гражданскую.

Для представления о настроениях Карла в начале 1916 г. показательна запись в билете, полученном при выписке его из Московского городского Ходынского заразного госпиталя, где он находился с 13 по 22 марта 1916 г., лечась от тифа¹⁰⁶. В билете было написано, что он выздоровел от тифа, годен к службе и просит по собственному желанию отправить его в свою часть. Находясь в госпитале после такой болезни, он мог бы легко найти предлог, чтобы задержаться там подольше. Но Яковиц сам попросился на выписку. В билете он числится нижним чином. Вероятно, именно после того, как он явился после госпиталя в свой запасной полк в Ямбурге, его направили в учебную часть, а затем в военное училище (№ 4).

Заметим, что подготовка младших командиров на ускоренных курсах была обычной для русской армии в 1915–1916 гг. в связи с огромной убылью младшего командного состава в боевых действиях. Для латышских стрелковых частей дополнительное число младших командиров понадобилось также в связи с преобразованием в начале ноября 1916 г. батальонов в полки. Именно по этим причинам в годы войны резко увеличилось число подпоручиков и поручиков латышей. После окончания ускоренного курса училища Карл в конце сентября 1916 г. был отправлен в запасной латышский полк, а затем был назна-

¹⁰⁵ Назарова Е.Л. Национальный вопрос как фактор распада Российской империи. Латвия и Эстония на пути к независимости. 1914–1917 // Альманах Североевропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. Эл. журнал. Петрозаводск. 2018, декабрь. № 3. С. 73–109.

¹⁰⁶ В документе фамилия Карла указана как «Яковичев».

чен командиром одной из восьми рот (то есть получил чин поручика) в Вольмарский (Валмиерский) полк (№ 1, № 3: л. 2, 5).

Валмиерский полк в конце 1916 г. участвовал в обороне Риги, а затем в конце декабря 1916 – начале января 1917 г. – в тяжелейших «Рождественских» боях. Латышским стрелкам, имевшим кроме ружей только пулеметы, противостояли хорошо вооруженные немецкие части. На линии фронта были построены укрепления, к позициям германской армии провели узкоколейку, по которой подвозили оружие, обмундирование, продукты.

По плану командования армией латышские стрелки и солдаты 53-го Сибирского стрелкового полка (у сибиряков была артиллерия) должны были внезапно начать наступление в Курземе и прорвать линию обороны германской армии. Но основной удар должны были взять на себя латышские стрелки. Для соблюдения внезапности начинать наступление следовало без стрельбы. Наступление началось 23 декабря в болотистой местности после сильной оттепели; стрелки двигались в промокшей одежде и не успели просохнуть, когда грянули морозы. Подвоз амуниции, оружия и продовольствия был налажен плохо. Сибирские стрелки остановились у Даугавы. И тем не менее, стрелки не только не отступили, но продвинулись на территорию расположения частей германской армии, заняли позиции на так называемой Пулеметной горке в Тирельских болотах. Только за неделю боев за эту высоту Валмиерский полк потерял 117 погибшими, 476 ранеными, 130 пропавшими без вести. Были также обмороженные и больные. Но и с такими потерями стрелки оставались на позициях, пока их не сменили свежие силы¹⁰⁷. Не удивительно, что после этих боев среди латышских стрелков резко увеличилось число сторонников социал-демократов.

Карл Яковиц был ранен уже на второй день наступления, 24 декабря, поэтому не участвовал в страшных боях в болотах. По выздоровлении он попал в пехотный запасной полк (№ 2: л. 8). Но известия о том, в каком положении командование оставило латышских стрелков, очевидно, окончательно сделали его сторонником большевиков. На собрании полка 28 февраля было решено командировать его в Петроградский совет солдатских депутатов первого созыва. В Петрограде, в Василеостровском районе Яковиц вступил в РСДРП(б). В Петрограде он был и во время октябрьских собы-

¹⁰⁷ Latviešu Konversācijas vārdnīca XI. Sējums. Rīgā, 1934–1935. 21390 sleja; Ziemassvētku kaujas // 20. Gadsimta Latvijas vēsture. I. Latvija no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai. 1900–1918. 576–581 lpp.; Latviešu strēlnieku saraksts (1915–1917) / Red. J. Hartmanis // http://www.latviesustrēlniekusaraksts.lv/Kaujais_darbiba/Book_3.html (обращение 08.02.2019).

тий. А 1 декабря 1917 г. его избрали также членом Исполнительного Комитета Объединенного Совета Депутатов Латышских стрелковых полков (удостоверение № 105) и послали в Валмиерский полк для ведения там партийной работы и сотрудничества в газете «Окопная правда»¹⁰⁸ (№ 1). Сохранилось удостоверение, выданное Карлу Яковицу Исполнительным комитетом Объединенного Совета депутатов Латышских стрелковых полков¹⁰⁹ от 1 декабря 1917 г., по которому он имел право проживать в течение месяца на территории Вендена (Цесиса), где был расположен штаб полка (№ 4). В «Окопную правду» Карла, вероятно, направили как члена партии, имеющего опыт типографской работы.



Удостоверение сотрудника Исколастрела

¹⁰⁸ Окопная правда — большевистская фронтовая газета, выходившая с конца марта/апреля 1917 г. в Риге, затем в октябре 1917 г. — в Цесисе, ежедневно, была органом Рижского комитета СДЛК и военной организации 12-й армии. См. *Гразкин Д. И. Окопная правда*. М., 1958.

¹⁰⁹ Исполнительный Комитет Объединенного Совета Депутатов Латышских стрелковых полков (Исколастрел) был создан как выборный орган самоуправления в конце марта (по ст. стилю) 1917 г. В течение весны 1917 г. в нем значительно возросло влияние большевиков. Главная задача Исколастрела в преддверии и после Октябрьского переворота заключалась в координации деятельности латышских стрелковых вооружённых формирований для поддержки большевиков. После провозглашения большевиками советской власти в Петрограде в функции Исколастрела входило также назначение командиров бригад, дивизий и полков и отправка латышских частей на фронт. Rīga. Enciklopēdija. 398 lpp.; *Tomanis B. Revolūcijas dēli. Rīgā*, 1970. 68–70 lpp.

Из сохранившихся документов неизвестно, был ли Яковиц на заседании Совета рабочих, стрелковых и безземельных депутатов 16–18 декабря (ст. стиль) 1917 г. в Валмиере, когда латышские большевики провозгласили в Латвии советскую власть, сметенную в феврале следующего года наступлением германской армии, хотя, будь он там, он написал бы об этом в своей автобиографии. Известно лишь о следующем этапе жизни Карла Яковица, когда после отказа советской делегации подписать мирный договор 10 февраля 1918 г. германская армия начала новое наступление и оккупировала всю Латвию, он вместе с Исколастрелом оказался в Москве. На территорию России из Латвии ушли и латышские полки, оставшиеся верными революции¹¹⁰.

В автобиографии Яковиц написал, что отступали из Риги. Но на самом деле отступали из Северной Латвии, так как Рига уже 21 августа 1917 г. была оккупирована германской армией. Вероятно, Рига, его родной город, ассоциировалась у него со всей Латвией. В Москву Карл прибыл вместе с женой и дочерью. А 13 сентября 1918 г. в Москве у четы Яковиц родился сын Гарри (№ 2: л. 3).

В Москве Яковиц уже 4 марта 1918 г. был назначен «начальником боевой дружины при Московском совете рабочих депутатов», получив удостоверение за № 8021 (№ 1; № 3: л. 5). Боевые дружины – отряды Красной гвардии, которые до переезда Совнаркома из Петрограда в Москву были основной силой защиты революции в Москве. Среди красногвардейцев были рабочие разных профессий и национальностей, в том числе много рабочих, эвакуированных в Москву вместе с предприятиями из Латвии во время Первой мировой войны¹¹¹.



Боевая дружина в Москве, лето 1918 г. К. Яковиц – *второй справа*.

¹¹⁰ *Tomanis B.* Op. cit. 75–76 lpp.

¹¹¹ *Ibid.* 50 lpp.

Совнарком в сопровождении латышских стрелков, охранявших до этого Смольный, прибыл в Москву неделю спустя.

В марте—апреле происходило расформирование старых латышских стрелковых частей и создание новых полков из тех стрелков, кто хотел служить новой власти, а затем была создана латышская стрелковая дивизия. Но Яковицу дали другое партийное задание. В сентябре 1918 г. он по партийной мобилизации был направлен в распоряжение начальника политотдела Южного фронта и в начале декабря назначен политкомиссаром 3-го¹¹² Крестьянского полка 1-й Донской дивизии 10-й армии, а позже политкомиссаром Отдела снабжения 1-й Донской дивизии (№ 1; № 3: л. 6).

1-я Донская дивизия с середины августа 1918 г. вела ожесточенные бои с наступающими на Царицын частями генерала П.Н. Краснова. В сентябре—октябре из разрозненных формирований была создана 10-я армия под командованием К.Е. Ворошилова, переданная вновь образованному Южному фронту. Для того чтобы наладить дисциплину в частях фронта, влиявшую на боеспособность солдат, было решено послать в войска опытных политработников¹¹³. Не хватало также командиров, имевших военный опыт, поскольку в Реввоенсовете и политическом руководстве РСФСР боялись брать на службу бывших офицеров царской армии¹¹⁴. Карл Яковиц был проверенным в действиях коммунистом и имел боевой командный опыт.

Бои под Царицыным продолжались всю осень и зиму. Только в феврале 1919 г. 10-я армия сумела перейти в наступление, отгнав белоказаков от города¹¹⁵. В начале февраля 1919 г. Карла Яковица назначили политкомиссаром Котельнического кавалерийского полка 1-й Донской дивизии, а уже в марте при реформировании частей 10-й армии он стал политкомиссаром Отдела снабжения 37-й дивизии (№ 1, № 3, л. 6).

В конце июня 1919 г. Царицын был захвачен войсками Кавказской армии белых под командованием П.Н. Врангеля, подчинявшейся А.И. Деникину. Деникинцы наступали на Москву. Для отражения наступления Реввоенсовет включил 10-ю армию в Особую группу

¹¹² В автобиографии Карла назван 3-й Крестьянский полк, а в Учетно-Воинском билете номер полка 5-й. Яковиц называет фамилию начальника Политотдела Южного фронта — Фраминский. Найти его по другим источникам нам не удалось.

¹¹³ История Гражданской войны в СССР. В 5 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1958. С. 425—430.

¹¹⁴ *Войтиков С.С.* «Разногласия есть и вынесены в печать»: дискуссия по военному вопросу в советской России во второй половине 1918 — начале 1919 г. // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 8—23.

¹¹⁵ Там же. С. 431, 569, 575, 580—581.

(30 сентября преобразована в Юго-Восточный фронт), наступление которой поддерживалось Волжской флотилией. В начале сентября Яковиц был назначен командиром 327-го полка 37-й дивизии, командование которой в октябре 1919 г. принял П.Е. Дыбенко (№ 1, № 3: л. 6). Дивизии пришлось отражать наступление белых войск при поддержке британских самолетов и танков. Понеся очень большие потери, 10-я армия вынуждена была остановиться¹¹⁶.

В октябре 1919 г. 10-я армия вела тяжелые бои с белыми войсками. А по плану наступления, начатого Красной армией в ноябре, части 10-й армии, сражавшейся на участке между Волгой и Доном, должны были овладеть Царицыным¹¹⁷. В конце декабря Яковиц со своим полком участвовал в наступлении на проволочные заграждения перед городом, созданные защитниками Царицына еще летом 1918 г. В этом наступлении Карл был тяжело ранен в грудь и отправлен в госпиталь в Саратов (№ 1; № 3: л. 8). По его словам, за эти бои он был представлен командиром Дыбенко к ордену Красного Знамени, но после расформирования 37-й дивизии (в феврале 1920 г.¹¹⁸) «дело о награде заглохло» (№ 1).

После возвращения в строй Карл был назначен в августе 1920 г. заведующим продовольственной базой 3-го конного корпуса Г. Гая (№ 1, № 3: л. 6). Возвращение его с должности боевого командира опять на интендантскую должность, возможно, было связано с состоянием его здоровья после ранения. Хотя надо иметь в виду, что обязанности интенданта были не легче, чем у боевого командира. Армия во время Гражданской войны снабжалась правительством в первоочередном порядке. Но при этом в самих войсках существовала



Красные командиры.
К. Яковиц (слева) с боевым товарищем

¹¹⁶ История Гражданской войны в СССР в 5 т. Т. 4. М., 1959. С. 220–224; Оборона Царицына // Революция и Гражданская война в России. 1917–1923. Энциклопедия. В 4 т. Т. 4. М., 2008. С. 354.

¹¹⁷ Там же. С. 275–284, 292; Жигалов И. М. Дыбенко. М.: Молодая гвардия, 1983.

¹¹⁸ 10-я армия РККА // https://ru.wikipedia.org/wiki/10-я_армия (РККА) (обращение 12.02.2019).

очередность в поставках, что не всегда совпадало с реальной нагрузкой и потребностями конкретной части или соединения. В особо важных случаях установленная очередность могла нарушаться. Например, 1 декабря 1919 г. во время наступления под Царицыным В.И. Ленин издал специальное распоряжение об обеспечении 10-й армии фуражом вне очереди¹¹⁹. Но часто интендантам приходилось самим решать проблемы нехватки продуктов и фуража. В этих случаях необходимое продовольствие конфисковывали у местных жителей, которые чаще всего считали, что их грабят; доходило до открытого сопротивления военным. Поэтому и от начальника интендантской службы, и от политкомиссара зависело, чтобы по возможности без вооруженных столкновений пополнялись склады и чтобы потом сами продукты вовремя поступали на обеспечение военнослужащих, а фураж — лошадям. Сохранилось удостоверение, выданное 1 июня 1919 г. комиссару Отдела Снабжения 37-й Стрелковой дивизии Карлу Яковицу — документ, подтверждающий его полномочия, но только на один месяц (№ 6). Если принять во внимание, что на эту должность Яковиц вступил еще в марте, то очевидно, что удостоверение ему выдали на время заготовительной кампании.

Назначение Яковица в 3-й конный корпус произошло тогда, когда уже шло наступление частей Красной Армии на Западном фронте про-

тив польской армии. Сохранилась фотография Марии Григорьевны, сделанная 10 июля 1920 г. в Витебске. Судя по тому, что дочь Тамара родилась 18 апреля 1921 г., Карл до начала 20-х чисел июля 1920 г. тоже находился в Витебске. Вряд ли он взял семью с собой в поход в Польшу.



Мария Григорьевна Яковиц, 1920 г.

Корпус Гая был в той группе войск, которая наступала на Варшаву с севера. С самого начала операции наступление шло такими темпами, что войска не имели возможности отдохнуть, подтянуть обозы с продовольствием, обмундированием, вооружением, что добавляло Яковицу сложностей в выполнении служебных

119 История Гражданской войны в СССР. Т. 4 С. 284.

обязанностей. Из-за несогласованности действий советского командования наступавшие войска оказались разрезанными частями польской армии и вынуждены были начать отступление. Особенно далеко оторвались от основных сил фронта 4-я армия и 3-й конный корпус Гая. Отбиваясь от польских войск, 4-я армия вынуждена была 25 августа перейти границу Германии в Восточной Пруссии, где была интернирована. 26 августа, исчерпав боеприпасы, на территорию Восточной Пруссии перешел и 3-й конный корпус¹²⁰. С ним в Восточной Пруссии оказался Карл Яковиц (№ 1).

В Советскую Россию, по информации историка М.И. Мельтюхова, все интернированные военнослужащие Красной армии вернулись из Германии к 21 ноября 1921 г.¹²¹ Но, очевидно, что некоторые из них были отпущены домой уже осенью 1920 г. В этой связи интересно удостоверение, датированное 5 октября 1920 г., которое Яковиц получил в мобилизационном отделении Миргородского уездного военкома. В нем подтверждалось, что «заведующий Продбазой Третьего Кон. корпуса тов. Яковиц Карл» предоставил документ о том, что «при нем имеются две собственные лошади 1) конь серый 8 лет без особых примет и 2) жеребец вороной лысый 5 лет» (№ 7). Каким образом у него появились эти лошади, непонятно. Мог ли он сохранить лошадей, которые были при нем в польском походе, а потом в Восточной Пруссии?

В разрабатываемом советским командованием плане нового наступления, которое планировалось на начало 1921 г., должны были участвовать три дивизии 3-го конного корпуса¹²². Но этот план не был осуществлен. В конце ноября 1920 г. Яковиц был назначен начальником Инженерных складов 1-й Конной армии (№ 1; № 3: л. 6). В конце 1920 — начале 1921 г. 1-я Конная армия вела бои на Левобережной Украине с отрядами Н. Махно, затем воевала на Северном Кавказе против повстанческой армии генерала М.А. Пржевальского¹²³.

Во время боев с отрядами Н. Махно продовольственный склад Яковица значительную часть времени находился в Миргороде. В январе 1921 г. Карл был делегатом с решающим голосом от Политотдела 1-й Конной армии на Рабоче-крестьянской и красноармейской кон-

¹²⁰ Мельтюхов М.И. Советско-польские конфликты 1918–1939 гг. М.: Алгоритм, 2017. С. 79–100; Аквилянов Ю.А. Кавалерия на службе отечеству. М.: Вече, 2014. С. 46–47.

¹²¹ Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 120.

¹²² Там же. С. 116, 122.

¹²³ Первая конная армия // Революция и Гражданская война в России. 1917–1923. Т. 3. М., 2008. С. 267–268.



Мандат участника партконференции

ференции Миргородского уезда (№ 8). В Миргороде с ним была и его семья. Там же 18 апреля родилась младшая дочь Тамара.

Возможно, Тамара родилась, когда отец находился с армией в походе против армии генерала Пржевальского. Склад, которым заведовал Карл, был расформирован, когда армия пришла в Ростов (№ 1), то есть, очевидно, одновременно с расформированием 1-й Конной армии в мае 1921 г.¹²⁴ В Миргород он вернулся уже летом — свидетельство о рождении дочери Тамары Яковиц выдано 23 июля 1921 г. (№ 9; в свидетельстве о рождении дочери возраст Карла указан — 35 лет).

В том же 1921 г. Яковиц был назначен начальником Инженерного снабжения Особой Кавалерийской бригады. А в 1922 г., после слияния отделов Инженерного и Артиллерийского снабжения он стал помощником начальника снабжения Техчасти Особой бригады. В мае 1922 г. работу Карла инспектировала специальная комиссия РВС по чистке хозяйственных органов в Особой бригаде (№ 3: л. 7). Очевидно, никаких нарушений не нашли, поскольку в феврале 1923 г. его назначили помощником начальника артиллерии бригады — должность приравнивалась к должности командира батальона (№ 1, № 3: л. 7, 11, 12). В этой должности Карл оставался вплоть до демобилизации из армии (Свидетельство о демобилизации датировано 23 сентября 1924 г. — № 13). Причиной демобилизации было плохое здоровье, больные лег-

¹²⁴ Первая конная армия // Революция и Гражданская война в России. 1917—1923. Т. 3. М., 2008.. С. 268.

кие. Сказались работа в типографии и два тяжелых ранения. В марте–апреле 1924 г. он был направлен в госпиталь в Москву, после чего был признан негодным к службе и демобилизован (№ 3: л. 8).

Свидетельство о демобилизации давало право в течение шести месяцев жить ему с семьей во всех городах и селениях Российской Федерации (то есть свободно выбирать место жительства), по истечении которых он должен был устроиться на работу и найти жилье (прописаться), чтобы получить новые документы (№ 13). Правда, по удостоверению, выданному еще в январе 1924 г., Карл Яковиц и его семья, состоявшая из жены и двух дочерей (то есть маленького сына уже не было в живых), могла пользоваться бесплатными медикаментами и лечением во всех советских лечебных учреждениях (№ 10).

Итак, посвятив большую часть жизни борьбе за социальную справедливость и провоевав семь лет за советскую власть, Карл Яковиц ничего не приобрел для себя и своей семьи, но потерял сына и потерял свое здоровье. Такой итог очень отличается от сложившегося среди населения России (особенно лиц, обиженных новой властью) мифа о том, что латыши приехали в Россию за сытой жизнью и устроились лучше, чем местные жители.

Показательно, что в Свидетельстве о рождении дочери Тамары постоянным местом жительства родителей была указана Латвия, Рига (№ 13). «Гражданином города Риги» Карл назван и в Свидетельстве о демобилизации от 23 сентября 1924 г. (№ 13). То есть постоянного жилья в Советской России семья Карла за эти годы от советской власти так и не получила. Не исключено, что Карл как активный член партии рассматривался лидерами латышских коммунистов в качестве «резерва» для строительства социализма в Латвии после победы там пролетарской революции, которая, как считали большевики, должна была произойти в ближайшие годы¹²⁵. Но в Латвию семья Яковица официально, на основании оптации не смогла бы поехать — красному командиру и партийному работнику легальный въезд на родину был закрыт.

При демобилизации Карл получил жалование, причитавшееся ему за последние две недели июля 1924 г., в размере 20 руб. 30 коп. (№ 12). Иначе говоря, в месяц он получал 40 руб. 60 коп. В 1924 г. чуть больше получали работники железной дороги и учителя¹²⁶. Правда, Карл получал еще дополнительные выплаты на питание и не платил за жилье. Выдали им и деньги на проезд в Москву.

¹²⁵ См. *Назарова Е.Л.* Латыши в Советской России / СССР. С 1917 — до конца 1920-х гг. Смена политических ориентиров // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX — 1-я половина XX в. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 193–211.

¹²⁶ О зарплатах и ценах в СССР в 1920-е годы // <https://apotapov777.livejournal.com/295177.html> (обращение 04.03.2019).

В Москве пришлось устраивать жизнь с самого начала. Как хорошо зарекомендовавший себя член партии и опытный руководитель, владевший немецким и французским языками, а также, возможно, имевший некоторое специальное образование, Карл получил назначение в Банк для внешней торговли, заняв там должность заместителя начальника Учетно-Ссудным отделом и был избран ответственным секретарем ячейки РКП(б) банка (№ 14, № 17). Семья поселилась в комнате в коммунальной квартире в Кузнецком переулке (часть ул. Кузнецкий мост). Карл получил оклад «по 17 разряду тарифа ответственных работников Р. 128 + нагрузка Р. 64 — всего Р. 192 в месяц» (№ 17) — не маленький по тем временам¹²⁷, но не слишком большой для обустройства на новом месте. Правда, спокойной жизни у семьи Яковиц не получилось. Здоровье Карла постоянно ухудшалось. По рассказам Тамары Карловны, критическим для отца оказался диспут о «троцкизме» в партийной организации банка, после которого он, и так не очень здоровый, разгоряченный пробежал до дома и простудился¹²⁸. Открылся туберкулез в острой форме.

На заседании бюро ячейки РКП(б) 5 января 1925 г. было принято решение просить правление банка сохранить К. Яковицу в связи с затяжным лечением «содержание в течение 4-х месяцев с полной нагрузкой», а если лечение продлится дольше, просить «ЦКК санкционировать эту выдачу», а семье выделить единовременное пособие в размере 30 червонцев¹²⁹ (№ 14).

Яковица направили на лечение в специализированный санаторий «Высокие горы»¹³⁰, но спасти его не удалось. Он умер от туберкулеза легких и гортани 31 января 1925 г. (№ 15). Похоронили его в общей могиле на Новодевичьем кладбище.

Семья Яковиц оказалась в ужасном положении, без денег. Помог Банк для внешней торговли: Марию Григорьевну взяли на работу,

¹²⁷ Партмаксимум в 1924 г. составлял 175 р., но для ответственных работников были надбавки // Там же.

¹²⁸ Очевидно, речь идет об обсуждении статьи Л.Д. Троцкого «Уроки Октября», вышедшей в октябре 1924 г., которую обсуждали во всех партийных организациях страны. См.: *Старцев В.И.* Второй раунд смертельной схватки // В кн.: Л.Д. Троцкий. Уроки Октября (с приложением критических материалов 1924 года) / Сост. Ю.А. Прохвятилов. СПб.: Лениздат, 1991. С. 337 и далее.

¹²⁹ Если речь идет о червонцах в банкнотах, то в 1923 г. соотношение его к рублю было 10:1 (см.: Червонец // Нумизматический словарь. /<http://www.numizm.ru/html/4/4ervonec.html> (обращение 16.02.2019)).

¹³⁰ Санаторий находился в Москве в районе Земляного вала, специализировался на лечении туберкулезных больных. Там же с 1921 г. находился Центральный научно-исследовательский институт туберкулеза РАМН. См.: Превращенные усадьбы // <http://secandgo.ru/?p=2233> (обращение 16.02.2019).

помогли получить пенсию по утере кормильца, выдали пособие по страховке (№ 19, № 20). Но сразу большого жалования она получать не могла, так как не имела специального образования. С годами зарплата выросла. А в 1925 г., сразу после смерти мужа, двух детей кормить было не на что. Бюро ячейки РКП(б) банка обратилось в МК РКП(б) с просьбой устроить дочерей Карла Яковица в детский дом, поскольку «семейство т. Яковца после его смерти осталось в тяжелейших материальных условиях и крайне нуждается в помощи» (№ 21). Таисия осталась с мамой, а четырехлетнюю Тамару пришлось отдать в детский дом, где она жила до конца 1927 г. (№ 23). Так как Мария Григорьевна тоже стала работать в банке, им оставили комнату, которую выдали Карлу при приеме на работу (№ 22).

Мария Григорьевна всю оставшуюся жизнь проработала в Банке для внешней торговли. В какой-то момент у членов семьи фамилия «Яковиц» была изменена на «Яковец». Изменение впервые прослеживается по наградной грамоте, выданной «Марии Григорьевне Яковец» 8 марта 1933 г. «за самоотверженное участие и проявленный энтузиазм в социалистическом соревновании и ударничестве» (№ 24). Можно предположить, что фамилия в таком виде была записана в паспорт во время паспортной реформы в начале 1933 г. Произошло это либо из-за ошибки паспортистки, для которой фамилия «Яковец» была привычнее, либо изменить фамилию решила сама Мария Григорьевна, поскольку жить с украинской фамилией становилось в то время спокойнее, чем с непонятной немецко-латышской. Фамилию «Яковец» получили и дочери.

Семью Карла часто навещал его старый друг, тоже из Латвии, Фердинанд Карлович Грантовский. Но в 1938 г. он был репрессирован¹³¹. Тамара Карловна вспоминала, как в те годы исчезали их соседи по дому.

Вскоре после начала войны Тамара и Таисия добровольцами ушли на фронт. Тамара окончила курсы радистов, воевала в партизанских отрядах в тылу врага, была награждена орденом Отечественной войны 1-й степени, несколькими медалями, а Таисия служила вместе со своим мужем в разведке. Мария Григорьевна была в эвакуации в Ульяновске, где и умерла в 1942 г., всего в возрасте 50 лет (№ 25). Она вырастила хороших дочерей, которые всегда помнили о своем отце и рассказывали о нем своим детям.

Судьба Карла Яковица — пример того, что молодые латыши ехали в Россию, оставив родину, не за длинным рублем или из каких-либо

¹³¹ Грантовский Фердинанд Карлович // <https://ru.openlist.wiki/> (обращение 04.03.2019).

злостных побуждений против русского народа, а потому, что поверили в возможность создания государства социального равенства и равных возможностей. Для этого они жертвовали здоровьем, возможностью встречаться с оставшимися в Латвии родными и, наконец, жизнью своих детей. Проживи Карл еще лет 12–13, он, вполне вероятно, разделит бы участь своего друга Грантовского, тысяч советских латышей, миллионов советских граждан разных национальностей. Однако те, кто воевал на фронтах Гражданской войны, очевидно, не предполагали, что в задумываемом ими социалистическом государстве будет проводиться политика массовых репрессий и установится диктатура одной личности.

У Карла Яковица есть правнуки и праправнуки, которые, несмотря на поток информации, создающей образ «латышей – губителей России», могут с полным основанием гордиться своим предком – латышским стрелком Первой мировой войны, участником революции и Гражданской войны.

Мифологизация исторического сознания в речах Карлиса Улманиса (Латвия 30-е годы XX века)

Т. Кузнецова
(Даугавпилс)

Ключевые слова: Историческое сознание; аисторичность; прошлое; мифологизация; Карлис Улманис; речи политических деятелей.

Как заметил Э. Кассирер, «то, что мы называем «историческим сознанием» — очень поздний продукт человеческой цивилизации», рождение которого относится к XVIII в.¹ Достаточно позднее возникновение исторического сознания обусловлено его связанностью с определенным, научно-логическим типом мышления, для которого характерна ощущаемая / осознаваемая дистанцированность человека от окружающего природно-социального и предметного мира. Именно она делает возможным восприятие мира как объекта и придает ему в глазах человека принципиально иную сравнительно с ним качественную определенность.

С нашей точки зрения, «историческое сознание» не является синонимом совокупности знаний о фактах прошлой жизни человечества и любого данного общества. Прежде всего, отметим, что понятие «историческое сознание» обозначает сложный, системный феномен, основу которого составляет определенный способ мироотношения. Этому способу мироотношения свойственен ряд признаков. Первый — понимание человеческой жизни (истории) как непрерывного, разного характера и на разных уровнях осуществляющегося взаимодействия индивидов, групп, обществ, природы, вещей. Второй признак — признание мира и человека становящимися. Третий — понимание становления как преодоления, в котором сочетаются отрицание и преемственность. Четвертый признак — признание качественной определенности исторического времени, дискретности и, вместе с тем, непрерывности исторического процесса; Пятый — целостно-системное видение мира. Шестой — уни-

¹ Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. С. 645. См. также: Трельч Э. Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994. С. 15–16.

версальное измерение отдельного. Седьмой — «восхождение» к целому через частное, понимаемое как узел многообразных социальных связей. Восьмой — понимание относительности знания, постоянно углубляемого и расширяемого. Сказанное, однако, не отменяет связи «исторического сознания» со знанием, но при этом подразумеваются определенные знания, которые, будучи «порождением» научно-логического мышления, являются внутренне связанными, логически необходимыми, по мысли М. Шелера, «сущностными, или образовательными, т. е. такими, которые становятся формой и правилом схватывания, категорией всех случайных фактов будущего опыта, имеющих ту же сущность»², и потому находящих свое выражение в понятиях.

Краеугольными понятиями, составляющими содержание исторического сознания, являются «прошлое» и «история», актуализация которых теснейшим образом связана с давлением практической необходимости вместе с современным государством и задачами его самопонимания и самооправдания.

В периоды создания государственности или смены политического режима первостепенное значение приобретает отношение к прошлому, глубина которого, содержательное наполнение, качественная определенность и целостность или отсутствие таковых, способ восприятия, представление о связи с настоящим и будущим могут быть различны и являть собой тенденцию мифологизации формируемого исторического сознания. Именно такая ситуация возникновения нового, позиционирующего себя по отношению к прошлому, была характерна для Латвийской Республики 1918—1940 гг., и в частности, после государственного переворота, совершенного Карлисом Улманисом в мае 1934 г.

К. Улманис³ был одним из вождей эпохи образования различных диктатур в Европе и ключевой фигурой в истории Латвии новейшего времени. Он стал одним из основателей и лидером созданного в апреле 1917 г. Латышского Крестьянского союза, ведущей политической партии в Латвийской Республике в 1918—1934 гг. Улманис был также избран первым главой правительства Латвии, образованного в ноябре 1918 г. Семь из девятнадцати правительств за время существования республики (с 18 ноября 1918 г. и до 16 марта 1934 г.) возглавлялись этим человеком. Он же стоял во главе государственного переворота в ночь с 15 на 16 мая 1934 г., распустив парламент, политические партии и через два года наряду с должностью главы правительства заняв также пост президента страны. Его имя оказалось неразрывно связано

² Шелер М. *Формы знания и образование* // Шелер М. *Избранные произведения*. М.: Гнозис, 1994. С. 15.

³ См. о нем также: Кузнецова Т. *Карлис Улманис: миф и человек* // Россия и Балтия. Вып. 4: *Человек в истории*. М.: Наука, 2006. С. 153—177.

со временем существования довоенной Латвии, став его обозначением, причем вне зависимости от оценки этого времени и лица, его персонифицирующего. Об этом говорят источники устной истории. Так, в рассказах о своей жизни люди, родившиеся в 1920-е гг., вспоминают: «Лучше всего было при Улмане» или «Люди боялись той нищеты, что перенесли хотя бы во времена Ульманиса»⁴.

Время после переворота ознаменовалось повышенным интересом к истории латышского народа, выразившимся и в сознании, и в создании в 1936 г. Института истории Латвии, и в насыщенности информационного пространства страны разного рода историческими материалами. Однако отметим, что историческое сознание формируется не только историческими по тематике текстами, но и любыми, имеющими широкую аудиторию, ибо, согласимся с мыслью М. Барга⁵: историческое сознание есть пространственно-временное измерение общественного сознания.

Значимым структурным компонентом информационного пространства в 1930-е гг. XX в. были речи политических лидеров. В Латвии это, прежде всего, речи К. Улманиса, который, как было отмечено, например, в немецкой прессе 1937 г., «знает свой народ со всеми его преимуществами и недостатками, он знает, в каком месте у латышей туфли жмут, и умеет играть на их настроениях и чувствах, как на многозвучных инструментах. Но он хочет еще большего. В каждой своей речи он побуждает своих соотечественников к внутреннему единодушию, он призывает их отбросить недоверие, малодушие и пассивность, которые кроются в характере латышского народа»⁶. Воспитанию народа служили регулярные, почти ежедневные и по несколько раз в день⁷, речи К. Улманиса — устные и опубликованные⁸. Его речи выходили

⁴ Коллекция Центра устной истории Даугавпилсского университета (DU MVC), 2, 43.

⁵ Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987. С. 6.

⁶ Цит. по: *Latvijas valsts dibinātājs un tautas vadonis Dr. Kārlis Ulmanis. Kārļa Ulmaņa 60 gadi: Svētku raksti*. Rīga, 1938. P. 306. (Перевод здесь и далее наш. — Т.К.)

⁷ По данным, приводимым Янисом Рудумсом, составителем задуманного пятитомного собрания речей и статей К. Улманиса, в 1934 г. К. Улманис выступал 149 раз с разного рода речами, в 1935 г. — 75 раз, в 1936 г. (до 9 мая включительно) — 22 раза. См.: *Kārļa Ulmaņa runas un raksti 1934—1936. 5.sēj.* Rīga, MCMXL. 669—691 lpp. (Подсчитано нами. — Т.К.)

⁸ См. также: *Кузнецова Т.* Прошлое в зеркале речей Карлиса Улманиса // *Europa Orientalis. Studija z Dzejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich*. 2012. No. 3. S. 51—65; *Она же.* Речи Карлиса Ульманиса как средство формирования культурной памяти (Латвия 1934—1940 гг.). // *Acta Humanitarica Universitatis Saulensis. Mokslo darbai*. Т. 9. Šiauliai, 2009. P. 87—99; *Она же.* Социальное изменение пространства: топонимы в текстах Карлиса Улманиса (30-е годы 20 века) // *Europa Orientalis. Studija z Dzejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich*. 2017. No. 8. S. 65—81.

в свет широко и разнообразно. Во-первых, отдельными изданиями публиковались некоторые речи, например, речь президента страны, произнесенная им на открытии Первой конференции историков Балтии 16 августа 1937 г.⁹, машинописный вариант речи, прозвучавшей на собрании работников городских самоуправлений 24 апреля 1936 г.¹⁰, а также «Послание народу 12 октября 1939 года», появившееся не только на латышском, но и на русском языке¹¹. Во-вторых, речи К. Улманиса были неотъемлемой и превалирующей частью официальных изданий, отмечающих каждый год после государственного переворота в мае 1934 г. и в своих названиях демонстрирующих радикальность разрыва с близким прошлым: «Pirmais gads / Первый год: 1934. 15. V. — 1935.15.V.» и т. д. до «Пятого года», увидевшего свет в 1939 г. Каждый из этих сборников включал раздел «Соответствующий год в зеркале речей государственных мужей». «Первый год»¹² содержал 25 речей К. Улманиса из 56 опубликованных устных выступлений государственных деятелей; «Второй год»¹³ включал 47 речей, 20 из которых принадлежали К. Улманису. Соотношение между речами главы правительства страны (с апреля 1936 г. К. Улманис является также президентом государства) и речами других лиц в сборнике «Третий год»¹⁴ составляло 20:31. В издании «Четвертый год»¹⁵ оно равнялось 25:54, и, наконец, в сборник «Пятый год»¹⁶ входила 21 речь К. Улманиса при общем рекордном (85) количестве изданных речей.

В-третьих, речи К. Улманиса публиковались в сборниках, предназначенных для использования в основной (шестилетней) школе. Например, в 1938 г. пятым изданием вышла составленная Я. Лапиньшем и впервые опубликованная в 1936 г. книга «Kārlis Ulmanis jaunatnei / Карлис Улманис молодежи»¹⁷. Она включала в себя избранные статьи и фрагменты из 30 речей Президента, причем некоторым текстам для лучшего их усвоения учащимися была придана стихотворная форма¹⁸.

⁹ *Ulmanis K.* Atklāšanas runa Pirmā Baltijas vēsturnieku konferencē Rīgā 1937 gada 16 augustā. Rīga, 1937.

¹⁰ *Ulmanis K.* Lielā runa pilsētu pašvaldību darbinieku sanāksmē 1936 g. 24 aprīlī. [Rīga], 1936.

¹¹ *Ulmanis K.* Uguns šķīsta zeltu, grūtības — cilvēku: Valsts Prezidenta K. Ulmaņa vēstījums tautai. Rīga, 1939.

¹² *Pirmais gads 1934.15.V/1935.15.V.* Rīga, 1935.

¹³ *Otrais gads 1935.15.V— 1936.15.V.* Rīga, 1936.

¹⁴ *Trešais gads 1936.15.V—1937.15.V.* Rīga, 1937.

¹⁵ *Ceturtais gads 1937.15.V—1938.15.V.* Rīga, 1938.

¹⁶ *Piektais gads 1938.15.— 1939. 15.V.* Rīga, 1939.

¹⁷ *Kārlis Ulmanis jaunatnei.* /Sast. Jānis Lapīņš. Rīga, 1938.

¹⁸ См., например: *Ulmanis K.* Zem Latvijas karoga. Kārlis Ulmanis Jaunatnei. Rīga, 1938. 13—15 lpp.

В-четвертых, без публикаций речей К. Улманиса не обходились специальные тома, выходявшие под эгидой Министерства образования и подготовленные Отделом учебных пособий в качестве дара правительства выпускникам школ разного уровня. Тиражи этих изданий были впечатляющими для Первой Латвийской Республики: книга «Tēvzemei un brīvībai / Отечеству и свободе»¹⁹, адресованная выпускникам основной школы, вышла тиражом 15 590 экземпляров. Далее следует упомянуть издание типа «Мысли мудрых людей». К таковым относится, например, сборник «Degsme / Горение»²⁰, состоящий из суждений, указаний, призывов и пожеланий К. Улманиса, подобранных литератором Лигонисом (Янис Алфредс Цирулис). И наконец, в 1939 г. вышел в свет первый том из задуманного собрания сочинений (речей и статей) К. Улманиса, включающий в себя тексты 1918–1919 гг.²¹; а в 1940 г. — упомянутый выше (см. сн. 7) пятый том²². Нарушение хронологической последовательности в издании томов его составитель Янис Рудумс объяснил тем, что речи за 1934–1936 гг. сохранились в стенограммах, а также в наметках и черновиках, а потому их легче было подготовить к публикации²³. Хотя речи расположены в хронологической последовательности, текст книги никак не структурирован — не выделены разделы (даже по годам), не указаны время и место произнесения речей. Правда, соответствующие комментарии даны в конце тома, но пользование ими весьма затруднено объемом книги в 700 страниц. Такая форма подачи материала «снимает» временной, ситуативный характер речей К. Улманиса, придает им надвременный, абсолютный статус и, таким образом, прокладывает путь к отождествлению К. Улманиса и Латвии, Улманиса и времени существования Первой Латвийской Республики. При этом время предстает как вечность, как неизменное настоящее, в котором растворено прошлое, воплощенное в речах К. Улманиса.

Однако начало широкой публикации его речей относится к 1934/1935 году — в официальном дискурсе к «Первому году», открывшему новую историческую эпоху, суть которой выразил глава правительства в своем обращении по радио к народу: «На сей раз народ обрел самого себя. Мы снова²⁴ едины — сыновья и дочери одной земли»²⁵

¹⁹ Grīns A., Zālītis A. Tēvzemei un brīvībai. Rīga, 1937.

²⁰ Ulmanis K. Degsme. Rīga, 1938.

²¹ Ulmanis K. Runas un raksti. 1. sēj. Rīga, MCMXL.

²² Ulmanis K. Runas un raksti. 5.sēj. Rīga, MCMXL.

²³ Ulmanis K. Tauta ieguva pati sevi // Ulmanis K. Sabiedriskie raksti un runas. 2. sēj. Rīga, 1935. 167 lpp.

²⁴ Здесь и далее в цитатах подчеркнуто нами. — Т.К.

²⁵ Ulmanis K. Tauta ieguva pati sevi // Ulmanis K. Sabiedriskie raksti un runas. 2. sēj. Rīga, 1935. 167 lpp.

18 мая 1934 г. Обратим внимание на слово «снова», весьма частотное в лексиконе К. Улманиса и указывающее на возвращение к некоему изначальному состоянию в неопределенном прошлом, что абсолютизирует это прошлое, представляя его в качестве парадигмы «нашего существования» здесь и сейчас.

В 1934/1935 г. вышло двухтомное собрание сочинений К. Улманиса «Sabiedriskie raksti un runas / Общественные статьи и речи», подготовленное к печати, как заявлено в титулах книг, Юлием Друвой (главный редактор газеты «Vgīva Zeme / Свободная земля»), но на самом деле — В. Смаренсом-Савинским, сотрудником газеты «Vgīva Zeme». По его словам, переданным Жанисом Унамсом в своих воспоминаниях, написанных в эмиграции, он получил от К. Улманиса благодарственное письмо за проделанную работу²⁶. Следует заметить, что сам факт публикации речей государственного деятеля является средством его мифологизации. Ибо слово, будучи запечатленным на бумаге и тиражируемым (в чем сказывается архаико-мифическое соединение слова и действия), утверждается в своем мирозидательном значении, а лицо, произнесшее его, предстает в качестве демиурга.

Косвенным подтверждением этого служит цель составителя сборника речей К. Улманиса. Она такова: «Отобрать только те речи, которые характеризуют борьбу К. Улманиса за латышскую Латвию, за единый народ и сильную национальную государственную власть»²⁷. Такая объявленная публикатором цель проявляет и задает образ выпрявленного, линейно-одномерного, целенаправленного исторического процесса, творцом которого является К. Улманис. Это, в свою очередь, указывает на формируемую таким образом квазирелигиозную, квазихристианскую картину мира.

Второй том «Общественных статей и речей» содержит речи, относящиеся к 1917 году (1), к 1918 (1), к 1919 (4), к 1920 (1), к 1925 (2), к 1934 (56) и к 1935 до 22 августа включительно (25). Подобный отбор подчеркивает длительность пути и качественную неравноценность отдельных его звеньев, создает временную перспективу, имеющую место быть благодаря К. Улманису, его слову, которое не просто пронизывает время, а структурирует его, расставляет в нем вехи и определяет иерархию потенциальных событий. В равной мере, как и весьма подробная фиксация ситуаций, в которых прозвучала речь, места выступления Улманиса и его слушателей акцентирует тотальность присутствия вождя в социуме.

²⁶ *Unams Ž.* Laiku atspulgā. Oldenbura, 1953. 18–19 lpp.

²⁷ *Ulmanis K.* Sabiedriskie raksti un runas. 2. sēj. Rīga, 1935. 3 lpp.

Выход в свет двухтомного собрания сочинений К. Улманиса в 1934/1935 г. после государственного переворота свидетельствует о придании этим текстам статуса идеологического основания общества, подчеркивает мироустроительный смысл слова К. Улманиса. При этом мироустроение самим «вождем» декларировалось как перевоспитание народа. Так, на собрании работников печати 29 октября 1934 г. он объявил, что предстоит большая работа: «Весь наш народ надо перевоспитать»²⁸. Перевоспитание же предполагало изменение мышления людей. Одним из элементов этого нового мышления была внедряемая в сознание слушателей модель прошлого, равно как и модель отношения к нему, которые формируются не только прямыми характеристиками разной глубины прошлого, содержащимися в речах К. Улманиса, но и структурой метатекста — в частности, сборника речей, изданного в качестве второго тома в составе двухтомника, а также контекстом употребления понятия «история». Именно это и будет основным предметом анализа в данной работе.

Заметим, что факт публикации речи фиксирует момент превращения некоего настоящего (ситуативный контекст речи) в прошлое и введение его в новое настоящее в качестве «инструмента» и материала построения настоящего и будущего. Таким образом, опубликованный текст «стягивает» времена, ибо с момента его издания и распространения он становится частью любого будущего настоящего.

Том речей К. Улманиса содержит 93 текста, 69 из которых относятся ко времени после 15 мая 1934 г. Это неявно, но, тем не менее, реально закладывает представление о наибольшей значимости настоящего. О предшествующем же периоде формируется мнение лишь как о подготовительном, то есть не обладающим качественной определенностью и целостностью, а значит — и самоценностью.

Все подобранные в указанное издание речи разделены на три части. Символическое же и весьма архаическое по происхождению значение числа «три» состоит в указании на восстановленное и дифференцированное единство. В силу разделенности это единство обладает потенцией динамики, а в силу восстановленности — содержит возможность возвращения, что актуализует прошлое, вводит его в «плоть» настоящего в качестве основы, задающей характер движения к будущему. Само же движение оказывается не развитием, а развертыванием однажды возникшего. Это развертывание может быть прервано, но вектор его остается неизменным.

²⁸ *Ulmanis K. Preses izdevumi // Ulmanis K. Sabiedriskie raksti un runas. 2. sēj. Rīga, 1935. 303 lpp.*

Все три раздела книги имеют особым образом оформленные названия. Крупным шрифтом выделено «Runas pag — / Речи о-», затем следует ненормативное тире и далее — краткая характеристика содержания речей данного периода. Ненормативная постановка знака препинания уравнивает в своем значении акт речи и ее содержание. К тому же приоритет отдается именно акту речи, на что указывает избранный для написания самого слова «runas / речи» особо крупный шрифт. Таким образом подтверждается демиургический характер звучащего слова и формируется представление о том, что именно оно определяет содержание исторического процесса. Правда, это справедливо в известном отношении только к слову вождя (сказанное им наделяется демиургической силой). Исключительная роль его слова подчеркивается наличием эпитафий к каждому разделу рассматриваемого сборника. Они являются выдержкой из какого-либо высказывания самого К. Улманиса, что характеризует его как творца мироздания, а его слова как тотально-всеобъемлющего. Наличие подобных эпитафий изобличает неостребованность диалога с «другими» и задает представление об унифицированном мире, в котором исключается множественное разнообразие.

Семантически значимыми являются названия разделов данного тома речей К. Улманиса. Первого: «**Речи об** — освободительной борьбе латышского народа и ее героях», второго: «**Речи о** — необходимости единого народа и сильной латышской государственной власти» и третьего: **Речи о** — близких и далеких целях латышского народа, значении 15 мая, деятельности национального Правительства». Они формируют представление о процессе с однозначным содержанием, которое есть борьба за свободу. Целью же ее становится единство народа и сильная, этнически чистая государственная власть. Но так как в оформлении разделов не фиксируется временной период, освободительная борьба латышского народа лишается конкретного начала и оказывается исчерпывающей все содержание исторического процесса и в темпорально-неопределенном прошлом, и в столь же безграничном будущем, на которое указывают «далекие цели национального Правительства». Субъектом борьбы признается латышский народ, извечное существование которого неявно утверждается отсутствием указания на временные границы каждого раздела. Названия разделов свидетельствуют также о понимании исторического процесса как направленного, теологического, линейного, определяемого людьми, обладающими властными позициями (поэтому подчеркнута деятельность национального правительства). Прошлое при этом выпрямляется, «вычищается» до признания присутствия в нем лишь этнически однородной общности — латышского народа, единодушного в своих мечтаниях и устремлениях к свободе.

Содержательными являются также принципы отбора и распределения публикуемых речей. Первый раздел включает 9 речей, относящихся ко времени с апреля 1917 г. по август 1925 г. Во втором разделе — 15 речей, датируемых периодом с июня 1921 г. по март 1934 г. В третьем — 69 речей, произнесенных с мая 1934 г. и до августа 1935 г. То есть очевидны провалы на «линии времени», что закладывает в сознание читателя представление о дискретности исторического процесса и о неравной значимости его периодов, более того, об оппозиции изначальной и возрождаемой полноты и пустоты, какой является непосредственно близкое прошлое. Отсюда вытекает оценочно-ценностное отношение к истории, т.е. жизни людей во времени, прошлом и настоящем. Близкое прошлое окрашено негативно, а отдаленное, причем разной степени отдаленности прошлое, безусловно, позитивно.

Границей разделов данного тома речей К. Улманиса дважды является его выступление у могилы первого министра иностранных дел Латвийской Республики и товарища К. Улманиса по партии (Латышский Крестьянский союз) Зигфрида Мейеровица, который погиб в автокатастрофе в августе 1925 г. Первый раздел книги заканчивается речью Улманиса, произнесенной от имени Латышского Крестьянского союза на похоронах Мейеровица 27 августа 1925 г. А третий раздел завершается его речью 22 августа 1935 г. у могилы Мейеровица в день десятой годовщины со дня смерти. Особая значимость места погребения З. Мейеровица как места коллективного «вос/напоминания», выраженная устно/печатным словом одного и того же лица, отмечает возвращение (и возрождение) к животворящему первоначалу.

Суть этого возвращения состоит в соблюдении и следовании явленному и потому заданному образцу жизненного поведения человека. В речи 1935 г. Улманис подчеркнул: «Пусть, уходя отсюда, мы укрепимся в своей решимости следовать примеру и образцу З. Мейеровица и быть в своей государственной работе деятельными и порядочными, а также пламенными и неотступными в борьбе до конца за народное благополучие и безопасное и блестящее будущее народа и государства. Так мы лучше всего исполним свой долг, лучше сего послужим выполнению своей задачи — всем строить и укреплять свое государство с несокрушимой верой в солнечную жизнь народа и государства, верой, с какой жил и работал до последнего вздоха незабываемый Зигфрид Мейеровиц»²⁹.

²⁹ *Ulmanis K. Cīņā līdz galam // Ulmanis K. Sabiedriskie raksti un runas. 2. sēj. Rīga, 1935. 583–584 lpp.*

Выделение места памяти З. Мейеровица в качестве критерия периодизации истории умаляет значение политической жизни в Латвийской Республике, не обнаруживает в ней крупных событий и, тем самым, в определенной степени «снимает» политическую составляющую исторического процесса. Его содержанием становятся не столько политические действия, то есть коммуникация разнородных социальных сил различного характера, сколько следование однажды данному образцу, которое должно привести к единству и единомыслию, создающим и гарантирующим «блестящее будущее народа и государства». Таким образом, выпячивается внутреннее, субъективное содержание исторического процесса, его эмоциональная составляющая. Прошлое при этом приобретает значение «прокрустова ложа», которое позволяет строить благополучное настоящее и будущее.

Однако какой глубины прошлое следует считать первоначалом? Весьма показательно стремительное углубление прошлого, происшедшее в течение недели, которая разделила два выступления К. Улманиса. Первое состоялось 26 октября 1933 г. в Риге на вечере членов Латышского Крестьянского союза, второе — 2 ноября 1933 г. в Латвийском Центральном Сельскохозяйственном обществе. В первой речи он сказал: «Мы — не без прошлого, не без истории, помогающих нам поставить духовные цели. Наш народ сотни лет живет у Балтийского моря, в самом хорошем месте у этого моря, он смог все эти годы продержаться здесь и выстоять в борьбе, происходившей здесь. Это мог только тот народ, у которого была большая внутренняя сила. Разве в будущем будет иначе?»³⁰ Через неделю, во втором его публичном выступлении «сотни лет» превратились в тысячи: «Наш народ все время, тысячелетиями был у Балтийского моря, в лучшем месте его восточного побережья, будучи способен завоевать и удержать его. Только такой народ, у которого есть большая духовная сила, мог сотни и тысячи лет жить и часто править в столь вожделенной земле. История нам рассказывает об этих бесконечных годах борьбы. Как латыши боролись за эту землю у Балтийского моря! Осажденные врагами, они часто против огромного перевеса сил защищались до последнего, удерживая эту свою землю»³¹.

Радикальное углубление прошлого явилось идеологическим средством консолидации латышского сегмента общества Латвии, дающим возможность осознать свою укорененность в мире, а значит, укрепиться в вере в собственные силы и «солнечное будущее народа и госу-

³⁰ *Ulmanis K. Jāmeklē latviešu tautas garīgā misija // Ulmanis K. Sabiedriskie raksti un runas. 2. sēj. Rīga, 1935. С. 67–68.*

³¹ *Ulmanis K. Tauta un valsts // Ulmanis K. Sabiedriskie raksti un runas. 2. sēj. Rīga, 1935. С. 91–92.*

дарства». Кроме того, подобное обращение с хронологией, связанное с малоизученностью латышской истории, указывает на воображаемый характер прошлого, на функционально-прагматическое отношение к нему.

Обратим внимание на некоторые новые моменты во второй речи К. Улманиса, которые станут основополагающими в его речах 1936–1937 гг. Это, во-первых, признание латышей («нашего народа») в качестве субъекта, способного действовать, а не быть только объектом действия других, о чем говорят такие глагольные формы, как «завоевать (iekarot)» и «удержать (noturēt)» вместо «удержаться (noturēties)»; во-вторых, утверждение политической самостоятельности латышей в глубокой древности; в-третьих, констатация непрерывной борьбы, ведущейся «нашим народом», и, в-четвертых, побуждение к гордости, восхищению, эмоциональному воодушевлению как должному отношению к своему прошлому, на что указывает восклицательный знак, венчающий предложение: «Как латыши боролись за эту вожделенную землю возле Балтийского моря!» И наконец, признание окруженности себя врагами — чужеземцами, приходящими отовсюду, общение с которыми возможно лишь в форме борьбы до последнего дыхания. Таким образом, в прошлом исключалось присутствие других, отношения с коими могли бы быть разнообразными и плодотворными. Неприятие других, полное их игнорирование или отождествление с врагами вело не столько к интеллектуальному **освоению** прошлого, сколько к его **присвоению**, что отчетливо проявилось, например, в призыве К. Улманиса называть замок, восстановленный в Елгаве, замком памяти Виестурса — вождя земгалов, боровшихся против крестоносцев. В своем выступлении 5 сентября 1937 г. в Елгаве на третьем всеобщем «Празднике урожая» К. Улманис сказал: «Наблюдая и сопереживая древним событиям на сцене, мы чувствуем себя такими близкими и все-таки такими далекими от них, ибо нет никакой видимой связи с этими древними временами. У нас нет ни одного наглядного большого предмета, который бы напомнил нам древние времена, времена борьбы и наших героев тех времен.

Во мне горит желание опять приблизить к нам, оживить эти древние времена, укрепить связи с ними. Мы можем это сделать, предоставив героям древних времен какой-нибудь дар, создав для них хороший знак памяти, перебросив мост назад к древним временам. Так мы почтим их, и сами станем сильнее, ибо почувствуем, что начала нашей жизни глубоки и тянутся далеко в прошлое нашей собственной земли. <...> Этот замок [Елгавский. — Т.К.] до сих пор не нашел еще настоящей связи с нашей землей. Он еще не заключен глубоко в нашем сердце, хотя мы сейчас его обживаем. Этот замок строился частями

в разное время. Он никогда не был закончен, и только мы сейчас закончим его... после того, как в 1919 г. поджигатели оставили нам лишь руины. Этот замок принадлежит и будет принадлежать нам, его настоящим строителям. Этот замок ждет, чтобы мы дали ему имя, которое окажет честь самому замку и будет горделивым по отношению к нам. Мы лучше всего достигнем этого, если, дав имя, перебросим новый мост назад к нашему прошлому и древности, мост, который соединит дни и труды наших предков с нашими днями и трудами. <...>. Поэтому я сегодня могу здесь всем сообщить, что решено, начиная с этого дня, наш замок в Елгаве, древней столице Земгале и Курземе ...называть ... Замком памяти Виестурса»³².

Таким образом, выявленные параметры образа прошлого и отношения к нему, для которого характерны отказ от осмысления, оценочность, утилитарность, говорят об «аисторичности» повышенного интереса к истории, то есть прошлого, актуализированного в речах К. Улманиса, и указывают на мифологическую составляющую формируемого данными текстами исторического сознания. О том же свидетельствует и контекст употребления понятия «история», весьма частотного в речах К. Улманиса. Так, 29 речей из 93 опубликованных в «Общественных статьях и речах» содержат термин «история» и его производные (исторический, историк), упоминающиеся 107 раз, причем 92 упоминания встречаются в речах, относящихся ко времени после государственного переворота в мае 1934 г.

Употребление понятия «история» говорит о том, что, во-первых, история предстает хронологически размеченным, структурированным пространством значимости с возможно меняющимися фигурами, ценность которых определяется их причастностью к этому пространству. Само пребывание в этой структурно, но не содержательно законченной картине удостоверяет факт существования нового персонажа, каковым является народ и государство. Ссылка на историю в таком случае становится средством преодоления локальной ограниченности, своеобразной «социализации» латышей, вводимых в контекст потенциально множественного человечества, вне которого экзистенция частного не имеет значения, и потому его существование неполноценно (неисторично). Подобный вывод подтверждается, например, речью К. Улманиса 12 ноября 1919 г. на заседании Народного Совета, где он, говоря о военных успехах правительственных сил, подчеркнул: «Мы добились успехов и победы благодаря самоотверженному героизму и способности наших военных сил к самопожертвованию, невидан-

³² *Ulmanis K.* Lauku dzīves standarts mums jāpaceļ uz augšu // *Ceturtais gads* 1937.15.V. Rīga, 1938. 231–232 lpp.

ных еще в истории»³³; или же речью, прозвучавшей 9 сентября 1934 г. на выставке в Лиепаях: «В истории немного таких народов, кто так долго мог прожить на одном месте и выстоять против всех бурь и гроз»³⁴. При этом знание исторических реалий не важно, а существенен сам факт сопоставления. «История», лишенная конкретного содержания, оказывается символическим обозначением большого Другого, соотнесенность с которым конституирует данную новую социально-политическую общность, дает ей возможность идентифицировать себя и одновременно выполняет психотерапевтическую функцию — питает чувства гордости, достоинства, укорененности в мире.

Во-вторых, история предстает как существование народов и государств, составными частями которого являются прошлое, настоящее и будущее (т.е. история отнюдь не есть лишь прошлое). При этом оно противопоставляется несуществованию, то есть неподлинному бытию, неистории. Так, в своей академической речи в Латвийском университете 14 ноября 1934 г. по случаю присуждения ему почетной степени доктора агрономии и экономических наук К. Улманис сказал: «Сельское хозяйство — это основа культуры человечества, и об истории какого-либо народа с полным правом мы можем говорить только с того момента, когда этот народ оставляет образ жизни кочевников, поселяется на постоянную жизнь в каком-нибудь определенном месте и в связи с этим создает прочную основу для своей материальной жизни — сельское хозяйство»³⁵.

Таким образом, безусловными признаками значимого социального существования, могущего быть названным историей, является оседлая форма жизни, для которой характерны срещенность с землей, постоянство пребывания на одной и той же территории и соответствующий род занятий — сельское хозяйство. Так задается преимущественно пространственное измерение истории — существование народа и государства, но при этом акцентируется не расширение своего пространства, а сохранение наличного, данного от века и его обустройство (показательна характеристика времени после 15 мая 1934 г. как периода строительства³⁶).

³³ *Ulmanis K. Uzvar, kas cīnās par taisnu un svētu lietu // Ulmanis K. Sabiedriskie raksti un runas. 27 lpp.*

³⁴ *Ulmanis K. Zemnieks ir mūsu visstiprākais pamats // Ulmanis K. Sabiedriskie raksti un runas. 280 lpp.*

³⁵ *Ulmanis K. Lauksaimniecības ekonomiskā politiskā nozīme // Ulmanis K. Sabiedriskie raksti un runas. 323 lpp.*

³⁶ Например: «Время, в которое сейчас живем в обновленной Латвии, заслужило название эпохи строительства». См.: *Ulmanis K. Mums visiem jāstrādā vairāk nekā citiem, mūsu darbam jābūt dziļākam, ja gribam kļūt uzvarētāji // Piektais gads 1938.15.V. 324 lpp.*

В-третьих, употребление понятия «история» в речах К. Улманиса указывает на абсолютизацию и персонификацию существования. История наделяется чертами субъекта, в частности — способностью предъявлять требования: «Будем помнить, что история во все времена потребует от нас ответственности за все наши дела, за все, что мы делали»³⁷; давать свидетельства: «События истории дадут вам свидетельства того что мы никогда не теряли своего боевого духа»³⁸; учить, напоминать, налагать обязанности: «Наша старая и сегодняшняя история учит нас, напоминает и налагает на нас священную обязанность и в нашей личной жизни руководствоваться одним правилом, а именно, справляться с трудностями — это означает побеждать»³⁹. Обратной стороной такого понимания истории является представление о человеке, главным образом, как об объекте, подопечном некоей внешней силы. И это в конечном итоге ведет к инфантилизации человека.

Абсолютизации и персонификации истории как социально-органического существования (отсюда упоминание истории в одном ряду с кровью: «Народ — это идея об общей крови, общей земле, общих обычаях, общей истории, общей чести»⁴⁰) сопутствует «субстантивирование» того, что субстанцией не обладает, например, таких состояний, как независимость, свобода. Подтверждение тому находим в следующих высказываниях К. Улманиса: «...Мы достигли нашей независимости благодаря стремлению народа к государству...»⁴¹; «Готов согласиться, что в предыстории нашей свободы большая роль в укреплении наших обстоятельств принадлежала тому факту, что народ был настроен определенно демократически»⁴². Подобная ментальная установка проясляет умаление значимости индивидуального «я», заметное игнорирование человека как субъекта, ибо он значим лишь в качестве органической составляющей народа⁴³. Кроме того, абсолютизация и персонификация существования народа и государства влечет за собой неразличение истории как пространственно-временной длительности людских общностей и нарратива о ней. Так, выступая 13 августа 1934 г. на курсах учителей истории, К. Улманис в конце своей весьма длинной речи упомянул: «Я вначале сказал, что страницы истории учат

³⁷ *Ulmanis K. Uzvar tikai drosme // Ulmanis K. Sabiedriskie raksti un runas. 351 lpp.*

³⁸ *Ulmanis K. Pagriež seju pret sauli: Bērzmuižas skolā mācības gadu slēdzot // Ulmanis K. Sabiedriskie raksti un runas. 533 lpp.*

³⁹ *Ulmanis K. Pagriež seju pret sauli: Bērzmuižas skolā mācības gadu slēdzot // Ulmanis K. Sabiedriskie raksti un runas. 537 lpp.*

⁴⁰ *Ulmanis K. Valdības idejas // Ulmanis K. Sabiedriskie raksti un runas. 214 lpp.*

⁴¹ *Ulmanis K. Jāgroza Latvijas vēsture // Ulmanis K. Sabiedriskie raksti un runas. 73 lpp.*

⁴² *Ibid. 82 lpp.*

⁴³ См.: *Кузнецова Т. Речи Карлиса Ульманиса как средство формирования культурной памяти (Латвия 1934—1940 гг.). С. 93.*

нас, каково наше прошлое, учит, что мы можем с гордостью смотреть на него»⁴⁴. Определенное отождествление жизненной реальности и ее текстовой репрезентации отмечает одномерно плоское мировидение, неощущение / непонимание мира как непрерывного разного характера и на разных уровнях происходящего взаимодействия индивидов, групп, обществ и природы вещей.

Такая ментальная структура (тождество жизненной реальности и нарратива) выявляет размытость научно-логического мышления, более того, «отрицает» историю как науку (исследование неизвестного). Неслучайно, что К. Улманис в своих речах не говорил об этой грани истории. Напротив, он предлагал «прокрустово ложе» для того, что должно быть обнаружено историческими изысканиями, задавал их искомый результат, причем как бесспорную данность, не подлежащую верификации. И это — события (великие деяния), герои, непрерывная борьба латышского народа за государственность, свободу и честь; любовь к отечеству⁴⁵. Таким образом насаждалась «обратная перспектива» в обращении к прошлому, формирующая само прошлое⁴⁶. Очевидно, что подобное представление об истории, подход к ее изучению исключает целостность и качественную определенность исторического процесса.

Понятная в условиях создания самостоятельной государственности тенденция к мифологизации исторического сознания, в частности, к укоренению в сознании аудитории воображаемого прошлого во временной перспективе оказывается фактором, затрудняющим становление и развитие исторической науки, поскольку содействует смещению политического и научного дискурсов.

⁴⁴ *Ulmanis K. Klausaties vēstures soļos // Ulmanis K. Sabiedriskie raksti un runas. 258 lpp.*

⁴⁵ См., например: *Ulmanis K. Latvisku saturu Latvijai // Ulmanis K. Sabiedriskie raksti un runas. 227 lpp.*; *Ulmanis K. Izzudis viss svešais, kas apsedza tautas dzidro un cēlo dvēseli // Otrais gads 1935.15.V–1936.15.V. 184 lpp.*

⁴⁶ См., например: «Чем больше то, что было, соответствует тому, что есть сейчас, тем будет лучше». (*Ulmanis K. Latviešu tautai bijis savs uzdevums un misija, tādi viņai ir arī tagad un būs arī uz priekšu // Trešais gads 1936.15.V–1937.15.V. 155 lpp.*)

Корона короля Ерсики для «добровольного друга»*

С.Н. Ковальчук

(Рига)

Nacionālisma gars nebūt nav pretrunā
ar vēstures patiesību.

A. Tentelis

(Дух национализма вовсе не противоречит исторической правде.

A. Тентелис)

Ключевые слова: археология в Латвии; историческая наука в Латвийской Республике в 1920–1930-х гг.; Карлис Улманис; Францис Балодис; Арведс Швабе; король Ерсики Висвалдис

В 1964 г. в Швеции Феликс Циеленс опубликовал пространные воспоминания «В эпоху перемен. Воспоминания и выводы»¹. Автор этих воспоминаний был непосредственным участником всех значимых для Латвийской Республики событий. Как юрист по образованию (выпускник юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета), он был деятельным участником Учредительного собрания, принявшего конституцию Латвийской Республики, затем – депутат четырех созывов парламента (Саэйма/Saeima, также Сейм) Латвии, министр иностранных дел в 1926–1928 гг., видный представитель Латвийской социал-демократической рабочей партии. После политического переворота Карлиса Улманиса 15 мая 1934 г. Циеленс, который в то время занимал должность посла Латвии во Франции, Испании, Португалии, был лишен латвийского

* Статья написана в рамках государственного исследовательского проекта Латвии: VPP-IZM-2018/1-0018 «Indivīda, sabiedrības un valsts mijiedarbība kopējā Latvijas vēstures procesā: vērtību konflikti un kopīgu vērtību veidošanās vēsturiskos lūzuma punktos».

¹ *Cielēns F. Laikmetu maiņā. Atmiņas un atziņas. I-III s. Lidingö, Sweden: Memento Pilvāgen II 1964.*

гражданства² и вынужденно остался жить во Франции. Кратко сообщенные факты биографии автора воспоминаний важны для понимания того, что о «короне короля Висвалдиса», которую якобы жаждал возложить на свою голову Улманис, писал его жесткий, непримиримый противник.

В третьем томе воспоминаний, названном «Latvija Eiropas traģēdijā» («Латвия в трагедии Европы»), Циеленс дал уничижительную оценку неограниченного абсолютизма Улманиса, по сравнению с которым даже фашистские режимы в европейских странах выглядели, как он считал, более демократичными. В последние годы правления, по мнению Циеленса, у президента страны зародилось желание провозгласить себя «абсолютным королем, которому единственному принадлежал бы весь государственный суверенитет»³. Циеленса раздражало то, что на всех торжественных мероприятиях, когда все стояли, вождь восседал в богато украшенном кресле, а под его ногами лежал роскошный национальный ковер. Национального вождя Улманиса окружали люди, и их число было немалым, славившие курземских герцогов как истинных его предшественников, иные слагали поэмы, другие писали портреты древних латышских королей. Во всей политической суете «не хватало короны, чтобы возложить ее на голову латышского короля Карлиса I»⁴.

Такую корону, по мнению Улманиса, следовало найти во время археологических раскопок Ерсикского городища (предполагаемого центра раннесредневекового латгальского княжества в среднем течении Даугавы) в 1939 г. Перед началом научной экспедиции весной 1939 г. Улманис попросил руководителя раскопок Франциса Балодиса найти для него «корону короля Висвалдиса» — правителя (короля — гех) Ерсики. Вот, как позже записал рассказ ученого Ф. Циеленс: «Весной 1939 года Улманис пригласил к себе профессора и попросил его откопать на Ерсикском городище корону короля Висвалдиса. Когда верный Улманису Фр. Балодис от удивления вытащил глаза, вождь без какого-либо смущения заявил: «Я в Германии заказал золотую корону, подделените ее немного, закопайте ее в развалинах и затем найдите. Мне эта корона необходима для важных государственных задач». Когда политически лояльный, но ответственный перед наукой профессор все же отказался от такой мистификации, вождь в большом огорчении

² Как активный член Латвийской социал-демократической партии, Ф. Циеленс открыто выступил против узурпации власти, установления диктатуры К. Улманиса. В Латвию смог вернуться только 31 июля 1940 г., но летом 1944 г. предпочел уехать в Швецию.

³ *Cielēns F. Laikmetu maiņā. Atmiņas un atziņas. III sēj.* 34 lpp.

⁴ *Ibid.*

выпучил совсем белые глаза и прошипел: «Идите, Вы ничего не понимаете в важных государственных делах». Францис Балодис после этого попал в немилость. Это историческое свидетельство Францис Балодис сообщил мне в присутствии двух свидетелей и разрешил его опубликовать в моих мемуарах»⁵.

Францис Балодис

Организатору археологической науки в Латвии, широко известному также в России, ученому, профессору Францису Александру Балодису посвящено немало публикаций в разных странах⁶. Он состоялся как ученый-археолог в России, но пик карьеры пришелся на годы, проведенные на родине в Латвии, на годы работы в стенах Латвийского университета, то есть с 1924 г.⁷ по 13 июля 1940 г.

Думается, не имеет смысла в данной статье пересказывать содержательные исследования историков о научных достижениях Фр. Балодиса в так называемый российский период жизни⁸. Имеем в виду статьи, диссертацию «Некоторые материалы по истории латыш-

⁵ *Cielēns F.* Op. cit. 35 lpp. Ф. Циеленс и Фр. Балодис встретились в Швеции, в которой профессор проживал безвыездно с июля 1940 г. вплоть до своей кончины летом 1947 г.

⁶ См.: *Arheologs Dr. phil. Dr. hist. profesor Francis Aleksandrs Balodis (1882–1947) Biobibliogrāfija.* Rīgā: Latvijas Vēstures Institūta apgāds, 2007. См. также: *Arheoloģija un Etnogrāfija.* Ld. XXIV. Rīga: Latvijas Vēstures Institūta apgāds, 2010. В выпуск вошли материалы юбилейной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Фр. Балодиса, в которой приняли участие историки и археологи Латвии, России, Литвы.

⁷ Принято считать, что Ф. Балодис приехал в Латвию к началу учебного года (*Arheologs Dr. phil. Dr. hist. profesor Francis Aleksandrs Balodis.* 12 lpp.) но, судя по его паспорту, сохранившемуся в Национальном архиве Латвии, Латвийском государственном историческом архиве (*Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts vēstures arhīvs – LNA, LVVA.* 2996. F. 2. Apr. 3005. l.), Балодис принял гражданство Латвии 16 декабря, а паспорт ему был выдан 22 декабря 1924 г. Обычно срок между приездом, подачей документов в соответствующие службы и получением паспорта гражданина был минимальный. В паспорте было указано его вероисповедание — лютеранин.

⁸ См.: *Назарова Е.Л.* Латышские педагоги в России // *Интеллигенция в многонациональной империи: русские, латыши, немцы. XIX – начало XX в.* М.: ИВИ РАН, 2009. С. 178–183; *Она же.* Францис Балодис в Москве. 1907–1917 (по материалам московских архивов) // *Arheoloģija un Etnogrāfija.* Ld. XXIV. 28–36 lpp.; *Она же.* «Я в восторге и очень доволен выбором». Письма Ф. Балодиса к А.И. Успенскому. 1910 г. // *ПОЛУТРОПОС.* Сборник статей памяти А.А. Молчанова. М.: Индрик, 2014. С. 401–414; *Kovalev M.* Francis Balodis in Saratov (1918–1924) // *Arheoloģija un Etnogrāfija.* Ld. XXIV. 37–42 lpp.; *Малов М.Н.* Профессор Франц Баллод (к 95-летию первой археологической экспедиции Саратовского университета) // *Известия*

ского племени с IX по XIII столетие», защищенную в Москве в 1909 г. и изданную там же отдельной книгой и в Записках археологического института⁹. Дипломированный археолог Ф. Балодис, получивший специальное образование и в России, и в Германии, нашел в Латвии широкие возможности для применения своих знаний на практике.

По возвращении в родную Латвию идеологические приоритеты ученого претерпели изменения, в трактовке исторических событий и фактов стала прослеживаться яркая национальная доминанта. К подобной позиции зывала ситуация в научном сообществе, в общественной жизни Латвии межвоенной поры, требовавшая от историка-археолога противостоять идеологии культуртрегерства со стороны прибалтийских немцев в самом государстве и в Германии. По приезду в Ригу Балодис вступил в должность профессора, в которой был утвержден руководством Латвийского университета еще 1 июля 1923 г.¹⁰ С 1929 г. он не раз избирался на должность декана факультета филологии и философии, а в 1931–1933 гг. занимал пост проректора университета. В 1932–1940 гг. он являлся также председателем «Управления памятниками» (*Pieminekļu valde*). В ведении «Управления» было выявление и охрана этнографических, археологических, исторических и художественных памятников старины. Неутомимый профессор Балодис руководил и отделом Археологии Государственного музея истории Латвии. В 1926 г. он получил степень доктора исторических наук.

В молодом национальном государстве, каким была тогда Латвийская Республика, очень важно для национального самосознания граждан изучать раннюю историю народа, как подчеркивая древность его происхождения и проживания на данной территории, так и создавая образы героев древности. Именно с этим было связано начало активного изучения истории латышского народа и, в частности, археологии, что поддерживалось правительством республики.

Начиная с 1925 г., Балодис проводил с молодыми учеными археологические раскопки в Латгале (восточной части Латвии) – в районе городов Лузда, Резекне, а также в Видземе (к северу от Даугавы) в районе Рауны, пылливо исследовал огромное число объектов¹¹. Кроме того, он

Саратовского университета / Серия история. Международные отношения. 2015, Т. 15, Вып. 1. С. 87–90.

⁹ Баллод Ф. В. Некоторые материалы по истории латышского племени с IX по XIII столетие. Диссертация на звание ученого археолога // Записки московского археологического института / Под ред. А. И. Успенского. Т. IX. М., 1911. С. 1–128.

¹⁰ LNA LVVA. 7427. F. 13. Apr. 13 L. 10 lpp.

¹¹ Balodis F. Ludzas-Rāznas apvidus senvietas. Rīgā, 1925; Arheoloģijas raksti. Izkakumi Raunas Tanisa kalnā 1927. gadā. Rīgā: Pieminekļu Valdes izdevums, 1928; Latviešu kultūra senatnē / Red. Fr. Balodis Un R. Šnore Rīgā: Pieminekļu Valdes izdevums, 1937.

курировал, консультировал самостоятельные исследования коллег-археологов¹². Основным направлением исследований было выявление и изучение памятников культуры балтов, которые, продвигаясь с юга, в течение первой половины I тыс. н. э. постепенно оттесняли живших на этих землях ранее племена прибалтийско-финской этнической группы. Исследование археологических памятников, а также скрупулезное изучение письменных источников¹³ дало Балодису и его коллегам возможность утверждать, что балтские племена на территории Латвии четко фиксируются уже в IX в. н. э. В это время можно уже говорить о сложении особенностей материальной культуры, характерных для конкретных племенных объединений: куршей, земгалов и латгалов¹⁴.

Характерно, что именно балты воспринимались в научной литературе, а вслед за ними и в обществе, как предки латышской нации. При этом отмечалось превосходство культуры балтских племен над другим коренным народом на территории Латвии — ливами¹⁵. Ливам (прибалтийским финнам), также участвовавшим в формировании современной латышской нации, повлиявшим на словарный запас современного латышского языка, уделялось значительно меньше внимания¹⁶.

¹² *Plāķis J.* Baltu tautas un ciltis // *Latvieši. Rakstu krājums* / Red. Balodis Fr., Šmits P. Rīgā, 1936. 45–49 lpp.; *Šnore E.* Dignajās pilskalns // *Senātnie un Māksla*. Rīgā, 1936. No. 4; *Šnore R.* Seno monētu atradumi Latvijā // *Vēstures atziņas un tēlojumi* / Red. Balodis Fr. Rīgā, 1937. 27–44 lpp. Нельзя также обойти вниманием знаковое имя — Эрнест Брастыньш, исследователя, известного как лидера диетуиров-язычников Латвии, течение которых было возрождено в стране после 1991 г. Брастыньш также самостоятельно занимался археологическими изысканиями. См., например: *Brastiņš E.* Latvijas pilskalni. Vidzeme. Rīgā, 1930.

¹³ В сфере внимания ученых были средневековые датские и германские письменные источники (в основном хроники), русские летописи, а также средневековые ливонские хроники. В 1930-х гг. были переизданы в переводе на латышский язык основные письменные источники по истории латышей в период отражения нашествия крестоносцев — в конце XII—XIII в. «Хроника Ливонии» Генриха (*Indriķa Livonijas kronika*. Tulkojis J. Kīpēns. Rīgā, 1936) и Ливонская Старшая рифмованная хроника (*Atskaņu chronika*. Ditleba Alnpeķes «Rīmju chronika». Atdzejojis Jēkabs Saiva. R. Klaustiņa ievads un piezīmes. Rīga, 1936), первые издания которых на латышском языке появились еще в конце XIX в. Были изданы также два тома древнейших документов: *Sēnas Latvijas Vēstures avoti*. / Izd. A. Švābe 1. b. Rīgā: Latvijas Vēstures Institūts, 1937; 2. b. Rīgā: Latvijas Vēstures Institūts, 1940.

¹⁴ *Balodis Fr.* Senās latviešu zemes // *Vēstures atziņas un tēlojumi* / Red. Balodis Fr. Rīgā, Izglītības ministrijas izdevums, 1937. 19–26 lpp.; *Latvijas Arheoloģija* / Red. Balodis Fr. Rīgā, Valters un Rapas akc.sab. apgāds, 1926.

¹⁵ Примером служит дважды издававшийся в 1930-е гг. двухтомник «Latvieši» («Латыши»). В 1930 г. появился первый из двух томов сборника; его публикация совпала со вторым конгрессом «Baltijas aizvēstures» (Балтийская доистория). Редакторами выступили профессора Фр. Балодис и П. Шмитс.

¹⁶ *Abers B.* Latviešu un lībiešu cīņa pret vāciem 1212.gadā // *Latvijas vēstures institūta žurnāls*, 1940. No. 1. 53–62 lpp.

Особое внимание ученых к изучению древних латгалов было связано с тем, что на территории их расселения письменные источники (главным образом «Хроника Ливонии» Генриха) уже в самом начале XIII в. упоминают государственное образование Ерсикю (в источниках — *Gersika, Gercike*). Это государственное образование в работах латышских ученых 1930-х гг. называлось «королевством», во главе которого стоял гех (король) Висвалдис¹⁷. Кроме Висвалдиса, «королями» назывались и некоторые другие правители латгалов, земгалов, куршей.

В работах латышских историков, изучавших средневековую историю Латвии, обосновывалась связь национальной идентичности латышской с историческим правом на ту территорию, которую занимали их далекие предки. В научных публикациях межвоенного периода едва ли не основное внимание уделялось правителям и вождям именно балтов — латгалов, земгалов. Прославление древних правителей разных прото- и раннегосударственных образований у средневековых народов на территории Латвии, упоминаемых как *gex, konis, princers*, в ливонских хрониках, а также в актовых документах XIII в., было частью политики формирования исторической памяти у латышской и их национальной идентичности. Кроме самих ученых, в возвеличивании заслуг средневековых правителей участвовали не только историки, но также политики, правоведы, журналисты, поэты и художники. При этом предполагалось, что в массовом сознании граждан вождь XX в. (Карлис Улманис) должен был восприниматься как наследник вождей раннего средневековья¹⁸.

Несомненно, этноцентрическая позиция ученых укрепляла национальный дух, поскольку соединялись воедино научная истина и идеи национализма, национального превосходства¹⁹. Думается, что в идеологическом обосновании представления о национальной идентичности историки того времени — Фр. Балодис, А. Тентелис, А. Швабе и другие — руководствовались идеями профессора германской археологии Берлинского университета Густафа Коссинны (*Gustaf Kossinna*)²⁰.

¹⁷ См.: *Švābe Ā. Jersikas karaļvalsts // Senāte un Māksla. Rīgā, 1936. No. 1—5. 31 lpp.*

¹⁸ Например, Фр. Балодис в своей монографии, посвященной «придворному» художнику Лудолфсу Либертсу, особо отметил его портреты королей, украсившие президентский дворец в 1936 г. См.: *Balodis F. Ludolfs Liberts. Rīgā, Valters un Rapas akc. sab. apgāds, 1938.*

¹⁹ *Tentelis A. Patiesība un nacionālisms vēstures zinātnē un mācīšana // Vēstures atziņas un tēlojumi / Red. Balodis Fr. Rīgā, 1937. 7—18 lpp.*

²⁰ Профессор Коссинна был сторонником эволюционистской модели культуры, согласно которой культурная эволюция происходит посредством передачи идей, научно-технических достижений и взглядов со стороны более продвинутых народов менее продвинутым, с которыми они вступают в контакт. Профессор стал известен как исследователь доисторического периода и основоположник популяр-

Летом 1939 г. Фр. Балодис возглавил раскопки Ерсикского городища. Раскопки городища, представляемого как столица первого государства латышского народа, стали своеобразной материализацией письменных представлений о Ерсике, должны были внести большой вклад в копилку национальной идентичности. Несомненно, эти раскопки стали самыми известными и в научном, и в политическом отношении в довоенной Латвийской Республике, а для самого Балодиса — продолжением и подтверждением на практике его исследований этого важнейшего для истории Латвии памятника. И, как оказалось, публикации обобщенных археологических материалов судьбоносно подвели черту под научными поисками ученого, став последними печатными трудами в его научной карьере в Латвии²¹.

Арведс Швабе

В истории о «короне короля Висвалдиса» нельзя обойти вниманием еще одно знаковое имя. Единомышленником профессо-

ной теории «археологии поселений» (Siedlungsarchäologie). Коссинна утверждал, что четко разграниченные культурные провинции во все времена были заселены строго определенными народами, группами народов. Его целью было обоснование границ территории ранних германцев гораздо точнее, чем об этом свидетельствовали письменные источники, и при этом доказать, что германские народы представляют собой национальную идентичность с историческим правом на ту территорию, которую они когда-то занимали. Таким образом, теория Г. Коссинны заложила основу для оправдания последующей нацистской аннексии земель в Польше и Чехословакии. Он также выдвинул идею о существовании нордической арийской расы, потомками которой стали современные немцы.

Несмотря на критику взглядов профессора Коссинны, его идеи в сочетании с нацистской идеологией давали основу для утверждения того, что Германия занимает особое, лидирующее положение в мировой цивилизации, а история Германии превосходит по времени историю Римской империи. Коссинна прожил долгую жизнь в науке и сумел свои взгляды передать в монографиях «Die deutsche Vorgeschichte, eine hervorragend nationale Wissenschaft» (Leipzig: Curt Kabitzsch Verlag, 1912); «Altgermanische Kulturhöhe. Eine Einführung in die deutsche Vor- und Frühgeschichte» (München: J.F. Lehmanns Verlag, 1927); «Germanische Kultur im 1. Jahrtausend nach Christus. (Leipzig: C. Kabitzsch, 1932). Много публикаций появилось в серии книг «Mannus-Bibliothek», выходящих в издательском доме Curt Kabitzsch, к примеру: «Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie» (1911); «Der Goldfund vom Messingwerk bei Eberswalde und die goldenen Kultgefäße der Germanen» (1913). Печатался профессор Коссинна и в журнале по этнологии «Zeitschrift für Ethnologie», к примеру: «Über verzierte Eisenlanzenspitzen als Kennzeichen der Germanen» (1905); «Großgartacher und Rössener Stil» (1908).

²¹ См.: *Balodis F. Jersika // Senatne un Māksla. Rīgā, 1939. No. 4. 65–80 lpp.* Результаты раскопок были опубликованы им в 1940 г.: *Balodis F. Jersikas un tai 1939. gada izdarītie izrakumi. Rīga: Pieminekļu valdes izdevums, 1940.*

ра Балодиса на поприще укрепления национальной идеологии был Арведс Швабе — поэт, писатель, юрист, историк, политик²². С 1911 по 1914 г. Швабе совмещал в университете А. Шанявского в Москве изучение естественных наук и истории. В Латвии его карьера развивалась успешно. В 1926 г. он окончил отделение права факультета Народного хозяйства и Правоведения ЛУ, а уже в 1929 г. стал приват-доцентом по кафедре истории права Латвии²³.

Ф. Циеленс в своих воспоминаниях характеризовал А. Швабе как «наш национальный историк», спорил с ним о содержании его статей, доказывая необоснованность его аргументов по разным вопросам истории²⁴.

Если Балодис, проводя раскопки, восстанавливал материальную культуру древних жителей Латвии, то А. Швабе более всего создавал письменную историю, указывая на то, что к началу XIII столетия в Латвии существовали высокоразвитые государственные образования — королевства. Двухтомник работ А. Швабе был опубликован в 1938—1940 г. под общим названием «Straumes un avoti» («Течения и источники»), в которые вошли публикации разных лет. В первом томе была опубликована статья «Latviešu tautas tiesiskie uzskati» («Правовые взгляды латышского народа»), посвященная правовому сознанию латышей, закрепленному в народных песнях. В тот же том вошли статьи по истории куршей. Во втором томе была опубликована подробная статья о задачах латышской истории, в которой подчеркивалась мысль о важности изучения истории латышей IX—XII вв., когда балтские племена были свободны, созидали независимую культуру (*kulturālo patstāvību*) и свои государственные образования на всей территории современной Латвии. Историческая память народа, сохранявшаяся на протяжении 700 лет наследие предков, служит, по его мнению,

²² См. более подробно о А. Швабе: *Birziņa L. Latvijas universitātes tieszinātnieki. Tiesiskā doma Latvijā XX gadsimtā. Rīgā: Zvaigzne ABC, 1999. 155—177 lpp.*

²³ LNA, LVVA. 7427. F. 13. Apr. 1740 L. В личном деле А. Швабе на л. 9 находим запись о том, что 16 марта 1929 г. он стал приват-доцентом по истории права Латвии. Далее на л. 16 читаем, что с 16 сентября 1932 г. Швабе избирается профессором по кафедре истории права Латвии. На л. 31 указано, что с осени 1936 г. он читал курсы «Крестьянский вопрос в польские времена»; «Крестьянский вопрос в шведские времена». По решению Совета Народных Комиссаров Латв. ССР от 12 сентября 1940 г. А. Швабе с 1 октября 1940 г. был назначен и.о. кафедры истории Латвии факультета истории и филологии. О чем было сообщено официально в газете «Советская Латвия», № 67 от 26 октября 1940 г.

²⁴ *Cielēns F. Laikmetu maiņā. Atmiņas un atziņas. I. sējums. No bezvēststures tautas līdz pilntiesīgai nācijai. Memento Pilvāgen II, Lidingö, Sweden, 1961. 26—30, 48 lpp.*

доказательством закономерности стремления латышей к независимости и восстановления своего государства, что произошло в 1918 г.²⁵

События 15–16 мая 1934 г. в осмыслении университетских правоведов

Затяжной кризис парламентской демократии в Латвии был прерван событиями 15–16 мая 1934 г., то есть политическим переворотом, который возглавил К. Улманис. Возможно, разнуданный разгул «сеймократии», то есть непрерывных, непродуктивных словесных баталий партий в Сейме Латвии, сковывавших работу правительства, привел на вершину власти диктатора К. Улманиса. Кризис демократии подтолкнул к событиям 15 мая, к разгону политических партий, ограничению свобод, к аресту и даже тюремному заключению оппонентов Улманиса. Кстати, еще весной 1934 г. журнал «Jurists» («Юрист»), который редактировал заведующий кафедрой гражданского права Латвийского университета профессор В. Синайский, в качестве реакции на разразившийся кризис демократии в государстве опубликовал в двух номерах объемный материал своего единомышленника — доцента Роберта Акментиньша «Реформа Латвийской конституции». В его статьях был дан подробный анализ неконструктивной обстановки в Сейме вокруг обсуждения изменений в главах основного закона государства²⁶. Он ставил вопрос о том, что творилось в стенах латвийского парламента: торжествовала ли демократия или шло «забалтывание» законов? В завершении статьи Акментиньш написал: «Когда историки начнут исследовать причины, приведшие к событиям 15 и 16 мая, то для их понимания ... необходимо будет обратить пристальное внимание на персональный состав бывшего Сейма, но особо на те элементы, которые провалили реформу Конституции. <...> Мы можем хорошо представлять, что случилось бы, если 15 мая власть оказалась в руках столь безответственных за наше государство элементов»²⁷.

Василий Синайский, Робертс Акментиньш, а также профессор Латвийского университета Карлис Дишлерс и другие юристы в различных выступлениях и публикациях фактически поддерживали популярную в то время трактовку политической фигуры Карлиса Улманиса как человека, способного бескорыстно взять на себя всю полноту политической и гражданской ответственности за положение в государстве, то есть

²⁵ *Švābe A.* Latviešu vēstures uzdevumi // Straumes un avoti. Rīgā, Grāmatu apg. A. Gulbis, 1940. 112 lpp.

²⁶ *Akmentiņš R.* Latvijas Satversmes reforma // Jurists. 1934. No. 56. 105–114 lpp.

²⁷ *Ibid.* No. 57. 145–146 lpp.

вести чужие дела без поручения. Или, выражаясь латинским термином, Улманис стал *Negotiōrum gēstio*²⁸. В римском праве это означало добровольно принятое на себя ведение чужих дел, чтобы защитить важные интересы отсутствующего. Тот, кто посвятил себя этому, назывался «прокуратором» (*procurator*) или «добровольным другом» (*amicus voluntaris*). Юридическая апология режима и в последующие годы осуществлялась неукоснительно. Так, 28 января 1937 г. в год своего 60-летнего юбилея К. Улманис подготовил и торжественно подписал (как Министр-Президент Латвии, то есть глава правительства) новый Гражданский кодекс. 4 апреля 1937 г. правоведы Латвии провели Первый конгресс по уголовному праву, на котором выступил К. Улманис.

Декан факультета Народного хозяйства и Правоведения Латвийского университета профессор К. Дишлерс в публичной лекции в 1937 г. обыгрывал мысль о том, что авторитаризм вождя Улманиса есть не что иное, как «форма правления народа», что латвийский лидер обладает такой степенью харизмы, выдающихся качеств, что только он и никто другой и есть подлинный герой народа, подлинный его слуга²⁹. Ту же мысль он изложил в двух своих публикациях 1937 г. в официальном издании в «Вестнике Министерства юстиции» («Tieslietu Ministrijas Vēstnesis»)³⁰, в должности главного редактора которого Дишлерс служил долгие годы. В завершении одной из статей автор указал на важнейший принцип к действию, сформулированный Министром-Президентом: «Каждый на своем рабочем месте — все на государственной работе!». По мнению Дишлерса, эта установка поможет гражданам Латвии добровольно и сознательно исполнять свои обязанности по отношению к государству³¹.

Не отставал от К. Дишлерса и В. Синайский³². В 1937 г. редактируемый им журнал «Jurists» в номере 7/8 поместил небольшую статью

²⁸ *Dišlers K. Negotiorum gestio publisko tiesību novadā // Tieslietu Ministrijas Vēstnesis, 1935. No. 1. 1, 35, 40, 42–43 lpp.* В указанной пространной статье на многочисленных примерах из политической истории независимой Латвии профессор Дишлерс показывал, что К. Улманис не единожды становился *Negotiōrum gēstio*, имел смелость брать на себя всю полноту ответственности за государственные устои страны. В очередной раз это произошло 15 мая 1934 г.

²⁹ *Dišlers K. Autoritārās valsts iekārtas pamatprincipi. Leksija 1937 g. 25 janvāri. Rīga, 1937.*

³⁰ *Dišlers K. Sabiedriskie un individuālie elementi tiesības // Tieslietu Ministrijas Vēstnesis. 1937. 1–44 lpp.; Dišlers K. Pienākuma elements tiesībās // Tieslietu Ministrijas Vēstnesis. 1937. 441–458 lpp.*

³¹ *Dišlers K. Pienākuma elements tiesībās. 458 lpp.*

³² Позиция профессора В.И. Синайского подробно изложена в книге *Ковальчук С.Н. Настоящий изгнанник с собой всё уносит: судьбы ученых-эмигрантов в Латвии 1920–1944 гг.* М.: Новый хронограф, 2017. С. 389–431.

К. Улманиса под названием «Долг — это высший закон». В ней автор определил жизнь человека как миссию, призвание. «Иное толкование ошибочно. Смысл жизни для каждого человека означает, что все способности, которыми наделила его природа, следует развить и задействовать для всеобщего блага. Один найдет свое призвание в пробуждении нравственных и духовных сил в людях, окружающих его; кто-то другой, обладающий большими силами и действующий в благоприятных обстоятельствах, призван воплотить народные мечты и стремления или также поднять благосостояние народа или же разрешить вопросы политики и религии. Жизнь человека — это призвание, поэтому долг — это высший закон. Продвижение вперед будет возможно только тогда, когда человек поймет свое призвание и выполнит свой долг». Долг перед собой и, главное, перед Отечеством.

На подобное толкование Улманиса вдохновили как герои итальянского национального пробуждения XIX в. — Джузеппе Мадзини, Джузеппе Гарибальди, первый премьер-министр Италии граф Камилло Бенсо ди Кавур, так и диктатор Италии Бенито Муссолини. Накануне 20-летия Латвийской государственности 13 ноября 1938 г. в газете «*Latvijas karavīrs*» («Латвийский воин») профессор В.В. Синайский еще раз проявил себя как сторонник К. Улманиса — опубликовал статью «*Pilsonis — karavīrs*» («Гражданин — солдат»).

Институт истории Латвии

14 января 1936 г. по решению правительства — кабинета министров во главе с К. Улманисом — был создан Институт истории Латвии. В Законе о создании этого института отмечалось, что целью его будет изучение различных периодов национальной истории Латвии. 28 января стал известен руководящий состав института, в который вошли профессор Фр. Балодис, А. Спекке, П. Шмитс, А. Швабе, А. Тентелис, Р.Ю. Виппер, приват-доцент Я. Берзиньш и отставной генерал и историк М. Пеникис. Пост директора занял профессор А. Тентелис, генеральным секретарем стал М. Степерманис. Институт сыграл большую роль в изучении истории Латвии, хотя многие работы, сделанные в рамках исследований института, имели весьма тенденциозный характер и преувеличивали уровень социально-политического развития латышей накануне крестоносного завоевания.

Первое публичное заседание Института истории состоялось 11 мая 1936 г., основным выступлением стал научный доклад А. Швабе «К вопросу о латышских королевствах Ерсика и Талава», в котором он изложил свое видение вопросов латышских (древнелатгалских) госу-

дарственных образований Ерсики и Талавы (в Северной Латвии). Во главе королевств стояли короли Висвалдис — в Ерсике и Таливалдис — в Талаве³³. Само название государственных образований — «королевства» проводило аналогию между ними и королевством франков. Исследователь пришел к выводу, что исторические источники неопровержимо подтверждают наличие у балтских народов высокоорганизованной государственности до 1200 г., до прихода епископа Альберта и 500 крестоносцев³⁴. Швабе и его единомышленники выработали общую парадигму в осмыслении истории³⁵. Они не скрывали,

³³ Швабе не упоминает, что, определяя статус правителя Ерсики как «гех», автор «Хроники Ливонии» начала XIII в. выбирает наиболее подходящее из известных ему обозначений правителей средневековых государств Западной Европы. При этом, говоря о высокоорганизованной государственности Ерсики, он не проводил конкретного сравнения уровня социально-экономического и политического развития Ерсики и западноевропейских королевств. Хотя для него важно было в первую очередь само представление Ерсики как «королевства». Следует заметить, что латышские ученые конца XX — начала XXI в. переводят термин «гех» просто как «правитель» («valdnieks») (Indriķa Hronika. Ā. Feldhūna tulkojums. Ē. Mugarēviča priekšvārds un komentāri. Rīgā: Zinātne, 1993. 315 lpp.). В отличие от правителя Ерсики — короля (гех) Висвалдиса, правитель Талавы Таливалдис в источниках называется просто старейшиной (senior). Правда, Талаву, которая состояла из нескольких замковых округов, и в которой, судя по хронике, уже складывалась наследственная власть, также можно считать раннесредневековым государством. См.: Auns M. Senās Latgales politiskā struktūras 12. gs.—13. gs. sākumā // LPSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1982. No. 9 (422). 47—56 lpp.; Indriķa Hronika. Ā. Feldhūna tulkojums. Ē. Mugarēviča priekšvārds un komentāri. 372 lpp.

³⁴ Švābe A. Latviešu vēstures uzdevumi // Straumes un avoti. Rīga, grāmatu apg. A. Gulbis, 1940. 112 lpp. См. также: Balodis F. Latvijas senvēstures pētīšanas likteņgaitas // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. 1938. No. 4. 507—518 lpp.

³⁵ В 1948 г., находясь в эмиграции в Германии, А. Швабе переиздал статьи коллег историков под общим названием «Latvju kultūra». В статье уже покойного к тому времени А. Тентелиса «Latvju tautas vēsture» («История латышского народа») утверждалось: «Доисторическая история Латвии учит, что у латышей уже за столетие до немецкого вторжения была государственная организация, так как об этом свидетельствует система мощных городищ вдоль наиболее подверженных нападению рубежей, их численность и особенно их величина. Без определенной, упорядоченной и широкой государственной организации такие работы не могли бы проводиться. <...> О государстве с хорошо организованной военной структурой свидетельствуют также ожесточенные битвы, которые местные жители вели с немцами в течение десятилетий». (Tentelis A. Latvju tautas vēsture // Latvju kultūra. Rakstu krājums. Prof. Dr. A. Švābes redakcijā. [Ludwigsburg]: A. Klāvsona apgāds, 1948. 44 lpp.)

Кроме того, статья А. Тентелиса содержала известные места из работ А. Швабе о Ерсикском королевстве; а вслед за Фр. Балодисом он повторил следующее размышление о государственности земгалов: земгалы, воевавшие с викингами, финно-уграми, славянами, умели отстаивать свою территорию. Так, в 1106 г. девяти тысячное войско полоцкого князя Давида Всеславича потерпело сокрушительное поражение от земгалов, отстоявших свободу и территорию. Земгалы, благодаря

что их позиция по вопросу латышской государственности направлена против агрессивного культуртрегерства, которое в межвоенный период поддерживали историки, как в Латвии, так и в Германии и Швеции. Нужно отметить, что латышские историки в своих научных публикациях не пускались в споры, не обременяли свои тексты ссылками на оппонентов. Их полемика носила, скорее, общий характер, без каких-либо конкретных примеров и конкретных имен. Пожалуй, только один раз в книге, посвященной раскопкам в Ерсике, Фр. Балодис, обстоятельно описывая результаты работы, утверждал, что доказал латышское происхождение короля Ерсика Висвалдиса. По его словам, «отпала также выдуманная немецкими историками гипотеза, что Висвалдис был русским»³⁶. Никаких имен, никаких ссылок! Журнал Института истории («Latvijas vēstures institūta žurnāls») стал той интеллектуальной площадкой, на которой полемика была допустима и в статьях, и в рецензиях, и в обзорах публикаций³⁷.

Журнал «Senatne un Māksla»

В 1936 г. вышел первый номер красиво изданного журнала «Senatne un Māksla» («Древность и Искусство»), который объединил усилия специалистов разных направлений, работавших на укрепление национальной идеи в разных учреждениях: Управление памятниками, Государственный Исторический музей, Государственный художественный музей и Хранилище фольклора. В журнале были разделы по истории, археологии, нумизматике, этнографии, искусству, фольклору, библиографии. Кроме того, помещались обзоры о приобретениях Государственного Исторического музея.

Содержание номера отражало роль вождя К. Улманиса и в жизни Латвии, и, конкретно, в появлении данного издания. Номер открывался портретом Президента, под которым было напечатано стихотворение поэта Э. Вирзы, прославлявшего вождя, на идеях которого «держится государство». Введение, написанное А. Тентелисом, который был тогда министром образования Латвии, начиналось словами:

смелости воинов, прекрасной самоорганизации и мудрым королям, возможно, удачному географическому положению, до 1290 г. сумели «нести знамя латышской свободы», оставаться непобедимыми и независимыми. *Balodis Fr. Senās latviešu zemes // Vēstures atziņas un tēlojumi / Red. Fr. Balodis. Rīgā, 1937. 24, 25 lpp.*

³⁶ *Balodis F. Jersika un tai 1939. gadā izdarītie izrakumi. 85 lpp.*

³⁷ Примером полемической статьи служит публикация: *Balodis Fr. Latviešu starptautiskie sakari ap 1000.g. pēc Kr. // Latvijas vēstures institūta žurnāls, 1939. No. 9. 5–20 lpp.*

«С новым майским утром 1934 г. начал распространяться новый свет на полях культуры». И в этом потоке света суть латышскости, национальная идея засияла иным блеском и мощью, что придало научным исследованиям, творческим начинаниям в литературе, народному хозяйству иное значение и цель³⁸.

Первой научной статьей в издании стала работа А. Швабе «Ерское королевство». Автор критично оценивал сообщения «Хроники Ливонии» Генриха, назвав его информацию тенденциозной и неточной, поскольку он был на стороне немецких завоевателей и писал по заданию епископа Альберта зимой 1225/26 г.³⁹ По мнению А. Швабе, в угоду епископу хронист представил короля Висвалдиса как «настоящего виновника войны» между Ригой и Ерсским королевством из-за его связей с литовцами и за отказ от сотрудничества с рыцарями и католической церковью. При этом епископ Альберт изображен как добрый и верный «пастырь» ливов, латышей и даже православной церкви⁴⁰. Швабе высказывает в статье и другие критические замечания в адрес труда хрониста Генриха. Ученый размышлял об этапах падения Ерсского королевства, некогда сильного политического и духовного центра древних латышей, попавшего в 1209 г. в вассальную зависимость от Рижского епископа Альберта. Швабе подчеркивал, что Висвалдис по происхождению — викинг, натурализовавшийся в латышской среде и заботившийся о латышской культуре. Последнее упоминание короля Висвалдиса относится к 1230 г. (в документе в связи с передачей монастырю в Дюнамюнде (Даугавгрива) части земельных владений Ерсского государства⁴¹). А к 1239 г. от некогда славного Ерсского королевства остались одни развалины на городище⁴².

В том же номере журнала издатели поместили портрет короля Намейсиса кисти Л. Либертса, чьи пальцы были украшены витыми кольцами. Намейсис или Намейсе, Намейксе (в источниках Nameise, Nameuxe) — правитель одного из замковых округов в Земгале, возглавивший борьбу за свободу земгалов в конце 70–80-х гг. XIII в.⁴³ — стал

³⁸ *Tentelis A. Ievadam // Senatne un Māksla*. 1936. No. 1. 3–4 lpp.

³⁹ *Švābe Ā. Jersikas karaļvalsts // Senatne un Māksla*, 1936. No. 1. 15, 13 lpp.

⁴⁰ *Ibid.* 14 lpp.

⁴¹ См.: *Livländische Guterurkunden*. Riga, 1908. Bd. 1. No. 13. S. 13–14.

⁴² *Švābe Ā. Jersikas karaļvalsts*. 28 lpp. Уместно добавить, что в 1937 г. в журнале «*Senatne un Māksla*» была помещена поэма Вероники Стрелерте «Разорение Ерсики», передающей близко к тексту хроники рассказ о захвате Ерсики рыцарями в 1209 г. См.: *Strēlerte V. Jersikas izpostīšana // Senatne un Māksla*, 1937. No. 4. 11–16 lpp.

⁴³ Он упоминается в Старшей Ливонской рифмованной хронике как вождь, глава (*houbet, houbetman*) земгальского замка Тервете (строфы 8658–8659, 9193–9194). В другом источнике — материалах расследования жалоб против Ливонского ордена, которое проводил легат Римского папы Франциско де Молиано — в сооб-

еще одним героем латышского народа, прославляемым в Латвийской Республике. Именно «королю» Намейсису было суждено удостоиться многочисленных литературных произведений, начиная с 1930-х гг. Уже в XXI в. образ Намейсиса получил воплощение в художественном фильме⁴⁴. Причем к появлению этих произведений литераторов подтолкнула интерпретация находки витых серебряных колец при раскопках на городище Даугмале на берегу Даугавы, которое отождествляется в историографии с большим международным торговым центром, упоминаемым в «Хронике Ливонии» как «Земгальская гавань»⁴⁵.

Во 2-м номере журнала «*Senatne un Māksla*» за 1936 г. Ф. Балодис поместил статью, посвященную истории Латвии IX–XII вв. и балтским племенам (куршам, земгалам, латгальцам). Особо выделив Ерсикское королевство и кратко пересказав содержание упомянутой выше статьи А. Швабе, Балодис высоко оценил смелость, высокую хозяйственную культуру балтских племен, населявших латышские земли, начавших политическую и военную самоорганизацию уже с IX в.⁴⁶

Кроме древней истории, внимание историков привлекала личность курляндского герцога Якоба (Екаба) и эпоха его правления (1642–1681), когда Курляндское герцогство стало весьма значимым и экономически передовым государством в Европе, построившим сильный флот и сумевшим основать свои заморские колонии в Африке и Южной Америке. Правление герцога Якоба было благоприятным

шении о бесчинствах рыцарей в Земгале под 1312 г. упоминается «rex Nameyx», то есть, «король Намейкс» (см.: Franciscus de Moliano Conscriptio inquisitionis testium 1312. No latiņu valodas tulkojais, priekšvārdu un komentārus sarakstījis Ēvalds Mugerēvičs. Rīgā: Latvijas Vēstures Institūts, 2010. 305, 415–416 lpp.). Судя по источникам, в ходе освободительной войны происходила консолидация отдельных замковых округов земгалов, во главе которых стоял Намейсис. Отсюда и наименование его «rex». Но реально Земгале до завоевания крестоносцами не успела оформиться в государство.

⁴⁴ Например, поэт Э. Вирза написал поэму «*Karalis Nameitis*» (король Намейтис), опубликованную впервые в 1924 г. и неоднократно затем переиздававшуюся. В 1931 г. в издательстве «*Grāmatu draugs*» вышло произведение писателя А. Грина «*Nameja gredzens*» («Кольцо Намейса»), которое также неоднократно переиздавалось. Писатель Л. Пурс в 1962 г. опубликовал роман «*Deģošais pilskalns*» («Пылающее городище»). В книге рассказывается о борьбе земгалов с немцами в XIII в.; центральным персонажем стал Намейсис, чье кольцо стало символом политической власти и этнической принадлежности. Роман переиздавался в 1999 и 2012 гг. В январе 2018 г. на экраны Латвии вышел художественный фильм-фантазия на историческую тему «*Nameja gredzens*» по сценарию А. Граубы и М. Киннингса, режиссер А. Грауба. Фильм был предназначен, в первую очередь, на экспорт (озвучен на английском языке с латышскими субтитрами).

⁴⁵ Раскопки на городище Даугмале в 1935 г. проводил В. Гинтерс. См.: *Ginters V. Daugmales pilskalna 1935. g. izrakumi // Senatne un Māksla*, 1936. No. 1. 33–55 lpp.

⁴⁶ *Balodis Fr. 9–12. Gadsimteņu Latvija // Senatne un Māksla*, 1936. No. 2–5. 15 lpp.

для экономического и культурного развития латышей; на кораблях герцогства латыши вышли на океанские просторы и поселились в заморских колониях⁴⁷.

Интерес ко времени правления герцога Якоба был вызван тем, что созданное им сильное политически и экономически герцогство воспринималось как пример для подражания при создании успешного во всех отношениях Латвийского государства. В журнале «*Senatne un Māksla*» за 1937 г. были опубликованы статьи об истории Курляндского герцогства и его правителей: «Уложение города Елгавы во времена трех герцогов (1561—1682)»⁴⁸, «Последний Курземский герцог Петр и его семья в Чехии (1782—1840)»⁴⁹, «Дворец курземских герцогов Биронов»⁵⁰, «Старые планы и виды Елгавы»⁵¹. В 1-м и 3-м номерах журнала были помещены также портреты курляндских герцогов Якоба, Вильгельма, Фридриха, Петра.

Герцог был запечатлен и в художественном произведении: еще в 1924 г. была опубликована поэма Э. Вирзы «Герцог Екабс» («*Hercogs Jēkabs*»).

Культивирование в научной среде личности вождя К. Улманиса ярко проявилось в 4-м номере журнала за 1937 г., выпущенного ко дню его рождения — 4 сентября. Номер открывается статьей Фр. Балодиса и Л. Либертса, в которой авторы благодарят президента за проявленную смелость и твердость накануне событий 15 мая 1934 г., положивших конец раздорам, славят единую латышскую Латвию (*latvisko Latviju*), родную для Улманиса область Земгале и короля земгалов Виестардса (*Viestard; konic Vesters*). Последнего называют выдающимся организатором и полководцем, а также восхищаются мужеством правителя латгалов Талавы Таливалдиса, как, впрочем, и другими правителями, явившими высокие примеры мужества и государственной мудрости. Сеть городищ, созданная мудрыми правителями, свидетельствует о хорошей организации, о чувстве единства древних латышских племен и их любви к отечеству. Древние строения, найденные на городищах, свидетельствуют о культуре, которая была не ниже уровня культуры на западе и востоке от нас. Все качества древних правителей унаследовал родившийся 60 лет тому назад К. Улманис. Ибо настоящее Латвии

⁴⁷ *Juškēvičs J.* Kurzemes hercogi un viņu laikmets. Rīga, 1935.

⁴⁸ *Švābe Ā.* Jelgavas pilsētas satversme treju herzogu laikā. 1573—1682 // *Senatne un Māksla*. 1937. No. 3. 3—16 lpp.

⁴⁹ *Enter H.* Pēdējais Kurzemes hercogs Pēteris un viņa ģimene Čehijā (1782—1840) // *Senatne un Māksla*. 1937. No. 3. 63—78 lpp.

⁵⁰ *Arends P.* Kurzemes hercogu Bironu pilis // *Senatne un Māksla*. 1937. No. 3. 150—173 lpp.

⁵¹ *Kaune N.* Vecie Jelgavas plāni un skati // *Senatne un Māksla*. 1937. No. 3. 175—186 lpp.

подтверждает ее славное прошлое⁵². В том же номере были помещены портреты матери Улманиса, а также его самого — в молодые годы, во время войны за свободу, а также в 1937 г.

Накануне юбилея президента К. Улманиса в Риге 16–20 августа 1937 г. состоялся представительный съезд историков балтийских стран, на открытии которого речи произносили сам доктор К. Улманис, высокие чиновники государства и именитые историки из Швеции и Польши. Согласно названиям докладов латвийских историков, вошедших позже в объемный том, речь на конференции шла о разных вопросах истории Восточной Прибалтики и конкретно Латвии⁵³. При этом научному собранию никто не решился рассказывать о князьях / королях / правителях, которых запечатлел на своих полотнах Л. Либертс и о которых с такой горячностью писали профессора А. Швабе, Фр. Балодис, да и другие историки.

В 1937 г. вышел и первый номер журнала Института истории Латвии «*Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls*», что стало вторым важным событием для исторической науки. Цели и задачи издания изложил директор института А. Тентелис: «Мы свою историю будем исследовать в духе национализма, станем рассматривать ее глазами латышских историков. Дух национализма не вступает в противоречие с исторической правдой. Нам кажется, что историю народа лучше всего и глубже всего поймет только тот, кто сам принадлежит к этому народу. Только глаз одухотворенного любовью к народу историка узрит такое, что для иностранцев останется непонятым и даже незамеченным. Задача историка не только констатировать факты, но понять их и истолковать, тогда углубление в фактологию не станет их подделкой, но станет историей, понятой с национальной точки зрения»⁵⁴. Тентелис полагал, что латышам не требуется приукрашивать свою историю, ибо «наша древняя история ясно свидетельствует о высоте культурных достижений наших предков», а первые рукописные хроники показывают героизм латышей, примеры силы духа, выдержки и смелости⁵⁵.

⁵² *Balodis Fr., Liberts L.* 4. Septembrī 1937 // *Senatne un Māksla*. 1937. No. IV. 5–8 lpp.

⁵³ Например, доклад Р.Ю. Виппера был посвящен заимствованию в ливонском рыцарском праве из древнейшего правового сборника Германии — «Саксонского зеркала» (*Wipper R.* *Der Sachsenspiegel und das livländische Ritterrecht* // *Pirmā Baltijas vēsturnieku konference. Runas un referāti*. Rīga, 1938. 206–213 lpp). Профессор А. Швабе сообщил о влиянии викингов на историю права Латвии (*Švābe Ā.* *Die Nachwirkungen der Wikingerzeit in der lettischen Rechtsgeschichte* // *Ibid.* 195–205 lpp.); М. Степерманис уделил внимание просветителю XVIII столетия И.Г. Эйзену (*Stepermanis M.* *J.G. Eisen et ses lutes pour l'abolition du servage en Livonie et en Courlande* // *Ibid.* 501–507 lpp).

⁵⁴ *Tentelis A.* *Lasītājiem* // *Latvijas vēstures institūta žurnāls*. 1937. No. 1. 5 lpp.

⁵⁵ *Ibid.*

Заключительным аккордом в истории по поиску национальных королевей стали произведенные летом 1939 г. под руководством профессора Фр. Балодиса раскопки на Ерсикском городище. Раскопки прошли с 1 июля по 16 сентября 1939 г. Время раскопок совпало со знаковым событием: 700-летием со дня падения Ерсикского королевства, точнее, последнего упоминания о нем (вернее, о его «месте» в источниках). Поэтому книга и была посвящена памяти Ерсикского правителя Висвалдиса.

Обращение К. Улманиса к Фр. Балодису перед началом раскопок — «найти корону» — стало логичным шагом со стороны вождя, итогом пропагандистской кампании в деле прославления вождизма, культа личности К. Улманиса со стороны разных кругов латвийского сообщества.

Показательно, что в опубликованном в 1940 г. научном отчете по результатам раскопок с обобщением материалов и привлечением исторических источников Фр. Балодис поместил на титульном листе посвящение «королю Латвии Висвалдису Ерсикскому» (*Latvijas karalim Jersikas Visvaldim*). За посвящением следовал его портрет и художественное осмысление общего вида столицы Ерсикского королевства кисти участника раскопок А. Гусарса («Ерсикское городище»), за которым следовал портрет короля Висвалдиса кисти Л. Либертса. Именно Висвалдис как никто иной из всего сонма средневековых латышских вождей отвечал идейным установкам авторитарного государства: правитель государства, христианин, последовательный противник всего немецкого, дипломат, поддерживавший хорошие отношения с Литвой (был женат на Даугеруте — дочери литовского нобиля, которая стала деятельной помощницей супругу, о чем неоднократно повторял в книге профессор Балодис)⁵⁶. По словам Балодиса, главным в раскопках 1939 г. стало подтверждение так называемой «Ерсикской гипотезы», убравшей из научного оборота выдумку о русском / славянском происхождении (из Смоленского или Полоцкого рода) князя Висвалдиса (*Visvaldis; Vissewalde rex de Gerzika*)^{57*}. Еще раз отметим, что для исто-

⁵⁶ Balodis F. Jersika un tai 1939. gadā izdarītie izrakumi. Rīgā: Pieminekļu Valdes izdevums, 1940. 8, 9, 13, 21, 55, 84 lpp.

⁵⁷ Ibid. 24, 85, 86 lpp.

*В современной историографии существуют два мнения о происхождении правителя Ерсики. Часть исследователей (как латышских, так и российских) считают, что Висвалдис был представителем латгальской феодализирующейся знати. Комплексный анализ материалов многочисленных раскопок на территории Латгале в послевоенное время и письменных источников позволяет заключить, что создание Ерсикского раннесредневекового государства было результатом социально-экономического и политического развития латгалов к концу XII в. При этом очевидно, что со 2-й половины XII в. Ерсикское княжество находилось в вассальной зависимости

риков Балодиса, Швабе, Тентелиса и других было характерно опираться на коллективно созданную парадигму истории Латвии, ссылаться на публикации своих коллег, в особенности на указанную выше работу А. Швабе о Ерсикском королевстве.

Ученый не только подвел итоги полевых работ, но и дал историческую характеристику Ерсикскому королевству, опираясь на описание Ерсики и территории этого государства в «Хронике Ливонии» Генриха. В пределы королевства входили пять уездов (замковых округов): Ерсика, Цесвайне, Аутине, Лудза, Дигная (Dignāja)⁵⁸. Балодис подчеркнул, что 1209 г. стал поистине трагедией в истории Ерсикского королевства. Сначала территориальную целостность уничтожили по приказу епископа Альберта, заменив свободу вассальной зависимостью, далее пришлось бороться с наступательной и неуклонной политикой, принуждавшей короля Висвалдиса отказываться от земель королевства. К 1239 г. короля Висвалдиса уже не было среди живых, а на берегах Даугавы не возвышался Ерсикский замок. Тем самым завершилась история королевства древних латгалов⁵⁹.

Все найденные при раскопках предметы на городище и в погребениях свидетельствовали, по мнению Балодиса, только об одном: в латышском городе Ерсика не мог проживать русский правитель. «Висвалдис сам был латышом, только крещен в православие, как были крещены жители города»⁶⁰. Поскольку среди находок число импортных предметов было ничтожно, Фр. Балодис заключил, что «государство Висвалдиса рисуется нам исключительно национально настроенным», самодостаточным экономически, культурно, религиозно, идеологически. И еще одна особенность: раскопки городищ на территории Латвии никогда прежде не давали такого числа христианских символов⁶¹.

В завершении книги Балодис в очередной раз сослался на единомышленника А. Швабе и уже упомянутую его статью о Ерсикском

от Полоцка, что сказалось на ускорении процессов развития государственности у латгалов. Другая часть, в основном российских историков, поддерживает высказанное еще в XIX в. мнение о том, что князь Ерсика Висвалдис был русского происхождения, родом из полоцких или смоленских князей. О мнениях в историографии см.: *Назарова Е.Л.* Русско-латгальские контакты в XII–XIII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 годы. М.: Наука, 1995. С. 182–196; *Мамузова В.И., Назарова Е.Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. / Тексты, перевод, комментарии. 2-е изд. Москва–Самолва: Пальмира, 2020. (Ред.)

⁵⁸ Раскопки на городище Дигная (Dignāja), располагавшемся на противоположном берегу Даугавы напротив Ерсикского городища, вела летом 1939 г. Э. Шноре. См.: *Šnore E.* Dignājas pilskalns // *Senatne un Māksla*. 1939. No. 4. 46 lpp.

⁵⁹ *Balodis F.* Jersika un tai 1939. gadā izdarītie izrakumi. 21–22 lpp.

⁶⁰ *Balodis F.* Jersika un tai 1939. gadā izdarītie izrakumi. 86 lpp.

⁶¹ *Ibid.* 93 lpp.

королевстве, в которой значительное внимание было уделено так называемому Георгиевскому Евангелию 1270 г. из Румянцевской библиотеки в Москве, написанному по-русски⁶². Переписчик по имени Георгий (Гюрги) был родом из Ерсика. Этот факт, по мнению историков, свидетельствовал о высоте духовного, религиозного развития королевства. На этот источник, как на происходящий с Ерсикского городища, ссылался также Я. Крейцс⁶³.

Идентификацию проводили по записи на с. 165: «писах же книги сия азъ Гюрги, сын поповъ, глаголенаго лотыша съ Городища стяжаниемъ Симона черньца отъ святаго Георгия». Исследователи подчеркивали, что это Евангелие свидетельствует о двухсотлетней истории православия в Ерсике. В Ерсике как духовном центре была не одна православная церковь; священниками же в них были сами латыши. Деньги на переписывание Евангелия дал монах Симон из Полоцка.

То, что Евангелие было написано просто «на городище» без указания его названия, объясняли тем, что Ерсика была к этому времени уже разрушена, а название забыто. В итоге, Я. Крейцс, а за ним А. Швабе и Фр. Балодис отметили, что Георгиевское Евангелие следует именовать Ерсикским Евангелием. Отождествление «Евангелия с Городища» с Ерсикским государством должно было указывать на высокий уровень духовного и культурного развития православных латгалов накануне завоевания, что также опровергало точку зрения культуртрегеров о принесении цивилизации коренному населению Латвии.

Надо заметить, что в те же годы другие латышские ученые предлагали иные трактовки места создания Евангелия и этническое происхождение самого создателя. Так, историк, выпускник Юрьевского (Дерптского) университета, директор Латвийского государственного архива (1925–1940 гг.), приват-доцент Латвийского университета Я. Берзиньш⁶⁴ в опубликованной в 1940 г. статье связал городище с Великим Новгородом. Он полагал, что туда после разрушения Ерсика мог переселиться дед православного латыша-монаха из Ерсика/Герсики. Кроме того, анализируя все высказанные к тому времени мнения о происхождении названия «Ерсика», Берзиньш пришел к заключению, что на городище было значительно больше этнически русского населения, чем предполагал Швабе⁶⁵. Еще раньше, в 1938 г.,

⁶² Ibid.

⁶³ *Kreics J. Ģersikas evaņģēlijs // Izglītības Ministrijas Mēnešraksts. 1931. No. 5/6. 558–562 lpp.; Švābe A. Ģersikas karaļvalsts // Senatne un Māksla. 1936. No. 1. 5–31 lpp.*

⁶⁴ *Ковальчук С. Янис Берзиньш // Покровское кладбище. Слава и забвение. Рига: MultiCentr, 2004. С. 162–163.*

⁶⁵ *Berziņš J. Ģersikas ķēniņvalsts nosaukums // Latvijas vēstures institūta žurnāls, 1940. No. 1. 29–52 lpp.*

сомнение в том, что в Евангелии речь идет об этническом латыше, высказал крупнейший латышский языковед Я. Эндзелинс. Городище он отождествлял с Новгородским городищем, а название автора «лотыш» связывал не с его этническим происхождением, а с прозвищем: так могли называть картавого человека⁶⁶.

Таким образом, Евангелие уже в то время выпадало из свидетельств, указывающих на высокий уровень развития государственности Ерсикского королевства.

Вместо эпилога

Итак, авторитарный режим нуждался в рождении мифа, мифа как исторического, так и политического. Наступательному культуртрегерству противопоставлялась национальная государственность, зародившаяся до немецкого нашествия в далеком средневековье. «Находка» короны Висвалдиса стала бы очень важным моментом в реализации мифа о существовании в средневековье развитого латышского государства, погибшего в неравной борьбе с крестоносцами. В неожиданном для К. Улманиса отказе исполнить просьбу «найти» корону проявилась не только научная честность, самоуважение ученого, но и немалое человеческое мужество Фр. Балодиса.

Впрочем, сообщенные Ф. Циеленсом сведения о короне для вождя выплеснулись далеко за пределы трехтомника его воспоминаний. В публикациях латышских историков, увидевших свет в разные годы, история с установлением монархического правления оценивалась и дополнялась новыми деталями, тем самым расширялся круг лиц, заинтересованных в провозглашении Улманиса королем Латвии — Карлисом I⁶⁷.

⁶⁶ *Endzelīns J.* Vai senajā Polockas valstī ir bijuši latviešu tautības mācītāji? // *Latvijas Kareivis*. 1938, 11 maijs. No 105. 2 lpp. Это мнение разделяется также в статье Е.Л. Назаровой, где указывается на то, что, согласно данным археологии, жизнь на Ерсикском городище продолжалась еще в начале XIV в., а в письменных источниках это название применительно к данному месту встречается вплоть до середины XIV в. Кроме того, этноним «латыш» встречается в русских источниках только с середины XVI в. То есть речь идет, очевидно, о прозвище, указывавшем на то, что данный человек был либо картавым (от «латышать»), либо не слишком удачным торговцем (от «лотышать»), либо болтуном (от «лотышкать») (см.: *Назарова Е.Л.* Православие и социальная структура общества в Латвии (XI—XIII вв.) // *Феодализм в России*. М.: Наука, 1987. С. 202—203).

⁶⁷ Историк Т. Зейдс 16 декабря 1984 г. опубликовал в газете «Спā» статью «Mūsu senvēsture mūsu acīm» («Наша древняя история нашими глазами»), в которой критично осмысливал труды национально настроенных историков в межвоенный

Современное отношение историков в Латвии к К. Улманису тоже неоднозначно — как к его авторитарному правлению в целом, так и к действиям президента в 1940 г., характеризуемым как «предательство» Латвии⁶⁸. Но тем не менее летом 2003 г. бронзовый памятник Карлису Улманису (скульптор У. Курземниекс, архитектор А. Лукшевичс) был поставлен в центре Риги напротив здания Министерства иностранных дел Латвии.

период. История с короной по воспоминаниям Ф. Циеленса была пересказана в публикации: *Bergs F.* Par Latvijas «karaļa» pretendentu // *Сīņa*. 1985, 30 janv. Позже воспоминания Циеленса упоминали: *Ezergailis A.* Ulmanis un ulmanisms // *Сīņa*. 1990, 08.09.; *Stranga A.* Kārļa Ulmaņa politiskās ieceres. 1939. gads // *Diena*. 1993, 26.08.

⁶⁸ См., например: *Krūmiņš G.* 1940. gads Latvijā. Pateiktais un nepateiktais // *Diena*. 2009, 28.febr. 1 lpp.; *Hanovs D.* Kārlis Ulmanis (1877–1940) Pirmais valdības vadītājs, politisku, saimniecisku un kultūras eksperimentu iniciators // *Deviņu vīru speks. Stāsti par deviņiem Ministru prezidentiem . 1918–1940.* Rīga: Valsts kanceleja, 2016. 181–203 lpp.; *Šulcs U.* Kārļa Ulmaņa loma 1940. Gada notikumos Latvijā // <http://home.lu.lv/~politics/raksti/Ulmanis/ulmanis.htm> (обращение 20.11.2019) и др.

Латвийские художники в Третьяковской галерее

Т.С. Зелюкина
(Москва)

Ключевые слова: П.М. Третьяков; латвийское изобразительное искусство в Третьяковской галерее; Карл Гун; Юлий Феддерс; Вильхельм Пурвит; Густав Клуцис; Александр Древин; Георгий Костаки; Русский культурно-исторический музей в Праге.

2 июля 2019 г. в Москве был заключен договор о культурном сотрудничестве между Российской Федерацией и Латвийской Республикой. Договор предусматривает сотрудничество во всех сферах культуры, включая обмен художественными выставками. Культура — это та сфера человеческой деятельности, в которой легче всего достичь понимания между народами и странами.

Знаменательно, что подписание упомянутого договора состоялось именно в экспозиционных залах Государственной Третьяковской галереи — крупнейшем музее русского и современного искусства. Связи русских художников, меценатов, коллекционеров с художниками — выходцами из Прибалтийского края, и конкретно, с территории современной Латвии известны уже с 60-х гг. XIX в. И именно основатели Третьяковской галереи — московские купцы и меценаты братья Павел Михайлович и Сергей Михайлович Третьяковы положили начало созданию в России коллекции произведений латвийского¹ изобразительного искусства. Позднее Павел Михайлович Третьяков построил для собранной коллекции здание, и с 1881 г. вход в галерею братьев Третьяковых стал свободным и бесплатным для всех.

«Для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств, принесущего многим пользу, всем удовольствие», — писал Павел Михайлович Третьяков в 1860 г.²

¹ Имеются в виду художники — латыши и прибалтийские немцы, а также русские родом с территории современной Латвии или получившие художественное образование в Латвии.

² См.: Зелюкина Т. Вступительная статья к альбому-каталогу «Латвийское искусство в собрании Государственной Третьяковской галереи» / Сост. и автор комм. Татьяна Зелюкина и Анда Трейя. Отв. ред. Анда Трейя, Рига: Галерея «Даугава». 2019. С. 313.

Размах собирательской деятельности Павла Михайловича Третьякова был удивительно широк и разнообразен. Он смотрел на свое собирательство не как на частное дело, а как на музейное и общедоступное. Свои приобретения Павел Михайлович делал на выставках и непосредственно в мастерских художников, с большим интересом относился к появлению новых талантов. Среди этих талантов был и начинающий художник Карл Гун³, уроженец Лифляндской губернии, которого близкий друг Павла Михайловича академик живописи А.А. Риццони называл в своих письмах «восходящей звездой».

В 1868 г. на Академической выставке в Санкт-Петербурге состоялось блистательное участие Гуна с картиной «Канун Варфоломеевской ночи»⁴, за которую Петербургская Императорская Академия Художеств в том же году присвоила ему звание академика.

Живописные полотна и этюды из истории Франции XVII в., созданием которых К. Гун увлекся еще с 1863 г., находясь в качестве заграничного пенсионера, направленного Петербургской Академией художеств в Париж «для усовершенствования», несомненно, привлекали своей исторической достоверностью и высоким исполнительским мастерством П.М. Третьякова и многих коллекционеров Москвы и Петербурга. У них давно уже возникло желание приобрести и эти исторические, и другие жанровые картины Гуна, включая акварели и рисунки. Московский купец и меценат К.Т. Солдатёнков⁵ опередил Третьякова и совершил сделку по закупке картины «Сцена

³ *Карл (Федорович) Гун (латыш. Kārlis Hūns, нем. Karl Jacob Wilhelm Huhn)* родился в семье остзейских немцев. Примечательно, что «крестным отцом» Гуна как художника стал русский ученый естествоиспытатель, член Петербургской Академии наук А.Ф. Миддендорф, который случайно заметил его рисунки на стене сельской школы в Зиссегали, убедил его отца, что сын талантлив, и помог будущему художнику перебраться в Петербург. Гун поступил на подготовительные вечерние классы Петербургской Императорской Академии Художеств и через два года был принят в Академию вольноприходящим учеником. (См.: *Назарова Е.Л.* Рассказы К.А. Скуйе о латышских крестьянах для русского юношества // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. XII. Мифология культурного пространства. К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Tartu: Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 379–380.*)

⁴ Картина ныне хранится в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге. Авторская реплика (бумага, акварель. 58,9 x 46) находится в собрании Латвийского Национального художественного музея, ранее – в Научно-исследовательском музее Академии Художеств СССР в Ленинграде.

⁵ Козьма Терентьевич Солдатёнков происходил из купеческой семьи, имел текстильную фабрику, одновременно был крупным книгоиздателем. С конца 1840-х гг. он собирал картины преимущественно русских художников. В 1901 г. согласно завещанию Солдатёнкова его библиотека, коллекция живописи и скульптур перешли в Румянцевский музей, а в 1924 г. после закрытия последнего эта коллекция пополнила фонды Третьяковской галереи и Государственного Русского музея.

из Варфоломеевской ночи» прямо с Академической выставки в Петербурге в 1870 г. Однако через 50 лет эта картина все же поступила в Третьяковскую галерею после расформирования Московского Румянцевского музея, где она находилась по завещанию Солдатёнова после его смерти с 1901 г.

Интерес к искусству Карла Гуна проявил и младший брат Третьякова Сергей Михайлович, которого знали в Москве как благотворителя. Им были пожертвованы крупные суммы на детские приюты, больницы. Узнав от своего брата о тяжелой болезни Карла Гуна (горловая чахотка), Сергей Михайлович уже в мае 1875 г. приобрел его картину «Попался!», предоставив художнику возможность отправиться на лечение в Сицилию. Эта картина была первым приобретением Третьяковых у Карла Гуна. «Оставаясь искренно преданным» Павлу Михайловичу, художник пообещал уступить ему картину «Перевоз через Самарку» [авторское название. — Т.З.] и написать еще несколько «картин из русской жизни». Однако здоровье Гуна резко ухудшилось, о чем художники А.А. Риццини, А.Г. Горавский, И.Н. Крамской, высоко ценившие его творчество, сообщали в письмах П.М. Третьякову.

Позднее, в 1884 г., уже после смерти художника, Третьякову удалось купить у О.И. Варгуниной его картину «Больное дитя», а у вдовы Гуна Веры Ипполитовны (урожд. Монигетти) — два небольших этюда «В окрестностях Сант Преста, во Франции» и «Отдых». Кроме того, Павел Михайлович приобрел ряд акварелей и рисунков К. Гуна из коллекции художника И.Н. Крамского. После расформирования в 1925 г. Цветковской галереи⁶, Румянцевского музея⁷ и передачи в 1929 г. части собрания Музея иконописи и живописи И.С. Остроухова⁸

⁶ Иван Евменьевич Цветков — основатель частной галереи, служил в Московском земельном банке. В первые годы своего коллекционирования он находился под влиянием вкусов П.М. Третьякова. Особый интерес Цветков проявлял к собиранию рисунков, даже черновых набросков русских художников. В 1909 г. он передал свою коллекцию в дар городу Москве. После 1926 г. часть коллекции Музея имени Цветкова оставили в Третьяковской галерее, а свыше 300 картин были распределены по другим музеям России.

⁷ Румянцевский музей был учрежден в 1828 г. в Петербурге, в его состав входила коллекция рукописей и старопечатных книг, собранная графом Н.П. Румянцевым. В 1861 г. музей перевели в Москву и разместили в доме Пашкова для хранения коллекций и библиотеки. Дом был приобретен казной для Московского университета в 1839 г. у наследников П.Е. Пашкова. В 1862 г. был создан Московский публичный и Румянцевский музеум. Собрание периодически пополнялось за счет приобретения коллекций частных лиц. В 1913 г. появилось новое название: Императорский Московский и Румянцевский музей. В Третьяковскую галерею поступила одна картина К. Гуна «Старый воин времени гугенотов» (1870 год, холст, масло, размер 60,5 x 50).

⁸ *Остроухов Илья Семенович* — художник-пейзажист, коллекционер. В 1890-х гг. Остроухов начал формировать свою художественную коллекцию. В 1918 г. музей

в Третьяковскую галерею численность произведений Карла Гуна за счет этих коллекций значительно увеличилась.

Пополнение собрания Галереи произведениями Гуна продолжалось уже в советское время, с конца 1950-х гг. Так, по завещанию В.Д. Бонч-Бруевича, доктора исторических наук и государственного деятеля, в 1957 г. в Третьяковскую галерею поступил небольшой пейзаж К. Гуна «В деревне», написанный им в 1867 г.

В 1882 г. на годичной Академической выставке в Петербурге экспонировался пейзаж еще одного выходца из Прибалтийского края и академика живописи Петербургской Императорской Академии Художеств Юлия Феддера под названием «Этюд»⁹. В следующем году, по рекомендации И.Е. Репина, П.М. Третьяков приобрел «Этюд», который позднее он назвал «Этюд. Близ Святогорского монастыря»¹⁰ (1880—1881). Пейзаж при жизни Третьякова почти не выставлялся и находился в жилых комнатах.

Коллекция стремительно расширялась, и П.М. Третьяков решил осуществить свою давнюю мечту. В 1892 г. он передал в дар городу свое собрание (около 1276 картин, 471 рисунок, 10 скульптур) вместе с завещанной ему братом Сергеем Михайловичем небольшой, но мастерски подобранной коллекцией картин иностранных и русских художников. В августе 1893 г. состоялось открытие музея для всеобщего бесплатно-

был национализирован, Остроухов назначен его пожизненным хранителем. После его смерти музей был расформирован, а его фонды разошлись по музеям, включая Третьяковскую галерею.

⁹ *Юлий Иоганн Волдемар Феддер или Феддерс (латыш. Voldemārs Jūlijs Feders, нем. Julius Fedders)* родился в селении Кокнесе Лифляндской губернии. В начале 1852 г. в возрасте неполных четырнадцати лет он поступил в трехклассную Рижскую 1-ю уездную школу (ранее Домская школа), из которой через полгода перешел в частную школу с правами гимназии пастора Гейнриха Эберхарда Бергмана в пасторате Лаздоны неподалеку от Ляудоны. В 1856 г. поступил в Петербургскую Императорскую Академию Художеств. В 1874 г. получил звание классного художника 1 степени, в 1880 г. Советом Академии художеств Феддерс Юлий Богданович (Иванович) [*отчество дано по документам ИАХ, второе — часто встречающееся в литературе. — Т.З.*] был признан академиком исторической живописи. Жил в Митаве с 1862 г., в Белгороде с перерывами с 1876 по 1886 и с 1898 по 1905 г., в Петербурге — с 1886 по 1898 г., Нежине — в 1905—1909 гг.

¹⁰ В литературе также встречается такое название: «Вид близ Святогорского монастыря в Харьковской губернии». На картине изображен вид на чрезвычайно живописную Святую Гору, у которой находился Свято-Успенский мужской монастырь, частично располагавшийся в пещерах; первые насельники, по преданию, появились здесь еще в XIV—XV вв. Обитель имела сложную судьбу: неоднократно разрушалась, ликвидировалась, но возрождалась самими монахами. Павлу Третьякову — человеку искренне верующему (семья Третьяковых принадлежала к старообрядцам «Древлеправославной церкви Христовой»), — эта картина Феддера была дорога не только с художественной точки зрения, но и как пример стойкости монахов.

го обозрения¹¹. С этого момента галерея обрела статус музея и именовалась до 1917 г. так: «Московская Городская Галерея Павла и Сергея Третьяковых». Сам же П.М. Третьяков оставался пожизненным попечителем галереи, заботился о нуждах — теперь уже городского музея, о дальнейшем пополнении его собрания.

До своей смерти, наступившей 4 (16) декабря 1898 г., П.М. Третьяков успел приобрести и передать в Галерею еще 20 произведений. Среди них был один блестящий акварельный этюд, приобретенный у Вильгельма Пурвита (Вилхелмса Пурвитиса) — студента Петербургской Императорской Академии Художеств¹², этнического латыша, уроженца Рижского уезда Лифляндской губернии. Этот этюд экспонировался в 1897 г. одновременно с картиной «При последних лучах» в залах Императорской Академии Художеств на выставке конкурентов на получение диплома об окончании Высшего Художественного Училища при Императорской Академии художеств по мастерской профессора А.И. Куинджи. В ноябре того же года за картину «При последних лучах» (ныне в собрании Государственного Русского музея, Санкт-Петербург) Пурвиту было присвоено звание художника с правом заграничной поездки. Акварельный этюд Пурвита поступил в Галерею под названием «Бурный вечер», данным самим Третьяковым, но позднее после смерти Павла Михайловича был переименован в «Вечер»¹³.

В 1868 г. П.М. Третьяков был удостоен звания «Почетный Вольный Общник» Императорской Академии Художеств, с 1893 г. — «Действительный Член» Академии. В 1896 г. «за великую заслугу пред Москвою, которую он сделал средоточием художественного просвещения России, принеся в дар древней столице свое драгоценное собрание

¹¹ При передаче галереи в дар городу П.М. Третьяков поставил условие: «Галерея... должна быть открыта на вечное время, для *бесплатного* обозрения ее всеми желающими, не меньше четырех дней в неделю в течение всего года, за исключением только того времени, когда необходимо будет производить ремонтные работы. В праздничные и табельные дни галерея должна быть открыта, за исключением первого дня Святой Пасхи, Рождества и Нового Года». Цит. по: Русские ведомости. 1892.16.09.

¹² В своем письме, адресованном художнику Александру Куренному, бывшему ученику А.И. Куинджи, И.Е. Репин писал: «*Спешу известить Вас о выставке учеников — много хорошего. Особенно отличились: Борисов+, Дудин+, Пурвит+, ... Ваш И. Репин*» — (Отдел рукописей ГТГ. Ф. 30. Ед. хр. 22. Л. 1, рукопись; выделено мною. — Т.З.). Акварель П.М. Третьяков приобрел за 40 рублей через сокурсника Пурвита Г.О. Калмыкова (*Мастерская проф. А.И. Куинджи / Пурвит В.Е. 17. При последних лучах* (с. 5), *Этюды В.Е. Пурвита... по циркуляру* (с. 9). См.: Каталог выставки конкурентов Высшего Художественного Училища при Императорской Академии Художеств. СПб.: Типография Р. Голике, 1897.

¹³ «Вечер». 1897, бумага, акварель, лак. 30,5 х 46 // Каталог художественных произведений Городской Галереи Павла и Сергѣя Третьяковых. М.: Городская типография, 1917. С. 26. № 3684.

произведений русского искусства» получил звание «Почетного гражданина Москвы».

В 1918 г. галерея была объявлена собственностью Советской России и стала называться Государственная Третьяковская галерея. Колоссальные перемены и преобразования, происходившие в 1920—1930-х гг., коснулись и собирательской деятельности Третьяковской галереи. Поскольку Латвия в 1920—1930-х гг. была независимым государством, то по концепции Третьяковской галереи как собрания русского (российского, советского) искусства произведения художников этой страны в Галерею не поступали. Но коллекция латвийского искусства пополнялась за счет работ тех этнических латышей, которые жили на территории СССР.

В первую очередь речь идет о латыше Александре Древин (Древиньше). Он прибыл в Москву в августе 1915 г. вместе со своими родителями и сестрой в числе беженцев из Риги. Активные военные действия, развернувшиеся весной 1915 г. на территории Прибалтийского края (германские войска в Латвии оккупировали Курляндию), создали невыносимые условия жизни для местных жителей. Тысячи простых людей были сорваны со своих родных мест, отправляясь вглубь России. Оборудование заводов и фабрик, государственные и казначейские учреждения, учебные заведения отправлялись целыми эшелонами в Петербург и Москву, Нижний Новгород и Казань, Пензу и многие другие российские города и губернии.

В Риге Древин учился в Рижской художественной школе, был учеником выпускника русской художественной школы В. Пурвита. В Москве он намеревался продолжить художественное образование в Училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ), но заболел, пропустив начало учебного года. Несмотря на военное время, и хотя посещение Третьяковской галереи, Музея изящных искусств, Шукинской галереи и других было ограничено, в Москве все же одна за другой открывались выставки. Древина конечно же привлекали художники-бунтари, демонстрировавшие разновидности беспредметного искусства, их поворот от классической живописи к скульптурной, как это демонстрировал в своих контррельефах В.Е. Татлин. Древин довольно скоро сошелся с московскими художниками-авангардистами, стал активно выставляться на различных выставках. В октябре 1918 г. он был приглашен советской властью для работы в Народный комиссариат просвещения РСФСР (Наркомпрос), был назначен заведующим Музейным бюро¹⁴. Его назначение было связано с обсуждением

¹⁴ Подробнее см.: Александр Древин в музейных собраниях / Автор-составитель и куратор выставочного проекта Т.С. Зелюкина. М.: Государственная Третьяковская галерея, издательство РА, 2003.

в Наркомпросе еще в июне 1918 г. вопроса о создании «современно-го музея». После назначения Древина в Бюро была составлена смета приобретений для создаваемого музея. Как итог, в Москве был создан Музей Живописной Культуры (МЖК).

Точная дата открытия этого музея не известна, но как самостоятельный музей МЖК существовал недолго. Уже в 1924 г. он перешел в ведение Третьяковской галереи, а в течение 1928–1929 гг. вообще ликвидирован¹⁵. В связи с его ликвидацией в конце 1928 г. в Третьяковскую галерею поступила значительная по своему составу коллекция этого музея. Наряду с произведениями В.В. Кандинского, К.С. Малевича, Н.С. Гончаровой, М.Ф. Ларионова и многих других в галерею поступили и три картины Александра Древина (1889–1938): «Красный кувшин» (1915), «Беженка» (1917), «Беспредметная живопись» (1921). Натюрморт «Красный кувшин» впервые экспонировался на 5-й Государственной выставке картин, открывшейся в феврале 1919 г. в Москве, в Музее изящных искусств (ныне ГМИИ имени А.С. Пушкина).

В январе 1931 г. в Галерее был создан Отдел новейшего советского искусства, одна из первоочередных задач которого заключалась в формировании коллекции современных художников. Именно в это время для пополнения коллекции Отдела среди картин других художников были приобретены картины Александра Древина, выполненные им во время творческих командировок от Наркомпроса в районы индустриального и колхозного строительства на Алтай и в Армению в 1930-е гг.¹⁶

Большой интерес сотрудники Галереи проявили также к творчеству соотечественника А. Древина Густава Клуциса (1895–1938). Преданный идеям революции, Клуцис оказался в Москве в марте 1918 г. в составе отряда красных латышских стрелков, охранявших переезд советского правительства во главе с В.И. Лениным.

До призыва в армию после начала Мировой войны Клуцис учился в художественной школе в Валмиере и в Городском художественном училище в Риге. Под впечатлением от московских художников-авангардистов, увлеченных поиском иных форм в искусстве, Г. Клуцис решил продолжить свое художественное образование. Его

¹⁵ См.: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 23. Д. 7. Л. 65, 65об.; РГАЛИ. Ф. 664. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 54. Впервые версия о деятельности Музея была представлена на выставке под названием «Авангард. Список № 1. К 100-летию Музея живописной культуры» на Крымском Валу (октябрь 2019–февраль 2020).

¹⁶ Речь идет о картинах: «Алтайский пейзаж» (1928–1929), «Деревня Норки» (1933), «Дорога. Армения» (1933). В 1970-е гг. у сына художника Андрея Александровича Древина Третьяковская галерея приобрела: «Автопортрет» (1923), «Барка (Кораблик)» (1931), «Окраина» (1931), «Косуля» (1933).

привлекали не только новое название учебного заведения «Вторые Государственные свободные мастерские» (бывшее Строгановское училище), но, скорее, личность руководителя одной из мастерских К.С. Малевича, который в дальнейшем стал для него и единомышленником и верным другом¹⁷.

В 1928 г. в Галерею из Государственного музейного фонда (ГМФ) были переданы три графических произведения Клуциса, созданные им еще в 1922 г. Это были проекты конструкций оформления города Москвы к пятой годовщине Октябрьской революции. В 1934 г. сам Клуцис передал в Третьяковскую галерею свою картину «Супрематизм», получившую позднее название «Аксонметрическая живопись» (1920). Эта картина экспонировалась в составе Первой русской художественной выставки, проходившей в октябре 1922 г. в Берлине в помещении галереи Ван Димен, а в 1923 г. — в Стеделик-музее в Амстердаме.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. сфера культуры и духовной жизни стала рассматриваться правящей Коммунистической партией как арена классового боя. В партийных документах обосновывалась необходимость руководства художественным процессом вплоть до жесткого контроля над ним. Этими мерами обеспечивался принцип партийности литературы и других форм творчества, провозглашенный в документах ЦК ВКП(б)¹⁸. Произведения почти всех художников-авангардистов — к их числу относились А. Древин и Г. Клуцис — из постоянной экспозиции Галереи были изъяты и спрятаны в запасники на долгие годы. Причем по распоряжению Наркомпроса в это же время Третьяковской галерее вменялось в обязанность формирование коллекции произведений художников советских республик.

В апреле—мае 1934 г. в Москве в залах «Всекохудожника» на Кузнецком мосту проходила выставка работ современных латвийских художников «Латвийское искусство». Но поскольку Латвийская Республика была тогда самостоятельным государством, ее искусство не подходило под концепцию Третьяковской галереи. Соответственно поступление работ в Галерею с этой выставки не было возможным, несмотря даже на то, что все участники выставки были учениками художественных школ России, включая и Петербургскую Академию Художеств. Однако по

¹⁷ Подробнее см.: *Зелюкина Т. С.* Густав Клуцис и Москва. Эпизоды из жизни художника // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX — 1-й половины XX в. / Научный руководитель проекта акад. А. О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 274—282.

¹⁸ *Луначарский А. В.* О роли пролетарского государства в развитии социалистической культуры // Под знаменем марксизма. 1933. № 6; *Луначарский А. В.* Итоги решений XV съезда ВКП(б) и задачи культурной революции. М.—Л., 1928.

рекомендации ВОКС¹⁹ и на его же средства с выставки были закуплены некоторые произведения Вильгельма Пурвита / Вильгельма Пурвитиса («На реке Лиелупе», б/г), Лудольфа Либертса («Венеция», 1932), Лео Свемпса («Две женщины», 1930), Ото Скулме («На полевых работах», 1930), Романа Суты («Биллиард», 1932), Ансиса Цирулиса («Свадьба», 1934). Эти картины предназначались Государственному Музею нового западного искусства, где в начале 1936 г. был создан также и зал «Искусства Прибалтики»²⁰. В журнале «Искусство» за 1937 г. (№ 1) на с. 165 сообщалось, что «музей пополнен новой богатой коллекцией картин, гравюр и скульптур художников Латвии, Эстонии и Финляндии».

Активное пополнение фондов Отдела современного советского искусства Третьяковской галереи произведениями латышских художников началось после включения Латвии в состав СССР. Примечательно, что после войны собрание Галереи пополнилось и работами русских художников, которые были родом из Латвии, учились в Латвийской Академии художеств в 1920–1930-х гг. или эмигрировали в Латвию после Октябрьского переворота в России в начале 1920-х гг. Речь идет о поступлении в 1949 г. в Третьяковскую галерею по решению Министерства иностранных дел СССР произведений бывшего музея Русского культурно-исторического музея в Праге²¹. Коллекцию

¹⁹ Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) было организовано в 1925 г. Содействовало ознакомлению общественности СССР с достижениями культуры зарубежных стран, а также популяризации культуры народов Советского Союза за границей, организуя, в основном, художественные выставки. Так, в 1929 г. ВОКС совместно с Латвийским обществом культурного сближения с народами СССР организовал в Риге выставку русской графики. Латвийское общество сближения с народами СССР приобрело ряд работ с выставки и передало в качестве дара Государственному художественному музею (Vālstis mākslas muzejs). В 1958 г. ВОКС был преобразован в Союз советского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами. О деятельности ВОКС в целом и конкретно в Латвии см.: *Михайлова Ю.Л.* Работа ВОКС в Латвии и создание Общества культурного сближения с народами СССР (по материалам АВП РФ) // *Россия и Балтия в потоке истории*. Вып. 8: Новый мир на развалинах империи. М.: Весь Мир, 2017. С. 209–239.

²⁰ Начало существования этого Музея в Москве относится к 1923 г. Основу коллекции составили собрания Сергея Ивановича Щукина и Ивана Абрамовича Морозова. В 1948 г. было принято решение о ликвидации Музея, экспонаты были распределены между Государственным Эрмитажем и Государственным музеем изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (ГМИИ). Судьба всей коллекции искусства Прибалтики из этого музея в настоящее время неизвестна, часть работ вернулась на родину, в музеи Эстонии и Латвии. Благополучно вернулась в Латвию картина Романа Суты «Биллиард» (1932): в 1969 г. она была приобретена в комиссионном антикварном магазине Риги для бывшего Латвийского художественного музея. Местонахождение других произведений уточняется.

²¹ Культурно-исторический музей в Праге был создан в 1934 г. русской интеллигенцией, эмигрировавшей из России после 1918 г. По словам Н.К. Рериха,

этого музея составляли произведения русских художников-эмигрантов, живших в Париже, Берлине, Каунасе, Таллине и Риге. Особое внимание устроитель Пражского музея и первый его заведующий В.Ф. Булгаков уделял творчеству Николая Рериха, который жил тогда в Индии. Наладить контакт этого музея с Рерихом помог его верный друг, латышский поэт Рихардс Рудзитис – основатель Латвийского Рериховского Общества в 1933 г.

Большую роль в комплектовании фондов Музея в Праге сыграл рижанин по рождению Алексей Юпатов – блестящий график, мастер книжного знака (экслибриса). Юпатов учился в Латвийской Академии художеств в мастерской Рихарда Зариня, был знаком со многими латышскими и русскими художниками, проживавшими и активно работавшими в Латвии. Благодаря рекомендации Юпатова Пражский музей пополнился редкими театральными декорациями Сергея Антонова и Юрия Рыковского, живших, учившихся и работавших в Латвии в 1920–1930-х гг. Театральные декорации были ими выполнены для возобновившего работу в 1921 г. рижского театра Русской драмы. По рекомендациям Юпатова в музей в Праге были взяты картины живописцев Константина Высоцкого, Александра Петрова, Сергея Виноградова, Николая Богданова-Бельского, эмигрировавших из Советской России в Латвию в начале 1920-х гг. В 2015 г. коллекция бывшего Пражского музея была впервые показана в залах Третьяковской галереи на выставке, посвященной 80-летию его создания²².

Этапным событием в художественной жизни СССР в послевоенные годы стала организация Всесоюзных художественных выставок, проходивших в залах Третьяковской галереи (в 1946, 1947, 1949–1952, 1954 гг.) и получивших статус общегосударственного значения. С двух таких выставок в 1947 и 1948 гг. для Третьяковской галереи были при-

это был первый русский музей в Европе. Музей располагался в Збреславском замке Бартоня-Добенина под Прагой. А.И. Юпатов помог издать на собственные средства два каталога (1938, 1939) произведений из собрания музея. В 1944 г. музей был закрыт, имущество доставлено в Москву; после 1948 г. коллекция была распределена по трем музеям Москвы: Государственной Третьяковской галереей, Государственным Историческим музеем и Государственным центральным Театральным музеем имени А.А. Бахрушина. В 1960 г. по приказу Минкультуры СССР (№ 448 от 6 августа 1960 г.) картина Александра Петрова «Рижское взморье. Меллужи» из Третьяковской галереи была передана в Саранск, Мордовскую республиканскую картинную галерею имени Ф.В. Сычкова в постоянное пользование. Позднее, в 1978 г. галерея была реорганизована в музей изобразительных искусств.

²² Подробнее см. каталог выставки: Сохранить для России: К 80-летию Русского культурно-исторического музея в Праге / Гос.Третьяковская галерея. М., 2015; Однако в ящиках, прибывших из Праги в Москву, не оказалось некоторых произведений: «На солнышке» Н.П. Богданова-Бельского, «Хмурое утро» С.А. Виноградова, «Белая потеха» К.С. Высоцкого. Местонахождение их пока остается неизвестным.

обретены две картина Эдуардса Калныньша (1904–1988), демонстрировавшие латвийскую академическую школу живописи. Это монументальные полотна: «Рыбаки» и «Маневры Балтийского флота. Эсминцы в походе». Правда, картина «Рыбаки» после 1953 г. была передана в Курскую картинную галерею на постоянное хранение.

Время после смерти И.В.Сталина вошло в историю как период «оттепели». «Сталинское искусство казалось огромным замерзшим монолитом. И неожиданно этот монолит подвергся оттепельному таянию и стал распадаться. Первая свобода, которая появилась у художников, — свобода поиска художественных ориентиров»²³. В Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина закрылась длившаяся несколько лет экспозиция подарков И.В. Сталину и впервые из запасников Музея и Государственного Эрмитажа демонстрировалась экспозиция живописи французских импрессионистов. Впервые за многие десятилетия в Москве состоялись выставки западных мастеров: в 1953 г. финского искусства в залах Академии художеств СССР, через год в 1954 г. — чехословацкого изобразительного искусства. В 1956 г. в ГМИИ имени А.С. Пушкина было показано парижское собрание работ Пикассо, в 1957 г. — произведений восьми современных художников Англии, в 1958 г. — польских абстракционистов и современной графики Аргентины, Бразилии и Мексики, в 1959 г. — выставка живописи Альбера Марке. Весть об этих событиях, конечно же, доходила и до творческой интеллигенции Латвии, Эстонии и Литвы. Художники беспрепятственно могли приехать в Москву и посетить эти выставки.

Благодаря проводившимся в Москве Всесоюзным художественным выставкам фонды Третьяковской галереи стали заметно пополняться произведениями латышских авторов, выпускников мастерской пейзажной живописи Пурвита Латвийской Академии художеств 1930-х гг. Это «Рыболовецкая гавань в Скулте» Валдиса Калнрозе, «Яхт-клуб», «Рига» и «Пиебалга» Карлиса Мелбарздиса, «Пригород. Саркандaugaва» Ария Скриде и др. Произведения латвийских художников отличались стилистическим разнообразием и свободой выбора тем и жанров. Картины, скульптуры и графические листы приобретались Министерством культуры СССР по предварительным заявкам научных сотрудников Третьяковской галереи прямо с выставок, или передавались из фондов Дирекции выставок и панорам.

В 1950-е — начале 1960-х гг. характер и политика комплектования музеев СССР, в том числе и Третьяковской галереи, постепенно на-

²³ Цит. по: *Ельшевская Г.* Оттепель и шестидесятые: рождение андеграунда. Лекция Онлайн-университет Arzamas // <https://arzamas.academy/materials/1205> (обращение 12.02.2020).

чала меняться. Произведения, внесенные в инвентарные книги музеев «на постоянное хранение», часто передавались «с баланса на баланс» в другие региональные и республиканские музеи. Например, в 1962 г. Государственный музей латышского и русского искусства — теперь Латвийский Национальный художественный музей (Latvijas Nacionālais mākslas muzejs; LNMM) передал Третьяковской галерее в целях знакомства советской публики с латвийским искусством в постоянное пользование большое полотно Яниса Осиса «Латышские рыбаки» (1951). Прежде чем занять почетное место в экспозиционных залах Галереи в Лаврушинском переулке, картина выставлялась на 28-й Международной Биеннале искусства в Венеции в так называемом «Русском павильоне»²⁴.

В 1972 г. в фонды отдела современной графики Третьяковской галереи поступила уникальная коллекция оригинальных рисунков Сигизмунда Видберга, приобретенная у частного лица²⁵. Рисунки были выполнены художником тушью, когда он жил в Петрограде, и предназначались для оформления книги пролетарского писателя П.К. Бессалько «Песни садовника» (издано в 1918 г.), а также для сборника статей революционера и журналиста П.М. Керженцева под названием «Творческий театр» (издано в 1918 г.; с рисунками Видберга сборник переиздавался еще 4 раза вплоть до 1923 г.).

В 1915 г. Видберг с отличием и правом на заграничную поездку окончил петербургское Центральное училище технического рисования барона А.Л. Штиглица, но из-за Первой мировой войны не смог воспользоваться этим правом. Вихрь политических событий 1917—1918 гг. застал художника в Петрограде. Судя по его активной деятельности в первых пролетарских литературно-художественных журналах «Грядущее» и «Пламя», а также его службе в авиационном отряде Красной Армии с 1919 по 1921 г., Видберг не только принял советскую власть, но и был увлечен идеями преобразований советской России. Однако в 1921 г. вернулся в родную Латвию.

²⁴ «Венецианская биеннале» — старейшая и самая престижная в мире художественная выставка была учреждена в 1895 г. как «Международная художественная выставка города Венеции». На рубеже XX в. начали строиться национальные павильоны различных государств. Российский павильон был построен архитектором А.В. Щусевым в 1914 г. Во время Первой мировой войны Венецианская биеннале не проводилась. Советский Союз принимал участие в Венецианской биеннале с 1924-го и до начала 1930-х гг. В послевоенные годы участие СССР возобновилось только в 1956 г. на 28-й биеннале.

²⁵ Сигизмунд Видберг (латыш. Sigismunds Vidbergs) родился в Митаве (Елгаве). С 1921 г. жил в Риге. Преподавал в рижской Высшей народной школе рисования и живописи (1927—1934), в 1924 г. стал одним из основателей Рижской мастерской росписи по фарфору «Балтарс». В 1944 г. покинул Латвию, с 1949 г. жил в США.

Большой вклад в пополнение Третьяковской галереи внес в 1977 г. Георгий Костаки²⁶, передав в галерею ценнейшую коллекцию так называемого русского авангарда. До середины 1960-х гг. никто не верил, что можно собрать русский авангард²⁷. Костаки удалось сохранить большое количество произведений искусства, дав им новую музейную жизнь, открыть дорогу русскому авангарду на Запад. Произведения, официально вывезенные Костаки за рубеж, с конца 1970-х гг. путешествовали по миру. В конце 1990-х гг. коллекция была передана в Музей современного искусства в Салониках. Произведения Александра Древина и Густава Клуциса составляют лучшую часть постоянной экспозиции ныне существующего музея «MOMus-Museum of Modern Art-Kostaki Collection». Коллекционер Костаки особенно ценил творчество Александра Древина. Его картины, как вспоминает его дочь Алики Костаки, висели прямо над диваном – местом его отдыха. Речь идет о картинах «Две купальщицы» и «Газели», поступившие в Галерею в качестве дара коллекционера. Впервые подаренные Костаки картины Древина полностью были выставлены в залах Третьяковской галереи в 2003 г. на выставке «Александр Древин в музейных собраниях»²⁸.

²⁶ Греческий подданный *Георгий Костаки* (греч. Γεώργιος Κωστάκης) родился и большую часть жизни провел в Москве, работал в канадском посольстве. Костаки стал первым в СССР коллекционером, который понял ценность искусства русского авангарда. Многие произведения он спас от уничтожения и забвения. Напряженная атмосфера, связанная с особым вниманием к коллекционеру сотрудников спецслужб и ухудшение здоровья привели к тому, что в 1977 г. Костаки был вынужден принять решение о выезде на свою историческую родину в Грецию. Он официально предложил советскому правительству принять значительную часть своего собрания в дар. В 1981–1982 гг. в Нью-Йорке в Музее Соломона Гугенхайма была впервые показана коллекция Георгия Костаки под названием «Авангард в России». Костаки, несомненно, внес свой вклад в сохранение искусства крупнейших латышских художников Александра Древина и Густава Клуциса, работавших в советской России вдали от исторической родины Латвии.

²⁷ После смерти И.В. Сталина, в условиях «оттепели» появились некоторые признаки более свободного самовыражения в художественной среде. Например, была выставлена одна картина Александра Древина из семьи наследника художника Андрея Древина. Но посещения Н.С. Хрущевым выставки московских художников 1 декабря 1962 г. в Манеже, приуроченной к 30-летию Московского отделения Союза художников СССР, показало: в СССР время для свободного от политики искусства не наступило. Многие картины и скульптуры были сняты с выставки, в том числе и картина Древина. Лишь в 1979–1981 гг. впервые после долгих лет забвения из музейных запасников были включены в состав выставки «Париж–Москва» – «Москва–Париж» некоторые авангардные работы, среди них картина Александра Древина «Живописная композиция» (1921) и Густава Клуциса «Аксометрическая живопись» (1920).

²⁸ Автор выставочного проекта – Т.С. Зелюкина. Выставка была открыта в так называемом Инженерном корпусе ГТГ в Лаврушинском переулке. Помимо собрания ГТГ были выставлены картины Древина из Латвийского Национального худо-

Костаки передал в Третьяковскую галерею также около 40 графических листов Г. Клуциса и его живописное полотно «Красный человек» (1918). В 2013 г. впервые эти произведения целиком были показаны в залах Третьяковской галереи на выставке «Густав Клуцис. Право на эксперимент»²⁹.

В 1960–1970-е гг. Третьяковская галерея получила в дар еще несколько коллекций высокого художественного уровня. Среди них следует упомянуть переданную в 1969 г. значительную по составу коллекцию дореволюционной и советской графики профессора А.А. Сидорова³⁰, в которой находились редкие рисунки и акварели К. Гуна, А.И. Юпатова, А. Древина, Г. Клуциса и других.

Особую благодарность заслуживают научные сотрудники Третьяковской галереи, сохранившие коллекцию гравюр, собранную Михаилом Базыкиным³¹. Страстный книжник, он собрал огромный фонд экслибриса. В 1929 г. Базыкин был репрессирован, но вся его коллекция долгое время (с 1931 г.) хранилась в Галерее и не подверглась уничтожению. Лучшую часть этой так называемой «*Базыкинской*» коллекции составляют графические листы (217 единиц хранения) рижанина Николая Пузыревского³². Это книжные иллюстрации, поздравительные открытки и экслибрисы.

художественного музея, Государственного Русского музея, Новосибирской картинной галереи, Тульского художественного музея, Орловского музея изобразительных искусств, Ульяновского областного художественного музея и частных собраний. См. каталог выставки: Александр Древин в музейных собраниях. М.: ГТГ, РА, 2003.

²⁹ Выставка проходила на Крымском Валу с 6 июня по 22 сентября 2013 г. По мнению автора этого выставочного проекта Т.С. Зелюкиной, главной задачей первого монографического показа произведений Клуциса в Третьяковской галерее – открыть российской публике малоизвестное наследие крупного художника-авангардиста, также отметить 100-летие коллекционера Георгия Костаки. К сожалению, каталог выставки не был издан.

³⁰ *Алексей Алексеевич Сидоров* – историк искусства, музейный работник и педагог, специалист по книговедению и истории рисунка, доктор искусствоведения, член-корреспондент Академии наук СССР. Был профессором Московского государственного университета (1921–1959). В своей книге «Русская графика за годы революции. 1917–1922» (М.: Дом печати. 1923), Сидоров одним из первых уделил внимание творчеству латышского графика Сигизмунда Видберга.

³¹ *Михаил Семёнович Базыкин* – искусствовед и библиофил, ученик Алексея Сидорова. На свои средства Базыкин издавал книги, брошюры и отдельные памятки о художниках. Член общества «Друзья книги». Подготовил к изданию книгу «Книжные знаки Н.В. Пузыревского» (1928). В 1929 г. Базыкин был арестован, покончил жизнь самоубийством. Вероятной причиной его ареста НКВД могла быть переписка с Николаем Пузыревским.

³² *Николай Владимирович Пузыревский* жил с семьей в Риге. В начале Первой мировой войны ушел на фронт, был в немецком плену, после войны вернулся в Ригу; учился в Латвийской АХ на отделении графических искусств (1922–1923)

Значительное и наиболее фундаментальное пополнение коллекции латвийского изобразительного искусства Третьяковской галереи состоялось в 1986 г., благодаря слиянию двух крупнейших собраний – Государственной Картинной галереи СССР, располагавшейся на Крымском Валу в новом современном здании, и Третьяковской галереи – в единый музейный комплекс под общим названием Всесоюзное музейное объединение «Государственная Третьяковская галерея». Ныне – Всероссийское музейное объединение «Государственная Третьяковская галерея».

Обширная республиканская коллекция, уже собранная к этому времени в Государственной Картинной галерее благодаря дару Союза художников СССР, имела свою специфику: в ней почти не было политизированных произведений. Именно в этот период заметно изменилось комплектование и самой Третьяковской галереи во всех направлениях. Только за пять лет, с 1986 г. до 26 декабря 1991 г. (даты распада СССР), фонды Галереи пополнились шедеврами живописи, скульптуры и театрально-декорационного искусства видных мастеров старшего и молодого поколения латышского искусства. Они тут же попадали в залы постоянной экспозиции искусства XX в. на Крымском Валу; включались в состав выставок, проходивших в самой Галерее или управлявшихся в различные музеи России и за рубежом.

Сложившаяся за несколько лет коллекция латвийского искусства усилилась научными сотрудниками Третьяковской галереи с участием творческих Союзов Латвии и СССР, а также Министерств культуры СССР и Латвии позволяет объективно оценить сложный, а порой и противоречивый, но необычайно интересный этап художественной жизни и культуры Латвии минувшего XX столетия.

Полное описание коллекции латвийских художников в собрании Третьяковской галереи опубликовано в альбоме-каталоге «Латвийское искусство в собрании Государственной Третьяковской галереи», изданном в 2019 г. к 100-летию со дня провозглашения Латвийской Республики. В нем упомянуто 240 произведений 124 авторов³³.

у профессора Р. Зариня, затем в Берлинской АХ (1924–1926) у профессора Э. Орлика. Увлёкся техникой ксилографии и исполнением экслибрисов. Преподавал в Рижской Высшей народной школе рисования и живописи (с 1929 г.). В 1944 г. эмигрировал в Германию.

³³ Латвийское искусство в собрании Государственной Третьяковской галереи: Альбом-каталог / Автор вступ. статьи, примеч. и комментариев Татьяна Зелюкина, сост. Татьяна Зелюкина, Анда Трейя. Отв. ред. издания Анда Трейя. Рига: Галерея «Даугава», 2019 (на латышском, русском и английском языках).

ПУБЛИКАЦИИ

Латыши в военно-морском ведомстве Российской империи (1840–1917)

К.П. Арент, Е.Л. Назарова

(Москва)

Ключевые слова: Военно-морской флот Российской империи, латыши-моряки в военном флоте Российской империи, социальное и национальное неравенство в Российской империи.

В начале XIX в. потребности внутривластного и экономического развития Российской империи потребовали интеграции Прибалтийских губерний в общероссийское пространство. Первой серьезной реформой, в рамках этой интеграции была отмена крепостного права в Курляндской (1817) и Лифляндской (1819) губерниях — почти на полвека раньше, чем в остальных регионах империи. Среди положительных следствий этой реформы, ускоривших образование латышской (как и эстонской) нации, было не только предоставление личной свободы коренным жителям губерний, но и создание народных приходских школ. Результатом последнего стал быстрый рост уровня грамотности среди латышей и эстонцев, что значительно расширило их возможности самореализации, ограниченные, тем не менее, в сословном отношении.

Следующим этапом интеграции латышей были общероссийские реформы в эпоху Александра II. Открытие юнкерских училищ в ходе военной реформы, куда принимались лица крестьянского сословия без полного среднего образования, сделало доступным для латышей получение офицерского чина и занятие командных должностей в разных родах сухопутных войск российской армии. К моменту распада Российской империи в армии служили этнические латыши в разных офицерских чинах, вплоть до полковников, а также, в исключительных случаях, — генералов¹.

¹ *Екабсонс Э.* Офицеры-латыши в российской армии. 2-я пол. 19 в. — 1907 г. // Интеллигенция в многонациональной империи: латыши, русские, немцы. XIX—начало XX в. Очерки. М.: ИВИ РАН, 2009; *он же.* Этнические латыши в командном составе русской армии 1907–1914 // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я поло-

Историки неоднократно обращались к теме службы латышей — офицеров в Российской армии, но рассматривались лишь сухопутные войска. Военным морякам практически не уделялось внимания. Эта тема находится на начальной стадии изучения. Сведения о некоторых из них уже приводились². В настоящей статье рассматриваются данные еще о некоторых латышах, служивших в военном флоте России нижними чинами, в унтер-офицерском составе, а также офицерами и различными специалистами, состоящими в структуре Морского ведомства. В качестве источников использованы сведения из «Морского сборника» — основного печатного периодического издания по проблемам российского флота, а также из РГА ВМФ.

Первое косвенное свидетельство о том, что латыши вообще служили вольнонаемными в русском флоте, относится к началу XVIII в. Сохранилось упоминание, что в 1718 г. Петр I направил сортировщика мачтового леса Матиса Штейнгауэра из Риги в Санкт-Петербург, где он долго работал³.

В XIX — начале XX в. латыши служили на флоте как рядовыми, так и в офицерском (командном) составе.

Нижние чины

Латыши служили матросами на флоте со времени распространения рекрутской повинности на три Прибалтийские губернии в 1793—1797 гг.⁴ Есть сведения, что некоторые из них, отслужив полный срок на флоте, селились в Петербурге и окрестностях, не желая возвращаться на родину, от которой они были много лет оторваны⁵. Но в первой половине

вина XIX — 1-я половина XX века. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 61—122; *Varpa I. Latviešu karavīrs zem Krievijas impērijas, Padomju Krievijas un PSRS karogiem. Rīgā, 2006; Арент К.П.* Латыши в младшем составе русской армии в годы Первой мировой войны // Россия и Балтия. Вып. 8: Новый мир на развалинах империи. М.: Весь Мир, 2017. С. 4—33; и др.

² См.: *Арент К.П.* Указ. соч. С. 26—33.

³ *Пуренс В.* История Латвии. Рига: Zvaigzne ABC, 2000. С.96. Правда, нет точных данных о том, что Матис действительно был этническим латышом. Нельзя исключать, что он был прибалтийским немцем из купеческого сословия. См.: <http://www.zapchel.lv/ru/other/rakurs/paralleli-istorii/20665-/> (обращение 30.10.2019).

⁴ *Екабсонс Э.* Офицеры-латыши в российской армии. С. 68—69.

⁵ *Юхнева Н.В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: Вторая половина XIX — начало XX в. Л.: Наука, 1984. С. 195 // *Шалда В.* Латышский приход церкви Христа Спасителя в Санкт-Петербурге // Электронный научно-образовательный журнал «История». Вып. 4 (58). Проблемы истории Скандинавско-Балтийского региона. М., 2017 // <http://history.jes.su/> (обращение 31.10.2019).

XIX в. выходцы из Витебской, Курляндской и Лифляндской губерний для службы на море призывались не часто. Это объясняется тем, что флот комплектовался рекрутами через военное министерство. Последнее означало, что при каждом очередном наборе рекрутов реальная потребность флота в новобранцах не учитывалась, а при некомплекте личного состава по требованию морского начальства военное министерство из общего количества принятых на службу выделяло флоту необходимое число людей без учета того, откуда они рекрутировались.

По «Рекрутскому уставу» (1831) государство для нужд комплектования армии было разделено на северную и южную полосы, а с 1839 г. — на западную и восточную полосы. Срок службы рекрутов составлял 25 лет, а с 1839 г. — 15 лет⁶.

В 1834 г. было разрешено увольнять «беспорочно» служивших в бессрочный отпуск, а с 1859 г. последние три года службы солдаты и нижние чины Морского ведомства числились в срочном отпуске, после окончания которого начинался бессрочный отпуск или окончательное увольнение со службы. Эти последние годы они числились в составе резервной армии — запасных войск. Некоторое представление об их численности дает Таблица 1.

Другой причиной небольшого числа призванных на службу в Морское ведомство из Прибалтики было положение о порядке призыва (1853), согласно которому во флот набирали жителей ограниченного числа губерний⁸.

Согласно этому положению, вплоть до 1875 г. комплектование состава нижних чинов флота производилось путем набора рекрутов из нижеперечисленных губерний: Архангельской, Астраханской, Вологодской, Екатеринославской, Костромской, Лифляндской, Нижегородской, Пермской, Самарской, Саратовской, Таврической и Эстляндской (с 1867 г. рекруты из нее перестали поступать). Общую численность рекрутов по Морскому ведомству по годам см. в Таблицах 2 и 3.

Все эти рекруты служили 15 лет, из них 10 лет — во флотских командах и 5 лет — в запасе. Согласно «Уставу о воинской повинности» 1874 г. к отбытию воинской повинности на флоте призывались молодые люди, достигшие 21 года. Срок службы составлял 10 лет, в том числе 7 лет в команде и 3 года в запасе⁷.

⁶ Рекрутский устав 1831 г. // Столетие Военного министерства 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк / Сост. В.В. Шепетильников. СПб.: Н. Самокиш, 1907. С. 33–42.

⁷ Устав о воинской повинности 1874 г. // Сборник правительственных распоряжений по введению общей воинской повинности. СПб., 1874. Т. 1. С. 9–63; Устав о воинской повинности // Военный сборник. 1874. № 1. С. 101; *Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973.*

Таблица 1. Число временно-отпускных нижних чинов Морского ведомства по губерниям*

Год набора	Призваны из Витебской губернии	Призваны из Курляндской губернии	Призваны из Лифляндской губернии
1843	1	—	—
1844	—	—	—
1845	—	—	—
1846	1	—	3
1847	—	—	27
1848	—	—	—
1849	—	1	26
1850	—	4	—
1851	—	—	—
1852	—	—	—
1853	—	—	—
1854	—	—	—
1855	5	1	—

* Отчет инспекторского департамента Морского министерства за 1863 г. // Морской сборник. 1864. № 9. С. 450.

Таблица 2. Число рекрутов, поступивших в Морское ведомство (чел.)*

Набор		Набор	
Год	Рекрутов	Год	Рекрутов
1829	8 150	1845	3 905
1830	3 839	1846	2 900
1831	9 000	1847	4 510
1832	Не было	1848	7 288
1833	Не было	1849	11 302
1834	2 000	1850	8 098
1835	1 000	1851	5 400
1836	10 682	1852	4 000
1837	1 900	1853	7 600
1838	10 000	1854	20 669
1839	10 000	1855	12 700
1840	10 000	1856	Не было
1841	6 000	1857	Не было
1842	8 000	1858	Не было
1843	7 000	1859	Не было
1844	4 941	1860	Не было

* Памятная книжка Морского ведомства на 1856 г. СПб., 1856. С. 296–297.

Таблица 3. Общая численность набора рекрутов во флоте (чел.)*

Годы	Численность набора	Годы	Численность набора
1865	2 510	1871	2 170
1866	1 500	1872	1 664
1867	1 775	1873	1 536
1868	4 596	1874	2 712
1869	3 920	1875	2 811
1870	5 457	1876-план	1 270

* Морской календарь на 1876 г. СПб., 1876. С. 2.

Характерно, что при наборе рекрутов на флот не учитывался уже имеющийся опыт работы в море у жителей прибрежных регионов империи, в том числе жителей прибрежных районов Прибалтийских губерний, которые уже имели опыт работы в море морями и рыбками. На это как на недочет при пополнении рядового состава военного флота указал лидер латышского национального возрождения Кр. Валдемарс (Х.М. Вольдемар). В статье 1863 г. он привел данные, согласно которым на морских побережьях империи насчитывалось до 87 тыс. человек рыбаков, из которых около 21 тыс. человек были латышами⁸. Правда, это мнение встретило возражение некоторых авторов. Так, в «Морском сборнике» в 1864 г. была опубликована статья Л. Свешникова, в которой нецелесообразность приема на службу матросами рыбаков из Остзейского края автор объяснял тем, что по своему характеру жители побережья не были способны к морской жизни⁹. Однако следует заметить, что в том же выпуске «Морского сборника» было приведено замечание «от редакции» о необоснованности мнения Свешникова, в том числе и потому, что число чухонцев (как были названы жители Прибалтийского края) среди унтер-офицеров и даже боцманов в Балтийском флоте уже весьма значительно¹⁰.

Еще одной причиной незначительного количества рекрутов из Прибалтийских губерний для службы во флоте была небольшая численность личного состава военно-морского флота в то время в целом. Например, в 1862 г. в сухопутных войсках русской армии насчитывалось 859 тыс. нижних чинов, а в Морском ведомстве (по данным на

⁸ *Вольдемар Х.* Сколько у нас мореходцев? // Морской сборник. 1863. № 10. Неофициальный отдел. С. 305.

⁹ *Свешников Л.* Ещё по вопросу применения рекрутского набора к интересам земства и флота и об учреждении морского резерва // Морской сборник. 1864. № 7. Часть неофициальная. С. 57.

¹⁰ Там же.

1 января 1863 г.) было только 34,4 тыс. нижних чинов, в том числе в судовых командах — 25 305 человек, а в разных береговых командах — 7 829 человек¹¹. Более подробные сведения о структуре личного состава флота в 1860-е гг., 2-й половине 1870-х — начале 1880-х гг. представлены в таблицах 4, 5 и 6.

Таблица 4. Личный состав русского флота в 1860–1865 гг. (чел.)*

Годы	Адмиралы и генералы	Штаб и обер офицеры	Классные чиновники	Гардемарины и кондуктора	Нижние чины
1860	114	3 569	1 319	н. св.	53 054
1861	95	3 245	966	169	55 216
1862	93	3 038	989	376	49 405
1863	90	3 024	882	425	40 808
1864	90	2 996	854	399	47 134
1865	100	3 042	851	326	40 336

* Морской сборник. 1864. № 9. Часть официальная. С. 347; Там же. 1865, № 7. Часть официальная. С. 51; Там же. 1866, № 8. Часть официальная. С. 59.

Таблица 5. Личный состав русского флота в 1876–1882 гг. (чел.)*

Годы	Адмиралы и генералы	Флотские штаб и обер-офицеры	Штурманы	Механики, корабельные инженеры	Врачи и лекары	Нижние чины
1876	26	1 025	305	936	200	27 179
1877	31	1 054	343	1 089	190	30 876
1878	42	1 129	359	1 035	203	25 966
1879	47	1 162	341	956	208	25 544
1880	—	—	—	—	—	—
1881	40	1 182	316	939	203	26 837
1882	39	1 330	332	826	202	26 304

* Сборник сведений по России за 1883 год. СПб., 1886. С. 126–127.

¹¹ *Свешников Л.* По вопросу применения рекрутского набора // Морской сборник. 1864, № 1. Часть неофициальная. С. 12.

Таблица 6. Численность служащих Морского ведомства Российской империи (чел.)*

Наименование служащих	1880	1885	1890	1895	1900
Генералы и адмиралы	146	72	84	97	—
Штаб-офицеры	746	178	369	371	—
Обер-офицеры	2 243	160	1 184	1 138	—
Гардемарины, кондуктора	149	—	—	—	—
Нижние чины	26 153	24 994	25 654	32 340	56 817
Новобранцы	5 440	4 494	3 794	6 703	12 899
Гражданские чины	535	358	527	616	730
Медики	311	95	274	290	280

* Памятные книжки Морского ведомства на 1880, 1885, 1890, 1895 и 1901 гг.

В различных источниках встречаются конкретные упоминания о матросах-латышах. Так, в РГА ВМФ есть сведения о нескольких матросах, рекрутированных в латышской части Лифляндской губернии и служивших на флоте в 1841 г. Это Ян Прэде (Янис Приеде), Тимас Лацис, Либис Рубулис, Ян Рейн (Янис Рейнис), Петр Якубсон (Петерис Якобсонс), Петр Тиммерман (Петерис Тиммерманис), Ян Эрман (Янис Эрманис), Юрий Петерсон (Юрис Петерсонс), Ян Берзинь (Янис Берзиньш). Все они были казенными крестьянами Рижского уезда¹².

В 1855 г. некто Гайлит упомянут как «лабораторист», кондуктор I класса — видимо, он служил в лабораторных ротах корпуса морской артиллерии¹³.

Латыши участвовали и в обороне Свеаборгской крепости в годы Крымской войны (1854—1855). Среди раненых моряков названы матросы 23-го флотского экипажа Ян Путнин (Янис Путныньш) 25 лет из Венденского уезда Лифляндской губернии (на службе с 1850 г.) и Петр Руль (Петерис Рулис) 28 лет, из крестьян графа Шереметьева

¹² Российский Государственный архив Военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. 406. Оп. 5. Д. 402. Л. 568—578.

¹³ Постановления и распоряжения правительства. // Морской сборник. 1855, № 3. С. 20. Лабораторные работы в артиллерии заключались в подборе лучшего состава металла для стволов пушек (см.: *Бенда В.Н.* Материальная часть артиллерии, боеприпасы к ней и средства их производства в последней четверти XVIII в. // Экономическая повседневность // <https://cyberleninka.ru/article/n/materialnaya-chast-artillerii-boeprirasy-k-ney-i-sredstva-ih-proizvodstva-v-posledney-chetverti-xviii-v/viewer> (обращение 09.12.2019).

из Вольмарского уезда (на службе с 1850 г.)¹⁴. В Севастополе, в 5-м бастионе был ранен матрос 37-го флотского экипажа Ян Берзин (Янис Берзиньш)¹⁵.

А среди награжденных участников Русско-турецкой войны 1877–1878 г. назван артиллерист Ян Пумпур (Янис Пумпурс) из 11-й артиллерийской бригады. Он был награжден знаком отличия Военного ордена за то, что прямым попаданием снаряда в пороховой погреб уничтожил на р. Дунай турецкий флагманский корабль¹⁶.

В 1874 г. из Лифляндской губернии было принято на службу во флот 94 человека, а в 1875 г. из Лифляндской губернии – 88 и из Курляндской – 26 человек¹⁷.

Латыши, судя по всему, были и среди моряков, участвовавших в подавлении «Восстания боксеров» в Китае (1900–1901). Хотя конкретно известен только один представитель этого народа – артиллерийский кондуктор крейсера 1-го ранга «Генерал-адмирал» Мартин Каулин (Мартиньш Каулиньш) из крестьян Рижского уезда. (см. о нем далее)¹⁸.

Характерно, что среди вышеназванных по именам латышей большинство служили в морской артиллерии. Это указывает на весьма высокий (по сравнению с другими нижними чинами) уровень их образования.

Значительно больше призывников из Прибалтийского края оказалось на службе во флоте в годы Русско-японской войны (1904–1905). В списках убитых, раненых и военнопленных числятся не менее 214 латышских матросов, из которых 11 человек умерли в плену¹⁹.

Число латышей в военно-морском флоте резко возросло в годы Первой мировой войны, когда во флоте служило около 5 тыс. человек нижних чинов и порядка 250 человек офицеров латышской национальности²⁰. Следует отметить, что многие латыши, поступавшие на службу простыми матросами, особенно если они уже имели мореходное образование, сумели дослужиться до офицерских чинов (см. об этом в следующем разделе).

¹⁴ Морской сборник. 1855. № 10. Официальные статьи и известия. С. 50, 55.

¹⁵ Морской сборник. 1856. № 8. Список раненым нижним чинам Черноморского флота. С. 103; Памятная книжка Морского ведомства на 1875 г. СПб., 1875. С. 186.

¹⁶ Zomers A. Latvieši krievu-turku karos // Ilustrētā Pasaules Vēsture. 2014. No. 4. 54 lpp.

¹⁷ Памятная книжка Морского ведомства на 1875 г. СПб., 1875. С. 186.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1710.

¹⁹ См. также: *Екабсонс Э.* Офицеры-латыши в российской армии. С. 102.

²⁰ *Арент К. П.* Указ. соч. С. 26.

Специалисты и офицеры в Морском ведомстве

До середины XIX в. подавляющее большинство офицеров военного флота относились к дворянскому сословию. Представители других сословий появлялись эпизодически в крайне незначительном количестве²¹. Служба в военном флоте считалась более престижной, чем в сухопутных родах войск. В Морской кадетский корпус и Николаевскую морскую академию (с 1877 г.) принимали исключительно детей дворян²². Социальное происхождение абитуриентов учитывалось и при поступлении в Морской артиллерийский корпус (до 1885 г.), а также в специальные штурманские и инженерно-технические учебные заведения Морского ведомства. Потребность в этих специальностях возрасла при переходе к паровому флоту и совершенствовании технического оснащения судов²³.

На практике до начала XX в. возможность поступления в морские (в отличие от мореходных) учебные заведения лицам низших сословий — крестьянам и мещанам, особенно «инородцам» — была весьма ограничена. В этом морские учебные заведения отличались от юнкерских училищ, создававшихся в ходе проведения военной реформы с 1864 г. В эти училища принимали представителей всех сословий, чем активно пользовались и сыновья латышских крестьян²⁴. Военно-морское же образование сохраняло прежнюю кастовость. Хотя Россия в этом не была исключением. «Кастовые» традиции в отборе офицеров флота существовали и в Англии, Франции, Испании.

Из постоянных жителей Прибалтийских губерний право поступать в Морской корпус имели сыновья дворян Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний, которые могли представить документ о том, что их семьи состоят в дворянском сословии более 100 лет (то есть являются потомственными дворянами)²⁵. С 1864 г. это право официально стало доступно и сыновьям гражданских чиновников, получавших по Табели о рангах права личного и потомственного дворянства (с VII класса и выше), а также потомственных почетных граждан империи.

Коренные же народы региона — латыши и эстонцы, не относящиеся к дворянскому сословию (лишь в конце XIX в. стали появляться

²¹ *Напалков. А. В.* Офицерский корпус императорского флота Балтийского моря в годы Первой мировой войны. СПб., 2010. С. 45.

²² *Максимов Г. С.* Морской кадетский корпус и Николаевская морская академия в Санкт-Петербурге. СПб., 1908.

²³ Корпуса морского ведомства // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1895. Т. 16. С. 338.

²⁴ *Екабсонс Э.* Офицеры-латыши в российской армии. С. 73 и далее.

²⁵ Морской сборник. 1855. № 4. Официальные статьи и известия. С. 336.

латыши, дослужившиеся до чинов по Табели о рангах, которые давали право на личное дворянство, в единичных случаях — потомственное²⁶), не могли получать военно-морское образование. И это притом, что с учреждением в 1867 г. в Российской империи по инициативе К. Валдемарса системы мореходного образования (классов, школ, училищ) сотни латышей стали дипломированными специалистами — капитанами, штурманами, механиками гражданского, торгового, рыболовного флотов. Причем многие из них участвовали в длительных морских и океанских плаваниях²⁷.

Не имея возможности стать офицерами военно-морского флота и войти в элиту военно-морского флота, латыши, как и эстонцы, тем не менее, служили на военных кораблях и в целом в Морском ведомстве в качестве разных специалистов, без которых флот не мог обойтись. Так, уже с конца 1840-х гг. в структурах Морского ведомства упоминаются латыши — медики, окончившие гражданские учебные заведения. В 1847 г. в Морское ведомство был зачислен Адольф Витте из податного сословия — предположительно этнический латыш Адольф Вите²⁸. Витте закончил Дерптский университет со званием лекаря. В 1850 г. ординатором Кронштадтского морского военного госпиталя был назначен другой выпускник Дерптского университета — также этнический латыш, выходец из мещанского сословия Карл Оттович Думпе (Карлис Думпе). В следующем году Думпе стал младшим врачом 22-го флотского экипажа. А указом Правительствующего Сената от 21 февраля 1851 г. он был исключен из податного сословия²⁹.

В 1864 г. старший фельдшер Крист Бертуль (Кристс или Кришс Бертулис) начал служить лекарским помощником, затем комиссаром

²⁶ *Nazarova E.* Latvians in the Service Class of the Russian Empire // *Russia on the Baltic. Imperial Strategies of Power and Cultural Patterns of Perception (16th–20th Centuries)* / Ed. Karsten Brüggemann and Bradley D. Woodwoth (*Quellen und Studien zur Baltischen Geschichte*. Bd. 22). Wien, Köln, Weimar: Böhlau Verlag, 2012. S. 331–343.

²⁷ См.: *Вальдемар Х.* Русский торговый флот, в особенности Балтийский, его состояние, развитие и будущность. СПб., 1860; *Pope A.* *Burenieku gadsimts Latvijā. Pa latviešu jūrniececības vēstures lappusēm.* Rīga: Zinātne, 1989; *Назарова Е.Л.* Словари Кришьяниса Валдемарса // *Россия и Балтия*. Вып. 4: Человек в истории. М.: Наука, 2006. С. 68–74; *Она же:* Для блага Латвии, для блага России: Кришьянис Валдемарс и российский флот // *Эл. журнал ИВИ РАН Historija*. Вып. 5: История стран Северной Европы и Балтии. М., 2011 (<http://history.jes.su> (обращение 09.11.2019)).

²⁸ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 6. Д. 109, Не исключено, что этот Адольф Витте был предком латышского стрелка, позже командира Красной Армии, героя Великой Отечественной войны этнического латыша Адольфа Ансовича Витте. См.: *Каминский О.* Адольф Ансович Витте (1897–1945) // <https://www.proza.ru/2014/12/19/1801> (обращение 30.10.2019).

²⁹ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 6. Д. 155. № 143.

Калинковского морского госпиталя в чине коллежского регистратора³⁰.

В 1895 г. из 2-го Ивангородского крепостного пехотного батальона в Морское ведомство на должность младшего врача 2-го флотского экипажа был переведен Кришьян Калнин (Кришьянис Калниньш), участвовавший в подавлении «Восстания боксеров» в Китае в 1900–1901 гг. В 1912 г. Калнин служил старшим врачом, и.о. флагманского (главного) врача Амурской речной флотилии³¹.

В 1904 г. на службу в Морское ведомство был переведен младший врач 3-го Новогеоргиевского крепостного пехотного полка Вольдемар (Волдемарс) Трекнайс³². Тогда же поступил на службу лекарь, выпускник Юрьевского (Дерптского) университета Александр Аушкап (Александрс Аушкапс)³³.

По архивным данным до 1917 г. в Морском ведомстве в общей сложности на медицинской службе состояли еще не менее 6 латышей.

Этнические латыши встречались и среди мелких чиновников Морского ведомства. В 1893 г. солдатский сын, уроженец Кронштадта (отец-латыш после службы в армии обосновался под Петербургом?) А. Пургайл (Пургайлис), поступил на службу конторщиком Главного управления кораблестроительства и снабжения в чине коллежского регистратора³⁴. В 1905 г. на должность счетного чиновника Главного управления кораблестроения и снабжения в чине коллежского регистратора был определен Рупайс³⁵. С 1907 г. комиссаром Морского корпуса в чине коллежского регистратора служил Петр Крумин (Петерис Круминьш)³⁶.

Известно также, что позже, в 1912 г. на должности чиновников Морского ведомства (без уточнения круга их обязанностей) были приняты Иоган Мельдер (Янис Мелдерс или Мелдерис), Карл Пурнс (Карлис Пурнс), и Карл Крузе (Карлис Крузе)³⁷.

³⁰ Высочайший приказ № 445 от 19.08.1864 // Морской сборник. 1864. № 10. С. 38.

³¹ Приказ № 24 от 27.03.1895 // Морской сборник. 1895. № 5. С. 6; РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1710.

³² Приказ № 485 от 02.02.1904 // Морской сборник. 1904. № 3. С. 6.

³³ Приказ по морскому ведомству № 124 от 21.06.1904 // Морской сборник. 1904. № 8. С. 12.

³⁴ Приказ по морскому ведомству № 638 от 26.07.1893 // Морской сборник. 1893. № 9. С. 5.

³⁵ Приказ по морскому ведомству № 533 от 27.12.1904 // Морской сборник. 1905. № 2. С. 9.

³⁶ Приказ по морскому ведомству № 672 от 24.12.1907 // Морской сборник. 1908. № 1. С. 6.

³⁷ Высочайший приказ № 891 // Морской сборник. 1912. № 4. Официальный отдел. С. 7.

Латыши состояли на службе в Морском ведомстве в корпусе инженер-механиков военного флота и в артиллерии флота (приписанной к береговым службам Морского ведомства), а также служили по другим специальностям, связанным с техническим совершенствованием флота.

В 1883 г. было разрешено принимать на службу в Морское ведомство в корпус инженер-механиков лиц, закончивших по 1 разряду Механическое отделение Санкт-Петербургского Технологического института, Московское техническое училище и другие высшие учебные заведения. Но прежде они должны были год прослужить рядовыми на флоте и участвовать в плаваниях³⁸. В последней четверти XIX в. этот приказ был распространен и на выпускников других высших технических учебных заведений. Латыши из выпускников этих учебных заведений среди инженер-механиков флота известны только с начала XX в. (о них далее). Однако также в последней четверти XIX в. простолюдины и разночинцы получили возможность поступать в специальные технические учебные заведения военно-морского флота. И среди этих последних были этнические латыши.

Основным техническим высшим учебным заведением военно-морского флота было Инженерное училище Морского ведомства, которое за годы его существования несколько раз меняло название³⁹. В 1886 г. его закончил и был произведен в младшие инженер-механики Антон Казрич (Антонс Казрадзис). Сам он называл себя «латышом из Латгалии», но при этом выдал себя за сына польской помещицы из Латгале (из Витебской губернии). В 1889 г. его перевели с Балтийского флота на Черноморский, где он служил судовым механиком, потом был направлен в береговую службу по обеспечению кораблей горюче-смазочными материалами. В 1905 г Казрич дослужился до чина подполковника, в 1909 г. стал полковником. Имел ордена: Св. Станислава 2 и 3 степени, Св. Анны 3 степени, Св. Владимира 4 степени. Умер в 1917 г., находясь на службе в чине генерал-майора, от апоплексического удара⁴⁰.

В 1896 г. Техническое училище закончил Альфонс Рейнгольдович Межуль (Алфонс Межулис), из псковских мещан⁴¹. После училища он служил младшим инженером-механиком. Вероятно, уже через год

³⁸ Приказ по Морскому ведомству № 36 от 19.03.1883 // Морской сборник. 1883. № 5. Официальный отдел. С. 13.

³⁹ См.: РГА ВМФ. Ф. 434. Оп. 1. Л. 1. В 1867–1872 гг. оно называлось Инженерное училище; в 1872–1896 гг. – Техническое училище; 1896–1898 гг. – Морское техническое училище императора Николая I; 1898–1917 гг. – Морское инженерное училище императора Николая I; 1917–1918 гг. – Морское Инженерное училище.

⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. 873. Оп. 10. Д. 18; там же. Ф. 417. Оп. 4. Д. 1593; Морской сборник. 1886. № 11. С. 4; *Екабсонс Э.* Офицеры-латыши в российской армии. С. 85–86, 89.

⁴¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 1485; Ф. 434. Оп. 2. Д. 1211.

он поступил штатным слушателем Николаевской Морской академии на кораблестроительное и механическое отделение. На это отделение принимали лиц, прослуживших не менее двух лет и пробывших не менее 12 месяцев на практических занятиях по соответствующей специальности. При этом для поступления надо было выдержать весьма сложный экзамен⁴². В 1901 г. Межуль начал служить помощником старшего инженера-механика на броненосце «Генерал-Адмирал Апраксин». Согласно документам, в 1904 г. он «умер на службе»⁴³. Причина его смерти не ясна, но, возможно, он умер после ранения в боевых действиях на Русско-японской войне.

Техническое училище (Морское инженерное училище имени императора Николая I) в 1909 г. закончил Владимир Кадик (Владимирс или Волдемарс Кадикс). Он родился в Томске и при поступлении в училище был сыном коллежского советника, то есть его отец имел VI чин в Гражданской части Табели о рангах, дававший личное дворянство. Петр Кадик (Петерис Кадикс) закончил в свое время Дерптский (Тартуский) университет и затем преподавал математику в Томске и Красноярске⁴⁴. Следовательно, его сын уже не был представителем крестьянского сословия, имел более высокий социальный статус, хотя и не дававший ему право поступать в Морской кадетский корпус. Надо полагать, что при выпуске из училища он служил инженером или механиком. А в 1912 г. был произведен в чин мичмана, то есть получил низший чин офицеров флота.

Возможность перевода Кадика из инженер-механиков флота в офицеры флота, вероятно, можно объяснить официальной отменой сословного принципа при приеме в Морской кадетский корпус после Русско-японской войны (в 1907 г.), во время которой проявилась порочность комплектования корпуса офицеров флота только из представителей дворянского сословия. На практике внесословный прием в Морской кадетский корпус не соблюдался⁴⁵. Но пополнять мичманский состав офицеров флота стали (после сдачи специального экзамена при этом учебном заведении) за счет офицеров технических специальностей. Правда, карьере Кадика, по всей вероятности, все же на тот момент способствовало то, что он происходил из семьи дворянина,

⁴² Николаевская морская академия // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1061842> (обращение 11.12.2019); Программа приемного экзамена для поступления в штатные слушатели Николаевской морской академии [Текст]. Санкт-Петербург: [б. и.], [19—].

⁴³ РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 5. Д. 1485.

⁴⁴ См.: Latvieši un latvietes Krievijas augstskolās. Jelgavā: H. Alunana drukatava, 1909. 50 lpp.

⁴⁵ Шульц Г.К. К реформе морского кадетского корпуса // Морской сборник. 1906. № 10. С. 39; Аренд К.П. Указ. соч. С. 26.

хоть и не потомственного. Для сравнения другой латыш, Вийтолин, происходивший из крестьянской семьи, сдав такой же экзамен, остался в чинах офицеров корпуса инженер-механиков (о нем далее).

Кадик участвовал в боевых действиях Первой мировой войны, в 1915 г. получил чин лейтенанта, служил на миноносце «Сердитый» и на крейсере «Орел». Среди его наград медали «В память 100-летия Отечественной войны» и «В память 300-летия Дома Романовых»⁴⁶.

Еще одним выпускником (в 1911 г.) этого училища был Карл Цируль (Карлис Цирулис), из мещан Курляндской губернии. При выпуске он был произведен в подпоручики корпуса инженер-механиков флота, служил судовым механиком на эскадренных миноносцах и подводных лодках «Акула» и «Кугуар». В 1913 г. он был произведен в чин мичмана инженер-механика, а уже во время войны, в 1915 г. в чин лейтенанта инженер-механика. Надо полагать, что Цируль продемонстрировал очень хорошие профессиональные навыки, поскольку был направлен на подводный флот: был старшим судовым механиком на подводной лодке «Кугуар», был награжден орденами Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом, Св. Анны 4 степени «За храбрость», медалями «В память 100-летия Отечественной войны», «В память 300-летия Дома Романовых» и «В память 200-летия Гангутской победы»⁴⁷.

Судя по имеющемуся в нашем распоряжении материалу, чин мичман инженер-механик вместо равного ему (или наряду с ним) чина поручика, который получали выпускники Морского инженерного училища, появился в корпусе инженер-механиков с 1913 г. Такой чин получили несколько морских инженер-механиков латышского происхождения.

Выпускником Николаевского Морского инженерного училища был также Альфред Купче. Выпустился из училища он, вероятно, не позже 1912 г., так как в 1913 г. был уже произведен в чин мичмана инженер-механика. Откуда он родом — неизвестно. Но фамилия Купче достаточно часто встречается у латышей⁴⁸. Во время службы он исполнял обязанности судового механика миноносца «Тревожный», вахтенного начальника крейсера «Аскольд», был награжден орденом Св. Станислава 3 степени с мечами, медалями «В память 100-летия Отечественной войны», «В память 300-летия Дома Романовых», «В память 200-летия Гангутской победы»⁴⁹.

⁴⁶ РГА ВМФ Ф. 406. Оп. 9. Д. 1627.

⁴⁷ РГА ВМФ Ф. 406. Оп. 9. Д. 4550; Морской сборник. 1911. № 4. С. 34.

⁴⁸ См.: Latvieši un latvietes Krievijas augstskolās. 58 lpp.; *Сталтмане В.Э.* Латышская антропонимия. Фамилии. М.: Наука, 1981. С. 121; Список жертв политического террора // <http://lists.memo.ru/index11.htm> (обращение 12.12.2019). Фамилия Купче может быть вариантом от фамилии Kurcis (купец).

⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 2163.

Вероятно, за год до начала Первой мировой войны Морское инженерное училище закончил и был направлен на должность инженер-механика на миноносец «Лейтенант Мальцев» также Генрих Лапин (Хенрих Лапиньш). В 1914 г. он был произведен в чин мичмана инженер-механика, позже служил на миноносце «Точный», награжден медалями «В память 300-летия Дома Романовых» и «В память 200-летия Гангутской победы»⁵⁰.

В начале XX в. в корпус инженер-механиков флота поступали и выпускники гражданских технических вузов. Так, в 1911 г. прошение зачислить его во флот юнкером по механической части подал выпускник Рижского политехнического института Кришьян Жагар (Кришьянис Жагарс). После плавания в 1912 г. был по экзамену произведен в чин подпоручика корпуса инженер-механиков, служил инженер-технологом на линейном корабле «Андрей Первозванный», затем на миноносце «Меткий», был награжден медалями «В память 100-летия Отечественной войны» и «В память 300-летия Дома Романовых». В 1913 г. получил чин мичмана инженер-механика, а в 1914 г., еще до начала войны по собственному желанию подал прошение об отставке и был уволен в запас⁵¹.

Неизвестна судьба Жагара после начала Первой мировой войны. Вполне вероятно, что вернулся на флот и продолжил служить по своей военной специальности. Из материалов «Морского сборника» следует, что в 1914—1916 гг. инженер-механиками служили как те латыши, которые поступили на флот еще в довоенные годы, так и вновь призванные. Таких вновь мобилизованных известно более десяти человек. Причем некоторые из них получали чин мичмана инженер-механика⁵².

Кроме мобилизованных, были и добровольцы. Например, студент Петроградского Политехнического института Иван (Янис) Закис поступил, вероятно, на флот не по мобилизации, а добровольно, поскольку в документах был записан не как выпускник, а как студент. Его направили в школу прапорщиков флота по механической части и по ее окончании в 1917 г. произвели в чин прапорщика по механической части⁵³.

Известно также, что по специальности «кораблестроение» служил окончивший в 1917 г. кораблестроительное отделение Петроградского Политехнического института А.Я. Лейземник⁵⁴ из крестьян Венденского уезда.

На подводном флоте в годы Первой мировой войны служил Август Бухгольц — также предположительно этнический латыш (Аугустс

⁵⁰ Там же. Д. 2237.

⁵¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 3. Д. 1820.

⁵² См.: *Аренд К.П.* Указ. соч. С. 28. № 9.

⁵³ РГА ВМФ. Ф. 436. Оп. 2. Д. 315.

⁵⁴ Там же. Ф. 436. Оп. 2. Д. 1495.

Буххолцс). Его гражданское образование неизвестно. Можно предположить, что он закончил реальную гимназию, или техническое училище, или несколько курсов Политехнического института. В документах упомянуто лишь, что во время Первой мировой войны он служил в 1-м флотском экипаже дивизии подводных лодок, располагавшемся в порту Петра Великого (Ревель); в 1916 г. Бухгольц получил чин подпоручика по Адмиралтейству⁵⁵.

Латыши служили на офицерских должностях в морской артиллерии: чаще в береговых крепостях, реже — на судах. Однако прежде чем попасть сюда на службу, они должны были пройти долгий путь, определенный их социальным происхождением. Сразу в Михайловское артиллерийское училище, выпускники которого направлялись на службу в Морское ведомство, латыши могли поступить лишь будучи сыновьями военных, дослужившихся до чинов личного дворянства. Все другие должны были сначала закончить Пиротехническое артиллерийское училище (в разные годы также — школа) в Петербурге, несколько лет прослужить военными чиновниками по артиллерийской части, а затем сдавать экзамен по курсу программы Михайловского училища. Иначе говоря, лица, сумевшие выдержать такой экзамен, должны были обладать как большими способностями, так и отличными знаниями. Выпускники этого училища получали не морские, а армейские офицерские звания.

Эдуард Кальнин (Эдуардс Калниньш) после окончания Пиротехнической школы и Михайловского артиллерийского училища был в 1902 г. произведен в подпоручики и направлен в 8-ю артиллерийскую бригаду. Службу начинал на инструментальном заводе, потом на артиллерийских заводах и в крепостной артиллерии в Новогеоргиевской крепости (Модлин, Польша). Оттуда в 1904 г. через всю страну был командирован в Квантунскую крепостную артиллерию, участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., был ранен, за проявленную храбрость награжден орденом Св. Георгия 4 степени и Золотым мечом с надписью «За храбрость». За участие в Русско-японской войне орденом Св. Георгия 4 степени были награждены еще 3 латыша, а Золотого меча удостоился только Кальнин⁵⁶. В 1906 г. его перевели в Финляндию, в Свеаборгскую крепость, в Свеаборгское крепостное артиллерийское управление. В 1915 г. Кальнин получил чин подполковника. В 1916 г. аттестация подполковника Э.А. Кальнина была признана выдающейся. Позже он стал генералом Латвийской армии⁵⁷.

⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-111.

⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 42-а.; *Екабсонс Э.* Офицеры-латыши в российской армии. С. 84, 104.

⁵⁷ *Екабсонс Э.* Офицеры-латыши в российской армии. С. 104; http://www.karamuzejs.lv/lv/Izstades/generali/generalis_KalninsEduards.aspx (обращение 09.12.2019).

В 1902 г. Санкт-Петербургское юнкерское училище закончил Эрнст Рейнберг (Эрнестс Рейнбергс), крестьянский сын из Курляндской губернии. Он был участником Русско-японской войны, в 1909 г. его направили в артиллерию Усть-Двинской (Даугавгривской) крепости, а в 1916 г. в чине капитана Рейнбергс служил в Севастопольской крепостной артиллерии. За службу он получил ордена Св. Станислава 3 степени, Св. Анны 3 степени⁵⁸.

Крестьянский сын из Лифляндской губернии Петр Микельсон (Петерис Микелсонс) сумел выдержать экзамен за курс среднего учебного заведения при Полоцком кадетском корпусе, затем закончил Пиротехническую школу, после которой служил в артиллерии в Усть-Двинской крепости, потом в Либаве (Лиепая). Затем он выдержал экзамен за три курса Михайловского артиллерийского училища, был произведен в поручики, потом в штабс-капитаны. В этом чине он был переведен на службу в крепость имени Петра Великого (Ревель/Таллинн). После развала империи и образования Латвийской Республики Микельсон вернулся на родину и в латвийской армии дослужился до чина полковника⁵⁹.

Нет данных о том, какой жизненный и военный путь до того, как стать прапорщиком (1912 г.), прошел Роберт-Анс-Вильгельм Зубан (Робертс-Ансис-Вилхелмс (Вилис) Зубанс или Зубаус). Известно лишь, что он служил в Севастопольской крепостной артиллерии и в 1912 г. получил чин прапорщика⁶⁰.

Иногда латыши, поступавшие на флот простыми матросами, за заслуги в боях дослуживались до офицерского звания.

Так, упомянутый выше участник подавления «Восстания боксеров» в Китае в 1900–1901 гг. Мартин Каулин (Мартиньш Каулиньш) состоял на срочной службе с 1886 г. В 1893 г. он остался на сверхсрочную в чине артиллерийского кондуктора (унтер-офицерский чин),

⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 2631.

⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 495. Л. 187; *Екабсонс Э.* Офицеры-латыши в российской армии. С. 84.

⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 495. Л. 202. В латышских источниках встречаются люди с фамилией Зубаус, а не Зубанс. Известные носители фамилии «Зубан» происходят с Украины, а не из Латвии (см.: Список жертв политического террора). Не исключено, что прапорщик Зубан изначально носил фамилию Зубаус (Zubaus). Например, Янис Зубаус был латышским стрелком во время Первой мировой войны (см.: *Latviešu strēlnieku saraksts*// <http://latviesustrēlniekusaraksts.lv/Saraksts/Z.html> (обращение 13.12.2019)). Среди студентов Рижского Политехнического института под 1909 г. указаны два человека с такой фамилией: Индрикис (Генрих) и Робертс. Робертс, 1889 г.р., который поступил в институт на Коммерческое отделение в 1907 г., вполне мог быть тем прапорщиком, служившим позже в Севастопольской крепости (*Latvieši un latvietes Krievijas augstskolās.* – 130.lpp.). Служить он мог пойти добровольно, не закончив института.

служил на крейсере «Генерал-Адмирал». Заметим, что это был первый в мире океанский броненосный крейсер⁶¹. Надо полагать, что в команду такого корабля должны были набирать матросов, уже имевших опыт работы в море. Не исключено, что Каулин еще до призыва плавал на гражданском (торговом) судне или учился в мореходных классах. На этом корабле он служил в годы Русско-японской войны (1904–1905), был награжден редкими знаками отличия ордена Св. Анны и военного ордена Св. Георгия 3 и 4 степени, которые получали лица, не имевшие офицерского звания. Нет данных о том, когда Каулин был переведен на другой корабль («Генерал-Адмирал» в связи с физическим износом в 1906 г. был перекаленифицирован в учебное судно, а в 1909 г. поставлен на ремонт). Но известно, что в 1911 г. Каулина произвели в чин подпоручика по адмиралтейству, а в 1914 г. — в поручики по адмиралтейству, то есть он числился офицером берегового состава Морского ведомства⁶². Во время Первой мировой войны Каулин служил вахтенным начальником в минной дивизии. По обвинению в преступном доверии и утере секретных документов был приговорен к каторжным работам, но принимая во внимание долголетнюю безупречную воинскую службу и награды — лишен чинов и исключен из службы⁶³.

На сверхсрочной службе остался в чине сигнального кондуктора Кристиан Мурниэк (Кришьянис Мурниекс), из крестьян Курляндской губернии. Он служил в 1-м Балтийском флотском экипаже, в 1916 г. за отличную службу был произведен в подпоручики по адмиралтейству, исполнял обязанности дежурного офицера службы связи. В разные годы службы он был награжден медалями «За усердие», «В память 100-летия Отечественной войны», «В память 300-летия Дома Романовых», «В память 200-летия Гангутской победы»⁶⁴.

Еще одним сверхсрочником, получившим в 1912 г. унтер-офицерский чин машинного кондуктора⁶⁵, был Альберт Калнин (Албертс Калниньш). Во время Первой мировой войны он служил механиком госпитального судна «Николаев». В 1917 г. Калнин стал прапорщиком по механической части, был награжден серебряной медалью «За усердие»⁶⁶.

⁶¹ См.: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1461782> (обращение 12.12.2019).

⁶² См.: Таблицы воинских званий Русского Флота // <https://forum.worldofwarships.ru/topic/17160-воинские-звания-флота-российского-императорского-флота-фарватер-5/> (обращение 12.12.2019).

⁶³ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1710.

⁶⁴ Там же. Оп. 10. Д. М-121.

⁶⁵ См.: Прохождение службы нижними чинами и унтер-офицерами // <https://arsenal-info.ru/b/book/3511670798/13> (обращение 12.12.2019).

⁶⁶ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. К-6.

Среди латышей, поступавших на военный флот нижними чинами, оказывались и дипломированные специалисты гражданского флота. Упомянем в этой связи мещанина Андрея Пуккита (Андрейс Пукитис), закончившего мореходные классы в Виндаве (Вентспилс) по специальности штурман дальнего плавания, получившего диплом штурмана и капитана 1-го разряда. Во время Русско-японской войны Пуккит служил младшим штурманским офицером броненосца «Севастополь». За участие в военных действиях был награжден Знаком отличия Военного ордена 4 степени, который по значимости приравнивался к ордену Св. Георгия, но предназначался только для нижних чинов. То есть специалист с дипломом штурмана и капитана 1-го разряда гражданского флота, но не принадлежавший к дворянскому сословию, при поступлении на военный флот сначала мог служить лишь простым матросом. В период боев с японцами Пуккит был за заслуги произведен в чин зауряд-прапорщика флота (унтер-офицерский чин; введен в 1905 г.) и был представлен к производству в прапорщики по морской части. «Севастополь» участвовал в сражении с японцами, получившем название «бой в Желтом море» 29 июля 1904 г. А в бою с японцами 19 декабря 1904 г. после обстрела торпедами броненосцев корабль затонул. В плен попали 31 офицер и 507 матросов из команды «Севастополя». Среди них оказался и Пуккит. Вернувшись из плена, Пуккит был переведен на Балтийский флот в должности командующего портовым судном «Помощник»⁶⁷.

Чин прапорщика по морской части, почти приравненный к мичману (мичманы имели на погонах на одну звездочку больше, получали больше привилегий при уходе на гражданскую службу⁶⁸) был введен во время Русско-японской войны в 1905 г., когда обнаружилась нехватка младших офицеров — выпускников Морского корпуса. Получить чин прапорщика по морской части лица, имевшие морской опыт, могли, сдав соответствующий экзамен. В основном, это были моряки гражданского и торгового флотов разного социального происхождения: как дворяне⁶⁹, так и простолюдины.

В 1904 г. был призван на службу на флот крестьянин из Курляндской губернии Андрей Лонфельд (Андрейс или Андрис Лонфелдс). Хотя в документах этого нет, вероятно, он тоже учился в мореходном учи-

⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. П-130; Ф. 417. Оп. 3. Д. 2744; Сулига С.В. Корабли Русско-японской войны. М.: Аскольдь, 1993.

⁶⁸ Иванов И. Офицеры военного времени в русской армии и на флоте // <http://cultoboz.ru/nr18/81-ofiz> (обращение 11.12.2019).

⁶⁹ См., например: Галенин Б.Г. Цусима — знамение конца русской истории. Вернер Иванович фон Курсель — прапорщик по морской части // <https://www.litmir.me/br/?b=246822&p=145> (обращение 13.12.2019).

лице, поскольку почти сразу же сдал экзамен на чин прапорщика по морской части, служил в командах броненосных крейсеров «Адмирал Нахимов», «Владимир Мономах», эскадренного броненосца «Император Николай I».

Отметим, что все эти корабли участвовали в Цусимском сражении в мае 1905 г., причем «Адмирал Нахимов» после серьезных пробоев был затоплен командой при приближении японцев, а «Император Николай I» получил сильные повреждения и был взят японцами в плен⁷⁰. Из сохранившихся архивных документов не ясно, в какой последовательности Лонфельд служил на каждом из этих броненосцев и на каком из них участвовал в Цусимском сражении. Но очевидно, что после этого сражения он был переведен на «Владимир Мономах», который тоже получил повреждения при Цусиме, но избежал гибели⁷¹. Лонфельд был награжден медалью «В память Русско-японской войны». В 1913 г. он был уволен в Морское ополчение⁷².

Еще одним дипломированным штурманом дальнего плавания, призванным на военный флот, был выходец из крестьян Рижского уезда Оскар Бирин (Оскарс Бириньш). Он окончил Магнусгофские мореходные классы с дипломом штурмана дальнего плавания. На службу Бирин был призван в 1911 г., зачислен в учебный отряд подводного плавания, затем получил звание рулевого унтер-офицера: боцманматрулевого. В 1913 г. после сдачи экзамена его произвели в прапорщики по морской части. В годы Первой мировой войны Бирин командовал тральщиком «Земля», был награжден орденами Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом и Св. Анны 3 степени с мечами и бантом, а также медалью «В память 300-летия Дома Романовых»⁷³.

Значительно возросло число латышей — прапорщиков по морской части после начала Первой мировой войны. Так, в 1914 г. экзамен на

⁷⁰ См.: *Арбузов В.В.* Броненосный крейсер «Адмирал Нахимов» // <http://wunderwaffe.narod.ru/Magazine/ВКМ/Нахимов/10.htm> (обращение 13.12.2019); Эскадренный броненосец «Император Николай I» // <https://karotka.ru/community/user/16400/?MODEL=335392> (обращение 13.12.2019).

⁷¹ См.: Броненосный крейсер «Владимир Мономах» // <https://war-book.ru/bronenosnyj-krejsler-vladimir-monoma/> (обращение 14.12.2019).

⁷² РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. Л-103; Ф. 417. Оп. 3. Д. 2306. Морское ополчение было впервые сформировано в период Крымской войны в 1854 г. В него брали добровольцев, знакомых с морским делом. В ополчение переводили также тех, кому на службе исполнилось 38 лет. В мирное время находились в запасе. После начала военных действий служили на канонерских лодках и других небольших военных судах (см.: Забытое ополчение // https://pikabu.ru/story/zabyitoe_opolchenie_4100529 (обращение 11.12.2019)); *Веремева Ю.* Всеобщая воинская обязанность в России в 1913 году // <http://army.armor.kiev.ua/hist/voen-povin-1913.php> (обращение 11.12.2019).

⁷³ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-63.

этот чин сдали выпускники мореходного училища Рудольф Фрейман (Рудолфс Фрейманис) и Роберт Цепурит (Робертс Цепуритис). В следующем году оба они получили чины подпоручика по адмиралтейству. Фрейман исполнял обязанности вахтенного начальника тральщика «Минрет», затем командовал тральщиком № 23, то есть занимался поиском мин и проводкой судов через минные заграждения. Он был награжден орденами Св. Анны 3 степени с мечами и бантом, Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом и медалью «В память 300-летия Дома Романовых»⁷⁴. Цепурит служил вахтенным начальником миноносца, затем исполнял обязанности командира тральщика «Чека», командовал транспортом «Илья Муромец», за заслуги получил орден Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом⁷⁵.

Был призван на флот после начала Первой мировой войны и в 1915 г. сдал экзамен на чин прапорщика по морской части выпускник Гайнажского (Айнажского) мореходного училища Эдуард (Эдуардс) Меднис. Он участвовал в военных действиях на Черном море, был награжден медалью «В память 200-летия Гангутской победы»⁷⁶. Одновременно с Меднисом экзамен на прапорщика по морской части сдал его однокашник по мореходному училищу Петр-Эрнст Озолин (Петерис-Эрнестс Озолиньш), также направленный служить на тральщик. Документы молчат о его участии в боевых операциях, но это вполне возможно, поскольку Озолин был награжден орденом Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом⁷⁷.

В 1914 г. прапорщиком по морской части стал еще один выпускник Гайнажского мореходного училища Александр Страутин (Александрс Страутиньш). В 1917 г. он был произведен в подпоручики по адмиралтейству. Во время войны он был специалистом-минером, служил на Балтийском флоте вахтенным начальником заградителя «Мста»⁷⁸, затем вахтенным начальником заградителя «Свирь»⁷⁹, получил ор-

⁷⁴ Там же. Д. Ф-33.

⁷⁵ Там же. Д. Ц-4.

⁷⁶ РГА ВМФ. Оп. 9. Д. 2590

⁷⁷ Там же. Ф. 406. Оп. 10. Д. О-11.

⁷⁸ Минный заградитель «Мста» был в мае 1916 г. переоборудован из грузового парохода «Руссланд» германского производства в минный заградитель и включен в состав Балтийского флота. См.: http://rosimperfleet.narod.ru/bf/mz_bf.html (обращение 12.12.2019).

⁷⁹ Минный заградитель «Свирь» был одним из немецких транспортных судов, в начале войны оказавшихся в российских портах в Финском заливе, реквизируемых и переоборудованных в минные заградители. Корабль мог брать на борт до 380 мин. См.: Статьи из парижского журнала «Военная быль» // <http://lepassemilitaire.ru/mirnaya-i-boevaya-sluzhba-otryada-minnyx-zagraditelej-baltijskogomorya-boris-arskij/> 12.12.2019).

ден Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом и медаль «В память 200-летия Гангутской победы»⁸⁰.

После начала Первой мировой войны недостаток командного состава на флоте компенсировали за счет открытых в 1915 г. в Петрограде при Морском кадетском корпусе (с 1915 г. — училище) особых Гардемаринских классов, на которых по ускоренной программе готовили мичманов военного времени. В эти классы принимали представителей низших социальных сословий⁸¹. Затем в мичманы военного времени стали переводить прапорщиков по морской части, имевших уже опыт работы в море и службы на военных кораблях.

Среди них оказались и латыши — бывшие мореходы. Например, Эрнст Баротайс (Эрнестс Баротайс) — выходец из крестьян Курляндской губернии, окончил мореходное училище в Либаве (Лиепаве) перед Первой мировой войной, в 1915 г. сдал экзамен на чин прапорщика по морской части, получил чин субалтерн-офицера, а в 1917 г. — мичмана военного времени⁸².

На военный флот после начала Первой мировой войны был призван еще один штурман дальнего плавания — Вильберт Берзин (Вилбертс Берзиньш) из крестьян Лифляндской губернии. В 1917 г. он получил чин (скорее всего, после сдачи экзамена) прапорщика по морской части, а затем чин мичмана военного времени⁸³.

Рижское мореходное училище по специальности штурман дальнего плавания закончил Карл Бредис (Карлис Бриедис), также призванный на военный флот в начале Первой мировой войны. В 1915 г. он стал прапорщиком по морской части, в 1917 г. мичманом военного времени, служил вахтенным начальником транспорта «Митава», затем вахтенным начальником заградителя «Буря». То есть Бредис служил на судах со вспомогательными, а не боевыми функциями⁸⁴.

Выпускник Петроградского мореходного училища крестьянский сын Виль Гельбе (Вилис Гелбе) также был мобилизован на Первую мировую войну, получил чин прапорщика по морской части в 1915 г., а в 1917 г. — чин мичмана военного времени. Он служил на транспорте и какое-то время даже им командовал⁸⁵. В том же году чин мичмана военного времени получил Владимир (возможно, Валдемарс) Роне.

⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. С-16.

⁸¹ *Иванов И.* Офицеры военного времени в русской армии и флоте // <http://cultoboz.ru/np18/81-ofiz> (обращение 12.12.2019).

⁸² РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-87.

⁸³ Там же. Д. Б-44.

⁸⁴ Там же. Д. Б-101.

⁸⁵ Там же. Оп. 9. Д. 824.

Он также закончил классы мичманов военного времени и до падения империи успел послужить в морской учебной команде⁸⁶.

В 1915 г. прапорщиком по морской части, а в 1917 г. мичманом военного времени стал выпускник мореходного училища Петр Кревин (Петерис Криевиньш), служивший на учебном судне «Африка»⁸⁷.

Еще одна категория офицерского состава флота – прапорщики запаса флота. В 1896 г. было принято «Положение о прапорщиках запаса флота», разрешавшее нижним чинам флота, окончившим мореходные классы, а также другие технические и механические училища, «достигать чина прапорщика запаса флота по льготному экзамену»⁸⁸.

Те, кто стал прапорщиком запаса флота в первые годы XX в., позже участвовали в военных действиях Русско-японской войны. По данным «Морского сборника», в 1904 г. численность латышей – прапорщиков запаса флота увеличилась на 18 человек, а в 1905 г. еще на 8 человек. Почти все они были затем призваны на службу во флот, а в конце 1905 г. и в 1906 г. большинство из них были уволены в запас флота, в связи с окончанием Русско-японской войны.

В 1902 г. по экзамену стали прапорщиком запаса флота латыши М. Зарин (М. Зариньш) и А. Крейшман⁸⁹. Мартин Зарин (Мартиньш Зариньш) до этого получил специальность шкипера дальнего плавания, а во время службы прапорщиком запаса флота был вахтенным офицером на транспорте, затем – на канонерской лодке «Орочанин». Во время Русско-японской войны был награжден орденом Св. Станислава 3 степени⁹⁰.

В 1903 г. прапорщиками запаса флота стали латыши П. Вийтолин и М. Силе⁹¹. Петр Вийтолин (Петерис Витолиньш) происходил из крестьян Кокенгузенской волости Рижского уезда. До сдачи экзамена на прапорщика запаса он закончил Магнусофские мореходные классы, получив диплом штурмана дальнего плавания. В 1904 г. он был призван на военную службу и назначен в Ревельский флотский

⁸⁶ Там же. Д. 3588.

⁸⁷ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. К-192.

⁸⁸ Приказ управляющего морским министерством № 53 от 04.04.1896 // Морской сборник. 1896. № 5. С. 1–12; <https://vu.gumrf.ru/wp-content/uploads/2017/02/ИСТОРИЯ-ВОЕННОЙ-ПОДГОТОВКИ-ГМА-ИМЕНИ-АДМИРАЛА-С.О.-МАКАРОВА.-12017.pdf> (обращение 08.12.2019).

⁸⁹ Морской сборник. 1902. № 11. С. 1. В документах его происхождение не указано. Но фамилия Крейшман встречается у латышей. См., например: Список жертв политического террора в СССР // <http://lists.memo.ru/index11.htm> (обращение 10.12.2019). Можно допустить, что упомянутый в Морском сборнике прапорщик запаса флота также был этническим латышом.

⁹⁰ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1424.

⁹¹ Морской сборник. 1908. № 1. С. 6.

полуэкипаж, в следующем году произведен в подпоручики флота по адмиралтейству (то есть был приписан к береговому составу ВМФ), в 1912 г. – в поручики. В 1909 г. он выдержал офицерский экзамен по полной программе Морского кадетского корпуса. Но поскольку он, в отличие от В. Кадика, был сыном крестьянина, то получал, продвигаясь по службе, чины не офицеров флота, а офицеров корпуса инженер-механиков флота. В начале Первой мировой войны в 1914 г. «за отличие в делах против неприятеля» он был произведен в штабс-капитаны, а в 1916 г. в капитаны⁹². Он командовал тральщиком «Пламя»; был награжден орденом Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом и медалью «В память 300-летия Дома Романовых»⁹³.

Микель Силе (Микелис Силе), из крестьян Гробинского уезда Курляндской губернии, закончил Либавские мореходные классы с дипломом штурмана дальнего плавания. В 1903 г. после сдачи экзамена он был произведен в прапорщики запаса флота. После призыва в 1904 г. он служил на броненосце береговой обороны «Адмирал Сенявин», участвовал на этом корабле в Цусимском сражении Русско-японской войны. Броненосец – один из немногих кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры, который почти не пострадал в этом сражении, но был после поражения русской эскадры передан японцам как победителям⁹⁴. В 1906 г. Силе был произведен в подпоручики по адмиралтейству, служил вахтенным начальником миноносца «Летучий». В ходе службы Силе исполнял также различные обязанности: заведовал военно-морским телеграфом, был и. о. мастера такелажной и парусной мастерской. В 1913 г. Силе был переведен в корпус гидрографов, за отличие по службе в 1915 г. произведен, как и Вийтолин, в капитаны флота, а также был награжден орденами Св. Станислава 3 степени и Св. Анны 3 степени, медалями «В память 300-летия Дома Романовых» и «В память 200-летия Гангутской победы». В 1916 г. он погиб от взрыва всплывшей мины во время попытки ее выловить⁹⁵.

Прапорщиком запаса флота в 1904 г. стал выпускник Рижского мореходного училища, крестьянский сын Жанно Кольберг (Жанис

⁹² Оба эти чина получали офицеры корпуса инженер-механиков флота. См.: Таблицы воинских званий Русского флота // <https://forum.worldofwarships.ru/topic/17160-воинские-звания-флота-российского-императорского-флота-фарватер-5/> (обращение 12.12.2019).

⁹³ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 596.

⁹⁴ См.: <https://forum.worldofwarships.ru/topic/4071-броненосец-береговой-оборон-адмирал-сенявин/> (обращение 13.12.2019).

⁹⁵ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 3841. Судя по приведенным данным, к корпусу инженеров причислялись специалисты – гидрографы и телеграфисты.

Колбергс). Служил он минным офицером на миноносце «Сметливый» на Черном море⁹⁶.

Экзамен на чин прапорщика запаса флота сдавали и те латыши, которые не имели мореходного образования, но приобрели технические специальности, необходимые для службы на современных на начало XX в. военных кораблях. Например, в 1905 г., сдав необходимый экзамен, чин прапорщика запаса флота по механической части получил выпускник Рижского электротехнического училища Михаил или Эдуард (или Михаил-Эдуард / Микелис-Эдуардс) Алксне. В том же году он был повышен до чина подпоручика по адмиралтейству, то есть был приписан к береговому составу флота⁹⁷. Тем не менее, Алксне служил вахтенным начальником на ледоколе и числился в команде беспроволочного телеграфа⁹⁸.

По данным «Морского сборника» и «Русского инвалида», после окончания Русско-японской войны число прапорщиков запаса флота увеличивалось на 2–3 человека в год, а в 1914–1916 гг. на 30–50 в год, так что к 1917 г. их общее число составило не менее 250 человек⁹⁹.

Таким образом, этнические латыши во 2-й половине XIX в. и до распада империи служили в офицерском составе русского флота по разным специальностям, необходимым для всесторонней плодотворной деятельности Морского ведомства. Во время службы, особенно во время боевых действий, они подвергались тем же трудностям, жертвовали своими жизнями и гибли наравне с офицерами флота. Тем не менее, более низкое социальное происхождение латышских офицеров не позволяло им вплоть до Первой мировой войны войти в элиту военно-морского флота. Да и получение чина мичманов военного времени не делало их ровней в глазах дворянской части военно-морских офицеров.

В современной российской историографии существуют высказывания, что русификация в Прибалтийских губерниях в последней четверти XIX в. способствовала развитию латышской и эстонской наций и освободила их из-под гнета прибалтийских немцев¹⁰⁰. Действительно, то обстоятельство, что латыши могли учиться в школах

⁹⁶ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. К-255; Ф. 417; Оп. 3. Д. 2073. Эскадренный миноносец «Сметливый» нес службу на Черноморском флоте // <https://web.archive.org/web/20080701013524/http://flot.sevastopol.info/ship/esminets/smetliviy.htm> (обращение 14.12.2019).

⁹⁷ См.: Таблицы воинских званий Русского флота.

⁹⁸ ГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 3. Д. 1183.

⁹⁹ См.: *Арент К.П.* Указ. соч. С. 26–31

¹⁰⁰ См.: *Федосова Э.П.* Россия и Прибалтика: культурный диалог. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 20–23 и др.; *Воробьева Л.М.* История Латвии от Российской империи к СССР. Кн. 1. М.: Фонд «Историческая память», 2009.

Таблица 8. **Офицеры-латыши Военно-морского ведомства Российской империи (1880–1917)**

№ п/п	Фамилия Имя Отчество вероисповедание РГА ВМФ (Фонд, опись, дело)	Время и место рождения, сословие	
1	2	3	
	<i>Офицеры флота</i>		
1	Баротайс Эрнест Якубович; лютеранское, Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-87	03.06.1866, из крестьян Газенпотского у. Курляндской губ.	
2	Берзин Вильберт Оттомарович (Кришьянович); лютеранское, Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-44	Нет сведений; из крестьян Вольмарского у. Лифляндской губ.	
3	Бирин Оскар Янович; лютеранское, Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-63	07.01.1888, из крестьян Лифляндской губ.	
4	Бредис Карл Андреевич; лютеранское, Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-101	29.05.1892, нет сведений	
5	Вийтолин Петр Андреевич; лютеранское, Ф. 406. Оп. 9. Д. 596	24.09.1879, из крестьян Рижского у. Лифляндской губ.	
6	Гельбе Виль Микелевич; нет сведений, Ф. 406. Оп. 9. Д. 824	26.10.1890, из крестьян Тальсенского у. Курляндской губ.	
7	Зарин Мартин Адамович; нет сведений, Ф. 406. Оп. 9. Д. 1424	08.03.1876, из крестьян Рижского у. Лифляндской губ.	
8	Кольберг Жанно Петрович; лютеранское, Ф. 406. Оп. 10. Д. К-255; Ф. 417. Оп. 3. Д. 2073	21.03.1871, из крестьян Митавского у. Курляндской губ.	
9	Кревин Петр Петрович; лютеранское, Ф. 406. Оп. 10. Д. К-192	07.06.1883, из крестьян Лифляндской губ. Урож. г. Риги	

	Чин и год присвоения	Образование, место службы, награды
	4	5
	Прапорщик по морской части – 1915, субалтерн – офицер – 1915, мичман военного времени – 1917	Либавское мореходное училище; младший офицер, временно командующий посыльным судном
	Прапорщик по морской части – 1917, мичман военного времени – 1917	Мореходное училище; штурман дальнего плавания, младший офицер
	По экзамену прапорщик по морской части – 1913 (или в 1914/15)	Магнусофское мореходное училище; штурман дальнего плавания, командующий тральщиком «Земля»; ордена: Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, медаль «В память 300-летия Дома Романовых»
	Прапорщик по морской части – 1915, мичман военного времени – 1917	Рижское мореходное училище; штурман дальнего плавания, вахтенный начальник транспорта «Митава», вахтенный начальник заградителя «Бурья»
	По экзамену прапорщик запаса флота – 1903, подпоручик по адмиралтейству – 1905, поручик – 1912 За отличие в делах против неприятеля – штабс-капитан – 1914, произведен в капитаны – 1916	Магнусофское мореходное училище; экзамен по программе морского кадетского корпуса, командующий тральщиком «Пламя»; орден Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, медаль «В память 300-летия Дома Романовых»
	Прапорщик по морской части – 1915, мичман военного времени – 1917	Петроградское мореходное училище; временно командующий тральщиком
	По экзамену прапорщик запаса флота – 1902	Магнусофское мореходное училище; шкипер дальнего плавания, вахтенный офицер на транспорте, вахтенный офицер на канонерской лодке «Орочанин»; орден Св. Станислава 3 ст.
	По экзамену прапорщик по морской части – 1904	Рижское мореходное училище; минный офицер миноносца «Сметливый»
	Прапорщик по морской части – 1915 г., мичман военного времени – 1917	Мореходное училище; команда учебного судна «Африка»

№ п/п	Фамилия Имя Отчество вероисповедание РГА ВМФ (Фонд, опись, дело)	Время и место рождения, сословие	
1	2	3	
10	Лонфельд Андрей Кришевич; нет сведений, Ф. 406. Оп. 10. Д. Л-103; Ф. 417. Оп. 3. Д. 2306	20.03. 1879, из крестьян Тальсенского у. Курляндской губ.	
11	Меднис Эдуард Карлович; лютеранское, Ф. 406. Оп. 9. Д. 2590	12.05.1888, из крестьян Вольмарского у. Лифляндской губ.	
12	Озолин Петр-Эрнест Мартынович; лютеранское, Ф. 406. Оп. 10. Д. О-11	03.07.1889, из крестьян Рижского у.	
13	Пуккит Андрей Петрович; лютеранское, Ф. 406. Оп. 10. Д. П-130; Ф. 417. Оп. 3. Д. 2744	17.01. 1865, из мешан г. Виндавы Курляндской губ.	
14	Роне Владимир Христофорович; Ф. 406. Оп. 9. Д. 3588	12.12.1897, уроженец Курляндской губ.	
	Офицеры инженер-механики		
15	Алксне Михаил (Эдуард) Юрьевич; лютеранское, Ф. 417. Оп. 3. Д. 1183	19.09.1877, из крестьян Лифляндской губ.	
16	Жагар Кристьян Эрнестович; лютеранское, Ф. 417. Оп. 3. Д. 1820	04.12.1886, уроженец г. Риги	
17	Закис Иван Адамович; лютеранское, Ф. 436. Оп. 2. Д. 315	24.05.1890, нет сведений, из Поневежского у. Ковенской губ.	

Таблица 8 (продолжение)

	Чин и год присвоения	Образование, место службы, награды
	4	5
	По экзамену прапорщик по морской части – 1904, уволен в Морское ополчение – 1913	В командах крейсеров «Адмирал Нахимов», «Владимир Мономах», броненосца «Император Николай I»; медаль «В память Русско-японской войны»
	Прапорщик по морской части – 1915	Гайнажское мореходное училище, партия траления Севастопольского флотского полуэкипажа, участвовал в высадке десанта в г. Констанца (Румыния), медаль «В память 200-летия Гангутской победы»
	Прапорщик по морской части – 1915	Гайнажское мореходное училище; младший офицер 2-й партии дивизии траления; орден Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом
	Зауряд-прапорщик флота, представлен к переименованию в прапорщики – 1906	Виндавские мореходные классы; волонтер Квантунского флотского экипажа, командир посыльного судна; орден Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Знак отличия военного ордена 4 ст., медали: «В память Русско-японской войны», «200-летия Гангутской победы», «За усердие», «За боевое отличие»
	Мичман военного времени – 1917	Школа мичманов военного времени; морская учебная команда
	По экзамену прапорщик запаса флота по механической части – 1905, подпоручик по адмиралтейству 1905	Рижское ремесленное и электротехническое училище; вахтенный начальник ледокола, в команде станции беспроволочного телеграфа
	Подпоручик инженер-механик – 1912, мичман инженер-механик – 1913	Рижский политехнический институт; инженер-технолог, в команде линейного корабля «Андрей Первозванный», в команде миноносца «Меткий»; медали: «В память 100-летия Отечественной войны», «В память 300-летия Дома Романовых»
	Прапорщик по механической части – 1917	Студент Петроградского политехнического института; школа прапорщиков флота по механической части

№ п/п	Фамилия Имя Отчество вероисповедание РГА ВМФ (Фонд, опись, дело)	Время и место рождения, сословие	
1	2	3	
18	Кадик Владимир Петрович; лютеранское, Ф. 406. Оп. 9. Д. 1627	15.11.1888, сын коллежского советника, уроженец г. Томска	
19	Казрич Антон Андреевич; нет сведений, Ф. 417. Оп. 4. Д. 1593, Морской сборник 1886—1913 годов	02.10.1863, из дворян Витебской губ.	
20	Кальнин Альберт Янович; лютеранское, Ф. 406. Оп. 10. Д. К-6	17.01.1883, из крестьян Валкского у. Лифляндской губ.	
21	Купче Альфред Робертович; лютеранское, Ф. 406. Оп. 9. Д. 2163	08.06.1888, из семьи служащего, нет сведений	
22	Лапин Генрих Иванович; католик, Ф. 406. Оп. 9. Д. 2237	06.01.1892, из крестьян Ковенской губ.	
23	Межуль Альфонс Рейнгольдович; лютеранское, Ф. 417. Оп. 5. Д. 1485	03.03.1875, из мешан г. Пскова	

Таблица 8 (продолжение)

	Чин и год присвоения	Образование, место службы, награды
	4	5
	Мичман – 1912 лейтенант – 1915	Николаевское морское инженерное училище; в команде миноносца «Сердитый», в команде крейсера «Орел». Медали: «В память 100-летия Отечественной войны», «В память 300-летия Дома Романовых»
	Младший инженер-механик – 1886, старший инженер-механик – 1901, подполковник – 1905, полковник (капитан I ранга) – 1909, генерал-майор – 1917	Техническое училище морского ведомства. Судовой механик. Умер на службе – 1917. Ордена Св. Станислава 2 и 3 ст., Св. Анны 3 ст., Св. Владимира 4 ст.
	Машинный кондуктор – 1912, прапорщик по механической части – 1917	Механик госпитального судна «Николаев»; серебряная медаль «За усердие»
	мичман инженер-механик – 1913	Николаевское морское инженерное училище; исполняющий должность судового механика миноносца «Тревожный», вахтенный начальник крейсера «Аскольд»; орден Св. Станислава 3 ст. с мечами; медали: «В память 100-летия Отечественной войны», «В память 300-летия Дома Романовых», «В память 200-летия Гангутской победы»
	Мичман инженер-механик – 1914	Николаевское морское инженерное училище; Инженер-механик, миноносец «Лейтенант Мальцев», потом «Точный»; медали: «В память 300-летия Дома Романовых», «В память 200-летия Гангутской победы»
	Младший инженер-механик – 1896, помощник старшего инженера-механика – 1901	Николаевское морское техническое училище; штатный слушатель Николаевской морской академии, исполняющий должность судового механика броненосца «Генерал-Адмирал Апраксин», в 1904 – умер на службе

№ п/п	Фамилия Имя Отчество вероисповедание РГА ВМФ (Фонд, опись, дело)	Время и место рождения, сословие	
1	2	3	
24	Цируль Карл Матисович; лютеранское, Ф. 406. Оп. 9. Д. 4550	28.01.1890, из мешан Курляндской губ.	
Артиллеристы			
25	Зубан Роберт-Анс-Вильгельм Францевич; лютеранское, Ф. 609. Оп. 3. Д. 495. Л. 202	Нет сведений, из мешан г. Риги	
26	Кальнин Эдуард; лютеранское Ф. 353. Оп. 1. Д. 42-а; РГВИА. Ф. 409 п/с 3.156 (1907)	19.12.1876, из крестьян Лифляндской губ.	
27	Микельсон Петр Андреевич; лютеранское, Ф. 406. Оп. 9. Д. 2631	19.02.1879, из крестьян Лифляндской губ.	
28	Рейнберг Эрнест Петрович; лютеранское, Ф. 609. Оп. 3. Д. 495. Л. 187	07.01.1880, из крестьян Курляндской губ.	
Береговые службы			
29	Бухгольц Август-Эрнст Иоганнович; лютеранское, Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-111	10.06.1894, из мешан г. Риги	

Таблица 8 (продолжение)

	Чин и год присвоения	Образование, место службы, награды
	4	5
	Подпоручик – 1911, мичман инженер-механик – 1913, лейтенант инженер-механик – 1915	Николаевское морское инженерное училище, Исполняющий должность старшего судового механика подводной лодки «Кугуар», офицер подводного плавания; ордена Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4 ст. «За храбрость», медали: «В память 100-летия Отечественной войны», «В память 300-летия Дома Романовых», «В память 200-летия Гангутской победы», сиамская медаль
	Прапорщик – 1912	Служил в Севастопольской крепостной артиллерии
	Прапорщик – 1901, подпоручик – 1902, поручик – 1906, подполковник – 1916	Пиротехническая школа, Михайловское артиллерийское училище по 2 разряду; Новогеоргиевская крепостная артиллерия, Квантунская крепостная артиллерия, Свеаборгское крепостное артиллерийское управление; ордена Св. Анны 4 ст. «За храбрость», Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Георгия 4 ст., Золотое оружие с надписью «За храбрость», медали
	Подпоручик – 1907, поручик – 1909, штабс-капитан – 1913, переведен в Морское Ведомство в чине штабс-капитана – 1914	Пиротехническая артиллерийская школа, выдержал экзамен за 3 курса Михайловского артиллерийского училища по 1 разряду; командир роты, переведен в Морское ведомство, служил в крепости им. Петра Великого (г. Ревель); ордена Св. Станислава 3 ст., Св. Анны 3 ст., медаль «В память 300-летия Дома Романовых»
	Поручик – 1907, штабс-капитан – 1911, капитан – 1916	Петроградское пехотное юнкерское училище по 1 разряду; служил в Севастопольской крепостной артиллерии; ордена Св. Станислава 3 ст., Св. Анны 3 ст.
	Подпоручик по Адмиралтейству – 1916	Дивизия подводных лодок 1-го флотского экипажа, порт Петра Великого (г. Ревель); Георгиевская медаль 4 ст.

№ п/п	Фамилия Имя Отчество вероисповедание РГА ВМФ (Фонд, опись, дело)	Время и место рождения, сословие	
1	2	3	
30	Каулин Мартин Петрович; лютеранское, Ф. 406. Оп. 9. Д. 1710	03.08.1865, из крестьян Рижского у. Лифляндской губ.	
31	Мурниэк Кристиан Мартинович; лютеранское, Ф. 406. Оп. 10. Д. М-121	08.02.1887, нет сведений, из крестьян Газенпотского у. Курляндской губ.	
32	Силе Микель Фрицевич; лютеранское, Ф. 406. Оп. 9. Д. 3841	16.01.1880, из крестьян Гробинского у. Курляндской губ.	
33	Страутин Александр Андреевич; лютеранское, Ф. 406. Оп. 10. Д. С-16	08.01.1888, из крестьян Лифляндской губ.	
34	Фрейман Рудольф Никович; лютеранское Ф. 406. Оп. 10. Д. Ф-33	09.11.1888, из крестьян Виндавского у. Курляндской губ.	
35	Цепурит Роберт Петрович; лютеранское, Ф. 406. Оп. 10. Д. Ц-4	02.10.1888, из крестьян Лифляндской губ.	

Таблица 8 (окончание)

	Чин и год присвоения	Образование, место службы, награды
	4	5
	Подпоручик по Адмиралтейству – 1911, поручик по Адмиралтейству – 1914, уволен со службы – 1916	Артиллерийский кондуктор, вахтенный начальник; орден Св. Станислава 3 ст., Знак отличия Военного ордена 3 и 4 ст., Знак отличия ордена Св. Анны, медали в память военных событий в Китае, «В память Русско-японской войны», «В память 200-летия Гангутской победы», «За усердие», золотая французская
	За отличную службу произведен в подпоручики по адмиралтейству – 1916	1-й Балтийский флотский экипаж, сигнальный кондуктор сверхсрочной службы, дежурный офицер службы связи; медали: «За усердие», «В память 100-летия Отечественной войны», «В память 300-летия Дома Романовых», «В память 200-летия Гангутской победы»
	По экзамену прапорщик запаса флота – 1903, подпоручик по адмиралтейству – 1906, штабс-капитан по адмиралтейству – 1912, капитан – 1915	Либавские мореходные классы; штурман дальнего плавания, вахтенный начальник миноносца «Летучий», заведующий военно-морским телеграфом, и.о. мастера такелажной и парусной мастерской, переведен в корпус гидрографов; ордена Св. Станислава 3 ст., Св. Анны 3 ст., медали «В память 300-летия Дома Романовых», «В память 200-летия Гангутской победы»
	По экзамену прапорщик по морской части – 1914, подпоручик по адмиралтейству – 1917	Гайнажское мореходное училище; вахтенный начальник заградителя «Мста», вахтенный начальник заградителя «Свирь»; орден Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, медаль «В память 200-летия Гангутской победы»
	По экзамену прапорщик по морской части – 1914, подпоручик по адмиралтейству – 1915	Мореходное училище; вахтенный начальник тральщика «Минрет», командующий тральщиком № 23; ордена Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, медаль «В память 300-летия Дома Романовых»
	По экзамену прапорщик по морской части – 1914, подпоручик по адмиралтейству – 1915	Магнусофское мореходное училище; вахтенный начальник миноносца, временно командующий тральщиком «Чека», командующий транспортом «Илья Муромец»; орден Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом

всех ступеней русский язык, позволило им реализовать себя, работая в разных регионах Российской империи. Но изучение русского языка и знакомство в подлинниках с русской литературой были только одной — и положительной — стороной усиления русского влияния в Прибалтийском крае, в отличие от перевода обучения на русский язык и требования обязательного использования русского языка во всех сферах жизни региона. Такая политика сужала круг возможного использования национальных языков и, соответственно, затрудняла развитие коренных наций. И наоборот. Прибалтийские немцы (также подвергшиеся принудительной русификации) не потеряли своего экономического и социального превосходства в крае, а выходцы из дворянского сословия продолжали сохранять привилегии в получении образования, в частности, получения военно-морского образования, оставшегося закрытым для латышей и эстонцев, независимо от того, в какой степени они владели русским языком.

Возможность получения латышами военного образования и службы в качестве офицеров в разных специальных корпусах Морского ведомства зависела от потребности Российской империи в реформах в основных сферах функционирования государства. Открывавшиеся при этом возможности использовались латышами (и эстонцами) в той же мере, как и подавляющим большинством непривилегированного населения Российской империи.

Пярлойская республика: народный миф о храбрых людях и справедливом государстве

С. Лужис

(Каунас)

Ключевые слова: Литва; самоуправление; республика Пярлоя; миф о справедливом государстве; публикации о Пярлое.

«Пярлойская республика! Слышали про такую? Да, существовала она и большой страх наводила на польских легионеров. Возможно, нигде так отчаянно не боролись за свою свободу, как в Пярлое. Не было армии, которая бы защищала Пярлою, не было никакой помощи извне, поэтому пярлойцы решили защищаться сами. Молодые мужчины, старики, подростки, женщины — все пользовались оружием, копали окопы на берегах реки Мяркис, сами заботились об амуниции и сражались, как львы. Появился командир, еще более сплотил пярлойцев, и провозгласили Пярлойскую республику. Раздавались выстрелы, взрывались гранаты, а в окопах сидел седой священник и палил из пулемета. Это был отец Л. Пяткялис — энергия, дух, президент и вождь Пярлойской республики.

Вот прекращается стрельба, священник идет в маленькую ветхую церквушку и отправляет мессу. Опять опасность! Священник прерывает службу и бросается к пулемету. Потрепанный, обрызганный грязью, но решительный, гордый, какой-то удивительно геройский. Перед многими пярлойцы не склоняли головы, многим сопротивлялись, не считались со многими, но авторитет отца Пяткялиса был неоспорим. Его слово здесь было законом. Крошечная, обомшелая церквушка, построенная во времена Витаутаса Великого, дрожала от звуков “Упадем на колени”. Бедное село называлось республикой, и ее имя было более гордым, чем Лондон или Берлин»¹.

¹ Цит. по: Sakalas J. Iš Perlojos respublikos // Sekmadienis. 1935.14.04. No. 15. P. 3. Перевод цитируемых текстов с литовского языка сделан автором статьи.

Приходское государство

Пярлойская республика — самоуправляющаяся община Пярлои² и соседних деревень (в пределах одного прихода), существовавшая с перерывами в 1918—1923 гг.³ Численность населения республики составила около двух тысяч человек. Пярлойская республика была основана на республиканском принципе жизни суверенного сообщества. Началом республики стал сформировавшийся в октябре 1918 г. пярлойский отряд вооруженной самообороны (50—80 чел.) под руководством Йонаса Чяснулявичюса, а затем Юозаса Лукошявичюса. Отряд защищал Пярлою и ее окрестности от грабителей, в основном от солдат отступающей немецкой армии, а затем — от нападений военных подразделений Советской России и Польши⁴. Избранное в ноябре 1918 г. на всеобщем приходском собрании «правительство» отвечало за организацию и руководство обороной прихода, установление и обеспечение правопорядка, за организацию учреждений по надзору за общественным порядком и бытом. Была организована милиция, суд, создан кооператив, действовали службы по уходу и охране леса, учреждения социальной помощи, образования, санитарии.

Рождение самоуправления

Восстановление Литовского государства в 1918 г. происходило, в сущности, как мирный процесс, хотя в условиях оккупации двигателем этого процесса были не силовые структуры (они попросту в то время еще не существовали), а сознательное самоопределение регионов и их консолидация. Такое формирование государства «снизу» набрало силу сразу после Компьенского перемирия, когда 11 ноября 1918 г. было принято и 13 ноября опубликовано в газете «Lietuvos aidas» («Эхо Литвы») Обращение Государственного Совета и Правительства к жителям Литвы об установлении власти на местах, то есть о замене властными органами Литовского государства существовавшей до того немецкой администрации. В этом Обращении содержался призыв «не мешкая ни дня, в каждом приходе собраться всем старшим, без различия языка и религии, и выбрать комитет из пяти или семи человек.

² В старых русских документах *Прелаи*, в польских — *Przełtaie*.

³ См. об этом также: *Лужис С.* Пярлойская республика: между мифом и реальностью // Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XXVII starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture, XXII. Daugavpils: Saule, 2019. 112—120 lpp.

⁴ *Lietuvos istorija: Enciklopedinis žinynas.* / Sudarė Eugenijus Manelis, Antanas Račis. II tomas (L—Ž). Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos centras, 2016. P. 548.

Избранный комитет должен немедленно взять в свои руки управление»⁵. Задачей Комитета было, в первую очередь, формирование милиции для защиты мирных жителей от грабежей и нападений и поддержания общественного порядка. Представители местных комитетов должны были сформировать окружные комитеты. Организация самоуправления вскоре началась по всей Литве. Сам этот процесс сегодня в Литве довольно хорошо изучен⁶.

Рождение самоуправления Пярлои и хронологически, и фактически также связано с этим процессом. Однако формирование пярлоиского самоуправления по своей сути отличается от литовского. Если в Литве *сначала было слово*, а потом сила, то в Пярлое сначала появилась вооруженная сила, а ее легитимация путем формирования приходского самоуправления наступила позже. И это связано, в первую очередь, с геополитической ситуацией местности. Пярлоя находится на юге Литвы в Дзукии – самом лесистом и самом бедном на урожай регионе страны. Под конец Первой мировой войны в этом регионе сложилась такая ситуация, что грабежи и произвол военных группировок стали почти обычным явлением. Необходимость защиты от этих банд побудила жителей к тому, чтобы создать вооруженную самооборону, более или менее организованную. И такая самооборона существовала в Пярлое еще до Обращения Государственного Совета Литвы и правительства. В своих воспоминаниях бывший учитель пярлоиской начальной школы Владас Аравичюс пишет, что отряд *«возник и долгое время действовал самостоятельно, без влияния извне; не считая приходского священника – совсем без интеллигентов. Он находился под авторитетным руководством одного бывшего унтер-офицера русской армии при содействии нескольких [пярлойцев]. Власть командира была широка и велика. Например, в случае большой опасности по инициативе командира была объявлена всеобщая мобилизация. Мобилизация приняла строгую форму. До сих пор насмеются над одним парнем, который, взяв винтовку в руки, заплакал»*⁷. По воспоминаниям тогдашнего старшего солтыса Пярлои Каролиса Навицкаса, в конце октября отряд самообороны насчитывал 50 вооруженных мужчин, а в декабре в отряде

⁵ Iš vietos savivaldos istorijos Lietuvoje: 1918–1919 m. dokumentai. / Sudarytoja Aistė Morkūnaitė-Lazauskienė. Šiauliai: Šiaulių universiteto leidykla, 2010. P. 26.

⁶ Leonas P. Lietuvos savivaldybės. Kaunas: VU Tyrimo ir mokymo centras, 1991; Morkūnaitė-Lazauskienė A. Lietuvos Respublikos savivaldybių raida 1918–1920 m.: mokslu monografija. Šiauliai: Šiaulių universiteto leidykla, 2007; Sireika J. Lietuvos savivaldybės ir savivaldybininkai: (1918–1931 metai). Šiauliai: Šiaulių universiteto leidykla, 1998; Stačiokas R., Rimas J. Lietuvos savivaldybių raida ir veiklos finansavimas: monografija. Kaunas: Technologija, 2002 etc.

⁷ Aravičius V. Perlojos partizanai // Karo archyvas. T. 10. Kaunas: Kariuomenės štabo Spaudos ir švietimo skyrius, 1938. P. 235–236.

было уже «более ста человек, молодых и старых»⁸. Руководил отрядом Йонас Чяснулявичюс⁹. Оружие жители Пярлои разными способами припасли во время войны. Вот как в своих воспоминаниях рассказывает пярлоец, боец отряда самообороны Йокубас Вайсета: «Еще в 1915 году, когда немцы пришли в нашу страну, я в окрестностях Варены искал свою повозку, взятую немцами. Неожиданно наткнулся на винтовки, собранные из окопов, которые были расположены в три ряда от столбовой дороги Толкунай до самого шоссе. Были еще ящики с артиллерийскими снарядами. Возле оружия не было охраны. Ящики со снарядами я упрятал в траншеях и, взяв одну винтовку, ночью вернулся домой. На следующую ночь я поехал в это место лесом и в повозку уложил 80 винтовок. Всех их домой не вез, но упрятал в канаве возле Шачяй. Дома я сделал ящик и в сарае выкопал яму. Когда я привез домой винтовки, то положил их в ящик и закопал в сарае. Ящик накрыл соломой, чтобы оружие не испортилось. <...> Оружие было спрятано до 1918 года»¹⁰.

Сведения о самоуправлении

Архивных данных о событиях столетней давности, связанных с самоуправлением в Пярлое, практически не осталось. Реконструкция ситуации в основном опирается на публикации о пярлоиских подвигах и жизни самих пярлойцев в довоенной литовской прессе, на опубликованные мемуары участников событий и на еще живую устную традицию.

Сведения о Пярлое представлены как военной, так и гражданской прессой: статьи публиковали газеты «Vienybė» («Единство»), «Lietuvos aidas» («Эхо Литвы»), «Rytas» («Утро»), «Lietuvos žinios» («Литовские ведомости»), «Sėkmadienis» («Воскресенье»), «Darbininkas» («Работник»), «XX amžius» («XX век»), «Laisvė» («Свобода»), «Krašto balsas» («Голос страны»), «Diena» («День»), журналы «Trimitas» («Труба»), «Kardas» («Меч»), «Karys» («Воин»), «Tėvynės sargas» («Страж отчизны»), «Vilniaus garsas» («Голос Вильнюса»), еженедельник «Šaltinis» («Источник») и другие.

Значительное количество фактографического материала можно найти и в воспоминаниях современников, опубликованных в сборнике «Военный архив» («Karo archyvas». No. 10, 12).

⁸ Aravičius V. Iš lenkų okupacijos Perlojoje // Karo archyvas. T. 12. Kaunas: Kariuomenės štabo Spaudos ir švietimo skyrius, 1940. P. 279.

⁹ Akiras-Biržys P. Lietuvos miestai ir miesteliai. T. 1: Alytaus apskritis : Dzūkų kraštas. Kaunas: J. Bačiūnas, 1931. P. 536.

¹⁰ Aravičius V. Perlojos partizanai // Karo archyvas. T. 10. Kaunas: Kariuomenės štabo Spaudos ir švietimo skyrius, 1938. P. 246.

Самая обширная довоенная публикация о самоуправлении Пярлои представлена в монографии Акираса-Биржиса (настоящее имя Пятрас Биржис) о литовских городах и местечках¹¹.

Память о прославившем Пярлою местном самоуправлении жива также в устной традиции: еще в советское время среди местного населения, особенно в застолье, бродили истории, легенды и сказания о делах «шестнадцатой республики» (Советский Союз состоит из пятнадцати республик, а поскольку «Пярлойская республика не Литва», значит, она выходит за рамки пятнадцати; и так как она находится в Союзе, надо понимать, что «Пярлоя — шестнадцатая республика¹²»).

Не обошла стороной пярлойский феномен и художественная литература. Пярлою посвящена баллада К. Боруты «Четыре огня» (*Keturios ugnys*)¹³. А. Венцлова в своей автобиографической трилогии («Весенняя река», «В поисках молодости», «Буря в полдень») так описывает Пярлою: *«Чего стоит одна деревня Пярлоя! Несколько сотен изб, длинные улицы, костел, как в городе, а все-таки это деревня. И очень своеобразная деревня. Когда-то она прославилась тем, что ее жители организовали «собственную» республику, вооружились пулеметами и несколько дней не пускали ни литовской, ни польской власти. Еще далеко от Пярлои мы слышали советы: — Когда войдете, здоровайтесь с каждым встречным. А то вас еще поколотят и выгонят из деревни.*

Так оказалось на самом деле. Мы здоровались с каждым — стариком и ребенком, и каждый вежливо отвечал нам, снимая шапку»¹⁴.

Романист Ю. Гляуда издал в 1979 г. в Чикаго роман «Пярлойская республика»¹⁵, получивший премию Дзукского Общества. В 2008 г. вышли в свет два издания по истории Пярлои, освещающие и период самоуправления¹⁶.

На русском языке репортаж о Пярлою 29 августа 2018 г. написал специальный корреспондент «Новой газеты» Илья Азар «Площади не-

¹¹ *Akiras-Biržys P.* Lietuvos miestai ir miesteliai. T. 1: Alytaus apskritis : Dzūkų kraštas. Kaunas: J. Vačiūnas, 1931.

¹² Очевидно, эти легенды и сказания появились после июля 1956 г., когда одна из шестнадцати союзных республик СССР — Карело-Финская — была преобразована в Карельскую АССР в составе Российской Федерации и союзных республик стало пятнадцать.

¹³ *Boruta K.* Lyrika / sudaryt. L. Pilius. Vilnius: Vaga, 1984.

¹⁴ *Венцлова А.* Весенняя река; В поисках молодости: повесть, воспоминания / Авторизованный перевод с литовского В. Чепайтиса. Москва: Советский писатель, 1977. С. 107.

¹⁵ *Glauda, J.* Perlojos respublika. Chicago: Dzūkų draugija, 1979.

¹⁶ *Česnulevičiūtė P.* Perloja, 1378–1923. Vilnius: [Lietuvos krašto apsaugos ministerija, Lietuvos šaulių sąjunga], 2008. 215, [2] p.; *Lūžys S., Lūžytė M.* Iš Perlojos Tavo sūnūs... Kaunas: [S. Lūžys], 2008.

зависимости. Сто лет назад в Литве возникла крохотная Пярлойская республика, а после распада СССР появился независимый район Ужупис»¹⁷.

Руководство

Всеобщее собрание прихода состоялось в Пярлоэ 13 ноября, то есть в тот самый день, когда было опубликовано Обращение Государственного Совета Литвы. Это совпадение объясняется тем, что в начале ноября Й. Чяснулявичюс был в Вильнюсе¹⁸, и, конечно, он мог иметь сведения об Обращении еще до его публикации и воспользовался им, скорее всего, для легитимации вооруженной самообороны.

В Приходской комитет были избраны пятеро: Йонас Чяснулявичюс стал председателем, Зигмас Йонитис – секретарем, членами – Йонас Свирскас, Винцас Баублис и Раулас Баублис¹⁹. Руководство вооруженными силами, то есть отрядом самообороны, взял на себя Юозас Лукошявичюс²⁰.

Была сформирована также милиция, в состав которой вошли Йонас Милинавичюс, Антанас Милинавичюс, Юозас Лукошявичюс, Пранас Анкштутис, Рокас Стошкус, Йонас Пигага²¹. Позже в милицию вступил Вацловас Важгис, который вспоминал: *«Когда я вернулся из плена, немцы уже покидали Пярлоэ. В конце декабря 1918 года я поступил в ряды Пярлойской приходской милиции»*²².

Общим собранием прихода был учрежден суд, состоящий из председателя, которым стал Й. Чяснулявичюс, и двух членов: Винцаса Пигаги и Андрияса Лукшиса²³. На должность лесничих были назначены Ромас Свирскас и Микас Стошкус²⁴, а «министром чистоты и порядка» стал Зигмас Кривас²⁵. «Неформальными членами» комитета – «серым кардиналом» – можно считать местного приходского католического священника Игнотаса Шопару, и в то время проживавшего в Пярлоэ

¹⁷ *Azar I.* Площади независимости // Новая газета. 2018.29.08. № 94. Электронный вариант // <https://novayagazeta.ru/articles/2018/08/28/77636-ploschadi-nezavisimosti> (обращение 4.12.2019).

¹⁸ *Akiras-Biržys P.* Op. cit. С. 536; *Česnulevičiūtė P.* Op. cit. P. 107.

¹⁹ *Akiras-Biržys P.* Op. cit. С. 536; *Česnulevičiūtė P.* Op. cit. P. 119.

²⁰ *Akiras-Biržys P.* Op. cit. С. 536; *Česnulevičiūtė P.* Op. cit. P. 119.

²¹ *Akiras-Biržys P.* Op. cit. С. 537; *Česnulevičiūtė P.* Op. cit. P. 127.

²² *Aravičius V.* Iš lenkų okupacijos Perlojoje. P. 275.

²³ *Akiras-Biržys P.* Op. cit. С. 537; *Česnulevičiūtė P.* Op. cit. P. 128.

²⁴ *Akiras-Biržys P.* Op. cit. С. 537; *Česnulevičiūtė P.* Op. cit. P. 128.

²⁵ *Česnulevičiūtė P.* Op. cit. P. 135

священника Юозаса Чапликаса²⁶. Вся административная власть для за-
верения подлинности документов имела одну печать — сначала церков-
ного приходского комитета, потом — с именем князя Пярлюса²⁷.

Бывший командир пярлойских стрелков Казис Тумпа вспоминал так: «*При священнике Шопаре и священнике Пяткялисе в Пярлое действо-
вал комитет по надзору за порядком. Этот комитет следил за лесами, за
внутренним порядком и через своих полицейских наказывал нарушителей.
Действовал суд самих пярлойцев. Постановления комитета, свидетель-
ства, полномочия утверждались церковной печатью. Но, говорят, имели
и свою печать*»²⁸.

Таким образом, Пярлоя имела все признаки республики (*res publica*):
законодательную власть (комитет), избранную в результате прямых все-
общих выборов, также исполнительную власть (милиция, чиновники)
и судебную (суд), свою контролируемую ограниченную территорию,
которую составляли 10 окрестных деревень, и армию (отряд самооборо-
ны). Примечательно, что собственную армию Пярлоя создала раньше,
чем сама Литва. В отличие от Литовского государства, ядром становле-
ния Пярлойской республики были ее вооруженные силы.

Следует отметить, что самоуправление Пярлойского прихода соз-
давалось и действовало независимо от существовавших в то время
в Литве официальных органов власти²⁹. При таких обстоятельствах
было закономерно, что Пярлоя не выбирала и не посылала своего
представителя в окружной комитет, хотя именно жители Дзукии пер-
выми в Литве начали заниматься вопросами местного самоуправления
на уровне округа³⁰. В конце 1918 и начале 1919 г. влияние литовского
правительства на развитие самоуправления было довольно слабым,
и ситуация еще осложнилась в связи с большевистским вторжением³¹.

Пярлойский суд

Представление о Пярлойской республике было бы неполным без
характеристики пярлойского суда — одного из важнейших учреждений

²⁶ *Akiras-Biržys P.* Op. cit. С. 537; *Česnulevičiūtė P.* Op. cit. P. 128.

²⁷ *Perlius* — легендарный основатель Пярлои. См.: *Česnulevičiūtė P.* Op. cit. P. 138.

²⁸ *Tumpa K.* *Perlojos atsiminimai // Karo archyvas.* Т. 10. Kaunas: Kariuomenės šta-
bo Spaudos ir švietimo skyrius, 1938. P. 273.

²⁹ *Česnulevičiūtė P.* Op. cit. P. 139.

³⁰ *Sireika J.* *Lietuvos valdžios 1918 m. lapkričio II d. atsišaukimas «Lietuvos piliečiai!»
ir vietos savivaldybių kūrimosi pradžia // Istorija.* Т. XXXVII. Vilnius: Alma Littera, 1998.
P. 36.

³¹ *Morkūnaitė-Lazauskienė A.* *Lietuvos Respublikos savivaldybių raida 1918–1920 m.
Šiauliai: Šiaulių universiteto leidykla,* 2007. P. 175.

здесь самоуправления. Как уже сказано, суд был учрежден общим собранием прихода и состоял из председателя Й. Чяснулявичюса и двух членов: Винцаса Пигаги и Андрюса Лукшиса. Деятельность пярлойского суда подробно описал 20 лет спустя Й. Сакалас в статье «Суд Пярлойской «республики», написанной автором по воспоминаниям жителей Пярлои. Он пишет: *«В одно воскресенье ноября 1918 года в Пярлое собрались со всего прихода мужчины (в то время женщины еще не занимались политикой). После непродолжительного, но яростного спора пярлойцы твердо решили: Мы не хотим, чтобы нами управляли немцы, русские или поляки, хотим управлять собой сами, поэтому создаем независимую Пярлойскую республику под названием князя Пярлюса. <...> Сразу был избран комитет из пяти человек, которому была поручена организация и управление всеми делами новой “республики”. Комитет организовал вооруженные силы для защиты “республики” от оккупантов, поляков, воров, грабителей и других насильников, а также принимал и применял законы и выполнял функции верховного суда, решения которого были беспелляционные и не подлежали обжалованию. Все дела, уголовные и гражданские, этот суд решал просто Соломоновым образом — быстро и точно, и пярлойцы этим были довольны.*

Несмотря на обилие лесов в окрестностях Пярлои, воровство лесов строго наказывалось, поскольку принцип состоял в том, что лес является собственностью республики и не может быть уничтожен. Кому нужен лес для топлива или строительства, тот получает разрешение комитета и бесплатно рубит столько, сколько разрешено. А если вырубает больше или тайно, для прибыли — сразу в суд. Решение короткое — продать лес с аукциона, преступник уплачивает казне республики штраф в размере 100 марок и не получает лес в течение всего года. При повторной краже — штраф в два раза и 5-дневный арест в подвале суда. А подвал был прямо здесь, в здании суда — тесный, темный, без окон. Поэтому преступники его очень боялись. Самое главное, что пярлойцы считали большим позором попасть в тюрьму «республики». В такого типа тыкали пальцем, его презирали.

В суд обращается молодая девушка — ее избил родной брат. Без вины таскал ее за волосы и пинал ногами. Комитет немедленно собирается в богадельне и вершит правосудие. Насильник, который не хотел идти в суд добровольно, приведен вооруженной охраной. Суд заслушивает стороны и свидетелей и принимает решение: семь дней в подвал, еда — фунт хлеба и литр воды в день. Если повторно провинится — получит 15 суток. Судьи сами закрывают преступника в подвале, но не устанавливают охрану. Ведь он никуда не убежит. Границы “Республики” небольшие, сама Пярлоя и 10 соседних деревень, так что преступника поймать легко. А если убежит за ее пределы, пускай бежит, но назад пусть не возвращается, а то

будет плохо. <...> В результате не было никаких побегов из тюрьмы во время существования “республики”.

Конокрады сурово наказывались. Приводят в суд такого бездельника, который обидел своего соседа, похитив его жеребца. Решение готово через 10 минут: вернуть лошадь потерпевшему, вор должен заплатить владельцу лошади 700 марок за потерянное время и неприятности, бросить его на 15 суток в подвал “на хлеб и воду”. Обе стороны кланяются суду, выражают свою искреннюю благодарность и идут своими путями — один с лошадью домой, другой в темный подвал. Даже самое маленькое преступление не может остаться безнаказанным, потому что в «республике» должен быть образцовый порядок. Вот пожилая вдова жалуется суду, что ее оскорбил сосед, назвав шлюхой. Через полчаса преступник уже в суде: “Докажи, что она ведет себя так, как ты сказал ее соседям!” — повелевает суд. Однако обвиняемый не может доказать это. Следовательно, виновен. Решение ясное: в воскресенье, после богослужения, должен стать у дверей церкви, и когда люди выйдут на церковный двор, должен публично и громко извиниться перед нею и признать, что незаслуженно оклеветал ее. Если не сделаешь это — получишь 100 марок штрафа и пять суток в подвале. И в воскресенье осужденный сам выполняет решение суда. Честь женщины восстановлена, виновный наказан и проучен, а граждане «республики» получили хороший пример. <...>

За убийство, грабеж и предательство секретов “республики”, особенно партизанской деятельности, было одно наказание — расстрел. За другие, более мелкие преступления — несоблюдение чистоты, спекуляцию продуктами питания, неуважение к «республике», сопротивление чиновникам и драки — преступники наказывались штрафами, мужчинам приходилось вне очереди нести вахту на польском фронте, рыть окопы, собирать пожертвования на пропитание партизанам и т.д. Однако даже после того, как Пярлойская «республика» была присоединена к независимой Литве, не было ни одного обжалования решений этого суда³².

Трудное время

Пярлойское самоуправление свободно действовало до февраля 1919 г., когда его оккупировали войска Красной армии. Но и в условиях оккупации Пярлоя сумела сохранить свою административную власть, только Приходской комитет был вынужден сменить название на Ревком. Большевикам противостояли пассивно, но решительно³³.

³² Sakalas J. Perlojos «respublikos» teismas // Sekmadienis. 1938.07.08. No. 32. P. 3.

³³ Aravičius V. Iš lenkų okupacijų Perlojoje. P. 271.

Как вспоминает Йонас Свиркас, «*тем летом мы и полевые работы выполняли с оружием. Хорошо помню, что я, Йонас Чяснулявичюс и другие рожь везли вооруженные. Большевики отбирали лошадей у безоружных людей, а вооруженных не трогали. Когда позже появилось больше большевиков, нам пришлось спрятать лошадей. Многие со своими лошадьми покинули свои дома и спрятались за 20 км в лесу Варча. Когда основные силы большевиков прошли, мы с лошадьми вернулись домой*»³⁴.

После окончания советской оккупации в середине апреля 1919 г., Пярлоя как «независимая республика» жила еще две недели. 2 мая 1919 г. Пярлою, после предварительного обстрела, заняла рота 1-го полка литовской армии. Й. Чяснулявичюс, Ю. Лукошявичюс, И. Свиркас и еще 10 пярлойцев были арестованы, но через месяц, без следствия, из каунасской тюрьмы вернулись домой. Остальные — разоружены³⁵. Так закончилась первая фаза пярлойского феномена.

Спустя несколько месяцев затишья началась польская оккупация, которая длилась почти десять месяцев, до лета 1920 г. Сопrotивление оккупанту носило частично пассивный характер и выразилось в игнорировании распоряжений властей, отказе от сотрудничества с ними, частично — характер партизанской войны: проводились диверсии, саботаж, партизанские рейды и набеги.

Освободившись от оккупации, Пярлоя воскресла как важный и надежный форпост в войне с поляками. Пярлоя оказалась в нейтральной зоне. Началась новая фаза самостоятельности, хотя и суженной, которая длилась фактически до 1923 г. Вооруженным отрядом самообороны, названным отрядом шаулис (стрелков), и дальше руководили пярлойцы, но со временем (в 1921 г.) их заменил начальник, присланный из Литвы. Отряд теперь охранял не только территорию прихода, но и приграничные селения Литвы. Президентом Пярлойской «республики» скоро стали называть новоприбывшего (в августе 1919 г.) священника местной приходской католической церкви Ляонаса Пяткялиса, который оказывал большое влияние не только на прихожан, но и на членов вооруженного отряда. Л. Пяткялис умел общаться с людьми, народ любил и уважал его.

Часть пярлойского отряда — 42 добровольца — принимали участие в присоединении Клайпедского края к Литве в начале 1923 г. Вернувшись из этого похода, они нашли Пярлою разделенной на две части. Часть Пярлои за рекой Мяркис — Аношалис уже была Польшей. Не стерпев такой обиды, пярлойцы, воодушевленные Пяткялисом, ночью 26 февраля 1923 г. напали на поляков. В бой их вел Казис Тумпа.

³⁴ *Aravičius V. Iš lenkų okupacijos Perlojoje. P. 287.*

³⁵ *Česnulevičiūtė P. Op. cit. P. 139–140.*

Битва глубоко запала в памяти пярлойцев: многие варианты рассказов об этой битве продолжают жить в устной традиции. Битва стала последним кровавым и неудачным столкновением Пярлойской «республики» с врагом. И это был последний раз, когда Пярлоя действовала организованно, независимо от центральной литовской власти. Битва считается концом пярлойского самоуправления.

Название республикой

В воспоминаниях очевидцев само слово «республика» отсутствует. Отсутствует оно и в первых заметках и небольших публикациях в литовской прессе о Пярлое и ее самоуправлении. События именуются восстанием. 20 февраля 1920 г. в газете «Vilniaus garsas» Ляусмарис (настоящее имя Пятрас Юргела), упоминая в своей публикации 1918 год, приводил и некоторые сведения о пярлойцах: «*в древности воинственный народ, также и теперь, например, восстание в 1918 году против немцев, партизанские бои с большевиками. Среди жителей самое большое во всей Дзукии национальное самосознание. Пярлоец не даст себя обидеть ни русскому, ни еврею, ни кому другому*»³⁶.

Примерно так же он писал и в декабрьском номере этого журнала: «*Пярлойцы еще и теперь воинственны. Воевали против царской власти, в 1918 году восстали против немцев, понемногу выталкивали большевиков, не побоялись и поляков. Жители у солдат крали не только винтовки, но и пулеметы. <...> У них есть опытные вожди, фельдшера, лошади. Несколько [человек. — С.Л.] служат в армии, все старшими. Походы проводятся тайно, действуют храбро, хитрее, нежели войско. Молодежь активная, просвещенная. Единство примерное. Одним словом — примерный уголок*»³⁷.

Эти первые попытки представить пярлойцев как особенный народ уже передают одно важное качество — общность. И эта общность действующего становится принципом, моделью для представления исторических событий, связанных с самоуправлением Пярлойского прихода. Этому также способствовали и публикации обращений жителей к литовскому правительству, которые, как правило, подписывались именем общины или организации, а не персонально. Общественное дело по-латыни и есть «*res publica*».

Следующая публикация о Пярлое — уже как о Пярлойской республике была напечатана 15 июня 1921 г. в газете «Laisvė» под названием

³⁶ *Liausmaris*. Perloja // Vilniaus garsas. 1920.20.02. No. 7. P. 7.

³⁷ *Liausmaris*. Perloja (Dainavos šalis) // Vilniaus garsas. 1920.13.12. No. 29. P. 5.

«Пярлойская «республика». Публикация стала прямым следствием посещения Пярлои председателем Союза шаулисов (стрелков) Литвы и одним из основателей этого Союза Владасом Путвинскисом и двумя членами Сейма. Рассказ представлен в форме диалога между гостями из Каунаса и местными солдатами. Текст состоит из 2562 печатных знаков, но не было названо ни одной фамилии, ни одного имени, только упомянули, что *«напротив выстроились около трехсот вооруженных мужчин»*. Структура республики описывается несколькими словами: *«вбегали в Пярлою и увидели тех мужчин, которые не признают польской и не знают литовской власти. Они имеют своего «коменданта», свой суд — словом — являются отдельной республикой. Имеют они разного рода оружие»*³⁸.

Спустя десять дней, 25 июня 1921 г. этот текст практически дословно и под тем же самым названием «Пярлойская «республика» был перепечатан в журнале «Trimitas». Изменены только сведения о численности вооруженного отряда: *«напротив выстроились несколько сотен вооруженных мужчин»*³⁹.

«Пярлойской республикой» назвал самоуправление Пярлои в своей публикации в иллюстрированном журнале офицеров Литвы «Kardas» и капитан Йонас Вегелис⁴⁰.

Традиция названия Пярлойского самоуправления республикой была продолжена в литовской прессе и в 1930-х гг. Пярлоя была едва ли не обязательным местом посещения писателями и журналистами, путешествующими по Литве. О своих впечатлениях они сообщали в периодических изданиях. Так, писатель П. Цвирка, посетив эту деревню в 1930 г., описал свои впечатления в очерке под названием «Независимая деревня на юге Литвы». По его наблюдениям, *«это самая большая деревня в Литве. В самые трудные времена борьбы за независимость, когда пярлойцы устали воевать со всеми, они задумали основать Пярлойскую республику, а остальных — литовцев или поляков — объявить врагами»*⁴¹.

Примерно так же Пярлою характеризовал главный редактор газеты «Lietuvos žinios» Йонас Кардялис: *«Пярлоя — интересная деревня; это своего рода Дзукская республика, которая после войны почти никого*

³⁸ Perlojaus «republika» // Laisvė. 1921.06.15. No. 130. P. 1.

³⁹ Perlojaus «republika» // Trimitas. 1921.25.06. No. 24. С. 22–24. *Akiras-Biržys P.* Op. cit. P. 548.

⁴⁰ *Vigelis J.* Perlojaus respublika // Kardas. 1925.01.07. No. 12. P. 6–7.

⁴¹ *Cvirka P.* Nepriklausomas kaimas Lietuvos pietuose // Sekmadienis. 1930.27.07. No. 30. P. 4.

не признавала. Была большевиков, была поляков. Не лучше встретила она и вооруженные силы Литвы»⁴².

Но наиболее полную характеристику Пярлойского феномена как «республики» дал уже упомянутый выше Акирас-Биржис. 13 августа 1931 г. в еженедельном журнале Союза литовских стрелков «Trimitas» была напечатана его статья под названием «Пярлоя». О пярлойцах автор написал: «Большинство отправлялись в Варену, где в летнем лагере были размещены большие части российских войск, и собирали артиллерийские патроны и продавали их евреям — «подрядчикам». Со всей округи собирались искать этот доход, но пярлойцы уже и тогда отличались быстротой и храбростью. Русские о них говорили: «Они привыкли снаряды на лету ловить». Во время борьбы за независимость Литвы пярлойцы сыграли заметную роль. По всей Литве в свое время была известна «Пярлойская республика» и пярлойцы — «литовские казаки». Великая война изнурила и разорила даже хозяев плодородных земель. Пярлойцам война принесла еще больше ущерба. Борьба за независимость Литвы также шла вдоль реки Мяркис, и Пярлоей овладевали то поляки, то большевики, то литовцы, то снова она доставалась врагам Литвы. Даже сегодня часть Пярлои, находящаяся за рекой Мяркис, оккупирована поляками. Устав от свиста пуль и насилия, пярлойцы решились не доверять никому, не признавать никого, а довериться только своей родной деревне, своей политической кровью и потом отцов земле. Примечательно, что у пярлойцев есть давняя традиция не жениться на девушке из чужой деревни и не позволять выдавать замуж в другую деревню. В свое время Пярлоя попала в нейтральную зону. Тогда сама жизнь, судьба, побудила пярлойцев создать собственную «республику». Ну и сильной была эта республика! Пярлойцы были настолько организованы, что на самом деле являлись серьезной вооруженной силой, которая наносила большой ущерб полякам, большевикам, а когда 1-й пехотный полк вооруженных сил Литвы достиг Пярлою, и ему по ошибке пришлось вкусить порох пярлойцев. Позже пярлойцы были самыми смелыми среди добровольцев Вооруженных сил Литвы, их называли, как уже упоминал, «казаками Литвы». «Пярлойскую республику» изначально возглавлял Йонас Чяснулявичюс, позднее приходской священник Пяткялис»⁴³.

Самоуправление Пярлои называет республикой в своем репортаже «Из песков Пярлои» в еженедельнике «Sekmadienis» журналист и писатель Людас Довиденас, подписавшийся псевдонимом Вилиямелис: «Мы знаем, что пярлойцы создали и свою «республику», и провозгласили ее «свободной независимой Пярлойской землей»»⁴⁴.

⁴² Kardelis J. Ties dviem tiltapusém // Lietuvos žinios. 1931.27.07. No. 167. P. 3.

⁴³ Akiras-Biržys P. Perloja // Trimitas. 1931.13.08. No. 33. P. 649.

⁴⁴ Viliamėlis. Iš Perlojos smiltynų // Sekmadienis. 1932.03.07. No. 27. P. 3.

Несколько статей о Пярлое в 1935–1936 гг. опубликовала независимая общественная газета «Diena». Две статьи на эту тему принадлежали автору, подписавшемуся как Валянтас (Valentas). В № 14 за 7 апреля 1935 г. была помещена его статья «Как поживает самая маленькая республика». Он писал: *«Рядом с самой демаркацией, где земля богата не урожаем, а песнями и морем песка, находится большое село — Пярлоя, единственное село в мире, где когда-то самими жителями была создана независимая Пярлойская Республика»*⁴⁵. Эту тему он продолжил в № 38 в статье «Пярлоец, который с просьбой пешком дошел до царя»: *«В те годы пярлойцы создали собственную республику и избрали президента. Пярлоя — единственное село в мире, где когда-то существовала созданная самими жителями республика»*⁴⁶.

В следующем году упоминание Пярлойской республики находим в репортаже корреспондента изданий «Diena» и «Lietuvos naujienos» Стасиса Мацеяускаса, написанном по впечатлениям его путешествия по Литве. О Пярлое он написал: *«Ведь здесь в свое время существовала Пярлойская Республика, насчитывавшая 300 мужчин, которые не признавали ни Польшу, ни Литву»*⁴⁷.

Заметки и публикации о Пярлойской республике появлялись и в других газетах, представлявших разные политические направления. Так, официоз «Lietuvos aidas» в 1937 г. напечатал небольшую статью Йонаса Мишкиниса под названием «Пярлоя — самая решительная деревня в Алитусском уезде». В статье говорилось, что *«рядом с административной линией [между Литвой и Польшей. — С.Л.], в море песка находится большая деревня Пярлоя, которая особенно прославилась в боях за независимость в 1919–1923 годах. Перед лицом вражеской угрозы пярлойцы сформировали местное правительство и объявили «республику». Были сформированы органы обороны, юстиции и др.»*⁴⁸

В следующем году о Пярлойской республике упоминалось в репортаже «Прекрасная Литва» в газете Союза литовских христианских рабочих «Darbininkas». Один из разделов репортажа прямо указывает на республику *«Здесь была Пярлойская республика»: «Но особенно прославилась Пярлоя в боях за независимость. Осенью 1919 года пярлойцы созвали всеобщее собрание и единодушно решили создать отдельную Пярлойскую республику, названную именем князя Пярлюса. Они выбрали свое правительство, суд и полицию. Это избранное правительство из 5 че-*

⁴⁵ Valentas. Kaip gyvena mažiausia respublika // Diena. 1935.04.07. No. 14. P. 4.

⁴⁶ Valentas. Perlojietis, kuris pėsčias nuėjo su prašymu pas ciesorių // Diena. 1935.22.09. No 38. P. 6.

⁴⁷ Maciejauskas S. Kelionė aplink Lietuvą // Diena. 1936.06.12. No. 49. P. 3.

⁴⁸ Miškinis J. Perloja — ryžtingiausias kaimas Alytaus apskrity // Lietuvos aidas. 1937.06.08. No. 352. P. 6.

ловек управляло всей “республикой”, в которую входили городок Пярля и 10 деревень. Оно судило грабителей, воров и развратников, брало налоги, делило лес, организовало милицию, следило за соблюдением законов о чистоте и праздниках и т. д. И порядок в “республике” был действительно образцовым, кражи, грабежи и драки происходили редко. Добровольцы — защитники маленькой “республики” изгнали немецких оккупантов и смело защищали Пярлю от поляков. Пярлойская “республика” существовала почти два года. <...> Приходской священник о. Пяткялис был прозван “президентом Пярлойской республики”, потому что он руководил не только их духовными делами, но и борьбой за свободу»⁴⁹.

Подробное описание работы суда Пярлойской республики в статье Й. Сакаласа уже упоминалось выше. Характерно, что в рассказе, записанном много позже существования Пярлойского самоуправления, но по воспоминаниям очевидцев, слово «республика» стоит в кавычках. Из статьи не известно, употребляли ли это слово рассказчики или Сакалас таким образом совмещал рассказ пярлойцев с тем названием этого социально-политического феномена, которое вошло в оборот в 1930-е гг.

Пярлойскую республику представляет своим читателям и газета католической ориентации «XX amžius». 24 июля 1939 г. газета напечатала публикацию Албинаса Станялиса «Где была республика из десяти деревень и столицы», в которой между прочим говорится: «Особенно прославилась Пярля в 1918 году. Пярлойцы в борьбе за свою независимость даже объявили отдельную “республику”. Эта «республика» имела власть из пяти человек, но затем образовала «союз» с государством Литвы. Вся республика состояла из десяти деревень и столицы Пярля. Республику возглавлял священник Пяткялис. Благодаря его сообразительности были изгнаны из “республики” поляки, организована собственная милиция»⁵⁰.

Именно борьба с поляками после совершения Польшей бесцеремонного нарушения Сувалкского договора вводит Пярлойскую республику или, вернее, ее вооруженные силы в литовскую прессу. И это делается даже без указания местности. Главное — храбрость вооруженного отряда. Такого рода заметку под рубрикой «Деяния стрелков-партизан на фронте» еще 23 октября 1920 г. поместила газета «Laisvė»: «Одна из деревень Дзукии, N., дала 300 партизан, которые яростно сражались с польскими регулярными войсками на реке Мяркис и дважды отбили их штыками, нанеся им большие потери. Командир пярлойцев Йонитис был ранен штыком и в настоящее время лежит в Каунасской

⁴⁹ Gražioji Lietuva // Darbininkas. 1938.16.09. No. 3. P. 11.

⁵⁰ Stanelis A. Kur buvo respublika iš dešimties kaimų ir sostinės // XX amžius. 1939.07.24. No. 165. P. 7.

больнице»⁵¹. Эту заметку 4 ноября того же года в обзоре прессы перепечатал журнал «Trimitas»⁵².

Показательно, что название Пярлойского самоуправления республикой в печати появляется в связи со всенародными обсуждениями «плана Гиманса»⁵³. В 1921 г. пярлойцы активно протестовали против этого проекта. Видя в проекте стремление подчинить Литву Польше, пярлойцы рассматривали попытки демилитаризации прифронтовой зоны как прямую угрозу их собственной безопасности и свободе. Их обращение по поводу разоружения нейтральной зоны изложено в газете «Laisvl» (No. 17) еще до принятия резолюции Лиги Наций по этому вопросу. В обращении говорится: *«Слух о пярлойских стрелках широко распространен по всей Литве. Наверное, нет такого уголка в Литве, где население такое сознательное и так сильно настроено против поляков, как в Пярлое. Здесь живут только литовцы. В Пярлое более тысячи жителей, это значительное число для одной деревни! Неудивительно, что из этой деревни есть несколько сотен стрелков, которые готовы погибнуть, но не пропустить польских захватчиков. Пярлоя находится у нейтральной зоны. Здесь нет литовских войск, поляки постоянно нападают на нас и пытаются нас ограбить. Мы, старые и молодые, маленькие и большие, у кого есть оружие, защищаемся днем и ночью. Жаль, что у нас мало оружия и патронов! Но для нас еще более прискорбно и больно, что в нашей Литве появляются такие выродки, которые, прислуживая польскому интересу, насмеваются над нами, клеветуют и всячески стараются нас разоружить.»*⁵⁴ И это не пустые слова: в тот же день, то есть 22 января 1921 г., «Trimitas» опубликовал заметку следующего содержания: *«3 января в 10 часов вечера поляки напали на Пярлою. Они вели интенсивный обстрел, но пярлойские стрелки их отбили. Бой продолжался 50 минут»*⁵⁵. В 1921 г. подобного рода обращения пярлойцев так же опубликовали журнал «Trimitas» (No. 28)⁵⁶ и газета «Lietuva» (No. 177)⁵⁷. На этом фоне как раз и появляется название «Пярлойская республика»: как уже сказано, именно так 15 июня 1921 г. Пярлойское самоуправление назвала газета «Laisvl», а десять дней спустя, 25 июня 1921 г., журнал «Trimitas».

⁵¹ Šaulių-partizanų darbuotė fronte // Laisvė. 1920.23.10. No. 220. P. 1.

⁵² Laikraščių apžvalga // Trimitas. 1920.04.11. No. 14. P. 22.

⁵³ «План Гиманса» – выдвинутый весной 1921 г. бельгийским дипломатом Полем Имансом план урегулирования польско-литовского конфликта, предусматривавший создание государства, состоящего из двух кантонов с центрами в Вильнюсе и Каунасе.

⁵⁴ Atsišaukimas Šaulių Perlojos apielinkės // Laisvė. 1921.22.01. No. 17. P. 3.

⁵⁵ Šaulių žinios // Trimitas. 1921.22.01. No. 3. P. 24.

⁵⁶ Nedžingių ir Perlojaus apylinkės gyventojai pareiškė // Trimitas. 1921.23.07. No. 28. P. 12.

⁵⁷ Piliėčių balsai // Lietuva. 1921.11.08. No. 177. P. 3.

Со временем «Пярлойская республика» стала своего рода символом участи самой Литвы: мужеством и силой защищена независимость, но часть ее территории осталась оккупирована. И желая высказать горечь утраты Вильнюса и Вильнюсского края, выразить надежду на его возвращение, достаточно было вспомнить Пярлою. «Пярлойская республика» ассоциировалась с храбростью и отвагой, самоотверженностью и патриотизмом, единством и сплоченностью. Майор запаса Пятрас Гудялис писал: *«Верю, что настанет время для лучшего понимания и оценки партизанской идеологии. Если теперь были награждены люди, то со временем может будут удостоены чести партизанские колыбели, такие как Пярлоя, Йонишкелис»*⁵⁸. Проявившиеся там достоинства были порождены республиканским образом жизни. «Общее дело» способно сплотить духовное и демократическое управление для обеспечения независимости и свободы, гарантировать безопасность. С течением времени этот идеал в народной памяти стал присущ «Пярлойской республике». Происходила некая мифологизация того, как складывались отношения между жителями на территории Пярлойского самоуправления и руководителями этого самоуправления, мифологизация храбрых подвигов пярлойцев и их способности выживать.

Вера в народе в правдивость рассказов о Пярлойской республике поддерживалась и тем, что определенная независимость пярлойцев в принятии решений об общественной жизни в Пярлою сохранялась и после упразднения самоуправления. Например, в 1930 г. этот маленький приход построил новую церковь «как в городе»; в 1931 г. был воздвигнут самый большой в Литве памятник Витаутасу Великому. Во время Второй мировой войны, в 1943 г., был выполнен полный внутренний декор высокого качества той же Пярлойской римско-католической церкви, а после войны здесь шла активная партизанская война. В литовском сознании Пярлоя стала символом патриотизма, сакральным форпостом свободы и демократии.

⁵⁸ *Gudelis P.* Partizanai — Lietuvos kūrimosi laikų kariško tautos pasirošimo mastas // Rytas. 1936.27.01. No. 21. P. 5.

Штрихи к биографии Александра Ружанцова: письма из Литвы. 1926 год

Т.В. Сергина

(Москва)

Ключевые слова: Александр Ружанцов; Е.Н. Клетнова; Республика Лит-Бел; Литовская республика (1918–1940); белорусские войска в армии Литовской республики.

Имя Александра Ружанцова достаточно часто встречалось на страницах литовской и белорусской печати, начиная с 1920-х гг. Судьба его была вплетена в историю трех соседних стран: России, Белоруссии и Литвы. Уроженец Смоленской губернии, этнический белорус, бывший командир Красной армии, он весной 1919 г. перешел линию фронта, служил в литовской армии, до 1944 г. жил в Литве, быстро вошел в разнонациональные литературные круги Литовской Республики, затем эмигрировал в Германию и умер в 1966 г. в США¹. Причем о нем как о белорусском литераторе упоминали и в советской белорусской, и в литовской историографии. Правда, надо учитывать, что об эмигрантах, к тому же воевавших против советской власти, писать исключительно в положительном тоне в СССР было невозможно. Соответственно, в статьях, выходявших к юбилейным датам Ружанцова, наряду с высокими оценками его творчества осуждалась его «враждебная для Родины деятельность» и «судьбоносная ошибка» бегства на Запад².

¹ *Антонанў А.* Аляксандр Ружанцоў: Накіды да біяграфіі //Беларускі Гістарычны Агляд. 2009 Т. 16. Сш. 2. Интернет-версия: <http://www.belhistory.eu/andrej-antonau-alyaksandr-guzhancou%20> Накіды да біяграфіі_Беларускі Гістарычны Агляд. htm (обращение 04.12.2019); *Raštikis S. Įvykai ir žmonės. T. III. Čikaga, 1972*; Беларускія пісьменнікі: біябібліяграфічны слоўнік: у 6 т. Т. 5. 1995. С. 168–169; *Бяляцкі А.* Аляксандр Ружанцоў – Алесь Смаленец // Шляхам гадоў. 1993. С. 43–47; *Денене Л.* Александр Ружанцов в литовской культуре // Вильнюс. 1996. № 2. С. 122 и др.

² *Антонанў А.* Ор. cit.; *Тумаши В.* Аляксандра Ружанец-Ружанцоў. Да 60-годдзя жыцця // Запісы Беларускага інстытута навукі і мастацтва. № 1 (5). Vol. III. 1954. С. 41–43; *Kviklys B.* Bibliografui A. Ružaniec-Ružancovui 70 metų // Knygų Lentyna. No. 2 (131). 1963. P. 35–36; *Vladimirovas L.* Gyvenimo ir bibliografijos kelias ir klystkėliais // Knygotyra 8.1980. P. 27 и др.

Сам Ружанцов был известен как поэт, библиограф, автор работ, основанных на его воспоминаниях. Он публиковался как под своим именем, так и под псевдонимом Алесь Смаленец (Смалянец), что напоминало о его родной Смоленщине³. Некоторые его работы были впервые опубликованы уже после распада СССР⁴.

Характерно, что биография Ружанцова в упомянутых выше изданиях начинается со времени его жизни в Литве. Некоторые же штрихи его жизни в более ранний период были восстановлены в России в связи с исследованиями жизни и творчества его учительницы и друга, известного краеведа, археолога, этнографа Екатерины Николаевны Клетновой, внесшей заметный вклад в развитие науки и культуры Смоленского края в конце XIX — первой четверти XX в.

А. Ружанцов, родившийся в 1893 г. в Вязьме, относился к известной в Вязьме фамилии, представители которой проявили себя, в том числе, на духовном поприще. Имя священника Н.П. Ружанцова (предположительно, отца А. Ружанцова) упоминается в связи с празднованием в Смоленской губернии 100-летия Отечественной войны 1812 г. В 1911 г. в Вязьме был образован комитет по подготовке к этому юбилею, председателем которого была избрана Е.Н. Клетнова. Члены этого комитета собрали немало вещественных, письменных и устных памятников эпохи войны. Для их размещения и обустройства настоятель Вяземской Богородицкой церкви священник Н.П. Ружанцов предложил Комитету использовать пустующую привратную часовню церкви, находившуюся в центре города. Это предложение было принято, и первый в городе музей был открыт к празднованию юбилея в Вязьме — к 22 октября 1912 г.⁵

В 1910-х гг. А. Ружанцов мог наблюдать за археологическими раскопками по среднему течению реки Вязьмы, которыми руководила Е.Н. Клетнова; возможно, он сам принимал в них участие. Во всяком случае, Ружанцов «заразился» интересом к краеведению и поддерживал с Клетновой дружеские отношения, считая себя ее учеником. Под вли-

³ *Smaleniec A. Gudų knygos ir laikraščiai Lietuvos nepriklausomoj dalyjeišėje 1919–1921 // Knygos. 1922. No. 1. С. 93–96; Ružancovas A. Lietuvos karo bibliografija, 1917–1922. Kaunas. 1923; Смаленец А. Да стаціі В-ста «Аб паленні кніг на Беларусі» // Крывіч. 1924. № 2 (8). С. 32; Смаленец А. Першы крок // Покліч. 1.10.1926. С. 31; Ružancovas A. Centrinė kariuomenės biblioteka 1928 metais // Musų Juinynas. 1929. No. 49. P. 51–256.*

⁴ См., например: *Ружанцоў А. Беларускія войскі ў Літве 1918–1920 // Спадчына. 1993. № 4. С. 24; Ružancovas A. Kaunas 1831 ir 1863–1864 metų sukilimuose // Kauno Istorijos Metraštis. T. 3. Kaunas, 2002. P. 301–330.*

⁵ *Севостьянова Л.Г. Роль Е.Н. Клетновой в подготовке торжеств в честь 100-летия Отечественной войны 1812 года в г. Вязьме // Е.Н. Клетнова. Неизвестные страницы жизни и деятельности. Материалы Международной научно-практической конференции (Вязьма. 28–29 мая 2008 г.). Вязьма. 2008. С. 125.*

янием этих юношеских интересов Ружанцов поступил после гимназии в 1911 г. на историко-филологический факультет Московского университета, закончить который помешала Первая мировая война. В 1914 г. он обучался в Александровской военной школе и стал военным, затем принимал участие в боях русской армии в Прибалтике, был ранен⁶.

Связь друг с другом ученик и учитель, видимо, потеряли в 1918 г., когда Ружанцову пришлось уехать из Смоленска в Москву, а затем отправиться на фронт Гражданской войны. Уже в 1919 г. он оказался в Литве, не имея какое-то время связи с родиной. Е.Н. Клетнова, ставшая к тому времени известным переводчиком-либреттистом, профессиональным археологом, этнографом, получившая за преподавательскую и организационную деятельность звание профессора Смоленского университета, в 1924 г. уехала в Прагу в научную командировку и обратно в Россию не вернулась⁷.

О том, как была восстановлена их связь в 1920-х гг., свидетельствуют два письма Ружанцова, хранящиеся ныне в Государственном архиве Российской Федерации (далее — ГА РФ) в фонде № 6770 (Е.Н. Клетновой). Эти письма были впервые опубликованы без комментариев в 2008 г. в связи с изучением жизни и деятельности Е.Н. Клетновой в эмиграции в Праге. Тогда они вызвали интерес автора настоящей статьи, в первую очередь, как характеризующие отношение Ружанцова к своему учителю. Вместе с тем, эти письма, написанные Ружанцовым из Каунаса, содержат неизвестные ранее подробности биографии Ружанцова накануне его ухода в Литву. Письма интересны и как источник, описывающий события тех лет «от первого лица».

Первое из этих писем связано с попыткой Ружанцова найти в Праге близкого ему человека. Письмо свидетельствует о том, что Ружанцов (и, очевидно, другие представители российской эмиграции в Литве) следил за эмигрантскими изданиями в других странах. Из издававшейся в Праге газеты «Славянская книга» Ружанцов узнал, что Клетнова живет в Праге. В конце апреля 1926 г. он послал в газету письмо с просьбой найти ее адрес. Письмо написано в Каунасе 24 апреля 1926 г. на бланке Центральной Армейской библиотеки (Centrine Kariuomenes biblioteka), в которой он, согласно указанию в письме, работал тогда библиотекарем.

Ружанцов писал:

⁶ Антонаў А. *Op. cit.*

⁷ Сергина Т.В. Жизнь и деятельность Е.Н. Клетновой в годы эмиграции (по материалам ГА РФ) // Е.Н. Клетнова. Неизвестные страницы жизни и деятельности. Материалы Международной научно-практической конференции (Вязьма. 28–29 мая 2008 г.). Вязьма, 2008. С. 130–165. См. также: Наш двадцатый век. Материалы V Клетновских чтений (Вязьма. 20–21 апреля 2017 г.). Вязьма, 2017.

«Милостивый Государь Мой! Узнав из Вашего уважаемого издания о том, что в Праге проживает Е.Н. Клетнова, имею честь просить Вас прислать мне ее адрес или же сообщить ей мой адрес. Чрезвычайно признателен был бы за любезное содействие по установлению связи моей с Е.Н. Клетновой — моей учительницей в области краеведения. Уважающий Вас А. Ружанцов, майор, Армейский библиотекарь. Мой адрес: Majoras A. Ruzancovas Centrine Kariuomenes biblioteka. Kaunas, Gedemino gatve, 15 Litva»⁸.

В «Славянской книге», судя по всему, откликнулись на его просьбу и прислали Ружанцову пражский адрес Клетновой, поскольку второе из сохранившихся писем, датированное 8 июня 1926 г., адресовано уже непосредственно ей. Сохранилось не только письмо, но и конверт с ее адресом: *V.P. Prof. E.N. Kletnova Praha II Narodni Museum 1700 Cekoslovakija*. Наискось синим карандашом рукой Екатерины Николаевны написано:

«Ружанцев»⁹. На оборотной стороне конверта — адрес отправителя: *Majoras A. Ruzancovas Kaunas, Kalni g-ve 24, b.6 Litva*.

Текст письма, определенно свидетельствующий о литературных способностях автора, гласит: «Глубокоуважаемая и дорогая Екатерина Николаевна! Вернулся из командировки и нашел Ваше письмо, ответ на мой запрос «Славянской книге». Очень рад за Вас, что Вы наконец попали в Прагу Чешскую, о которой мечтали еще в 1923 г.¹⁰ Наша Одиссея — печальный образец участи ученых Восточной Европы...¹¹ Напишу Вам подробно о себе, начиная с 1918 г., с тех дней, как дороги наши разошлись: Вы остались работать в Смоленске, а меня из Москвы, куда ненадолго перед этим перевели на службу в милицию¹², мобилизовали в ноя. 18 г. и бросили на Западный фронт. Были сумбурные времена головокружительных карьер, повезло и мне: в ноябре я командовал ротой, в декабре — батальоном, в январе 19 г. был помощником командира полка, в марте принял 7-ой Литовский стрелковый (назвали мы его в шутку *Его Высочество Товарища Мицкевича-Капсукаса*)¹³ полк. Ежели бы я остался, то осенью

⁸ ГА РФ. Ф. 6770. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

⁹ Именно через «е», а не «о». Вероятно, Е.Н. Клетнова ставила ударение на втором слоге и произносила фамилию как Ружанцев.

¹⁰ Упоминание о 1923 г. свидетельствует о том, что Ружанцов, уже находясь в Литве, встречался или переписывался с кем-то из смолян, от кого мог узнать о планах Клетновой отправиться в Прагу.

¹¹ Здесь и далее уточние в тексте письма.

¹² Очевидно, после установления Советской власти в Смоленске Ружанцов уже вернулся домой с фронта, служил либо в милиции, либо в других силовых структурах в городе.

¹³ *Винцас Мицкявичюс-Капсукас* — лидер литовских коммунистов, председатель правительства и министр иностранных дел временного рабоче-крестьянского пра-

19 г. мог бы попасть в военную академию и вистовать в... красные генералы. Драться на Зап. фронте пришлось с немцами, поляками и литовцами. С коммунистами были у меня нелады, почему-то считали меня опасным белорусским «незалижником»¹⁴ и выслеживали. Литовцы вели умело пропаганду: не воюйте с нашим крестьянским народом. Было много белорусских летучек и газет с той стороны. Литва формировала полки свои и белорусские¹⁵. А ведь я-то в Литве два раза ранен был и любил этот край и народ, ведь почти всю войну провел среди них, латышей и под конец эстонцев¹⁶. И симпатии мои все более и более склонялись на запад. Наконец в 19 г. 23 апреля решил я воспользоваться «Юрьевым днем» и бестолочью, возникшей в армии после занятия поляками Вильны¹⁷ (мы были в тисках между поляками, литовцами и немцами-добровольцами) поехал я с ординарцем переговорить с немцами об приеме ими наших тифозных (полк отступал из мешка на север и должен был переправляться через Вилюю). На границе

вительства Литвы, сформированного Вильнюсской Тарибой (Советом) левых партий 8 декабря 1918 г. Параллельно в Вильнюсе действовало правительство буржуазно-демократических сил Литвы во главе с А. Вольдемарасом. В письме Ружанцова, очевидно, упоминаются те части Красной армии, которые были направлены на помощь правительству Мицкявичюса-Капсукаса и с помощью которых 5 января 1919 г. в Вильнюсе была установлена советская власть и провозглашена Литовская Советская Социалистическая республика, просуществовавшая до апреля 1919 г. 7-й литовский полк был, очевидно, сформирован в Вильнюсе для защиты Литовской Советской республики из частей Красной армии и некоторого количества местных жителей. См.: Мотузас Р. Особенности правления большевиков в январе–апреле 1919 г. и литовская интеллигенция // Россия и Балтия. Вып. 8: Новый мир на развалинах империи. М.: Весь Мир, 2017. С. 79–93; Шубин А.В. Тень Великого княжества Литовского: национально-государственное строительство на территории Литвы и Белоруссии в 1919–1920 гг. // История. Электронный научно-образовательный журнал. Вып. 7 (81). Т. 10: Вопросы истории международных отношений в Скандинаво-Балтийском регионе. 2019 // <http://history.jes.su/> (обращение 05.12.2019).

¹⁴ Поскольку Ружанцов был этническим белорусом и к тому же не состоял в ВКП(б), полковые коммунисты могли подозревать, что он – сторонник Белорусской Народной республики, провозглашенной в марте 1918 г. и соответственно противник проекта большевиков – Литовско-Белорусской Советской Социалистической республики (Лит-бел, февраль–июль 1919 г.). См.: Круталевич В.А. О Белорусской Народной Республике: аналитические заметки и комментарии. Минск: Право и экономика, 2005; Михалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка ў 1918–1920 гг. Ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці. Смаленск, 2015; Шубин А.В. Указ. соч.

¹⁵ Ружанцов имеет в виду Литовскую Республику, то есть Каунасскую Литву. Формирование специальных белорусских полков в составе литовской армии объяснялось тем, что в границах Литвы оказались районы с белорусским населением. О белорусских частях в составе литовской армии писал позже и сам Ружанцов. См.: Ружанцоў А. Беларускія войскі ў Літве 1918–1920.

¹⁶ Здесь указывается на участие Ружанцова в Первой мировой войне, о сражениях на Западном и Северо-Западном фронтах.

¹⁷ Польские войска заняли Вильнюс 19 апреля 1919 г.

я «попал в плен», ординарец спасся, и потому не преследовали моих родных. Пять дней прошло в почетном плену у немцев. «Rote Oberst und Regimentsfuhrer Rushantzoff»¹⁸ все эти дни разгуливал свободно по Ковне с дядькой лейтенантом купчиком из Ганновера. Показывали меня как какое диво морское и французскому атташе, и американцам, и итальянцам. Лучшие всех я был принят у командира немецкого резервного корпуса. Старик генерал пожелал мне успешно служить у литовцев и направил в 1 Белорусский пех. полк, было это 19 г. IV. 28.

С этого дня началась моя служба в Литве. Сначала был я младшим офицером-пулеметчиком¹⁹. На русский фронт попал со своими молодцами в июне 19 г. Лупили мы «товарищей» изрядно. Пришлось драться и против своих бывших подчиненных. Не могу сказать, чтобы это было приятно. Там уже «пронесли имя мое як безчестное» и я сам читал милое объявление в газете красноармейской... «и всякий честный гражданин всего земного мира (sic!), встретивший имя рек где-либо на земле, обязан застрелить его как бешеную собаку». В общем попадаться в плен мне сослуживцы избегали, хотя я чист душой, никогда пленных не выводил в расход и был с ними человечен, как и подобает солдату.

За бои летом 19 г. получил я «Крест Погони» (Vytiies Kryzjus²⁰) (соответствует русск. ордену Св. Георгия), а осенью произведен в майоры... Осенью же получил я белорусский отдельный батальон, с кот-м воевал с большевиками, позднее с поляками. Лето и осень 20 г. прошли чудесно в белорусском Браславе (на самой восточной окраине Литвы, теперь там поляки)²¹. С этого времени стал баловаться в белорусской литературе — прозой и даже... «виришами».

Осенью 20 г. попал я в неприятную историю: на мое командирское место метил другой офицер кадровый старый пропойца и конечно «москаль»²². Вовремя поданный донос на меня отдал ему мой пост. А я, раб божий, сел на гауптвахту и просидел там 6 недель, обвиняемый по старин-

¹⁸ «Красный полковник и командир полка Ружанцов». Ружанцов дезертировал в тот момент, когда отошедшие из Вильнюса войска Литовско-Белорусской республики отбивались от совместных действий армии Литовской Республики (Каунасской) и поддерживавших ее немецких войск.

¹⁹ Показательно, что в литовской армии его существенно понизили в звании и должности по сравнению с его службой в Красной армии. В литовской армии он дослужился только до звания майора.

²⁰ Награда «Крест Погони» была учреждена в Литовской Республике 20 июля 1919 г. Об этом: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/guwiki/1383434> (обращение 06.12.2919). То есть Ружанцов был одним из первых, получивших такую награду.

²¹ Браслав находился в составе Польши с февраля 1922 г. до сентября 1939 г., когда он вместе со всей территорией Западной Белоруссии был передан Белорусской ССР.

²² То есть не только этнически русский, но и родом из России.

ным статьям Уг. ул. (129, п. 1)²³ и др. К Святкам меня выпустили: вышло недоразумение. Вышел на волю голодный и босой. Нужно было начинать снова. Дальше напишу послезавтра. Сердечно желаю Вам всякого благополучия. Ваш А. Ружанцов»²⁴.

К сожалению, продолжение переписки Е. Клетновой и А. Ружанцова остается неизвестно.

Эмигрантская судьба участников переписки изучена к настоящему времени довольно полно; хотя многое еще предстоит узнать, их имена уже возвращены из забвения. Именем Е.Н. Клетновой названы регулярные, проходящие в Вязьме на ее «малой родине» краеведческие чтения, все материалы прозвучавших докладов вышли из печати²⁵.

В последние годы о А. Ружанцове упоминают и в связи с изучением истории печати русского зарубежья²⁶. Его стихи в переводе на русский язык начали печатать в российских журналах. Тема кровавой войны проходит красной нитью через его поэтическое творчество. На русском языке три стихотворения А. Ружанцова впервые опубликованы в 2015 г. в журнале «Дружба народов» (в переводе И. Бурсова)²⁷. Приводим здесь два из них, талантливо и, на наш взгляд, наиболее пронзительно передающие впечатления автора от пережитого.

²³ Скорее всего, речь идет об Уголовном уложении Российской империи, изданном в 1903 г. и применявшемся в новых национальных государствах до упрочения власти и создания своего уголовного кодекса. Согласно п. 1 ст. 129, «Виновный или произнесении или чтении, публично речи или сочинения или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих: 1) к учинению бунтовщического или изменнического деяния». См.: Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Издание Каменноостровского юридического книжного магазина В.П. Анисимова, 1903.

²⁴ ГА РФ. Ф. 6770. Оп. 1. Д. 10. Л. 2–5.

²⁵ Наш двадцатый век. С. 5.

²⁶ См.: *Кудрявцев В.Б.* Периодические и неперидические коллективные издания русского зарубежья. 1918–1941. Ч. I. Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать. Опыт расширенного справочника. М., 2001. № 397. С. 166.

²⁷ Дружба народов. 2015. № 3. С. 158–159.

Расстрел

Посвящаю М. Гарецкому²⁸

*Промелькнула, как молния, мысль: «Я умру!»,
Чтоб пропасть на кровавом ветру...
В обомлевшее тело воткнули
Свои рыльца голодные пули.
И упало оно, и слышались стоны
Возле темной стены опаленной.
Фонари вдруг погасли...
Задымив папирсой,
Кто-то выругался из матросов.
Лужу крови перешагнул кто-то...
Жизнь закрыла свои ворота.*

На старой позиции

*Куда ни глянь — везде следы боев:
Окопы, рельсы, вырванные рамы,
На батарее два лафета без стволов —
Свидетели недавней страшной драмы.
Повисла проволока и сползла в окопы,
На самом дне витки ужами вьются.
Людей не видно — на чужбине хлеборобы...
Бог знает, суждено ли им вернуться.*

²⁸ *Максим Иванович Гарецкий (Горецкий)* (1893–1938) — друг А. Ружанцова, белорусский писатель, литературовед, переводчик, фольклорист, деятель белорусского национального движения начала XX в. Воевал на фронтах Первой мировой войны. В 1919–1923 гг. жил в Литовской республике. В 1923 г. вернулся в Минск. Был репрессирован и расстрелян в 1938 г. См.: *Бугаёў, Д. Максім Гарэцкі*. Мн.: Беларус. навука, 2003.

Командарм Иероним Уборевич. Письма из Германии (1928)

Н.А. Баринов

(Москва)

Ключевые слова: Иероним Уборевич; военно-техническое перевооружение Красной армии в 1920-х гг.; политическое руководство Красной армией; советско-германские военные связи в 1920-х гг.; М.Н. Тухачевский; К.Е. Ворошилов.

В настоящей публикации представлены письма одного из наиболее известных командиров Красной армии в Гражданскую войну, теоретика и практика формирования современной армии в СССР Иеронима Петровича Уборевича (*литов.* Jeronimas Uborevičius / Иеронимас Уборявичюс, 1896–1937). Способности крестьянского мальчика и его необычайную память случайно заметил заезжий сельский учитель, а учебу его в реальном училище в Двинске / Даугавпилсе оплатил старший брат. Иероним с отличием закончил реальное училище, поступил в Петроградский Политехнический институт, но в 1915 г. перешел в Константиновское артиллерийское училище и в звании подпоручика участвовал в боях Первой мировой войны. Уже в марте 1917 г. Уборевич вступил в РСДРП(б) и связал оставшуюся жизнь с Советским государством и Красной армией¹. В Красной армии Уборевича высоко ценили как незаурядного военного руководителя, внесшего большой вклад в оперативно-тактическую подготовку войск. По мнению Г.К. Жукова, Уборевич «был настоящий военный военачальник, в совершенстве освоивший оперативно-тактическое искусство»².

В обществе и отечественной историографии в разные годы существования СССР и постсоветской России его оценивали неоднозначно. В годы Гражданской войны он – народный герой, командарм 1-го ранга, затем «немецкий шпион», входивший в «ядро военно-поли-

¹ *Уборевич И.П.* Автобиография // Военно-исторический журнал. 1989. № 2. С. 81; *Якупов Н.М.* Трагедия полководцев. М.: Мысль, 1992. С. 162–196. *Уборевич-Борковская В.И.* О себе не успел рассказать // Командарм Уборевич. Воспоминания друзей и соратников. М.: Воениздат МО СССР, 1964. С. 233–234.

² *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М.: Олма-пресс, 2002. Т. 1. С. 129 и др.

тического заговора», «враг народа», имя которого вместе с именами других советских военачальников вымарывалось в учебниках и энциклопедиях³. Затем — посмертная реабилитация в 1957 г. и возвращение честного имени и почетного места среди победителей Гражданской войны и руководителей вооруженных сил СССР. А после 1991 г., когда произошел резкий поворот в оценках событий отечественной истории, Уборевич оказался среди «губителей России», поскольку был одним из тех красных командиров, которые помогли сохранить власть большевиков в стране.

Очевидно, что при столь стремительном изменении политических и социальных ориентиров в стране общество в современной России еще не готово к объективной оценке как самих событий революции и Гражданской войны и места большевиков в нашей истории, так и к объективному восприятию деятельности тех, кто воевал для победы советского строя. Это относится и к оценке личности И. Уборевича.

Тем не менее, почву для объективных выводов дает изучение архивных материалов, связанных с поездками И. Уборевича в Германию в 1927—1928 гг.

После подписания в апреле 1922 г. договора между Советской Россией и Веймарской республикой об установлении дипломатических отношений и урегулировании спорных вопросов между обеими странами стали активно развиваться торговые и экономические связи, а также обмен специалистами⁴. Хотя попытка пролетарской революции в Германии в 1923 г., на которую надеялись руководители Коммунистической партии СССР и III Интернационала, провалилась, в последующие годы продолжался обмен специалистами между СССР и Германией, в том числе в Германию на лечение и для постижения опыта германской армии неоднократно ездили представители командного состава Красной армии. Среди последних был и И. Уборевич.

Первый раз он ездил в Германию лечиться в 1926 г., поскольку у тридцатилетнего командарма начались большие проблемы с легкими, а также наблюдалось общее нервное истощение. В следующем году (1927—1928) он вновь больше года провел в Германии, обучаясь в военной академии, а также изучая особенности полевой подготовки частей германской армии. Эти занятия он совместил с посещениями врачей, которые лечили его в предыдущую поездку и могли оценить изменения в состоянии его здоровья.

³ Черушев Н.С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М.: Вече, 2000. С. 16—27.

⁴ Горлов С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва—Берлин, 1920—1933 гг. (Военно-политические отношения СССР—Германия). М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Ниже публикуются три письма, отправленные в 1928 г. И. Уборевичем из Германии К.Е. Ворошилову и М.Н. Тухачевскому. Находясь в Германии, Уборевич имел возможность ознакомиться с военной подготовкой немецкой армии, ее вооружением, узнать об особенностях дисциплинарной политики. О своих наблюдениях он сообщал в письмах в Москву с целью заимствовать германский опыт и ввести технические новшества на вооружение в подготовку Красной армии. Письма не только отражают разные моменты жизни самого командира, характеризуют его как военного теоретика и практика, человека, глубоко заинтересованного в создании полноценной современной армии в СССР, но и дают информацию о некоторых ситуациях во взаимоотношениях между рядовыми и младшими офицерами в Красной армии, а также о роли политотделов в воспитании военнослужащих — в основном выходцев из крестьянской среды и людей малограмотных. Письма хранятся в РГВА. Ф. 33987 (фонд Уборевича). Оп. 3. Ед. хр. 279 (Материалы и письма Уборевича) печатаются в орфографии оригиналов. Подробные комментарии помещены после каждого письма.

I

Первое письмо было написано 26 апреля 1928 г. и адресовано К.Е. Ворошилову⁵.

«Глубокоуважаемый Клементий Ефремович!

Большое спасибо за Ваши постоянные заботы о моем здоровье. Я принимаю меры, чтобы осенью действительно вернуться вполне работоспособным. В последнее время я побывал у многих врачей; сделали мне подробное исследование в клинике Voosa, где я лечился в 1926 году. Сейчас положение такое. Кашель совершенно прекратился и легкие успокоились. Что касается срощений после операции аппендицита, то Voos, прописал мне постоянные всевозможные мази, каждый месяц или через два я должен ему показываться и вновь исследоваться. По его мнению вторая операция не нужна, но заявил, что видно это будет через несколько месяцев в результате его наблюдений. Хуже всего с моими нервами, износ которых был почти на пределе. Сейчас это постепенно улучшается. Но быстрых результатов ждать нельзя. Очень много поможет мне, когда я опять вернусь в хорошие климатические условия СКВО⁶, где я очень окреп за последние годы.

⁵ РГВА. Ф. 33987 (Фонд Уборевича). Оп. 3. Ед. хр. 279. Лл. 1-1об. Письмо написано чернилами от руки.

⁶ Уборевич с февраля 1925 г. и до отъезда в Германию в ноябре 1927 г. был членом Реввоенсовета СССР и командующим Северо-Кавказского военного округа

Кроме всего в Германии можно учиться, как работать и как отдыхать. Когда видишь немецких офицеров участников мировой войны в возрасте 40–45 лет такими подвижными и здоровыми, то нам, конечно, должно быть стыдно, как быстро и никчемно мы сгораем. Достигают этого немцы спортом и правильным распределением времени для работы и отдыха. Я думаю и в этом отношении кое-чему научиться. Предстоящее время (май, июнь, июль, август и сентябрь) я не думаю использовать для клинического или санаторного лечения. Это можно будет сделать после окончания летних занятий и маневров. Не выгодно положение нас военных за границей, что должны лечиться за счет военвезда, а не за счет страх кассы. Лечение здесь очень дорогое.

Пользуюсь настоящим письмом, чтобы обратиться к Вам с большой просьбой. Дело в том, что наши маневры, как будто намечены на 2 сентября, а большие немецкие начнутся во второй половине сентября. Для меня имеет исключительное значение получить от Вас разрешение побывать на наших маневрах приехав, для этого в СССР на пару недель. Если последует Ваше разрешение, то я соответственно урегулирую мою работу здесь. Я бы очень считал целесообразным, чтобы на немецкие маневры в этом году приехал Андрей Сергеевич [1]. После ознакомления с иностранной армией многие вопросы становятся в другом свете. Это особенно важно для наших политработников, которые становятся слишком консервативными, негибкими для восприятия новых моментов в развитии военного дела. Для Андрея Сергеевича может получиться много интересных материалов. Я буду постоянно в курсе дела, что смогу многое на месте пояснить. Желаю Вам здоровья и успехов в работе. Привет Андр. Серг., Иосиф Сталин и СС [2]».

28 / IV

P.S. Когда я пишу о консерватизме наших политработников, то я имею ввиду, конечно, не Андрея Сергеевича, горячего сторонника всего нового, а имею ввиду пуровцев [3] и... низовых некоторых товарищей.

Уб.»

Комментарии

1. Здесь и далее Уборевич упоминает Андрея Сергеевича Бубнова, который в 1924–1929 гг. был начальником Политуправления РВС и РККА СССР, кроме того, редактором газеты «Красная звезда». Бубнов был сторонником военных реформ в РККА, организатором не только политпросвещения в армии, но и создателем военно-культурных центров (домов) Красной армии для духовного, культурного и образовательного развития военнослужащих

и, вероятно, рассчитывал вернуться на эту должность. Но по возвращении в СССР он был назначен командующим Московским военным округом.

и членов их семей, что было очень важно в условиях, когда подавляющее число рядового и младшего командного состава были малограмотными, недавними выходцами из деревни. См.: Бубнов Андрей Сергеевич // <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=12224225@cmsArticle> (обращение 05.01.2020).

2. СС — очевидно, С.С. Каменев, который с мая 1927 г. был заместителем наркома по военным и морским делам и заместителем председателя Реввоенсовета СССР.
3. *Пуровцы* — служащие Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота (существовало в 1919—1991 гг.). Характерно, что Уборевич противопоставляет пуровцев, очевидно, старой закалки, и тогдашнего начальника Политуправления реформатора Бубнова. Судя по всему, к реформам, проводимым Бубновым, не были готовы и политруки на местах — «низовые» по словам Уборевича.

II

В мае (вероятно, в середине) 1928 г. И. Уборевич пишет из Германии письмо М.Н. Тухачевскому [1], где выдвигает целый ряд предложений в связи с проведением предстоящих учений и, в целом, рассуждает о том, как наблюдаемый им опыт германской армии можно заимствовать в организации и подготовке советских вооруженных сил. Вероятно, Тухачевский переслал письмо (или машинописную выписку из него, которая и попала в дело) Ворошилову, а тот приказал ознакомиться с ней тогдашнего начальника Штаба РККА Б.М. Шапошникову⁷. Сам факт ознакомления с письмом и наркома вооруженных сил, и начальника Штаба РККА свидетельствует о важности наблюдений Уборевича для советской армии.

Письмо написано на бланке Народного комиссариата обороны

[Л. 2] «Совершенно секретно».
Начальнику штаба РККА IV упр.
Тов. Шапошникову

Посылаю Вам выписку из письма т. Уборевича с резолюцией Наркома: “Б.М.! Прошу ознакомиться и все, что возможно, использовать. Ворошилов. 22.V-28.”

Выписку по использованию прошу вернуть в Секретариат Пред. ВС СССР.

⁷ РГВА. Ф. 33987 (Фонд Уборевича). Оп. 3. Ед. хр. 279. Л. 3—10. Письмо напечатано на пишущей машинке.

Состоящий в распоряжении
Пред. РВС СССР /Антонов/
*Внизу подпись Антонова и приписка чернилами
о возвращении по использованию*

/Л. 3/ «Выписка из письма тов. Уборевича (на имя т. Тухачевского⁸)

Б.М.! Прошу ознакомиться и все, что возможно использовать.
Ворошилов. 22/V 28⁹.

В этом письме хотел бы обратить внимание на те технические вопросы, которые должны были бы найти наибольшее отражение на ближайший год-два. Мне неясно, насколько сильным темпом у нас ведется работа. Хочу просто излить свое, как бы сказать, нетерпение...

По пехоте. — 1. Противоаэропланная стрельба Максима и Дегт [2], как во время движения на повозке, так и во время стоянки на огневой позиции. Мы видели с тобой [с Тухачевским. — Н.Б.] в 1926/27 году устройство прицела для наводки, но главное нужен простой станок /вернее дополнение к существующему станку / для установки пулемета в вертикальн. направлении. У немцев этот переход — 30 секунд 1/3 пул.¹⁰ в бою может стрел. по аэропланам. Если у нас долго бьются и ничего не могут дать, лучше всего попытаться купить у немцев.

Вопрос пуль и калибра. Немцы очень реалистично смотрят на действие обычных пуль /Л. 4/ пулемета на 1.000 метров по аэроплану и применяют главным образом /5.й.к/ бронебойную, лучшего баллистич. качества.

Дело в том, что наши летчики стоят на совершенно ошибочных взглядах о высотах, с которых бомбардируются земные цели — 1000 метров это слишком низко и будет редкий случай. Поэтому действие обычного станкового пулемета против аэроплана весьма ограничено. Нужен для двух задач

2. Крупно калиберный пулемет 2 или 3 сантиметра против танка и аэроплана. На каждый батальон нужен до зарезу взвод таких пулеметов. Они могут быть применены для стрельбы далее 3 км. по земным целям косвенной наводкой [3].

«3. Оптический прицел максиму. Немцы имеют на своих пулеметах. Достигают на 2—2 S км. поразительных результатов прямой наводкой или косвенной.

⁸ Написано карандашом.

⁹ Написано наискось в левом верхнем углу.

¹⁰ Здесь и далее подчеркнуто карандашом, возможно, Ворошиловым.

Это спасет нам десятки миллионов патронов, потому что облегчается пристрелка значительно. Стоит это, конечно, пустяки в сравнении с преимуществом.

Пока я не поднимаю вопрос о переходе от лент к коробу и лучшему устранению задержки. Это не легко технически быстро перейти от наших /Л. 5/ лент [4].

4. Оптический прицел лучшему стрелку 1 на отделение. Это опять повысит качество и сэкономит патроны. Введение дальней ружейной гранаты Дьяконова имеет смысл только при хорошей прицельной стрельбе ею, ибо граната дорога [5].

5. Немецкий “Begleitung” для пульроты. Значение его огромное, тем более это нужно нам после блестящих опытов Махновских и наших кавалерийских тачанок [6].

6. Укладка для пехотинца. Нужно ввести понятие “штурмовая” укладка, как было введено у немцев в 1918 году. Берется минимум на бойца перед атакой. За-одно много оберегается имущества, учитывая число убитых. Остальная укладка догоняет бойцов на том же принципе, что и кухни. Не нужно в мирное время лишние повозки. нужно только сделать опыты и внедрить твердое об этом понятие. На войне выход найдем». (Л. 5.)¹¹

7. О числе живой силы в батальоне. Я опять возвращаюсь к этому вопросу, по которому так много мы с тобой спорили.

Изучив вопросы немецкого наступления в 1918 г., я нашел там много интересных фактов /Л. 6/ в мою пользу. Рекомендую проглядеть тебе новую книгу v. Kuhl. Entstehung, Durchfhrung und Zusammenbruch der Offensive 1918» [7].

Состав немецкого баталиона 1918 г.

1 апреля.....	766 чел.
Август.....	650 "
конец сентября	570 "

Последние же цифры 650 и 570 имели такое значение, что комбаты и комполки кричали, что нечем уже сражаться. Число легких пулеметов было на роту 6, а станковых на баталион 12—16. Американские баталионы были почти в два раза сильнее немецких конца войны 1918 г. Ты почитал бы документы, с какой завистью об этом говорят все донесения с мест. Организация пехоты конца войны французов и даже англичан — это организация по сильной нужде, нехватка пополнений. У нас на это смотрят, как на законное выражение соотн. живой силы

¹¹ Здесь показательно, насколько внимательно Уборевич изучал все мелочи в организации германской армии, чтобы внедрить их в Красной армии, понимая, насколько важны эти детали для боеспособности каждого бойца.

и пулеметов. Ты бы еще подумал об этом. Я послал в прошлом отчете расчеты на потери в 3 месяца. У Куля ты найдешь расчеты пополнений почти на год, по опыту их 1918 г. только переведи расчеты на 1 дивизию. /Л. 7/ В общем там расчеты на человеческий материал очень глубокие [8].

8. О полковой артиллерии, калибром 3 дюйма, и гибели немецкой пехоты в 1918 году.

Ты знаешь хорошо, что немцы в 1918 г. для прорыва владели в совершенстве искусством внезапно обрушиться артиллерией на неприятельскую полосу глубиной 3—4 километра. Эту глубину захватили почти без потерь. Чтобы масса артиллерии быстро переменила позицию и последовала за пехотой — способа найдено не было. Нет физических сил быстро это сделать. Ставка была на искусство пехоты, командования и приданные полкам 3 дюймовые пушки и минометы. Все участники говорят, что пушки были быстро “erledigt”¹² пульогнем противника, особенно лошади. Ужасные потери пехоты были при стремлении развить прорыв в глубину. Не было танка и легкого орудия с навесной траекторией вроде хотя бы проекта гранатомета Бурова. К чему я клоню? К батальонной артиллерии и даже полковой, но обязательно с крутой траекторией, с сильным разрывным снарядом и с более внимательным обучением полковой артиллерии [9].

/Л. 8/ Мои итоги. Действительно нам легче всего, чем другие роды оружия поднять нашу пехоту на современный образец пройдя внимательно по поднятым мною вопросам.

Выделяю отдельно связь. Кроме телефона на проводе должен сыграть большую роль “коротковолновое радио”. Халепский [10], недавно бывший в Берлине, многое видел из последних образцов. Надо на это нажать. У немцев я узнал, что французы успешно испытывают фото-фотонный телефон лучами или телефонный Блинкер. Видимо, немцы его тоже имеют в тайне [11]. Это будет иметь грандиозное значение. Заставь и нас заняться этим делом.

Без этой тройной технической плюс виды живой связи — нельзя будет потребовать от пехоты того, чего мы хотим. По пехоте кончаю.

“Отдельные вопросы. О танкmine я писал в докладе. Устройство пустяковое. Нужно заняться и чтобы главное не была дороже 7—10 рублей и не разрывалась от детонации. В крайнем случае пойти на покупку патента у немцев [12].

Надувные лодки. Нельзя ли сделать опыты о наводке колонных мостов на подводных лодках, как это имеют немцы — выдерживают у них тяжесть до /Л. 9/ 2,5 тонн. Приделать легкий мотор, чтобы

¹² Здесь: «уничтожены».

заменить 4 или 6 гребцов, придать лучше режущую воду форму носа. Я думаю, что можно будет сократить столь дорогие понтоны [13].

Звукоулавливатели. У немцев и у французов особенно (значит и у поляков) хорошо поставлено засечение стр. артиллерии аппаратом “осциограф”. Я описал тактическое его применение. Как и что у нас? Сравни нельзя ли это дело двинуть [14].

Дымовые завесы с аэроплана. Я описал подробно опыты французов. Как у нас? Удалось ли двинуть это дело. Я придаю этому вопросу исключительное значение, но¹³ дымовая завеса стрельбой артиллерией очень много требует¹⁴ снарядов. Жалко на это артиллерии [15].

Многократное телеграфирование по кабелю. Тебе известно, что на нормальном телегр. проводе достигнуто многократное одновременное телеграфирование. Сейчас немцы ведут опыты на полевом кабеле. Как у нас? Это огромное значение имеет для управления тылами дивизии, корпуса и армии.

О малых танках типа “Carden-Loyd”. Он представляет исключительный интерес. Дешев. Скорость /Л. 10/ 35–50 км. Гусеницы и колеса. Особенно интересно, что стекло /кино??-недробящееся/ толщиной – 7 сантим., не пробивается бронебойной пулей и дает сравнительно порядочную видимость» [16].

Комментарии

1. Михаил Николаевич Тухачевский был, как и Уборевич, И. Якир и еще некоторые военачальники, сторонником военной и организационной реформы Красной армии. (См.: *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения: Размышления о Сталине / Сост., предисл. и подгот. текста Л. Лазарева. М.: АПН, 1988. С. 383.) С февраля 1925 по июнь 1931 г. Тухачевский был членом Реввоенсовета СССР, в мае 1928 г. назначен командующим Ленинградским военным округом. По воспоминанием дочери Уборевича, Тухачевский был «большой друг отца» (*Уборевич-Борковская В.И.* Указ. соч. С. 238).
2. Имеются в виду пулеметы Максим и Дегтярева.
3. По современной классификации 2 см, то есть 20 мм пулемет является автоматической пушкой. И. Уборевич верно отметил направление развития средств ПВО. Именно малокалиберные автоматические орудия станут наиболее опасными противниками самолетов на малых высотах. В частности, большие потери при обстреле такими орудиями несли во время войны самолеты ИЛ-2. (См.: *Авиация Второй мировой* // http://www.airpages.ru/il2_18.shtml (обращение 06.01.2020.)
4. В реальности ничего хорошего из таких опытов межвоенной поры не получилось. Тактика использования пулеметов изменилась, и от них перестали требовать огня на столь большие дистанции, в советском “Максиме”

¹³ В оригинале «нсо», но здесь, скорее всего, опечатка.

¹⁴ В оригинале опечатка – «трубует».

даже перестали делать шкалы для легкой и тяжелой пуль. Такие изменения в тактике можно связать с появлением минометов. (См.: *Попенкер М.* Пулеметы. Энциклопедия. М.: Тактика-Пресс, 2014. С. 264.)

Не очень понятно, что имеется в виду под коробом: коробка, в которой лежит лента, как, например, на немецком MG 08/15 времен Первой мировой войны, или на советском ПК, или же магазин, как, например, на РПК-74. Если второе, то на станковом пулемете этого перехода так и не произошло, если первое, то станковые пулеметы с питанием из короба появились только в послевоенное время. (Там же.)

5. Введение в штат отделения если не снайпера, то стрелка, достаточно близкого к нему, было весьма необычным для того времени. Прогноз Уборевича в сложности перехода оказался верным. Не стала эффективным оружием и граната Дьяконова, снятая с вооружения в начале Великой Отечественной войны из-за опасности в обращении. (См.: Ружейная граната Дьяконова // http://weaponland.ru/board/ruzhejnaja_granata_djakonova/24-1-0-148 (обращение 06.01.2020.)
6. «Begleitung» — «сопровождение», «конвой». Речь идет о сопровождении пулеметной команды прикрывающими ее бойцами.
7. Имеется в виду книга члена Генерального штаба Германии генерал-лейтенанта в годы Первой мировой войны Германа Йозефа фон Куля, одного из наиболее компетентных командиров Германской армии, который написал ряд критических эссе по поводу ошибок германского командования, приведших к поражению в решающих сражениях войны. В книге *Kuhl H. v. «Entstehung, Durchführung und Zusammenbruch der Offensive 1918»* он анализирует ошибки в руководстве войсками, приведшие к срыву германского наступления в 1918 г.
8. Речь здесь идет об организационно-штатной структуре. Уборевич верно отмечал, что она определялась нехваткой живой силы, и потому примеры из 1918 г. для обоснования такой организационно-штатной структуры не стоит приводить. Через 15 лет Красная армия будет штурмовать Берлин стрелковыми дивизиями численностью в 4–5 тыс. человек и несколькими сотнями «активных штыков». (*Исаев А.* Берлин 45-го. Сражение в логове зверя. М.: Эксмо, 2019. С. 318–319.) Но это вовсе не значило, что такая структура и была нужна. Наоборот, они не дотягивали даже до временных штатов. То есть боевой опыт, полученный в подобных сражениях, стоит принимать к сведению, но пользоваться им очень осторожно, только в крайних случаях.
9. Действительно, все перечисленное: танки, «легкие орудия с навесной траекторией», ставшие минометами, портативное радио сыграли большую роль в преодолении позиционного кризиса. Теперь пехота, уйдя от огневого вала, могла прокладывать себе дорогу и сходу прорывать тыловые позиции. (См. об этом, например: *Радзиевский А.И.* Прорыв (По опыту Великой Отеч. войны 1941–1945 гг.). М.: Воениздат, 1979.)
10. Халепский Иннокентий Андреевич — в 1924–1929 гг. начальник Военно-технического управления РККА.
11. Телефоны на основе лучей оказались фантастическими и нигде не были применены.

12. Вероятно, речь о противотанковых минах.
13. Здесь, очевидно, речь не о боевых кораблях, а о небольших лодках, которые можно притопить для большей скрытности. В годы войны немцы имели нечто подобное – легкие, хотя и не надувные, штурмовые лодки с навесным мотором, позволявшие им даже устраивать морские десанты. (А. Исаев, Н. Глухарев, О. Романько, Д. Хазанов. Битва за Крым 1941–1944 гг. М.: Эксмо, Яуза, 2016. С. 325–326.) Красная армия довольствовалась долгое время только обычными надувными лодками. Лишь к концу войны появились поставленные по ленд-лизу автомобили-амфибии. (См.: Исаев А. Антисуворов. М.: Эксмо, Яуза, 2004 // http://militera.lib.ru/research/isaev_av1/11.html (обращение 31.12.2019.)
14. Здесь Уборевич затрагивает тему, которую, к сожалению, в РККА развивали совершенно недостаточно. В Великую Отечественную войну в Красной армии вопрос обнаружения и подавления вражеской артиллерии будет стоять очень остро. К примеру, во время операции «Искра» немецкая артиллерия «ываливала» тысячи тонн боеприпасов на наступающие порядки Красной армии, несмотря на подавляющее численное превосходство наших войск в количестве орудий. (См.: Мосунов В.А. Прорыв блокады Ленинграда. Операция «Искра». М.: Пятый Рим, 2019.) Пример эффективной поставки дымовой завесы самолетами можно найти в Обзоре боевых действий войск 2-й Воздушной армии в ходе Берлинской наступательной операции фронта с приложением схем и других документов. (См.: ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2673. Д. 2742. Л. 2–4.)
15. Дымовая завеса с аэропланов позже использовалась в боевых условиях Красной армией.
16. По мнению известного историка бронетехники Ю. Пашолока, речь идет о ранних колесно-гусеничных танкетках Carden-Loyd Mk.IV и Mk.V (консультация с Ю. Пашолоком. – Н.Б.).

III

Письмо, посланное К.Е. Ворошилову из Германии 11 июля 1928 г., И. Уборевич специально посвятил дисциплинарной политике¹⁵. Этот вопрос, по его мнению, был актуален для Красной армии, поскольку дисциплина и отношения между командным составом и рядовыми были напрямую связаны и с боеспособностью армии.

/Л. 11/ «Многоуважаемый Климент Ефремович!

Еще до моего возвращения домой, я хочу сделать Вам конкретное предложение по вопросу дисциплинарной политики. Положение у нас, в смысле взаимоотношений красноармейца с младшим комсо-

¹⁵ РГВА. Ф. 33987 (Фонд Уборевича). Оп. 3. Ед. хр. 279. Лл. 11–14. Машинописная копия. Некоторые страницы напечатаны в нескольких копиях.

ставом еще мало удовлетворительно, слишком много искривлений, перегибов. Во время прошлой служебной деятельности в СКВО при инспекторских опросах претензий, я всегда поражался бесконечным недоразумениями между названными категориями военно-служащих. Когда дело доходило до ротного командира или выше — почти все было благополучно. Эти лица, особенно политсостав, мало наказывали. На мой взгляд, получается все это оттого, что самое сложное, ответственное и самое трудное бремя дисциплины — наложение повседневных взысканий, лежит на младшем командире, на молодом командире взвода, т.е. на лицах, у которых еще мало служебного опыта. У них же, несомненно, слишком много вкладывается чувства личных моментов в наложение взыскания, т.к. они непосредственная первая инстанция по руководству красноармейцами и применения принуждения.

В германском Рейхсвере мне приходилось наблюдать на этой области много таких достижений, что нам, Красной Армии, нужно сильно над этим подумать. В германском Рейхсвере унтер-офицеры и младшие офицеры не имеют дисциплинарных прав /наказать/ по отношению к солдату. Все мероприятия сосредоточены в руках опытного командира роты. В 1916 году, когда в германской армии, в связи с огромной убылью старых офицеров, на ротах была молодежь — было распоряжение, чтобы и ротные командиры применяли свои дисциплинарные права каждый раз с ведома комбатальона, т.е. было равное ограничение прав даже ротного командира.

Укажу хотя бы на следующие, глубоко продуманные моменты при наложении дисциплинарных взысканий: по положению начальник не имеет права наказать провинившегося раньше, чем через ночь. Можно сказать только одно, что Вы будете наказаны, но как и каким образом — должен наметить и сказать только по проведении ночи, т.е. когда нет вспыльчивости и спокойно может быть рассмотрено происшествие.

/Л. 12/ Следующий момент. Солдат и вообще военнослужащий имеет право сейчас же полученную меру наказания /до отбытия / обжаловать следующему начальнику и жалоба должна быть принята, выслушана и рассмотрена в тот же день. Следующий начальник может отменить совсем или изменить меру наказания.

Если на жалобу вторая командная инстанция наложенное взыскание подтвердила, тогда военнослужащий его отбывает, но имеет право обжаловать выше, если считает несправедливым. Эти моменты очень интересны, как рогадки против перегибов и искривлений. Много подобных положений можно найти в их дисциплинарном уставе, который, видимо, был мало знаком составителям нашего дисциплинарного устава [1].

Когда я, признаться, к большой своей неожиданности столкнулся с фактом таких “свобод” в Рейхсвере, постарался в меру доступной мне возможности изучить, насколько такие условия применения дисциплинарной политики отражаются на боеспособности и пр. Прежде всего нужно отметить, что раньше и особенно сейчас в германской армии имеются благоприятные предпосылки, что не так скоро получится у нас, а именно: общий высокий уровень, национальное чувство, настолько сильное сейчас в офицере и солдате Рейхсвера, что о нем, с точки зрения истории России, мы не имеем даже представления. Всегда хороший пример дисциплинированности со стороны старшего начальника. Конечно, это общая положительная картина. Есть не мало исключений. Мне не приходилось ни разу на многочисленных занятиях, услышать грубый, некорректный окрик, хотя, конечно, не всегда и не все шло гладко. Зато, когда подводятся итоги учения, тогда старшие начальники делают критику, притом в присутствии унтер-офицеров много более резкую, чем делаем мы, но по существу дела, с большим знанием дела и без удара по именам.

Большую роль играют здоровые традиции в дисциплине. Самое крепкое и интересное во взаимоотношениях солдата и унтер-офицера и молодого офицера — это применение путем воздействия убеждением, примером, ровным отношением. Это, конечно, не значит, что наказания и довольно строге не применяются. Каждый проступок наказывается ротным или высшим командиром, но в целом количество /Л. 13–14/ взысканий в сравнении с нашими цифрами, минимальны. Позже, я думаю, смогу получить статистику по многим частям. Право офицера и унтер-офицера в случае преступного неподчинения военнослужащего применить оружие, остается на бумаге, не имея случаев на практике даже в мировой войне [2].

Только во время гражданской было несколько случаев [3].

Мой общий вывод — в тех общих условиях, в которых находится Рейхсвер, практика их дисциплинарных порядков с точки зрения поддержания боеспособности, себя оправдывает вполне. Переходя к нашим условиям, я хотел бы сделать лишь несколько замечаний, ибо существо вопроса Вам, Климент Ефремович, виднее. Я считаю, что наша культурная отсталость красноармейца сглаживается гигантским размахом политической работы и условиями политической жизни в стране трудящихся. Более трудное дело представляет недостаточный авторитет командира, недостаточная спайка, консолидация всех слоев комсостава. Однако, и это не может служить слишком большим препятствием некоторому изменению нашей дисциплинарной практики. Я полагаю, что мы достаточно подняли уже культурный и политический уровень [4], чтобы от отделкома, комвзвода и политрука

отнять право лично наказывать. Таким образом, мы получим, что воздействие принуждением будет проходить через руки комроты и выше. Будет меньше перегибов и искривлений, и особенно важно, взаимодействия красноармейца с младшим комсоставом будут строиться на большей товарищеской спайке, что в бою сослужит огромную пользу.

Мотивировка всех мероприятий в Вашем приказе имеет все основания быть построенной на имеющихся больших достижениях и необходимости дальнейшей военной работы на принципах углубления уважения личности, не злоупотребления властью и наказанием.

Вот вкратце существо моих предложений на Ваше усмотрение. В сжатой форме существо вопроса написал также и Андрею Сергеевича.

С приветом

УБОРЕВИЧ».

Комментарии

1. Взаимоотношения в Красной армии в те годы были достаточно необычными с точки зрения современной армии. С одной стороны, культурный уровень что красноармейцев, что политработников, что командиров оставлял желать много лучшего. Например, даже в середине 1930-х гг. большинство принимаемых в училища не могли похвастать даже средним образованием. С другой — отсутствовало социальное расслоение, командиры, как правило, происходили из крестьян. Политработникам было особенно тяжело, так как в Красной армии роль политработы была очень велика, но так как кадры политработников формировались в наибольшей степени по классовым принципам, им остро недоставало культурного уровня. (См.: Реформа в Красной Армии: документы и материалы. 1923—1928 гг.: в 2 кн. Кн. 1. М.—СПб.: Летний сад, 2006.)

Интересно также и объяснение в письме преимуществ Рейхсвера, весьма не характерное для времени, когда в Красной армии в фаворе были революционные и интернациональные ценности. От красного командира и члена партии весьма странно читать похвалу националистическим ценностям.

2. Интересно сравнить с положением в русской императорской армией в Первой мировой войне. Например, в дневниках генерала А.Е. Снесарева упомянуто следующее: «Здесь уже выясняются причины сравнительной неудачи на правом фланге: 1) малый подъем, вызванный кое-какими сомнениями Шепеля и особенно Подкосова; слабо ринулись вперед и замялись, а потому и много потеряли; 2) в верхнем проходе, возле “голого пупа”** [название одной из высот. — Н.Б.], оторвались от николаевцев, а те почти не пошли; 3) сам Шепель, да и батальон Ржечицкого задержались сзади, не подняли людей, хотя Шепель убил троих, а Подкосов двоих, но это, по-видимому, мало полезно и в 100 раз менее помогает, чем личный пример». (См.: Фронтовые дневники генерала А.Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2004. № 6 // http://www.grwar.ru/library/Snesareff/SN_07.html (обращение 30.12.2019.)

3. Вероятно, речь идет о каком-то одном из многочисленных эпизодов вооруженной борьбы за власть в 1918 – начале 1920-х гг. внутри Германии.
4. Слова Уборевича о том, что проводимая в армии политическая работа уже достаточно подняла не только политический, но и культурный уровень военнослужащих, отражали не столько реальное положение, сколько соответствовали направлению в работе политпросвещения армии, разработанному А.С. Бубновым. Политпросвещение должно было включать в себя и культурное просвещение в рамках «пролетарской культуры».

* * *

Итак, в своих письмах К.Е. Ворошилову и М.Н. Тухачевскому И. Уборевич предстает перед нами как, безусловно, грамотный командир, болеющий за свое дело, интересующийся иностранным опытом, читающий зарубежную литературу. Достаточно редким качеством являлось его внимание к таким, на первый взгляд, второстепенным вопросам, как снабжение и связь, которые на деле оказываются зачастую критически важными.

Нельзя сказать, что все предложения Уборевича были удачны, но подавляющее большинство оказались полезными и нашли применение в армии. К сожалению, многие его разумные предложения по объективным или субъективным причинам не были реализованы или реализованы в недостаточной степени.

IN MEMORIA

Памяти друга и наставника

К.П. Обозный

(Псков—Москва)

*20 июня 2020 исполнился год со дня кончины профессора
Александра Валентиновича ГАВРИЛИНА.*

В жизни каждого человека есть круг людей, определявших его путь и развитие, придававших этому пути особый характер и осмысленность.

Мне нередко встречались замечательные люди. Так получилось, что в основном это были люди духовного звания и люди, имевшие отношение к истории: те, кто создавал историю, и те, кто ее изучал... Особым образом можно выделить круг историков, которые были моими преподавателями и настоящими учителями. Александр Валентинович Гаврилин один из них.

Познакомился я с профессором Гаврилиным осенью 2000 г. в Риге, когда приехал туда для работы в архиве по теме своего исследования. Это были промозглые дождливые дни ноября. Первый раз в Риге, не знал ни города, ни языка. В Москве мне подсказали, что обязательно нужно познакомиться с профессором Гаврилиным, чтобы эффективнее потратить драгоценное время пребывания в Латвии. Без особого труда я нашел университет и познакомился с Александром Валентиновичем.

Хорошо помню эту нашу первую встречу: худой, подтянутый, энергичный человек с заинтересованным умным взглядом. Он выку-



ривал сигарету за сигаретой и задавал вопросы — один за одним. Было видно, как он жадно интересуется тем, что происходит в России, в Москве, в институте, где я тогда учился (Московская Высшая православно-христианская школа, ныне Свято-Филаретовский православно-христианский институт). Александр Валентинович рассказал, какие архивы мне нужно посетить, какие фонды “прошерстить”, какие издания посмотреть в национальной библиотеке, с кем в Риге и ее окрестностях встретиться, познакомиться и записать интервью. На прощание подарил свою свежую монографию и пачку бумаги для работы в архиве. С первых минут этой встречи родилась обоюдная симпатия, которая затем выросла в дружбу.

После этой встречи я каждый год бывал в Риге и обязательно встречался с Гаврилиным. Мне не довелось присутствовать в аудиториях на его лекциях, добрые отклики о которых я неоднократно слышал от его учеников, но я бывал на выступлениях профессора на конференциях и научных семинарах. На одну такую конференцию в Латвии и пригласил меня Александр Валентинович. Можно сказать, он выводил меня в люди, знакомил с миром ученых, профессиональных историков, щедро делился своим опытом и поддерживал ценными советами перед моим выступлением с докладом. Александр Валентинович познакомил меня тогда со специалистами из Латвии, Беларуси, России. В перерывах между докладами профессор успел со многими поговорить, всех поприветствовать и, по-видимому, с кем-то обсудить деловые вопросы. Его темперамент, галантность и коммуникабельность не знали преград. Тот, кто начинал с ним общаться, невольно проникался симпатией к проницательному и эрудированному собеседнику. Прекрасное чувство юмора, самоирония и легкость в общении располагали к себе, и хотелось продлить это общение с интересным, глубоким и притягательным человеком. Несколько раз мне довелось быть участником дружеских трапез, в центре которых неизменно был Александр Валентинович.

При такой внешней легкости и веселости Александр Валентинович был человеком трезвенным, принципиальным и требовательным, особенно когда это касалось его профессиональной деятельности. Благодаря этим качествам на протяжении многих лет профессор Гаврилин выпускал сборники статей на церковно-исторические темы «Православие в Латвии», а затем «Православие в Балтии». Это уникальные издания, в которых были опубликованы работы специалистов из Латвии, Эстонии, Литвы, Польши, Беларуси, России, США и Германии. Без прикрас можно сказать, что это лучшее региональное издание по истории Православной Церкви в Балтийском крае в XIX—XX вв. Сам по себе этот журнал может стать прекрасным объектом

научного изучения. Особо отметить нужно и то, что только благодаря Александру Валентиновичу этот журнал регулярно выходил в свет. Практически он сам занимался комплектованием номеров, редакторской работой и поисками средств для печати номеров. Сегодня можно с горечью отметить, что после кончины «отца-основателя» заканчивается история этого прекрасного научного журнала.

По приглашению Александра Валентиновича несколько раз были опубликованы в этом издании мои скромные труды. Всякий раз моя работа над статьей была напряженной и увлекательной. Критика профессора Гаврилина всегда была беспощадной и конструктивной одновременно. С большой благодарностью я вспоминаю эти уроки работы над текстом. В каких-то случаях я специально отправлял свои рукописи профессору, так как знал, что получу от него объективную оценку, очень ценные замечания и советы. При этом, несмотря на всю строгость критики, у нас сохранялись неизменно хорошие отношения.

Порой высказывания профессора по разным вопросам были резкими и нелюдскими. Однако в этой импульсивности скрывалась острая неприязнь ко всякой фальши, некомпетентности и неправде. Такая «неуживчивость» Гаврилина с компромиссами не могла не отражаться на отношениях и внутри научной корпорации, но и сделала его персоной нон грата для церковных властей Латвии.

Следует отметить, что Александр Валентинович был настоящим христианином и церковным человеком. Это видно не только из предметов его научных исследований и преподавания, связанных с историей и культурой Православной церкви. Его мысли, высказанные вслух, его поступки, определявшие его аксиологическую шкалу, его верность исторической правде, которая уходит своими корнями в Святое Благовестие. Еще будучи студентом Латвийского университета, Саша Гаврилин регулярно посещал Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, где познакомился с архимандритом Алипием (Вороновым). Влияние наместника на молодого человека было столь велико, что естественно родилось желание посвятить свою жизнь монашескому подвигу и остаться рядом с любимым духовником. Однако архимандрит Алипий не одобрил выбор Александра, а благословил его закончить учебу и заниматься церковной историей, добавив при этом: “Сейчас очень нужны ученые-христиане, чтобы они писали объективную историю русской церкви”. Сегодня можно с уверенностью сказать, что Александр Валентинович исполнил благословение своего духовника.

Он очень любил свою родину Латвию и красавицу Ригу. Как-то летом в один из моих приездов в столицу профессор Гаврилин уделил большую часть дня, гуляя с моей семьей по старому городу и рассказывая массу интересных историй и преданий. Своею любовью к Риге он

щедро делился с нами, и эти яркие впечатления навсегда сохранятся в моем сердце.

Следует сказать также и о том, что Александр Валентинович Гаврилин, будучи гражданином Латвии, оставался по-настоящему русским человеком.

Любовь к родине не была слепой, и профессор Гаврилин глубоко переживал те сложные отношения, которые сложились в последнее время между Россией и Латвией. Он считал, что прикосновение к культуре и истории сможет примирить даже самых ожесточенных противников. Уже будучи тяжело больным, Александр Валентинович сумел осуществить свою давнюю задумку — со студентами и аспирантами Латвийского университета совершить поездку в Россию по маршруту Псков—Санкт-Петербург—Новгород. Всюду были встречи с местными историками, преподавателями и студентами: выступали с лекциями, проводили семинары и экскурсии. По сути, это был выездной научный семинар, целью которого было знакомство с русской культурой и историей, преодоление взаимного недоверия и отчужденности, навеянные пропагандой в одинаковой степени с обеих сторон. Можно сказать, что эта поездка стала миротворческой миссией, направленной на преодоление мифов и предрассудков. В этом действительно можно увидеть подлинное предназначение исторической науки.

В одном из наших с ним разговоров профессор Гаврилин вспоминал тревожные дни 1991 года, когда некоторые преподаватели факультета несли дежурство Народного фронта у костров в Старой Риге. Среди них был и Александр Валентинович. Как-то в одно из дежурств его спросили, а что он будет делать, если баррикады начнут штурмовать русские солдаты? На какой стороне вы будете? На что Гаврилин ответил: «Я буду посередине, чтобы не допустить столкновение, может быть, даже ценой своей жизни». Это не пустые слова. Вся его жизнь, труды, преподавание, научное руководство, живое общение были направлены на созидание, собиание и умиротворение.

Александр Валентинович продолжал трудиться, не жалея себя, до последних дней жизни. Преодолевая тяжелую болезнь, он участвовал в конференциях, готовил к изданию журнал, консультировал, давал рекомендации начинающим исследователям. Последняя встреча с Александром Валентиновичем была у него дома 11 февраля 2019 года. До кончины оставалось чуть больше четырех месяцев... В тот день немощь как будто отпустила свои путы. Александр Валентинович сидел с нами за столом, внимательно слушал, спрашивал и много рассказывал уже почти угасшим голосом. Удивительно, что даже в этот раз он оставался верен себе, сохранив ясность ума, прекрасную память, чувство юмора и самоиронию.

В следующий раз я с моими родными приехал к Александру Валентиновичу 26 июня уже на похороны. Был жаркий летний день. Большое число людей, пришедших проститься с другом, коллегой, наставником и родным человеком. Прекрасную проповедь в конце чина отпевания произнес друг Александра Валентиновича, рижский историк, священник, до последнего не оставлявший его без духовной поддержки и ободрения. Еще долго не расходились люди после погребения. Они разговаривали, вспоминали и делились с благодарностью своим опытом общения с профессором Гаврилиным. Казалось бы, и сам Александр Валентинович, как это было всегда, находился в центре общения, приободрял, утешал и вдохновлял. Его переход в вечность был светлым и дающим надежду на встречу. С нами остаются его труды — книги и журналы, его образ и слова, остается добрая и вечная память.

Научные публикации А.В. Гаврилина

Монографии

1. Очерки истории Рижской епархии. 19 век. Рига: Филокалия, 1999. 365 с.
2. Люцинское (Лудзенское) благочиние Полоцко-Витебской епархии во второй половине XIX—начале XX века. Рига: Филокалия, 2004. 168 с.
3. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб.: «Алаборг», Тихвин: Издательская служба Тихвинского монастыря, 2009. 464 с.
4. Люцинское (Лудзенское) благочиние во второй половине XIX — конце 30-х годов XX века. Рига: Филокалия, 2013. 380 с.
5. Латвийские православные священнослужители на Американском континенте. Москва: Общество любителей церковной истории, 2013. 407 с.
6. Jānis (Garklāvs): pareizticīgais latvietis. Rīga: LU aģentūra Filozofijas un socioloģijas institūts, 2015. 372 lpp.
7. I Have Received Much More Than I Have Deserved. The Archpastoral Journey of Archbishop Jonh (Garklavs) / Transl. from Russian by A. Bezkorobainy. Lulu Enterprises, Inc., 2015. 462 p.

Учебники

1. Vēstures avotu pētniecība. Lekciju kurss. Rīga: LU Akademiskais apgāds, 2017. 112 lpp.
2. Теория изучения и использования исторических источников: Учебное пособие для студентов гуманитарных, теологических и религиозно-направлений и специальных высших учебных заведений. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2019. 160 с.

Научные статьи

1. Некоторые вопросы крестьянского движения 1841 года в Прибалтике в интерпретации апологетов православия // Вопросы аграрной истории Латвии: Сб. научных трудов. Рига, 1984. С. 126–144.
2. Религиозный фактор в крестьянском движении 1841–1848 гг. // Тезисы докладов научно-теоретической конференции молодых ученых. Рига, 1985. С. 209–212.
3. Крестьянское движение 1841 года в Прибалтике и попытки крестьянства перейти в православие // Тезисы докладов научно-теоретической конференции молодых ученых. Рига, 1986. С. 138–140.
4. Эволюция формы крестьянского движения 1841 года в Прибалтике (по материалам крестьянских прошений рижскому православному духовенству) // Классовая борьба и проблемы развития культуры в Латвии. (XIX–XX вв.): Сб. научных трудов. Рига, 1987. С. 97–125.
5. Saga patvaldības politika Baltijā un latviešu un igauņu zemniecības cīņa 1845–1848. g. // LPSR ZA Vēstis. No. 4. Rīga, 1987. 60–72 lpp.
6. Некоторые вопросы идеологии прибалтийского крестьянства в 40-х годах XIX века // Тезисы докладов научно-теоретической конференции молодых ученых. Рига, 1987. С. 229–231.
7. Переход прибалтийских крестьян в 40-х годах XIX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Рига, 1987. 20 с.
8. *Гаврилин А.* К вопросу об образовании самостоятельной Рижской епархии // Тезисы докладов научно-теоретической конференции молодых ученых. Рига, 1988. С. 102–104.
9. Pareizticīgās garīdzniecības loma latviešu un igauņu zemnieku pāriešanā pareizticībā 1845–1848.g. // LPSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis. № 11. Rīga, 1988. 40–51 lpp.
10. Par patstāvīgas Rīgas eparhijas izveidošanos (sakarā ar 140. gadadienu) // LPSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis. No. 3. Rīga, 1990. 27–37 lpp.
11. Vidzemes evaņģēliski luterisko mācītāju «noziegumi» pret pareizticību 19.gs. 80–90.gados // Vācu faktors Latvijas vēsturē: Zin. rakstu krājums. Rīga, 1992. 154–160 lpp.
12. Starpkonfesionālās nesaskaņas Vidzemes guberņā 19.gs. otrajā pusē. // Latvijas vēsture. Rīga, 1993. No. 2. 23–27 lpp.; No. 3. 7–10 lpp.
13. The Problems of the Cultural Heritage of Latvia // Conservare '93. The European Heritage Forum. Ostend – Belgium, 1993. 1 авт. лист.
14. Победоносцев и Прибалтика // Вестник Русского Христианского Движения. Париж, 1994. С. 50–66.
15. Relevance of our spiritual heritage for laying foundations for partnership in the region // Co-operation and Reconciliation around the Baltic Sea. Russia, Saint Petersburg, 1995. 0,3 авт. листа.
16. How can we achieve a common and factually correct view of recent history? // Faith, Moral Values and Our Future. Caux, 1996. P. 34–48.
17. Разногласия между Православной и Ев.-лютеранской Церквями в прибалтийских губерниях во второй половине XIX века // Русская культура

- на межконфессиональных перекрестках: Сб. научных трудов. М., 1995. С. 102–103.
18. Его Преосвященство, викарный епископ Рижский Филарет (Гумилевский) // Православие в Латвии. Исторические очерки. Вып. 2. Рига: Благовест, 1997. С. 95–105.
 19. Предисловие // Православие в Латвии. Исторические очерки. Вып. 2. Рига: Благовест, 1997. С. 3–5.
 20. Pareizticības izplatīšanās Latvijas teritorijā 18. gadsimtā // Latvijas vēsture. Rīga, 1998. No. 2. 25–28 lpp.
 21. Попытки реформирования Латвийской Православной Церкви в 1936–1940 гг. // Живое предание. М., 1999. С. 135–142.
 22. О русской эмиграции в Латвии в 1920–1930-х годах // Вестник Русского Христианского Движения. Париж, 2000. С. 307–327.
 23. Положение Латвийской Православной Церкви в 20–30 гг. XX в. // Материалы Ежегодной Богословской конференции Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. М., 2000. С. 298–303.
 24. Биография владыки Леонида (Полякова) // Христiанос IX. Rīga, 2000. С. 323–327.
 25. Современное положение Православных Церквей Латвии и Эстонии: проблемы и их истоки // Материалы Ежегодной Богословской конференции Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. М., 2001. С. 228–235.
 26. Строительство православных храмов на территории Латвии до середины 19 века // Православие в Латвии. Исторические очерки. Вып. 3. Рига: Филокалия, 2001. С. 67–112.
 27. Современное положение Православных Церквей Латвии и Эстонии // Вестник Русского Христианского Движения. № 182. Париж, 2001. С. 294–308.
 28. Основные этапы строительства православных храмов на территории Латвии до конца XIX века // Daugavpils Pedagoģiskās universitātes XI Zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture: avoti un cilvēki. VII. Daugavpils: Saule, 2001. 32–36 pp.
 29. Православная Церковь в посткоммунистической Прибалтике: проблемы и их истоки // Православная беседа. М., 2001. № 5. С. 13–18.
 30. Арсений (Брянцев Александр Дмитриевич) // Православная энциклопедия. Т. III. М.: АНЦ «Православная энциклопедия», 2001. С. 397–398. (в соавторстве с В. Цыпным)
 31. Архиерейское управление: абсолютизм или соборность? // Вестник Русского Христианского Движения. Париж, 2002. № 183. С. 192–202.
 32. Latvijas pareizticīgo dievnamu būvvēstures pamatposmi // Man jau un tev tikai [piecdesmit]. Latvijas Kultūras akadēmijas mācību spēku jubilejas kopkrājums. Rīga, 2002. 7–25 lpp.
 33. Русская эмиграция в 20–30-х годах XX в. в Латвии и Латвийская Православная Церковь // Материалы Ежегодной Богословской конференции Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. М., 2002. С. 226–232.

34. Его Преосвященство, епископ Полоцкий и Витебский Александр (Закис) // Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XII zinātnisko lasījumu materiāli. Daugavpils: Saule, 2003. С. 46–49.
35. Почему не был закрыт Рижский Свято-Троицкий Сергиев монастырь? // Богословский сборник. М., 2003. Вып. XI. С. 425–440.
36. Латвийская Православная Церковь в тридцатых годах XX века // Церковь и время. М., 2003. № 1 (22). С. 173–181.
37. «Неизвестные» латвийские священнослужители: отец Иоанн Легкий // Православие в Латвии: исторические очерки. Рига, 2004. №. 4. С. 25–33.
38. «Мы отовсюду уходили последними...». Жизнь о. Иоанна Легкого // Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XIII starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture VII. Daugavpils: Saule, 2004. 25–29 lpp.
39. Рижская епархия и политика правительства в Прибалтийских губерниях в 60–90-х годах XIX в. // Россия и Балтия. Вып. 2: Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. 2-я половина XVIII в. – XX в. М. ИВИ РАН, 2004. С. 92–116.
40. Епископ Рижский Иринарх (Попов) и старообрядцы Риги // Староверие Латвии. Сб. научных статей под ред. И. Иванова. Rīga, 2005. С. 274–280.
41. Люцинское (Лудзенское) благочиние Полоцко-Витебской епархии в период русификации второй половины XIX века // Исторический путь литовской письменности. Сборник материалов конференции. Вильнюс, 2005. С. 306–323.
42. Отношение духовенства Люцинского благочиния к иноверным во второй половине XIX–XX веков // Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XIV starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture VIII. Daugavpils: Saule, 2005. 44–49 lpp.
43. Отношение к ведущим религиозным конфессиям в Латвийской Республике в 1918–1934 годах // Международная научная конференция «Государство, Церковь, общество: исторический опыт и современные проблемы». Сб. научн. статей. М., 2005. С. 73–77.
44. Рижский период служения святителя Агафангела (Преображенского) (1897–1913) // Ради мира церковного. Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского и Ростовского, исповедника. Книга первая. М., 2005. С. 249–259.
45. Рижский период служения священноисповедника митрополита Агафангела (Преображенского) // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. II: 1. М., 2005. С. 47–61.
46. Утраченные в XX веке храмы Риги // Православие в Латвии. Исторические очерки. Вып. 5. Рига: Филокалия, 2006. С. 25–50.
47. Документы по делу митрополита Рижского и всея Латвии Августина (Петерсонса) «Латвийской папки» Архива Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Православие в Латвии. Исторические очерки. Рига: Филокалия, 2006. № 5. С. 97–144.
48. Рижский епархиальный собор 1905 года // Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes Starptautiskās konferences XV starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture IX. Daugavpils: Saule, 2006. 45–50 lpp.

49. Архиерейское управление на рубеже XIX–XX столетий: Его Преосвященство епископ Рижский и Митавский Агафангел (Преображенский) // Россия и Балтия. Вып. 4: Человек в истории. М.: Наука, 2006. С. 117–134.
50. Православная церковь накануне свободы слова: Рижский епархиальный собор 1905 г. // Свобода совести в России: исторические и современные аспекты. Вып. 3. М., 2006. С. 159–165.
51. «Латышский» священник Иаков Михайлов // Православие в Латвии: исторические очерки. Рига: Филокалия, 2007. № 6. С. 11–27.
52. Infantijas (Latgales) vecticībnieki un Pareizticīgo Baznīcas politika XIX gs. otrajā pusē–XX. gs. sākumā // Latvijas Vēsture. Jaunie un jaunākie laiki. Rīga, 2006. No. 4 (64). С. 10–16.
53. Latvijas pareizticīgo garīdzniecības kalpošana pārvietoto personu (DP) noietnēs Vācijā 1945–1949. gadā // Latvijas vēsture. Jaunie un jaunākie laiki. Rīga, 2007. No. 2 (66). С. 42–52.
54. Латвийское православное духовенство на территории Германии в 1945–1949 годах // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. М., 2007. № 2 (39). С. 233–256.
55. Православная церковь в Литве, Латвии и Эстонии: современное положение // Православие в постсоветские времена: осмысление ситуации. Сборник материалов международной конференции / Под ред. С.Г. Карасевой. Минск, 2007. С. 27–29.
56. Padomju varas attieksme pret Latvijas Pareizticīgo Baznīcu 1940–1941. gadā // Latvijas vēsture. Jaunie un jaunākie laiki. Rīga, 2008. No. 2 (70). 38–48 lpp.
57. Латгалия начала XX века со страниц летописей православных приходов // Православие в Латвии. Исторические очерки. Рига: Филокалия, 2008. Вып. 7. С. 11–33.
58. Православное духовенство в странах Балтии в период Второй мировой войны: война глазами латгальского священника // Вторая мировая война и страны Балтии, 1939–1945: материалы международной научной конференции. Рига, 14–15 декабря 2006 г. Рига: Retorika A, 2008. С. 124–129.
59. Миссионерская работа православного духовенства среди староверов на территории современной Латвии в начале XX века // Echa Przeszłości IX. University of Warmia and Mazury in Olsztyn, 2008. С. 155–164.
60. Единение православных русских студентов Латвии // Православная Энциклопедия. Т. XVIII. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2008. С. 39–41.
61. Латвийская Республика в 1918–1940 гг. глазами латгальского православного священника // Россия и Балтия. Вып. 5: Войны, революции и общество. М.: Наука, 2008. С. 241–252.
62. Депутат III Государственной думы протоиерей Феодор Никонович // Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes Starptautiskās konferences XVII starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture XI. Daugavpils: Saule, 2009. 103–107 p.
63. *Pazane B.L'* Église orthodoxe au XXe siècle dans les pays baltes: Estonie, Lettonie et Lituanie. In: L'Église orthodoxe en Europe orientale au XXe siècle. Sous la direction de Christine Chaillot, Paris: Les Éditions Du CEPF, 2009. P. 49–272 (в соавторстве с Pazane B.).

64. Филареты Рижские: епископы Филарет (Гумилевский) и Филарет (Филаретов) // Интеллигенция в многонациональной империи. Русские, латыши, немцы. XIX – начало XX в. Сб. статей. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 42–66.
65. Илукстский в честь Рождества Пресвятой Богородицы женский монастырь // Православная энциклопедия. Т. XXII. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия». М., 2009. С. 327–328.
66. Staļina režīma laikā represēto Latvijas pareizticīgo mācītāju krimināllietas kā vēstures avots. Latvijas Vēsture. Jaunie un jaunākie laiki. Rīga, 2010. No. 4 (80). P. 47–58.
67. «Неизвестные» латвийские священнослужители: протопресвитер Иоанн (Jānis) Бауманис // Православие в Латвии: исторические очерки. Рига: Филокалия, 2010. Вып. 8. С. 21–54.
68. «Летопись Александро-Невской церкви, Рижской епархии, Вольмарского уезда и благочиния, находящейся в г. Лемзаль, с 1822 года» (Первая мировая и события 1917–1919 гг. глазами православного священника) // Православие в Латвии. Исторические очерки. Рига: Филокалия, 2010. Вып. 8. С. 115–152.
69. Latvijas pareizticīgo garīdzniecības pārceļošana uz ASV 20.gadsimta 40–50. gadu mijā // Latvijas vēsture. Jaunie un jaunākie laiki. Rīga, 2010. No. 1 (77). P. 80–93.
70. Иоанн (Легкий Иван Саввич) // Православная энциклопедия. Т. XXIII. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. С. 418–419 (в соавторстве с М.В. Шкаровским).
71. Иоанн (Гарклавс Янис (Екабович)) // Православная энциклопедия. Т. XXIII. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. С. 400–401 (в соавторстве с М.В. Шкаровским).
72. Иоанн (Поммер Янис (Андреевич)) // Православная энциклопедия. Т. XXIII. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. С. 292–295.
73. Архипасторский путь Иоанна Гарклавса // Seminarium hortus humanitatis / Альманах XXI. Рига, 2010. С. 29–50.
74. Staļina režīma laikā represēto Latvijas pareizticīgo mācītāju krimināllietas kā vēstures avots // Latvijas vēsture. Jaunie un jaunākie laiki. Rīga, 2010. No. 4 (80). P. 47–58.
75. Следственные (уголовные) дела православных священников как источники изучения сталинских репрессий на территории Латвии // «Церковь и время». Научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2010. № 3 (52). М.: ОВЦС МП. С. 193–218.
76. «Неизвестные» латвийские священники: о Леониде Ладинский // Православие в Латвии. Исторические очерки. Рига: Филокалия, 2011. Вып. 9. С. 75–110.
77. Латвийская православная Церковь и русская эмиграция в межвоенный период // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Т. XII. М., 2012. С. 30–38.
78. Православная Церковь в Литве, Латвии и Эстонии в начале XXI века. Православный ученый в современном мире. Материалы второй международной научно-практической конференции. Т. 2. Воронеж, 2013. С. 118–125.

79. Отношение советской власти к Латвийской Православной Церкви в 1940–1941 гг. Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. II: 5 (54). Сентябрь–октябрь. М., 2013. С. 44–59.
80. Попытки реформ в Латвийской Православной Церкви во второй половине 30-х годов XX века // *Latopisy Akademii Supraskij. Vol. 4. Kalendarz v žyciu Cerkwi i wspólnoty. Pod redakcija Marzanny Kuczynskiej i Urszuli Pawluczuk. Białystok, 2013. С. 175–185.*
81. Собеседования синодальных миссионеров с рижскими староверами в 1889–1890 гг. // *Latvijas vecticībnieki: identitātes saglabāšanas vēsturiskā pieredze. Rakstu krājums. Sast. I. Ivanovs, N. Pazuhina, I. Runce. Rīga: LU FSI, 2014. С. 76–87.*
82. События начала XX века в летописях латгальских православных приходов. Современные проблемы изучения истории Церкви. Сб. докладов международной конференции. М.: Паломник, 2014. С. 119–131.
83. Собеседования православных миссионеров с рижскими староверами в конце XIX – начале XX в. // *Православие в Балтии. Научно-аналитический журнал / Гл. ред. А.В. Гаврилин. Rīga: LU, 2015. № 3 (12). С. 49–61.*
84. Русские эмигранты в межвоенной Латвии: правовой статус и попытки самоорганизации // *Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX – 1-я половина XX века. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 234–250.*
85. Православная Церковь на территории Латвии во время Первой мировой войны // *Православие в Балтии. Научно-аналитический журнал / Гл. ред. А.В. Гаврилин. Rīga: LU, 2016. № 4 (13). С. 33–48.*
86. Латвийская Православная церковь // *Православная энциклопедия. Т. XL. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2016. С. 83–88.*
87. Православие в XIX – начале XX в. / В ст. «Латвия» // *Православная энциклопедия. Т. XL. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2016. С. 96–98.*
88. Православие в XX – начале XXI в. / В ст. «Латвия» // *Православная энциклопедия. Т. XL. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2016. С. 101–102.*
89. Церковная архитектура / В ст. «Латвия» // *Православная энциклопедия. Т. XL. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2016. С. 110–111.*
90. Епископ Константин (Ессенский) // *Православие в Балтии. Научно-аналитический журнал / Гл. ред. А.В. Гаврилин. Rīga: LU, 2017. № 6 (15). С. 43–56.*
91. Православие на территории Латвии и Эстонии до включения региона в состав Российской империи // *Ortodoxi Evropi. Studia do dziejow kościoła prawosławnego w Europie wscnodniej. Vol. 1. Rocznik: Uniwersytet w Białymstoku, 2018. С. 81–99.*
92. О каноническом статусе Православной Церкви в Эстонии и Латвии в начале 1920-х годов // *Православие в Балтии. Научно-аналитический журнал / Гл. ред. А.В. Гаврилин. Rīga: LU, 2018. № 7 (16). С. 101–112.*
93. Православные приходы на территории Латвии во время Первой мировой войны // *Православие в Прибалтике: религия, политика, образование. 1840-е – 1930-е гг. / Под ред. И. Пярт. Тарту, 2018. С. 297–314.*
94. Газета «Tēvija» о религии и церкви в 1941–1945 гг. // *Православие в Балтии. Научно-аналитический журнал / Гл. ред. А.В. Гаврилин. Rīga: LU, 2018. № 8 (17). С. 81–94.*

Редакторская работа

Редактор

Православие в Латвии. Исторические очерки. Сб. статей. Рига. Вып. 1, 1993; вып. 2, 1997; вып. 3, 2001; вып. 4, 2004; вып. 5, 2006; вып. 6, 2007; вып. 7, 2008; вып. 8, 2010; вып. 9, 2012.

Главный редактор

Православие в Балтии. Научно-аналитический журнал. Rīga. № 1 (10), 2013; № 2 (11), 2014; № 3 (12), № 4 (13), 2015; № 5 (14), 2016; № 6 (15), 2017; № 7 (16), 2018.

Научный редактор

1. «Latvijas materiālā kultūras mantojuma saglabāšanas problēmas» 1. laid., Rīga: LU, 2008; 2. laid., Rīga: LU, 2013.
2. Рижский старообрядческий сборник. Вып. 1, 2. Рига: ЛУ, 2011.
3. Латвийские староверы: исторический опыт сохранения идентичности. Сб. статей. Рига: ЛУ ИФС, 2014.

Член редколлегии

1. Интеллигенция в многонациональной империи. Русские, латыши, немцы. XIX – начало XX в. М.: ИВИ РАН, 2009.
2. Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX – 1-й половины XX века. М.: ИВИ РАН, 2015.

Составитель М.А. Гаврилина

Исследователь истории московских латышей

Памяти Видвуда Павловича Штрауса

08.03.1935 – 26.02.2020

26 февраля в Риге скоропостижно скончался российский и латвийский историк Видвуд Павлович Штраус (**Vidvuds Štrauss**), крупнейший знаток истории латышей в России и особенно в Москве.

Видвуд Павлович родился 8 марта 1935 г. на хуторе Вец-Куркас недалеко от Елгавы. Детство закончилось 14 июня 1941 г., когда отца, Паула-Эдуарда, арестовали как члена местной организации айзсаргов. Но не исключено, что кому-то приглянулось крепкое хозяйство владельца хутора. Отец умер в тюрьме, не дождавшись суда (посмертно реабилитирован в 1989 г.). А членов семьи (жену с сыном)

«выслали в административном порядке» в Сибирь. Согласно опубликованным «Мемориалом» сведениям (на сайте «Список жертв политических репрессий») против имени Видвуда Павловича Штрауса стоит: «арестован и выслан в административном порядке на спецпоселение в Уярский район Красноярского края». «Арестованному» было тогда от роду 6 лет.

В Сибири мама Видвуда Аугуста Штраус вскоре заболела, мальчик какое-то время жил с ней в больнице, а после ее смерти в мае 1942 г. (она была посмертно реабилитирована в 1991 г.) его отправили в детский дом. Ребенок едва понимал по-русски. В детском доме оказался мальчик-латыш, с которым Видвуд мог общаться на родном языке. А после смерти товарища в школе и детском доме Видвуд говорил только по-русски и совсем забыл латышский. Вскоре после окончания войны воспитатели в детском доме (спасибо им за это) разыскали



родственников Видвуда в Москве и отправили одного на поезде с буханкой хлеба через всю страну. Летом 1946 г. с него сняли ограничение в передвижении и разрешили вернуться в Латвию. По рассказу Видвуда Павловича, он приехал к латышским родственникам, но совсем не понимал, что говорят вокруг. Он попал на праздник и будучи очень голодным сразу съел десяток яиц, вкуса которых он не помнил и вообще не знал, что это такое. Хорошо, что взрослые вовремя заметили, а то это могло плохо кончиться для его здоровья.

Поскольку без знания языка учиться в местной латышской школе он не мог, мальчика опять отправили в Москву. А латышский язык он выучил потом заново. В Москве он окончил среднюю школу, затем Историко-архивный институт. И в старших классах, и в институте учился заочно, рано начал работать: жизнь с детства приучила к самостоятельности, не хотел быть обузой родне. После института поступил в аспирантуру, но потом ушел, так как темой, связанной с судьбами латышей в СССР, которая его больше всего интересовала, заниматься он тогда не мог. При этом многие годы он собирал картотеку данных и другие материалы о московских латышах, составляемую и по архивным данным, и по печатным изданиям, и, особенно, по рассказам и воспоминаниям соотечественников в Москве. Детальное изучение и публикация накопленных сведений стало возможным только после 1991 г.

Свою огромную жизненную энергию и организационные способности Видвуд Павлович применял, много лет работая по профсоюзной линии — возглавлял профсоюзную организацию градообразующего научно-производственного объединения в подмосковном Зеленограде (теперь административный округ г. Москвы). Его стараниями многие сотрудники получали жилье, путевки для взрослых и детей в санатории, дома отдыха, детские сады, лагеря и т. п. За работу он был награжден орденом Знак Почета и несколькими медалями. Какое-то время он избирался депутатом городского Совета. Правда, это было тогда возможно лишь потому, что в многочисленных анкетах он (по собственному разумению или кто-то подсказал?) писал, что в детстве оказался в Сибири в эвакуации. И это объяснение, несмотря на многочисленные проверки, не подвергалось сомнению, тем более что уголовного дела на ребенка все же не было заведено.

С конца 1980-х гг. на волне перестройки в Москве была разрешена культурная деятельность многочисленных национальных общин города. Весной 1989 г. было создано Московское общество латышской культуры, в мероприятиях которого Видвуд Павлович с удовольствием участвовал. Он организовывал встречи памяти известных в Москве деятелей культуры и науки: певицы Ирмы Яунзем (вместе с сотруд-

никами Музыкального музея им. М.И. Глинки), членов латышского общества «Прометей» и артистов театра «Скатуве», крупного ученого-библиотековеда, организатора и первого директора Библиотечного института (теперь Московский государственный институт культуры и искусства) Генриеты Дерман и др.

Вместе с тем он считал, что для систематической работы по изучению документов по истории московских латышей нужна специальная научная организация. Такой должна была стать ассоциация «Латыши в России», которая объединила бы живших в России ученых латышского происхождения (а таких в стране немало). Согласно подготовленной Видвудом Павловичем программе, основной задачей ассоциации должно было стать сохранение памяти и изучение истории латышской диаспоры в России. Планировалось проведение мероприятий, посвященных деятельности лидеров латышского национального возрождения, живших в Москве во 2-й половине XIX в., увековечивание памяти членов общества «Прометей» (1924–1937 гг.), восстановление существовавшей до начала репрессий библиотеки латышской литературы, выпуск периодического издания для российских латышей, увековечивание памяти погибших в 1937–1938 гг. московских латышей (программа была опубликована в «Вестнике Московского общества латышской культуры», 1997, № 1 (9), с. 12–13). Предполагалось, что подобная же работа будет вестись и в других городах и регионах России.

Создать ассоциацию, как задумывалось, не удалось, но часть планируемых дел все же получилось воплотить в жизнь. В феврале 1998 г. в день 60-летия массового расстрела советских латышей в Москве по инициативе Видвуда Павловича была организована поездка на Бутовский расстрельный полигон и проведение там памятной траурной церемонии.

В декабре 1998 г. по его инициативе в Исторической библиотеке и Институте всеобщей истории РАН была проведена научная конференция, приуроченная к 125-летию образования Императорского Общества для содействия русскому торговому мореходству, идея образования которого принадлежала латышскому ученому Кришьянису Валдемарсу, а в его работе участвовали многие латышские общественные деятели и мореходы. На конференции, кроме московских историков, выступили латвийские коллеги. Участвовал Видвуд Павлович и в других научных конференциях и памятных встречах, в работе Московского краеведческого общества (которым тогда руководил С.О. Шмидт), сотрудничал с обществом «Мемориал». Большой резонанс в Москве имел вечер памяти латышей – жертв политических репрессий, проведенный в феврале 2013 г. в зале «Мемориала» и посвященный 75-летию массовых расстрелов латышей в Бутово

(см. об этом на сайте «Мемориала»: <http://old.memo.ru/d/145814.html>). На ней Видвуд Павлович выступил с рассказом о творчестве и гибели членов общества «Прометей» и артистах театра «Скатуве». В феврале того же года Видвуд Павлович сделал большой доклад о судьбе известного театрального деятеля в Москве, режиссера театра им. Вахтангова О.Ф. Глазунова (Глазникса) на конференции «Прибалтийская интеллигенция в культурном пространстве Советской России—СССР. 1918—1940 гг.» (проводимой совместно ИВИ РАН и Государственной Третьяковской галереи).

Уже в XXI в. уводили памятные таблички на зданиях, откуда в 1937—1938 гг. уводили арестованных московских латышей. Но такое увековечивание памяти репрессированных латышей (в рамках проекта «Мемориала» «Последний адрес») находится лишь в самом начале.

Видвуд Павлович считал также необходимым посетить места захоронений на окраине Наро-Фоминска (ж.д. станция Латышская) и под Боровском воинов 201-й Латышской стрелковой дивизии, ведшей осенью в 1941 г. тяжелые бои, защищая Москву от наступления гитлеровских войск.

Огромной и кропотливой работой было составление базы данных латышей, похороненных в Москве, начиная с XIX в. Для этого Видвуд Павлович сам обошел более 20 старых московских кладбищ (данные опубликованы в «Вестнике Московского общества латышской культуры» в № 3, 5 за 1997 г.; 1, 2, 3, 4 за 1998 г.). Это очень ценная работа не только для сохранения памяти о соотечественниках, но и как источник по истории латышей в Москве и истории Москвы как многонационального города в целом. Была начата также работа по составлению базы данных ученых латышского происхождения, которые жили в Российской империи и в СССР в XIX — первой половине XX в.

Чрезвычайно важным для единения латышского народа являлось знакомство с историей московских латышей граждан Латвийской Республики. Видвуд Павлович водил приезжавших из Латвии коллег, сотрудников посольства в Москве и др. по местам, связанным с жизнью и деятельностью Кришьяниса Валдемарса, возил их к мемориалу на Бутовском полигоне. Его статьи и интервью о московских латышах печатались в латвийских газетах, а также в журнале «Латвийские архивы».

Он был автором статей в Московской энциклопедии, в сборниках, выпускаемых Московским краеведческим обществом и в «Вестнике Московского латышского общества», сотрудничал с редколлегией альманаха «Шпион», опубликовал свои исследования в большинстве выпусков серийного издания «Россия и Балтия» (Институт всеобщей истории РАН).

С конца 2017 г. Видвуд Павлович жил в Риге. Болезни давали о себе знать, но он очень скучал по работе, надеялся, что вскоре можно будет перевезти из Москвы его домашний архив.

При всех сложностях со здоровьем ничего не предвещало скорого конца; родные и друзья готовились торжественно отметить его 85-летие. Его внезапная кончина стала для всех настоящим шоком. Сохранением памяти о Видвуде Павловиче должно стать продолжение не завершённой им работы по изучению латышской диаспоры в Москве и России.

Список основных работ В.П. Штрауса

1. «Прометей» в наших воспоминаниях // Вестник Московского общества латышской культуры. 1990. № 2. С. 18–25 (изд. на русском и латышском языках).
2. Латыши // Народы России. Энциклопедия. М.: БРЭ, 1994. С. 220–223.
3. Литовцы // Народы России. Энциклопедия. М.: БРЭ, 1994. С. 225–226 (совместно с М.Я. Устиновой).
4. Трагедия мертвых, позор живых (о сохранении братского кладбища павших в Первую мировую войну в Москве) // Вестник Московского общества латышской культуры / Maskavas Latviešu Kultūras Biedrība. 1998. № 2. С. 16–17.
5. «Бутовские латыши» // Книга Памяти «Бутовский полигон». Вып. 3. М., 1999. С. 23–24.
6. Доктор Зандбергс – продолжатель дела Кришьяниса Валдемарса // Россия и Балтия. Вып. 1: Страны и народы / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 34–38.
7. Par Butova latviešiem // Latvijas arhīvi. 2002. No. 2. 86–97 lpp. (о латышах, расстрелянных в Бутово).
8. Московская латышская община в XIX в. Краткое обозрение // Россия и Балтия. Вып. 3: Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. 2-я половина XVIII – XX в. / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2004. С. 188–194.
9. Latviešu Golgāta Piemaskavas mežā // Latvijas Avīze. 2004, 15 jūn. (интервью) (о расстреле латышей под Москвой в 1938 г.).
10. Latviešu arhīvisiti – sarkana teroga upuri (Maskava, 1935–1938) // Latvijas arhīvi. 2004 No. 3. 29–38 lpp. (Латыши-архивисты – жертвы красного террора.)
11. Генриета Дерман // Россия и Балтия. Вып. 4: Человек в истории. М.: Наука, 2006. С. 200–211.
12. Smiļģa gaitas Maskavā // TV NET 2006, 23. nov. (<https://www.tvnet.lv/4775129/smilga-gaitas-maskava>) (о режиссере Эдуарде Смильгисе).
13. Krišjāņa Valdemāra vēstules Nikoljam Jermakovam 1877 gadā // Latvijas arhīvi. 2007. No. 4 34–81 lpp. (Письма Кришьяниса Валдемарса предпринимателю и члену Императорского Общества содействия развитию русского мореходства Николаю Ермакову в 1877 г.)

14. Они были вместе... Латышский театр в Смоленске. Смоленск, 2007 (брошюра, 31 с.).
15. Кузнецовы в Латвии // Россия и Балтия. Вып. 5: Войны, революции и общество / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., Наука, 2008. С. 177–185.
16. Латыши в Испании (1936–1939) // Испанский альманах. Вып. 1. Власть, общество и личность в истории / Отв. ред. С.П. Пожарская. М.: Наука, 2008. С. 50–63.
17. С латышского на русский (Проблемы перевода и издания произведений писателей латышской диаспоры в России в 20–30-х гг. XX в.) // Россия и Балтия. Вып. 6: Диалоги историков разных стран и поколений / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Весь Мир, 2011. С. 117–122.
18. Irma Jaunzeme – «talantīga kā velns» // Latvijas Avīze. 2012, 24 jūl. (о певице Ирме Яунзем).
19. Teātra mākslas klasiķa Osvalda Glāznieka likteņa pavērsieni // Latvijas Avīze. 2012, 18 okt. (о режиссере театров «Скатуве» и им. Вахтангова Освальде Глазунове).
20. Глазунов (Глазниеке) // Московская энциклопедия / Под ред. С.О. Шмидта. Т. 1 (доп.) А–Я. М., 2014. С. 230.
21. Pirms 100 gadiem Rīga pārstāja būt par rūpniecības centru // Latvijas Avīze. 2015, 6 aug. (об эвакуации промышленности из Риги в 1915 г.).
22. Vīrs, kurš pratināja Gēringu // Latvijas Avīze. 2016, 26 jūl. (об участнике Нюрнбергского процесса подполковнике юстиции Красной армии Жанисе Озолсе).
23. Советские латыши в полку экспортеров революции // Россия и Балтия. Вып. 8: Новый мир на развалинах империи / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Весь Мир, 2017. С. 158–169.

Е.Л. Назарова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРЕНТ Карл Петрович, д.э.н., профессор Московского государственного университета природоустройства, Россия.

БАРИНОВ Никита Андреевич, исследователь истории Красной армии, Россия.

БОБКОВА Марина Станиславовна, д.и.н., главный научный сотрудник, руководитель Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН, Россия.

ГАВРИЛИНА Маргарита Анатольевна, доктор педагогики, профессор ф-та Педагогики, психологии и искусства Латвийского университета, Латвия.

ЗЕЛЮКИНА Татьяна Сергеевна, кандидат искусствоведения, сотрудник Государственной Третьяковской галереи, Россия.

КОВАЛЬЧУК Светлана Николаевна, доктор философии, ассоциированный профессор Высшей школы психологии (при Институте психологии РАН) Россия; член-корр. Академии наук Латвии, профессор Института философии и социологии Латвийского университета, Латвия.

КУЗНЕЦОВА Татьяна Ивановна, доктор истории, доцент Гуманитарного факультета Даугавпилсского университета, Латвия.

КУКУШКИНА Ирина Анатольевна, к.и.н, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Россия.

ЛАУРИНАВИЧЮС Чесловас, доктор гуманитарных наук, главный научный сотрудник Литовского института истории, Литва.

ЛУЖИС Сигитас, доктор гуманитарных наук, профессор университета Витаутаса Великого, Каунас, Литва.

НАЗАРОВА Евгения Львовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Россия.

ОБОЗНЫЙ Константин Петрович, к.и.н, декан исторического факультета Свято-Филаретовского Православно-христианского института, Россия.

ПОТРЕСОВ Владимир Александрович, к.тех.наук, журналист, директор музея Истории Ледового побоища, Россия.

СЕРГИНА Татьяна Васильевна, к.и.н., научный сотрудник-эмеритус Института археологии РАН, руководитель Вяземской археологической экспедиции ИА РАН, Россия.

СИРУТАВИЧЮС Владас, доктор гуманитарных наук, ассоциированный профессор Института международных отношений и политических наук Вильнюсского университета, Литва.

ШАЛДА Виталийс, доктор истории, профессор-эмеритус Даугавпилсского университета, Латвия.

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник Института Всеобщей истории РАН, Россия.

ЧУБАРЬЯН Александр Оганович, академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН, Россия.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаш, матрос, чекист 148
- Авотиниш Мартиныш (*Avotiņš Mārtiņš*), один из первых латышских стрелков-добровольцев 92
- Азар Илья Вильямович (род. 1984), российский журналист 279
- Акирас-Биржис, псевдоним П. Биржиса, см. 279, 287
- Акментинш Роберт (*Akmentiņš Roberts*, 1880–1956), латвийский правовед, профессор 210
- Акуратерс Янис (*Akuratērs Jānis*, 1876–1937), латвийский писатель, деятель культуры 93, 124
- Алекса-Ангаретис Зигмас, см.: Ангаретис 45, 59
- Александр II Николаевич (Романов) (1818–1882), российский император 239
- Александр Ярославич (Невский) (1221–1263), русский князь, полководец 22, 28
- Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918), русский военачальник 86
- Алекса-Ангаретис З., см. Ангаретис
- Алксне Михаил Эдуард (Микелис Эдуардс /*Alksne Mikēlis Eduards*), офицер российского императорского флота 263, 266
- Альберт Буксховед, Буксховеден фон (*Albert von Bickeshovede, Buxshövde*), 3-й епископ Рижский, XIII в. 213, 215, 220
- Амбразеюс-Амброзевичюс Юозапас (*Ambrazejus-Ambrozevičius Juozapas*, 1885–1915), литовский ксендз, композитор, поэт, обществ. деятель 51
- Ангаретис Зигмас (Зигмонтас) Антанас (*Angarietis Zigmontas Antanas*, 1882–1940), один из руководителей литовской компартии 59
- Андерсон Бенедикт Ричард О'Горман (*Anderson Benedict Richard O'Gorman*, 1936–2015), британский политолог, социолог 33
- Андерсонс Эдгарс (*Andersons Edgars*, 1920–1989), латышский общественный деятель, историк 126, 128, 135, 141
- Анкштутис Пранас (*Ankštutis Pranas*), житель Пярлои 280
- Антонов, секретарь председателя РВС СССР 305
- Антонов Александр Степанович (1889–1922), руководитель антибольшевистского восстания 162, 163, 164
- Антонов Сергей Николаевич (1884–1956), русский художник 233
- Аплок (Аплокс) Юрий (*Aploks Juris*, 1893–1938), советский военачальник 163, 164
- Аппога Эрнестс (*Apoga/Appoga Ernests*, 1898–1937), советский военный деятель 161, 162
- Аравичюс Владас (*Aravičius Vladas*), литовский учитель, автор воспоминаний 277
- Артем (псевдоним) см.: Сергеев Ф.А.
- Аузанс Андрей (*Auzāns Andrejs*, 1871–1953), российский полковник, генерал латвийской армии 118
- Аушкап Александр (Аушкапс Александрс /*Auškaps Aleksandrs*), врач российского императорского флота 249

- Базыкин Михаил Семенович (1900—1930), советский искусствовед 237
- Балодис Францис Александр (*Balodis Francis Aleksandrs*, 1882—1947), латышский археолог 202—209, 212—214, 216—222
- Балодис Янис (*Balodis Jānis*, 1881—1965), латвийский военный и политический деятель 114, 116, 141
- Балтушис Юозас (Юозенас Альбертас) (*Baltušis Juozas (Juozėnas Albertas)*, 1909—1991), литовский литератор, общественный и государственный деятель 45
- Банайтис Саламонас (*Banaitis Salamonas*, 1866—1933), литовский общественный и политический деятель, издатель 55
- Бангерскис Рудолфс (*Bangerskis Rūdolfs*, 1878—1958), генерал латвийской армии 105, 106, 118
- Барг Михаил Абрамович (1915—1991), советский историк 189
- Баротайс Эрнст (Баротайс Эрнестс / *Barotajs Ernests*), офицер российского императорского флота 260, 264
- Барт Ролан (*Barthes Roland*, 1915—1980), французский философ, литературовед 14, 15, 19
- Басанавичюс Йонас (*Basanavičius Jonas*, 1851—1927), литовский историк, фольклорист, общественный деятель 51, 54, 55, 56
- Баублис Винкас (*Baublys Vincas*), житель Пярлои 280
- Баублис Раулас (*Baublys Raulas*), житель Пярлои 280
- Бахманис Кристапс (*Bahmanis Kristaps*, 1867—1942), латвийский общественный и политический деятель 105
- Бек Глен Ли (*Beck Glenn Lee*), современный британский журналист, писатель 25
- Бензо граф ди Кавур Камилло (*Benso conte di Cavour Camillo*, 1810—1861), итальянский государственный деятель 212
- Бергман Гейнрих Эберхард (*Bergmann Heinrich Eberhard*, 1794—1872), пастор, педагог 227
- Бергс Кристапс Арведс (*Bergs Kristaps Arveds*, 1875—1941), латвийский общественный и политический деятель 119
- Бердников Александр Иванович (1883—1959), эсер-максималист 151
- Берзин Вильберт (Берзиньш Вилбертс / *Bērziņš Vilberts*), офицер российского императорского флота 260, 264
- Берзинь Ян (Берзиньш Янис / *Bērziņš Jānis*), матрос российского императорского флота 245, 246
- Берзиньш Валдис (*Bērziņš Valdis*), современный латвийский историк 83, 85, 91, 94, 110, 132, 133, 135, 141, 212, 221
- Берзиньш Янис (*Bērziņš Jānis*, 1883—1941), латвийский историк, архивист 212
- Бермонт-Авалов Павел Рафаилович (1877—1974), русский генерал-майор, представитель прогерманского направления в Белом движении 107, 112, 121, 123, 129
- Бертуль Крист (Бертулис Кристе или Кришс / *Bertulis Kristis, Krišs*), фельдшер российского императорского флота 248
- Бессалько Павел Карпович (1887—1920), советский писатель 235
- Бизаускас Казис (Казимерас) (*Bizauskas Kazimieras*, 1893—1941), литовский политический и государственный деятель 55
- Билюнас Йонас (*Biliūnas Jonas*, 1879—1907), литовский писатель 43

- Биржис Пятрас (*Biržys Petras*, 1896–1970), литовский офицер, литератор, артист 279
- Биржишка Миколас (*Biržiška Mykolas*, 1882–1962), литовский общественный и политический деятель 55
- Бирин Оскар (Оскарс Бириньш), офицер российского императорского флота 258, 264
- Бланкс Эрнестс (*Ernests Blanks*, 1894–1972), латвийский идеолог, общественный деятель 95, 97, 117, 120, 141
- Богданов-Бельский Николай Петрович (1868–1945), русский художник 233
- Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955), советский партийный и государственный деятель 70, 227
- Борута Казис (*Boruta Kazys*, 1905–1965), литовский писатель, поэт, переводчик, общественный деятель 279
- Бразаускас Альгирдас Миколас (*Brazauskas Algirdas Mykolas*, 1932–2010), литовский государственный деятель 40
- Брастыньш Эрнестс (*Brastiņš Ernests*, 1892–1942), латвийский археолог 206
- Бредис Карл (Бриедис Карлис), офицер российского императорского флота 260, 264
- Бриедис Фридрихс (*Briedis Fridrihs*, 1888–1918), российский полковник, участник антисоветского заговора Б.В. Савинкова 111, 115, 116, 168
- Брумелис Янис (*Brūmelis Jānis*, 1864–1939), латвийский общественный и политический деятель 86
- Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938), советский военачальник 303, 304
- Буйкис Янис, псевд. Шмидхен (*Buiķis Jānis*), чекист 152
- Булгаков Валентин Федорович (1886–1966), русский общественный и культурный деятель 233
- Бухгольц Август (Бухгольцс Аугустс / *Buchholz Augusts*), офицер российского императорского флота 253, 254, 270
- Важгис Вацловас (*Vaclovas Važgys*), житель Пярлои 280
- Вайлокайтис Йонас (*Vailokaitis Jonas*, 1886–1944), литовский политик, предприниматель, банкир 56
- Вайсета Йокубас (*Vaisieta Jokūbas*), житель Пярлои 278
- Валдемарс (Волдемар, Валдемар) Кришьянис (*Valdemārs Krišjānis*, 1825–1891), российский общественный деятель, лидер латышского национального возрождения 243, 248, 329, 330
- Валянтас (*Valentas*), литовский публицист XX в. 289
- Варгунина О.И., русская собирательница картин 226
- Варпа Игорь (*Vārpa Igors*), современный латвийский публицист 135
- Вацетис Иоаким Иоакимович, см.: Вацетис Юкумс
- Вацетис Юкумс (*Vācietis Jukums*, 1873–1938), советский военачальник 63, 64, 71–80, 104, 120–122, 126, 141, 160
- Вегелис Йонас (*Vēgelis Jonas*), литовский офицер, журналист 286
- Величковский Борис Митрофанович, современный российский когнитолог 10
- Венцлова Антанас (*Venclova Antanas*, 1906–1971), литовский поэт, писатель, переводчик 279
- Веревкин Петр Владимирович (1862–1946), российский государственный деятель 52

- Видберг Сигизмунд (*Vidbergs Sigismunds*, 1890–1970), латышский художник 235
- Вийтолин Петр (Витолиньш Петерис / *Vītolīņš Pēteris*), офицер российского императорского флота 252, 261, 262, 264
- Вико Джамбаттиста (*Vico Giambattista*) (1668–1744), итальянский философ 14
- Виксна Дзинтарс (*Viksna Dz.*), латвийский историк XX в. 110
- Вилейшис Йонас (*Vileišis Jonas*; 1872–1942), литовский политик, дипломат, юрист 56
- Вилистер, латыш в Армавире 147
- Вильгельм Кеттлер (*Wilhelm Kettler*, 1574–1640), герцог Курляндии 217
- Виялемис, литовский псевдоним; см.: Довиденас Л.
- Винниг Август (*Winnig August*, 1878–1956), германский политик, публицист 134
- Виноградов Сергей Арсеньевич (1869–1938), русский художник 233
- Виппер Роберт Юрьевич (1889–1954), российский, латвийский и советский историк 212, 218
- Вирза Эдвартс (*Virza Edvarts*, 1883–1940), латвийский поэт 102, 214, 216, 217
- Висвалдис (*Visvaldis, Wiscevalde*), латгальский князь, правитель княжества Ерсика (Герцике), 1-я пол. XIII в. 202, 207, 214, 215, 219, 220
- Витаутас (Витовт) Великий (*Vytautas*, 1380–1430), литовский великий князь 275, 291
- Витте Адольф (Вите Адолфс / *Vite Adolfs*), медик российского императорского флота 248
- Витте Сергей Юльевич (1849–1915), российский государственный деятель 51
- Владимирский Михаил Федорович (1874–1951), советский партийный и государственный деятель 151
- Войтиков Сергей Сергеевич, современный российский архивист, историк 64, 65, 66, 67, 70, 71, 72, 73, 76, 77, 78, 79
- Вольдемар Христиан Мартынович, см.: Валдемарс
- Вольдемарас Аугустинас (*Voldemaras Augustinas*, 1883–1942), литовский ученый, государственный и политический деятель 296
- Ворошилов Климент (Климентий) Ефремович (1881–1969), российский государственный, партийный и военный деятель 8, 178, 300, 302, 305, 310, 312, 314
- Врангель Петр Николаевич (1878–1928), один из лидеров белого движения 107, 117, 121, 133, 134, 178
- Высоцкий (Высотский) Константин Семенович (1864–1938), русский художник 233
- Гаврилин Александр Валентинович (1953–2019), латвийский историк 8, 315, 316, 317, 318, 319
- Гай Гая Дмитриевич (наст. имя Бжишкян(ц) Гайк, 1888–1937), советский военачальник 179, 180, 181
- Гайлит (*Gailītis*), кондуктор российского императорского флота 245
- Гарецкий (Горецкий) Максим Иванович (*Гарэцкі Максім Іванавіч*, 1893–1938), белорусский литератор, общественный деятель 299
- Гарибальди Джузеппе (*Garibaldi Giuseppe*, 1807–1882), итальянский революционер 212
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (*Hegel Georg Wilhelm Friedrich*, 1770 – Берлин), германский философ 14

- Гедвилас Мечисловас (*Gedvilas Mečislovas*, 1901–1981), литовский партийный и политический деятель 35
- Гельбе Виль (Гелбе Вилис / *Gelbe Vilis*), офицер российского императорского флота 260, 264
- Германис Улдис (*Ģermanis Uldis*, 1915–1997), латышский историк 89, 93, 98, 114, 126, 128, 135, 141
- Гинтерс Валдемарс (*Ģinters Valdemārs Valdis*, 1899–1979), латвийский археолог 216
- Гира Людас (*Gira Liudas*, 1884–1946), литовский поэт, драматург, критик 45
- Глазунов (Глазникс) Освальд Федорович (*Glūznieks Osvalds*, 1891–1947), латышский режиссер, актер 330
- Глускин Георгий Захарович (род. 1946), внук К. Яковица 170
- Гляуда Юргис (*Gliauda Jurgis*, 1906–1996), литовский писатель 279
- Голдманис Янис (*Goldmanis Jānis*, 1875–1955), латвийский политический и государственный деятель 84–87, 89, 94, 95, 99, 101, 102, 109, 110, 117, 125
- Гольц Рюдигер фон дер (*Goltz von der Gustav Adolf Joachim Rüdiger*, 1865–1946), германский генерал 112, 121, 129
- Гончарова Наталья Сергеевна (1881–1962), русская художница 230
- Гопперс Карлис (*Goppers Kārlis*, 1876–1941), российский офицер, латвийский военный деятель 100, 111, 119, 168
- Горавский Аполлинарий Гиляриевич (1833–1900), русский художник 226
- Горбачев Михаил Сергеевич (род. 1931), советский политический и государственный деятель 34, 39, 44, 80
- Горецкий М.И., см.: Гарецкий
- Грантовский Фердинанд Карлович (1887–1938), советский работник 185, 186
- Грауба Айгарс (*Grauba Aigars*), современный латвийский режиссер, сценарист, композитор 216
- Греимас Альгирдас Юлюс (*Greimas Algirdas Julius*, 1917–1992), литовский лингвист, фольклорист, литературовед 30, 31
- Грин (Гринс) Александрс (*Grīns Aleksandrs*, также *Jekabs Grīns*, 1895–1941), латвийский писатель, военный журналист 93, 123, 124, 216
- Гуггенхайм Соломон (*Guggenheim Solomon*, 1861–1949), американский меценат и коллекционер 236
- Гудялис Пятрас (*Gudelis Petras*), литовский офицер, публицист XX в. 291
- Гун Вера Ипполитовна, урожд. Монигетти, жена К. Гуна 226
- Гун Карл Федорович (*Karl Jacob Wilhelm Huhn*, 1831–1877), российский художник 224–227, 237
- Гусарс Арвидс (*Gusārs Arvīds*, 1906–1995), латвийский художник, археолог 219
- Гусев Сергей Иванович (Драбкин Яков Давидович, 1874–1933), советский партийный деятель 73, 74
- Гутнев, ветфельдшер в Армавире 147
- Гюрги (Георгий), переписчик Евангелия, XIII в. 221
- Данишевский Карлис Юлийс (*Daniševskis Kārlis Jūlijs*, 1884–1938), латышский революционер, советский политический деятель 98, 99, 120, 122
- Дардзанс Петерис (*Dardzāns Pēteris*, 1889–1985), белогвардейский офицер 105, 106, 107, 114, 122, 123, 127, 141

- Даугеруте (*Daugerute*), литов. нобиль XIII в. 219
- Деникин Антон Иванович (1872–1947), один из лидеров Белого движения 73, 107, 117, 121, 123, 129, 133, 144, 178
- Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926), советский государственный и политический деятель 65, 68, 69, 70, 78, 79, 109, 149, 152
- Дистлер Василий Григорьевич, правый эсер 149, 150
- Дишлерс Карлис (*Dišlers Kārlis*, 1878–1954), латвийский правовед, писатель 210, 211
- Довидайтис Пранас (*Dovydaitis Pranas*, 1886–1942), литовский политический и государственный деятель 55
- Довиденас Людас (*Dovydenas Liudas*, 1906–2000), литовский журналист, писатель, издатель 287
- Доможиров Николай Николаевич (1886–1922), российский офицер, командир Красной армии 77
- Драудинь (Драудин, Драудиньш) Теодор (*Draudinš Teodors*, 1890–1962), советский историк, журналист, государственный деятель 120
- Древин (Древиньш) Александр Давыдович (*Drēviņš Aleksandrs Rūdolfs*, 1889–1938), латышский советский художник 224, 229, 230, 231, 236, 237
- Древин Андрей Александрович (1921–1996), советский скульптор 236
- Друва Юлийс (*Druva Jūlijs*, 1888–1950), латвийский журналист, общественный деятель 192
- Думпе Карл Оттович (Думпе Карлис / *Dumpe Kārlis*), врач российского императорского флота 248
- Дыбенко Павел Ефимович (1889–1938), советский военачальник 179
- Дюркгейм Давид Эмиль (*Durkheim David Emile*, 1858–1917), французский социолог, философ 14
- Ельцин Борис Николаевич (1931–2007), советский и российский государственный и политический деятель 45
- Ермаков И.В., современный российский историк 23
- Ермоленко Д.С., прапорщик российской армии 149, 153
- Жагар Кришьян (Жагарс Кришьянис / *Žagars Krišjānis*), инженер-технолог российского императорского флота 253, 266
- Жагарс Эрикс (*Žagars Ēriks*), современный латвийский историк 140
- Жанен Морис (*Janin Pierre-Thiébaud-Charles-Maurice*, 1862–1946), французский военный деятель, дипломат 105
- Желиговский Люциан (*Żeligowski Lucjan Mieczysław Rafał*, 1865–1947), польский военный и политический деятель 42
- Жуков Георгий Константинович (1896–1974), советский военный и государственный деятель 300
- Загорский (Лубоцкий) Владимир Михайлович (1883–1919), советский партийный деятель 67
- Закис Иван (*Zaķis Jānis*), офицер российского императорского флота 253, 266
- Залитис Янис (*Zālītis Jānis*, 1874–1919), латышский общественный деятель, политик 86, 87, 94, 95, 99, 101
- Зарин Мартин (Зариньш Мартиныш / *Zariņš Martiņš*), офицер российского императорского флота 261, 264

- Заринь (Зариныш) Рихард (*Zariņš Riņards*, 1869—1939), латышский художник 233, 238
- Зданович Александр Александрович, сотрудник и исследователь истории спецслужб 73, 77, 80
- Зезюка, вор-взломщик 152
- Зеллис Каспарс (*Zellis Kaspars*), современный латвийский историк 116, 135, 136
- Зелюкина Татьяна Сергеевна, современный российский искусствовед 236, 237, 238
- Зимин Александр Александрович (1920—1980), советский историк 9
- Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883—1936), советский политический деятель 66, 67
- Зубан Роберт-Анс-Вильгельм (Зубанс или Зубаус Робертс-Ансис-Вилхелмс / *Zubans* или *Zubaus Roberts-Ansis-Vilhelms*), прапорщик российский императорского флота 255, 270
- Иванов Вячеслав Всеволодович (1929—2017), советский и российский лингвист, семиотик, антрополог 14
- Иманс Поль Луи Адриен Анри (*Humans Paul Louis Adrien Henri*, 1865 — 1941), бельгийский государственный деятель, дипломат 290
- Исаев Евгений Иванович, офицер российской, затем Красной армии 77, 78, 79, 80
- Ичас Мартинас (*Učas Martynas*, 1885—1941), литовский общественный и политический деятель 51
- Йонитис Зигмас (*Jonitis Zigmas*), житель Пярлои 280, 289
- Каан, чекист 148
- Кадик Владимир (Кадикс Владимир или Волдемарс / *Kadiks Vladimir, Voldemars*), инженер-механик, офицер российского императорского флота 268
- Кадик Петр (Кадикс Петерис / *Kadiks Pēteris*), учитель 251, 262
- Казрич Антон (Казрадзис Антонс / *Kazradzis Antons*), инженер-механик российского императорского флота 250, 268
- Кайрис Стяпонас (*Kairys Steponas*, 1878/1879—1964), литовский политик, инженер 55
- Калмыков Григорий Одиссеевич (1873—1942), русский художник 228
- Калнин Альберт (Калниныш Албертс / *Kalniņš Alberts*), офицер российского императорского флота 256, 268
- Калнин Кришьян (Калниныш Кришьянис / *Kalniņš Krišjānis*), врач российского императорского флота 249
- Калнрозе Валдис (*Kalnroze Valdis*, 1894—1993), латышский художник 234
- Калныньш Эдуардс (*Kalniņš Eduards*, 1904—1988), латышский художник 234
- Кальнин Эдуард (Калниныш Эдуардс / *Kalniņš Eduards*), офицер российского императорского флота 249, 254, 270
- Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883—1936), советский партийный и государственный деятель 66, 67, 74
- Каменев Сергей Сергеевич (1881—1936), советский военачальник 74, 76, 78, 304
- Кандинский Василий Васильевич (1866—1944), русский художник 230
- Канегисер (Каннегисер) Леонид Иоахимович (1896—1918), народный социалист, поэт 65
- Каплан Фанни Ефимовна (1890—1918), российская анархистка 67, 68, 69, 70, 149

- Караев Георгий Николаевич (1891—1984), советский генерал, военный историк 20, 21, 26, 27, 28
- Кардялис Йонас (*Kardelis Jonas*, 1914—1986), литовский журналист 286
- Кассирер Эрнст (*Cassirer Ernst*, 1874—1945), немецкий философ и культуролог 187
- Каулин Мартин (Каулиныш Мартиныш), офицер российского императорского флота 246, 255, 256, 272
- Кемпелс Густавс (*Kempels Gustavs*, ?—1954), латвийский литератор, общественный деятель 87
- Кениньш Атис (*Ķeniņš Atis* 1874—1961), латвийский юрист, поэт, деятель народного образования 86
- Керенский Александр Федорович (1881—1970), российский политический и государственный деятель 131, 133, 151
- Керженцев (Лебедев) Платон Михайлович (1881—1940), советский журналист, государственный и общественный деятель 235
- Киннингс Макс (*Kinnings Max*), современный британский сценарист, новелист 216
- Клейненберг Игорь Эрихович (1904—1993), советский филолог, историк 22
- Клетнова Екатерина Николаевна (1869—1938), российский краевед, археолог, общественный деятель 292, 293, 294, 295, 298
- Кливе Адольф (*Klīve Ādolfs*, 1888—1974), латвийский общественный и политический деятель 102, 126
- Климас Пятрас (*Klimas Petras*, 1891—1969), литовский историк, политик, дипломат 53, 55
- Клуцис Густав Густавович (*Klucis Gustavs*, 1895—1938), латышский советский художник 224, 230, 231, 236, 237
- Ковалевич Казимир, российский анархист 67
- Колчак Александр Васильевич (1874—1920), один из лидеров Белого движения 61, 73, 105, 111, 121, 123, 126, 162
- Кольберг Жанно (Колбергс Жанис / *Kolbergs Žanis*), офицер российского императорского флота 262, 264
- Кольцов Иван Евсеевич, современный российский лозоходец 28
- Коноплева Лидия Васильевна (1891—1937), эсерка, террористка 68
- Корде Шарлотта (*Corday d'Armont Marie-Anne-Charlotte de*, 1768—1793), убийца Ж.П. Марата 66
- Коссинна Густаф (*Kossinna Gustaf*, 1858—1931), германский археолог, филолог 207, 208
- Костаки Алики Георгиевна, дочь Г.Д. Костаки 236, 237
- Костаки Георгий Дионисович (Κωστάκης Γεώργιος, 1913—1990), греческий советский коллекционер 224, 236
- Костяев Федор Васильевич (1878—1925), российский и советский военачальник 78
- Крамской Иван Николаевич (1837—1887), русский художник 226
- Кревин Петр (Криевиныш Петерис / *Krieviņš Pēteris*), офицер российского императорского флота 261, 264
- Крейцс Антонс (*Kreics Antons*), латвийский публицист XX в. 130
- Крейцс Я. (*Kreics J.*), латвийский историк, филолог XX в. 221
- Крейшман А., офицер российского императорского флота 261

- Крестинский Николай Николаевич (1883—1938), советский политический и государственный деятель 66
- Кривас Зигмас (*Krīvas Zīgmas*), житель Пярлои 280
- Кригере Илзе (*Ilze Krīgere*), современный латвийский историк 102, 110, 135, 141
- Крузе Карл (Крузе Карлис / *Kruze Karlis*), чиновник Морского ведомства 249
- Крумин Петр (Круминьш Петерис / *Krumiņš Pēteris*), чиновник Морского ведомства 249
- Кузнецов Борис Иннокентьевич (1889—1957), военачальник Красной армии 78
- Куинджи Архип Иванович (1841/43—1910), русский художник 228
- Куль Герман Йозеф фон (*Kuhl Hermann Josef von*, 1856—1958), германский военный деятель 309
- Купче Альфред (*Kupče Alfrēds*), инженер-механик российского императорского флота 252, 268
- Курземниекс Улдис (*Kurzemnieks Uldis*), современный латвийский скульптор 223
- Кюглер (Kügler), обер-лейтенант германской армии 54, 55
- Лагутин Игорь, современный российский реставратор 28
- Ландсбергис Витаутас (*Landsbergis Vytautas*, род. в 1932), литовский политик, общественный деятель 40
- Лапин Генрих (Лапиньш Хенрихс или Индрик / *Lapiņš Henrihs, Indriķis*), инженер-механик российского императорского флота 253, 268, 269
- Лапиньш Карлис (*Lapiņš Kārlis*), латышский стрелок, латвийский журналист, писатель 155—158
- Лапиньш Янис (*Lapiņš Jānis Eduards*, 1885—1941), латвийский педагог, писатель, публицист 93, 190
- Ларионов Михаил Федорович (1881—1964), русский художник 230
- Лауринавичюс Чесловас (*Laurinavičius Česlovas*), современный литовский историк 41, 43, 58
- Лацис Мартиныш (наст. имя Янис Судрабс/ *Jānis Sudrabs*, 1888—1938), советский политический и государственный деятель 148, 150, 151
- Лацис Тимас, матрос российского императорского флота 245
- Лашевич Михаил Михайлович (1884—1928), советского военного деятель, член левой оппозиции 74
- Леви-Строс (Стросс) Клод (*Levi-Strauss Claude*, 1908—2009), французский этнолог, философ 14, 15
- Левитс Эгилс (*Levits Egils*), современный латвийский государственный деятель 137
- Лейземниек А.Я. (*Leizemnieks A.J.*), инженер-кораблестроитель российского императорского флота 253
- Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924), советский политический и государственный деятель 10, 35, 45, 63—77, 80, 84, 122, 127, 128, 150, 153, 159, 160, 166, 180, 230
- Либертс Лудолфс (*Liberts Lūdolfs*, 1895—1959), латвийский художник, сценарист 215, 217, 218, 219, 232
- Лигонис, псевдоним Я.А. Цирулиса, см.
- Локкарт Роберт Гамильтон Брюс (*Lockhart Robert Hamilton Bruce*, 1887—1970), агент британских спецслужб, руководитель антибольшевистского заговора 152

- Лонфельд Андрей (Лонфелдс Андрейс или Андрис/ *Lonfelds Andrejs, Andris*), офицер российского императорского флота 257, 266
- Лопата Раймундас, современный литовский историк 52
- Лосев Алексей Федорович (1893–1988), российский философ, антиковед, писатель 14, 15
- Лукошявичюс Юозас (*Lukoševičius Juozas*), житель Пярлои 276, 280, 284
- Лукшевичс Агнис (*Lukševičs Agnis*), современный латвийский архитектор 223
- Лукшис Андриус (*Lukšys Andrius*), житель Пярлои 280, 282
- Лусис-Гринбергс Гунарс (*Lūsis-Grīnbergs Gunārs*, 1932–2015), латвийский архитектор 136
- Людендорф Эрих Фридрих Вильгельм (*Ludendorff Erich Friedrich Wilhelm*; 1865–1937), германский генерал, военный теоретик 52
- Ляусмарис, лит. псевдоним П. Юргелы 285
- Мадзини Джузеппе (*Mazzini Giuseppe*, 1805–1872), итальянский политик, философ, писатель 212
- Майронис (Мачюлис Йонас) (*Maironis (Mačiulis Jonas)*, 1862–1932), литовский поэт, теолог 51
- Малевич Казимир Северинович (1879–1935), российский и советский художник 230, 231
- Малинаускас Донатас (*Malinauskas Donatas*, 1869–1942), литовский политик, дипломат 51, 55
- Малиновский Александр Александрович (1873–1928), советский врач, экономист, философ 14, 15
- Малышев А., военный служащий Красной армии 78
- Маниковский Алексей Алексеевич (1865–1920), российский генерал, советский военный деятель 67
- Маркс Карл Генрих (*Marx Karl Heinrich*, 1818–1883), немецкий философ, основатель марксизма 147
- Махно Нестор Иванович (1888–1934), анархист, командир повстанческой армии Украины 107, 181
- Мацеяускас Стасис (*Maciejauskas Stasys*, род. в 1936 г.), литовский журналист 288
- Мачянскас Станисловас Феликсас (*Mačiānskās Stanislovas Feliksas*, род. в 1935), литовский философ, педагог, журналист 60
- Мединский Владимир Ростиславович (род. в 1970 г.), российский государственный деятель 28
- Меднис Эдвинс (*Mednis Edvīns Aleksandrs*, 1897–1967), латвийский офицер, публицист 116
- Меднис Эдуард (*Mednis Eduards*), офицер российского императорского флота 259, 266
- Межуль Альфонс Рейнгольдович (Межулис Алфонс / *Mežulis Alfons*), инженер-механик российского императорского флота 250, 251, 268
- Мейеровицс Зигфридс Анна (*Meierovics Zigfrīds Anna*, 1887–1925), латвийский политический и государственный деятель 195, 196
- Мелбарздис Карлис (*Melbardzis Karlis*, 1902–1970), латышский художник 234
- Мелетинский Елеазар Моисеевич (1918–2005), советский и российский филолог, историк культуры 14
- Мельгунов Сергей Петрович (1879–1956), русский историк, участник антибольшевистской борьбы 144

- Мельдер Иоган (Мелдерс или Мелдерис Янис / *Melders, Melderis Jānis*), чиновник Морского ведомства 249
- Меменис Арвидс (*Memenis Arvids*), латышский публицист XX в. 115
- Мёрт Антуан Буле де ла (*Meurthe Antoine Jacques Claude Joseph Boulay de la*, 1761—1840), французский политический деятель 139
- Мертцс, псевдоним К. Лапinyша, см.
- Миддендорф Александр Федорович (*Middendorff Alexander Theodor von*; 1815—1894), российский ученый-естествоиспытатель 225
- Микельсон Петр (Микелсонс Петерис / *Mikelsons Pēteris*), офицер российского императорского флота 255, 270
- Милбергс Готфридс (*Gotfrīds Milbergs*; 1887—1942), латвийский поэт, писатель, политик 109
- Милинавичюс Антанас (*Milinavičius Antanas*), житель Пярлои 280
- Милинавичюс Ионас (*Milinavičius Jonas*), житель Пярлои 280
- Мирбах Вильгельм фон (*Mirbach-Harff Wilhelm Maria Theodor Ernst Richard Graf von*, 1871—1918), германский дипломат 68, 70
- Миронас Владас (*Mironas Vladas*; 1880—1953), литовский государственный деятель, священник 55
- Миронов Филипп Кузьмич (1872—1921), казак, рос. и совет. военачальник 79
- Микцявичюс-Капсукас Винцас (*Mickevičius-Kapsukas Vincas*; 1880—1935), литовский коммунист, политический деятель 45, 59, 296
- Мишкинис Ионас (*Miškinis Jonas*), литовский публицист, журналист 288
- Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986), советский государственный и политический деятель 30, 33, 34, 39, 40, 41, 43, 49, 65
- Морозов Иван Абрамович (1871—1921), русский предприниматель, коллекционер 232
- Мотузас Робертас (*Motuzas Robertas*), современный литовский историк 59
- Муссолини Бенито (*Mussolini Benito Amilcare Andrea*, 1883—1945), итальянский государственный и политический деятель 212
- Мурниэк Кристиан (Мурниекс Кришьянис / *Murnieks Krišjānis*), офицер российского императорского флота 256, 272
- Навицкас Каролис (*Navickas Karolis*), солтыс Парлои 277
- Намейсе, Намейсис (*Nameise*), предводитель земгалов, 1270—1280 гг. 215, 216
- Наполеон Бонапарт (*Napoléon Bonaparte*, 1769—1821), французский император 112
- Нарочницкая Наталия Алексеевна, современный российский историк, политик 144
- Нарутавичюс Станисловас (*Narutavičius Stanislovas*, 1862—1932), литовский юрист, политический деятель 55
- Нерис (Бачинскайте-Бучене) Саломея (*Nėris (Bačinskaitė-Bučienė) Salomėja*, 1904—1945), литовская поэтесса 45
- Нефедов Н.А., русский историк за рубежом 144, 154, 155, 157, 158, 159
- Никитенко, портной в Армавире 147
- Николаев Лев Николаевич (1937—2011), российский физик, журналист 28

- Николай II Александрович Романов (1868–1918), российский император 51, 166
- Ницше Фридрих Вильгельм (*Nietzsche Friedrich Wilhelm*, 1844–1900), немецкий философ, филолог 14, 15
- Овертон Джозеф (*Overton Josef*, 1960–2003), американский инженер, юрист, политик 25
- Озолин Петр-Эрнст (Озолиньш Петерис-Эрнестс / *Ozoliņš Pēteris-Ernests*), офицер российского императорского флота 259, 266
- Озолс Волдемарс (*Ozols Voldemārs*, 1884–1949), латышский стрелок 121
- Озолс Янис (*Ozols Jānis*), латвийский публицист XX в. 117
- Орлик Эмиль (*Orlík Emil*, 1870–1932), чешский художник, фотограф 238
- Осис Янис (*Osis Jānis*, 1926–1991), латвийский художник 235
- Остроухов Илья Семенович (1858–1929), русский художник, коллекционер 226
- Паляцкис (Палецкис) Юстас (*Paleckis Justas*, 1899–1980), литовский общественный и государственный деятель, литератор 35
- Пашков Петр Егорович (1729–1790), русский офицер, богатый откупщик 226
- Пелкаус Элмарс (*Pelkaus Elmārs*), латвийский историк XX в. 129
- Пеникис Мартиныш (*Peniķis Mārtiņš*, 1874–1964), латвийский генерал, историк 212
- Петерс Яков (Екабс) (*Peterss Jēkabs*, 1886–1938), руководитель ВЧК 146, 151, 152
- Петерсон Юрий (Петерсонс Юрис / *Pētersons Juris*), матрос российского императорского флота 245
- Петр Бирон (*Peter von Biron*, 1724–1800), герцог Курляндии 217
- Петров Александр (1874–1956), русский художник 233
- Петровский Николай Неонович (1894–1951), советский историк-медиевист, археограф 14
- Петрулис Альфонсас (*Petrulis Alfonsas*, 1873–1928), литовский политик, священник 55
- Пигага Йонас (*Pigaga Jonas*), житель Пярлои 280
- Пилсудский Юзеф Клеменс (*Piłsudski Józef Klemens*, 1867–1935), польский политический, государственный и военный деятель 42
- Подвойский Николай Ильич (1880–1943), советский партийный и государственный деятель 67
- Подкосов, офицер российской армии, участник Первой мировой войны 313
- Пориетис Янис (*Porietis Jānis*, 1886–1968), латвийский публицист, писатель 125, 154, 155, 156, 157, 159
- Пржевальский Михаил Алексеевич (1859–1934), генерал, участник Белого движения 181, 182
- Прэде Ян (Приеде Янис / *Priede Jānis*), матрос российского императорского флота 245
- Пузыревский Николай Владимирович (1897–1957), русский художник 237
- Пуккит Андрей (Пукитис Андрейс или Андрис / *Pukitis Andrejs, Andris*), офицер российского императорского флота 257, 266
- Пумпур Ян (Пумпурс Янис / *Pumpurs Jānis*), артиллерист российского императорского флота 246
- Пурвит (Пурвитис) Вильгельм (*Purvītis Vilhelms Kārlis*; 1872–1945), латышский художник 224, 228, 229, 232

- Пургайл А. (Пургайлис / *Purgailis*), служащий Морского ведомства 249
- Пурицкас Юозас (*Purickas Juozas*, 1883–1934), литовский религиозный и политический деятель 61
- Пурнс Карл (*Purns Kārlis*), чиновник Морского ведомства 249
- Пурс Лаймонис (*Purs Laimonis*, 1922–2016), латвийский писатель 216
- Путвинскис-Путвис Владас (*Putvinskis-Putvis Vladas*, 1873–1929), литовский литератор, идеолог нации 286
- Путнин Ян (Путныньш Янис / *Putniņš Jānis*), матрос российского императорского флота 245
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), русский поэт 46
- Пяткялис Ляонас (*Petkelis Leonas*), литовский католический священник 275, 281, 284, 287, 289
- Рейнберг Эрнст (Рейнберге Эрнестс / *Reinbergs Ernests*), офицер российского императорского флота 255, 270
- Рейн Ян (Рейнис Янис / *Reinis Jānis*), матрос российского императорского флота 245
- Ренев Евгений Геннадиевич, современный российский историк 158, 167
- Репин Илья Ефимович (1844–1930), русский художник 227, 228
- Рерих Николай Константинович (1874–1947), русский художник, философ, общественный деятель 232, 233
- Ржечицкий, русский офицер, участник Первой мировой войны 313
- Риббентроп Ульрих Фридрих Вилли Иоахим фон (*Ribbentrop Ulrich Friedrich Willy Joachim von*, 1893–1946), германский государственный и политический деятель 30, 33, 34, 39, 40, 41, 43, 49
- Риццони Александр Антонович (*Rizzoni Alessandro*, 1836–1902), российский художник 225, 226
- Романович, подпоручик, участник Белого движения 149
- Роне Владимир (*Rone Vladimirs, Valdemārs*), офицер российского императорского флота 260, 266
- Рубулис Либис (*Rubulis Libis*), матрос российского императорского флота 245
- Рудзитис Рихардс (*Rudzītis Rihards*, 1898–1960), латвийский поэт, общественный деятель 233
- Рудумс Янис (*Rudums Jānis*), латвийский публицист, секретарь К. Улманиса 191
- Ружанцов Александр (Николаевич?) (1893–1966), российский и литовский поэт, деятель русской эмиграции 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299
- Руль Петр (Рулис Петерис / *Rulis Pēteris*), матрос российского императорского флота 245
- Румянцев Николай Петрович (1754–1826), русский граф, коллекционер 226
- Рупайс (Rupais), чиновник российского императорского флота 249
- Рыковский Юрий (Георгий) Георгиевич (1895–1937), русский художник 233
- Савинков Борич Викторович (1879–1925), эсер, боевик, участник Белого движения 111, 168
- Сакалас Й. (*Sakalas J.*), литовский публицист, журналист 282, 289
- Самойло Александр Александрович (1869–1963), российский и советский военачальник 74
- Свемпс Лео (*Svemps Leo*, 1897–1975), латышский художник 232

- Свердлов Яков Михайлович (1885–1919), советский политический и государственный деятель 63–70, 72
- Свешников Л., автор статей в «Морском сборнике», XIX в. 243
- Свикке Янис (*Svikke Jānis*, 1885–1976), большевик 166
- Свирскас Йонас (*Svirskas Jonas*), житель Пярлои 284
- Свирскас Ромас (*Svirskas Romas*), житель Пярлои 280
- Семашко Николай Александрович (1874–1949), советский государственный и политический деятель 151
- Семенов-Васильев Григорий Иванович (1891–1937), анархист, эсер 68, 69
- Сергеев Федор Андреевич (1883–1921), большевик, советский государственный и партийный деятель 67
- Сескис Янис (*Jānis Seskis*, 1877–1943), латвийский дипломат 105
- Сидоров Алексей Алексеевич (1891–1978), советский историк искусства, педагог 237
- Сидоров Дмитрий Александрович, подпоручик, участник Белого движения 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154
- Силе Микель (Силе Микелис / *Sile Mikelis*), офицер российского императорского флота 261, 262, 272
- Сильвестрайтис (Даваинис) Мечисловас (*Silvestraitis (Davainis) Mečislovas*, 1849–1919), литовский журналист, литератор, общественный деятель 51
- Синайский Василий Иванович (1876–1949), российский и латвийский правовед 210, 211, 212
- Скалбе Карлис (*Skalbe Kārlis*, 1879–1945), латвийский писатель, поэт 86, 118, 124
- Скриде Арийс (*Skride Ārijs*, 1906–1987), латвийский художник 234
- Скудре Отто (*Skudre Otto*), советский военачальник 163, 164, 165, 166
- Скулме Ото (*Skulme Oto*, 1889–1967), латвийский художник 232
- Смаленец (Смалянец) Алесь, лит. псевдоним А. Ружанцова 293
- Смаренс-Савинскис Вильямс (*Smārens-Savinskis Viljams*, 1887–1940), латвийский журналист, общественный деятель 192
- Сметона Антанас (*Smetona Antanas*, 1874–1944), литовский государственный и политический деятель 54, 55, 56
- Смиглявичюс Йонас (*Smilgevičius Jonas*, 1870–1942), литовский политический деятель 55
- Смилга Иварс (*Smilga Ivars*, 1892–1937), советский государственный и политический деятель 74
- Смирнов, булочник в Армавире 147
- Смит Энтони Дэвид Стивен (*Smith Antony David Stephen*, 1939–2016), британский историк, социолог 30
- Снесарев Андрей Евгеньевич (1865–1937), российский и советский военачальник 313
- Солдатенков Козьма Терентьевич (1818–1901), русский предприниматель, книгоиздатель, коллекционер 225
- Спекке Арнолдс (*Spekke Arnolds*, 1887–1972), латвийский государственный деятель, дипломат 212
- Спреслис Аусеклис (*Sprelis Auseklis*, 1922–1985), латвийский историк 104
- Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953), советский государственный деятель 37, 39, 67, 72, 129, 234, 236, 303

- Станялис Альбинас (*Stanelis Albinas*), литовский публицист, журналист 289
- Стаугайтис Юстинас (*Staugaitis Justinas*, 1866—1943), литовский политический деятель, священник 55
- Степерманис Маргерс (*Stepemanis Margers*, 1898—1968), латвийский историк 212, 218
- Стаугайтис Юстинас (*Staugaitis Justinas*, 1866—1943), литовский политический и религиозный деятель 55
- Стинкулис Вилнис (*Stinkulis Vilnis*, 1933—1998), латвийский писатель, публицист, общественный деятель 110
- Стошкус Микас (*Stoškus Mikas*), житель Пярлои 280
- Стошкус Рокас (*Stoškus Rokas*), житель Пярлои 280
- Страутин Александр (Страутиньш Александрс / *Strautiņš Aleksandrs*), офицер российского императорского флота 259, 272
- Стрелерте Вероника (*Strēlerte Veronika*, 1912—1995), латвийская писательница 215
- Стульгинскис Александрас (*Stulginskis Aleksandras*, 1885—1969), литовский политический и государственный деятель 56
- Стучка Петерис (*Stučka Pēteris*, 1865—1932), латышский коммунист, советский политический и государственный деятель 79, 99, 120, 153
- Субетто Дмитрий Александрович, современный российский географ 21
- Сута Роман (*Suta Romans*, 1896—1964), латвийский художник 232
- Сутуженко Н., русский эмигрант 168
- Талейран Шарль (*Talleyrand-Périgord Charles-Maurice de* 1754—1838), французский политический и государственный деятель 139
- Таливалдис (Talivaldis, Talibalde), правитель области Талава, XIII в. 213, 217
- Татлин Владимир Евграфович (1885—1953), российский и советский художник 229
- Тентелис Аугустс (*Tentelis Augusts*, 1876—1942), латвийский историк, педагог 207, 212, 213, 214, 218, 220
- Тиммерман Петр (Тиммерманис Петерис / *Timmermanis Pēteris*), матрос российского императорского флота 245
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910), русский писатель 46
- Томашевский Янис (*Tomaševskis Jānis*), современный латвийский историк 95, 99
- Топоров Владимир Николаевич (1928—2005), советский и российский филолог 14
- Тревиньо Джошуа (*Treviño Joshua*), современный американский политик 25
- Трекнайс Вольдемар (*Treknais Voldemārs*), врач российского императорского флота 249
- Третьяков Павел Михайлович ((1832—1898), русский предприниматель, коллекционер, галерист 224, 225, 226, 227, 228
- Третьяков Сергей Михайлович (1834—1892), русский предприниматель, меценат 224, 226, 227, 228
- Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879—1940), идеолог троцкизма, советский политический и государственный деятель 63, 64, 65, 66, 67, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 78, 79, 80, 109

- Тумпа Казис (*Kazys Tumpa*), житель Пярлои 281, 284
- Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937), советский военачальник 8, 64, 300, 302, 304, 305, 308, 314
- Уборевич Иероним Петрович (*Ubovevičius Jeronimas*, 1896–1937), советский военачальник 8, 300–306, 308–310, 313, 314
- Улманис (Ульманис) (*Kārlis Ulmanis*, 1877–1942), латвийский политический и государственный деятель 7, 106, 113, 124, 187, 188–203, 207, 210, 211, 212, 214, 217, 218, 219, 222, 223
- Унамс Жанис (*Unams Žanis*, 1902–1989), латвийский журналист, литератор 192
- Упит (Упитс) Карлис (*Upīts Kārlis*), латвийский публицист 1-й пол. XX в. 119
- Урицкий Моисей Соломонович (1873–1918), советский политический и государственный деятель 69
- Фабрициус Янис (*Fabriciuss Jānis*, 1877–1929), советский военачальник 107
- Феддерс Юлий Иоганн Волдемар (*Feders Jūlijs Voldemārs / Julius Fedders*; 1838–1909), российский художник 224, 227
- Фелдманис Инесис (*Inesis Feldmanis*), современный латвийский историк 112, 140
- Фельштинский Юрий Георгиевич, современный американский историк 67, 68, 69, 70, 147
- Фоменко Анатолий Тимофеевич, современный российский математик, автор «новой хронологии» истории 9
- Франсиско де Молиано (*Franciscus de Moliano*), легат папы Римского, начало XIV в. 215
- Фрезер (Фрэзер) Джеймс Джордж (*Frazer James George*; 1854–1941), британский культуролог, историк религии, антрополог 14
- Фрейд Сигизмунд Шломо (*Freud Sigismund Schlomo*; 1856–1939), австрийский психолог, психиатр, невролог 14
- Фрейман Рудольф (Фрейманис Рудолфс / *Freimanis Rūdolfs*), офицер российского императорского флота 259, 272
- Фриде, братья, участники заговора Локкарта 149
- Фридрих Вильгельм Кетлер (*Fridrich Wilhelm Kettler*, 1692–1711), герцог Курляндии 217
- Халепский Иннокентий Андреевич (1893–1938), советский военачальник 307, 309
- Хандлин Оскар (*Handlin Oscar*, 1915–2011), американский историк 20
- Хартманис Янис (*Hartmanis Jānis*), современный латвийский военный историк 134
- Хрусталеv Денис Григорьевич, современный российский историк 27
- Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971), советский политик и государственный деятель 80, 236
- Цветков Иван Евменьевич (1845–1917), русский галерист 226
- Цвирка Пятрас (*Cvirka Petras*, 1909–1947), литовский писатель 45, 286
- Цепурит Роберт (Цепуритис Робертс / *Cepuritis Roberts*), офицер российского императорского флота 259, 272
- Циеленс Феликс (*Cielēns Fēlikss*, 1888–1964), латвийский дипломат 202, 203, 209, 222, 223
- Цирулис Ансис (*Cīrulis Ansis*; 1883–1942), латвийский художник 191

- Цирулис Янис Алфредс (*Cīrulis Jānis Alfrēds*), латвийский литератор XX в. 232
- Цируль Карл (*Cīrulis Karlis*), инженер-механик российского императорского флота 252, 270
- Чаксте Янис (*Čakste Jānis*, 1859–1927), латвийский политический и государственный деятель 116
- Чапликас Юозас (*Čaplikas Juozas*), литовский католический священник 281
- Часнулявичюс Йонас (*Česnulevičius Jonas*), житель Пярлои 276, 278, 280, 282, 284, 287
- Шапошников Борис Михайлович (1882–1945), советский государственный и военный деятель 304
- Шаулис Казимерас Стяпонас (*Šaulys Kazimieras Steponas*, 1872–1964), литовский политик, католический священник 56
- Шаулис Юргис (*Šaulys Jurgis*, 1879–1948), литовский политик, дипломат 53, 56
- Швабе Арведс (*Švābe Arveds*, 1888–1959), латвийский историк 83, 202, 207–209, 212, 213, 215, 216, 218, 220, 221
- Шелер Макс (*Scheler Max*, 1874–1928), немецкий философ, социолог 188
- Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф (*Friedrich Wilhelm Joseph Schelling*, 1775–1854), немецкий философ 14
- Шенк Фригьоф Беньямин (*Schenk Frithjof Benjamin*), современный немецкий историк, публицист 27
- Шепель, офицер российской императорской армии 313
- Шепотьев, товарищ Д.А. Сидорова 150, 151
- Шернас Йокубас (*Šernas Jokubas*, 1888–1926), литовский журналист, адвокат 56
- Шилиныш Янис (*Šiliņš Jānis*), современный латвийский историк 103, 106
- Шмидт Сигурд Оттович (1922–2013), советский и российский историк 329
- Шмидхен, псевдоним Я. Буйкиса, см.
- Шмитс Петерис (*Šmits Pēteris*, 1896–1938), латышский этнограф, историк 212
- Шнепс-Шнеппе Манфредс (*Šnepš-Šneppe Manfreds*), современный российский и латвийский автор работ по истории, также телекоммуникациям 134, 142
- Шноре Эльвира (*Šnore Elvīra*, 1905–1996), латвийский археолог 220
- Шопара Игнотас (*Šopara Ignotas*), католический священник 280, 281
- Штейнгауэр Матис, сортировщик мачтового леса XVIII в. 240
- Штиглиц Александр Людвигович (1814–1884), рос. предприниматель, меценат, благотворитель 235
- Штраус Аугуста (*Štrausa Augusta*, 1897–1942), мать В.П. Штрауса 327
- Штраус Видвуд Павлович (*Štrauss Vidvuds*, 1935–2020), латышский российский историк 8, 127, 327, 328, 330, 331
- Штраус Паулс-Эдуардс (*Štrauss Pauls-Eduard*, 1898–1942), владелец хутора в Латвии, отец В.П. Штрауса 327
- Щастный Алексей Михайлович (1881–1918), российский военно-морской деятель 79
- Щукин Сергей Иванович (1854–1936), русский предприниматель, коллекционер 232
- Щусев Алексей Викторович (1873–1949), российский и советский архитектор 235

- Эзергайлис Андриевс (*Ezergailis Andrievs*, род. 1930), латвийский и американский историк 103, 125
- Эйхгорн Герман фон (*Eichhorn Hermann Emil Gottfried von*, 1848–1918), германский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал 68
- Эндзелинс Янис (*Endzelīns Jānis*, 1873–1961), латышский языковед 222
- Эрман Ян (Эрманис Янис / *Ermanis Jānis*), матрос российского императорского флота 245
- Юденич Николай Николаевич (1862–1933), один из лидеров Белого движения 121, 129, 157
- Юнг Карл Густав (*Jung Carl Gustav*, 1875–1961), швейцарский психиатр психолог 14, 15
- Юпатов Алексей Илларионович (1911–1975), русский художник 233, 237
- Юргела Пятрас (*Jurgėla Petras*, 1901–1992), литовский офицер, журналист 285
- Юргинис Юозас (*Jurginis Juozas*, 1909–1994), литовский историк 61
- Якоб (*Jakob, Jēkabs* 1610–1681), герцог Курляндский 216, 217
- Яковиц Гарри (1918–до 1924 г.), сын К. Яковица 177
- Яковиц Карл (*Jakovics Kārlis*, 1884(6)–1925), латышский стрелок, командир Красной армии 143, 169–186
- Яковиц (Яковец) Мария Григорьевна (1892–1942), жена К. Яковица 170, 173, 180, 184, 185
- Яковиц (Яковец, по мужу Якуницкая) Таисия Карловна (1914–?), дочь К. Яковица 173, 185
- Яковиц (Яковец, по мужу Глускина) Тамара Карловна (1921–2003), дочь К. Яковица 169, 180–185
- Якубсон Петр (Якобсонс Петерис / *Jakobsons Pētersons*), матрос российского императорского флота 245
- Янсонс-Браунс Янис (*Jansons-Brauns Jānis*, 1872–1917), латвийский социал-демократ, публицист 84, 139
- Янулайтис Аугустинас (*Janulaitis Augustinas*, 1878–1950), литовский общественный и политический деятель 53
- Яунзем Ирма Петровна (1897–1975), советская певица 329

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
- РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
- РГВА – Российский государственный Военный архив
- ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны
- LNA LVVA – Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts Vēstures arhīvs (Латвийский национальный архив, Латвийский государственный исторический архив)

SUMMARIES

Opening speech at the academic discussion “History and myth” on September 18, 2017

Alexander O. Chubarian Academician of RAS (Moscow)

Key words: myths in history; cognitive science; the academic discussion “History and myth” on September 18, 2017.

Abstract: The problem of myths in history are being discussed during almost 50 years. A fruitful discussion about understanding various events in history should be based on alternative opinions. At the same time, the idea of alternative in history itself can provoke mythologized representations of different variants of historical events which were not realized but could have been realized. Still the assumption of alternative opinions about the historical past gives scope for human activity and as a result – for appearance of myths. In turn, mythologization and myths increase interest in history. In fact every person uses to mythologize history a bit. People are looking for answers to different historical questions that are seemed to be interesting and important. That is why everyone has his own myth about history.

Modeling the past: history and historical myth

Marina S. Bobkova (Moscow)

Key words: historical studies, historical myth, mass historical consciousness, structure, historical writing, ideology, propaganda, historical knowledge.

The article deals with a myth as a segment of the mass consciousness in a modern society. The correlation between the concepts “history” and “myth” is researched. The definition of historical myth, falsification and distortion of history is given and justified. The main functions of history and historical myth are shown. Particular attention is paid to the study of the correlation of these concepts in mass historical consciousness and historical studies .

The Mythology of the Battle on the Ice in the Concept of “Overton Window”

Vladimir A. Potresov (Samolva village, Pskov Region)

Key words: the Battle on the Ice; «Overton Window»; Georgii N. Karayev; the Livonian “Elder” rhymed chronicle; historiography of the Battle on the Ice.

The article discusses the causes and forms of mythologization of the Battle on the Ice of 1242, including the reasons for the appearance of conscious hoaxes, which are based on attempts to manipulate public consciousness. To study the processes, the author offers an ambiguous conceptual product, which has received the name “Overton Window” in the media.

The existence of “white spots” on the chronology tape gives the scope not only for different interpretations but also for information falsification that destroys the picture of the historical event.

The mindless replication of the media publishing present researchers who alleged that they had found the basement of the XV century church on the bottom of Chudskoye lake, gives the author opportunity to demonstrate a new mythology and fuels an old, repeatedly busted myths about the Battle on the Ice.

The author uses a formalized scale of the “Overton Window” concept, puts the temporal relocation calque of “Window” as the movement of permissible discourse scopes, accepted by the society as the events of the Battle on the Ice, and came to the conclusion that there is an intensive rewriting of history.

On Historism in Lithuanian Mythology in the Periods of Modernism and Postmodernism

Česlovas Laurinavičius, Vitas Sirutavičius (Vilnius)

Key words: Modernization, postmodernism, nation state, independence, Vilnius issue, Moscow Treaty, Suvalkai agreement, Molotov – Ribbentrop Pact

The authors discuss the mythologization of the most important narratives of Lithuanian history. It seems that, on the one hand, national myths could significantly contribute to the formation of national identity; they could even create an alternative social reality that influenced the political decision-making process. But on the other hand it is revealed that national myths can seriously complicate the existence of a nation state.

The significance of the Act of independence of Lithuania on February 16, 1918: information of sources

Irina A. Kukushkina (Moscow)

Keywords: Act (Declaration) of Independence of Lithuania, February 16, 1918; history of Lithuania in the 20th c.; the National Movement in Lithuania

The author examines the sources that contain information about the Act of Independence of Lithuania signed by the Council of Lithuania on February 16, 1918, and comes to the conclusion, that this Act was a logical continuation of the struggle of the Lithuanian people for independence since the 19th c. The adoption of this Act meant the appearance of a new independent state Republic of Lithuania, which the great powers had to be reckoned with.

Archives and Myths: Non-existent Intrigue of 1918–1919

Alexander V. Shubin (Moscow)

Key words: source; hypothesis; conspiracy; Vladimir I. Lenin; Yakov M. Sverdlov; Lev D. Trotsky; Jukums Vacietis; Civil War in Russia.

The article analyzes the problem of unreliability of historical research based on wide archival materials on the example of the works of the modern historian S.S. Voitikov about the relationship in the party and military leadership of Soviet Russia. Even the abundance of sources on which scientific work is based does not guarantee the correctness of the results. The reader needs to watch authors interpretation of these sources. We must not forget that even the most sensational discovery in the archives does not cancel, but only complements the achievements of historical science published earlier. And adjustment of the pattern of history that we have must be pursued carefully without predetermined rigid scheme.

Truth or Legends: Actual Problems of the History of the Latvian Riflemen in Publicistic Works and Historiography of the Republic of Latvia

Vitalijs Šalda (Daugavpils)

Key words: Latvian riflemen; Republic of Latvia; politicization of history; bolshevization of Latvian riflemen; Latvian Riflemen in the Latvian historiography and publicism.

The paper deals with the analysis of historical and publicistic works in the Latvian Republic, about the formation of the Latvian riflemen units, their support of the Bolshevik and their role in history. There were several main tendencies in the Latvian historiography and publicism. First of them is the trend to exaggerate achievements of «old» Latvian riflemen, attributing to them the same role in the foundation of the Latvian Republic as to the soldiers of the Latvian National army. The second one was to conceal the participation on the «red» Latvian riflemen in the Civil war in Russia. The third tendency is that destruction of the Russian Empire was the chance for establishment of the Latvian Republic. Thus both “old” and “red” Latvian Riflemen contributed to the establishment of the independent Latvian state.

The main problem which historians and publicists have been trying to solve during many years is whether the riflemen’s activities corresponded or not to the patterns of historical development, to the Latvians and other peoples’ progress. Unfortunately the politicization in studying of above mentioned aspects led to the fact that historians just often repeated the conclusions which have been given by politicians and political publicists. The politicization of historical problems had lead to the creation of myths and one sided interpretation of known facts.

Latvians in the Russian Revolution. The fate of Carl Jacovitz

Evgeniya L. Nazarova (Moscow)

Key words: The Russian revolution of 1917; Latvian Red riflemen; the Latvians in Cheka; Red and White terror in the Russian revolution; Carl Jacovitz; the Civil war in Russia.

The paper consists of two parts. In the first part the author analyzes the attitude of the modern Russian historiography and society to the Latvian Red riflemen and their role in Bolshevik victory in the October revolution and Civil war. The author emphasizes, that the attitude to the Latvian riflemen in Russia and in the USSR changed depending on the political situation in the country, that affected attitudes in society of the country. Although the Latvian Red riflemen and chekists were considered heroes and the knight of revolution in the USSR, but nowadays the opinion about them as cruel destroyers of the country, conspirators who killed the Tsar and his family are popular in the modern Russian historiography and in publicism (first of all online publications).

Supporters of this opinion, while proving their case, often use rumors and unverified facts which were being spread by opponents of the Bolsheviks. Among them there were the Department of Propaganda of Denikin’s army,

other anti-Bolshevik organizations and separate authors. The author of the paper analyses several stories published in modern publication, based on that unverified information, proving illegality and falsehood of those facts. The opinion that Latvian riflemen were mercenaries of the Bolsheviks which is divided by a number of modern Russians is also false. Latvians were the same subjects of the Russian Empire as other peoples of the country. Thus they became citizens of Soviet Russia after the revolution. After the establishment of the Latvian Republic those Latvians who wanted to return to Latvia and could overcome the procedure of option received the Latvian citizenship. The other ones stayed in Russia, a lot of them joining the Red Army (the Latvian riflemen's division and other units) and security (Cheka). They do fought against the White troops and took part in the suppression of the civilian population's anti-Bolshevik protests. Still violence actions of all warring parties are the typical feature of any civil war.

Due to the modern studies the White armies and White governments were as cruel to the civilian population as the Bolsheviks and their power. Latvians played the prominent role at the first stage of the Civil war the formation of the Red Army. Nevertheless, the Latvian division alone was not be able to resist all anti-Bolsheviks' forces. Besides the number of Latvians was less than 15% of the main stuff of Cheka. The Bolsheviks' victory in the Civil war was determined not by Latvian Riflemen and chekists, but by the choice of the masses of Russia.

The second part of the paper the author studies the documents from the family archive of Carl Jacovitz, who was the 1st WW Latvian rifleman and Red Army's commander. The documents allow to study the main episodes of his life, beginning from his youth the early 1900s and up to the death in 1925. He was born in Riga as the eldest son of the trade company's employee. After his father's death Carl had to stop studying at the gymnasium and began to work in a printing house, where were very bad conditions for the health. In 1905-1907 he took part in the revolution together with the other workers. After that he was an emigrant in Europe, but having returned to Riga, he was among the leaders of the polygraphists' all-Baltic strike. He was mobilized in army when the 1st WW began, then studied in the military school and as a junior commander took part in so called Christmas battles at the end of 1916 and early 1917 when he was badly wounded.

During the revolution he joined the Bolsheviks and their party. In the years of the Civil war he was in different units the Red army but not in the Latvian Division. He was a political commissioner, and after the bad wound near Tsaritsin he served mainly as the head of the intendants in regiments and divisions. He was also in the Budyonny cavalry army, took part in the campaign against the Polish army and was interned in East Prussia. At the end of 1924 he was demobilized because of his bad health and send

as a political leader in the Bank for Foreign trade in Moscow. Still he died in early 1925 and his wife and two daughters were left without a livelihood, so that the younger daughter had to live two years in the children's home.

The fate of Carl Jacovitz rejects the belief which is popular in Russia, that those Latvians who have supported the Bolsheviks got privileges in Soviet Russia. Carl supported the Soviet power as he hoped that the society for social equality could be created. During the Civil war he lost his health, lost the opportunity to meet with his relatives in Latvia. Besides, his little son died and his family was in poverty after his death.

Mythologization of Historical Consciousness in the Speeches of Karlis Ulmanis (Latvia, the 1930s)

Tatjana Kuznecova (Daugavpils)

Key words: Historical consciousness; non-historicity; mythologization; past; Kārlis Ulmanis; speeches of politicians.

The aim of this paper is to reveal the model of the past and model of the attitude to the past instilled by contexts of K. Ulmanis' published speeches which are to be considered as an important instrument of the formation of historical consciousness.

Structural and linguistic analysis of these sources testifies to the fact that the tendency for mythologization of the formed historical consciousness was a characteristic feature of Ulmanis' published speeches.

Such features as rejection of comprehension of the past, appreciation and utilitarianism, as well as imaginary past are characteristic of the model of the Latvian's past and the model of the attitude to it, point to mythologization of historical consciousness and, accordingly, to its non-historicity.

The Crown of the King of Yersica for a «voluntary friend»

Svetlana N. Kovalchuk (Riga)

Keywords: Archeology in Latvia; historical science (studies) in Latvia in the 1920s and 1930s; Kārlis Ulmanis, Francis Balodis, Arveds Švābe; King Visvaldis of Yersika.

In the 1920s-1930s the interests to the ancient history of Latvia was connected with the development of the national consciousness of the citizens of this young state. That is why special attention was paid to the study of archaeological sites. At that period professor Francis Balodis became a leading

archaeologist in the state. He had received special archaeological education both in Russia and in Germany. Having returned in Latvia in 1924, he applied his knowledge during the archaeological excavations in Latvia. He was among those nationally-minded historians of the University of Latvia who were studying the ancient history of Latvians before the Crusaders conquered the today's Latvia's territory. Balodis led the excavations of several ancient fortified settlements on hillforts and burial grounds of Latvians, the settlement of Gercike (Yersika) was the most important for history. While analyzing the results of excavations and comparing them with the information of the written sources (Livonian Chronicles and documents) Balodis and historian Ārveds Švābe came to the conclusion that already before 1200 the level of Latvians' economic, political and cultural development had been the same as in Ancient Rus' and in early kindoms of medieval Franks. At that time Latvians had their own states (kindoms), ruled by kings. The most outstanding was King Visvaldis of Yersika.

The studying of archaeology and history in Latvia coincided with the strengthening of the authoritarian regime of President K. Ulmanis. His regime was supported by many Latvian scientists, writers and painters who devoted him their scientific and art works. The rise of Yersika was identified with the rise of the Republic of Latvia. In order to strengthen his authority Ulmanis asked Fr. Balodis to «excavate» «the crown of Visvaldis» in Yersika. In fact that crown had been made by his order beforehand. He considered this “ancient” crown as a part of his plan to strengthen his power in Latvia and to use it by himself in case whether it would be possible to establish monarchy in Latvia. In spite of his hopes Fr. Balodis refused to take part in that scientific deception.

Latvian Fine Art in the State Tretyakov Gallery

Tatyana S. Zelyukina (Moscow)

Key words: Pavel M. Tretyakov, the Latvian Fine art in the State Tretyakov Gallery, Karl Huhn, Julius Fedders, Vilhelms Purvītis. Aleksandrs Drēviņš, Gustavs Klucis, George Kostaki, the Russian Cultural and Historical museum in Prague.

The author studies the history of the formation of the Latvian fine art collection in the Tretyakov Gallery. The collection includes works of ethnic-Latvian and German Baltic painters and also ethnic Russian painters who have been born and lived in the Baltic region or studied in the Latvian Art Academy in the 1920s-1930s. Pavel Tretyakov, the founder of the Gallery was the first who began to collect works of Baltic German (K.Huhn, Ju. Fedders) and ethnic-

Latvian (V. Purvītis) painters. After the October revolution the collection of the Latvian art collection was supplemented only with works of the Lettish painters who lived in the USSR (A. Drēviņš, G. Klucis). According to the Tretyakov Gallery's conception it could collect art works only of those artists who lived and created in the Russian Empire or in the USSR. Thus, new Latvian paintings could be bought by other Soviet museums. Still the most part of those Latvian paintings were transferred to the Tretyakov Gallery after the WWII, Latvia being one of the Soviet republics. Besides, a number of paintings created by ethnic Russian artists whose lives and artistic education were connected with Latvia, were transferred to the Tretyakov gallery by the Russian Cultural and Historical museum in Prague.

Another important addition of Latvian fine art in the Tretyakov Gallery was associated with the names of George Kostaki who has presented his collection, paintings of Drēviņš and Klucis among them, to this museum. Now a days the collection of Latvian Fine art in the Tretyakov Gallery includes paintings, sculptures, engravings and works of applied art. There are 240 works of 124 artists. The study and description of this collection is carried out jointly by Russian and Latvian art critics and art historians, who have prepared a full catalog of Latvian art in the Tretyakov Gallery. The catalog was published in Riga in 2019 with introductory articles and commentaries in Lettish, Russian and English.

Latvians in the Navy Department of the Russian Empire (1840–1917)

Carl P. Arent, Evgeniya L. Nazarova (Moscow)

Key words: The Navy of the Russian Empire; ethnic-Latvians in the Navy of the Russian Empire; social and national inequality in the Russian Empire.

The authors study documents from the Russian State Navy Archive and materials published in the periodical “Morskoy sbornik” (“Marine collection”), which contain information about ethnic Latvian sailors in the Russian Navy in the period of 1860s – 1917. Special attention is paid to the destinies of about fifty ethnic Latvian officers in the different divisions of the Navy Department: medics, petty officials, officers artillerists, engineers, surveyors, telegraph operators, miners, and also ship's officers. Still up the WWI only hereditary noblemen could enter the Navy cadet corps, which graduates had right to get the junior ship's officer rank of midshipman. Latvians who were peasants and commoners by origin got the opportunity to become navy officers only from the early 1900s, at first of all at wartimes, since it was lack of junior

navy officers for the development of the Navy. Nevertheless, Latvians who held positions of junior commanders at ships, could get the ranks of warrant officer of the Navy, warrant officer of the Navy reserve, or midshipmen of the wartime (in 1915), which gave less rights and privileges with midshipmen of noble origin. After the revolution a number of such officers returned to Latvia and made military careers.

Republic of Perloja: Folk Myth about Brave People and Fair State

Sigitas Lužis (Kaunas)

Key words: Lithuania; self-government; Republic of Perloja (Pyrloja); myth about fair state; publications about Perloja.

Abstract: The restoration of the state of Lithuania in 1918 was a peaceful process driven not by power structures since Lithuania simply did not have them at that time, but by conscious decision and consolidation of regions. The formation of the state “from bottom-up” accelerated right after the Compiegne Truce when Lietuvos Aidas of 13.11.1918 published “The Appeal of the State Council and Government to the Lithuanian Inhabitants on the Takeover of Power from German Administration” where people were encouraged to establish Committees in parishes that would assume administration of the district and, first of all, would form militia in order to maintain public order. Committee representatives had to form County Committees. The process of self-government organization soon spread all over Lithuania.

The situation in Perloja, in one of the parishes of Southern Lithuania, was a little different: an armed self-defense troop was active there even before the Appeal was announced. The mission of the troop was to defend the town from marauding military groups that were passing by.

Having elected the Committee, the inhabitants of Perloja did not send representatives to the Alytus county committee as they decided to function independently. Thus a self-government of the parish – a republic – was formed that included 10 villages. In addition to militia, Pyrloja had its court, prison and treasury; the Committee also appointed two foresters and a minister of cleanliness.

The republic functioned freely up to February, 1919. After the occupation by a Soviet Russia military troop, the Committee was still active under the name of Revkom (a revolutionary committee). When Russians left, in a few weeks after the shooting, Perloja was taken over by the Lithuanian army. Later a strong Perloja riflemen troop was active there.

Lithuanian started writing about Perloja battles only beginning with 1920. The first article with the name of the Perloja republic appeared in Trimitas

No. 24, in 1921. The analysis of numerous publications on the Perloja republic or its warriors in the press of the inter-war period discloses the attempt of authors and publishers to add some mythological characteristics to this phenomenon by turning it into a symbol of patriotism, fighting spirit, valour and sacrifice for the common good.

The Strokes of the Biography of Alexander Rouzhantsov: Letters from Lithuania. 1926

Taniana V. Sergina (Moscow)

Key words: Alexander Rouzhantsov; Ekaterina N. Kletnova; Lithuanian-Belorussian Republic; Republic of Lithuania; Belorussian military units in the Lithuanian army.

Alexander Rouzhantsov (1893–1966), the Belorussian and Lithuanian writer, poet and bibliographer was born in Smolensk region, Russia. Before the WW1 he got acquainted with the local historian, archaeologist, translator and public figure in the Smolensk region Ekaterina N. Kletnova. Rouzhantsov considered her as his teacher. Under her influence he interested in history and archaeology and intended to study them at Moscow University. When the WW1 began he was mobilized and fought at the front until the revolution of 1917. In 1918 he began to serve in the Red Army, fought in Belorussia and Lithuania. In 1919 he defected from the Red Army and leaved for the Republic of Lithuania, served in the Lithuanian army, then lived in Kaunas and worked in the army library, wrote papers and verses both in Belorussian and in Lithuanian and took part in public activities. In 1926 he managed to find out the address of E.N. Kletnova who had left Soviet Russia in 1924 and lived in Prague. Two of his letters to Kletnova are kept now in the State Archive of the Russian Federation. His letters contain some facts of his life: his service in the Red Army, in the Lithuanian army, his life in Kaunas which have not been known before.

Army commander Ieromin Ubovich. Three letters from Germany. 1928

Nikita A. Barinov (Moscow)

Keywords: Ieronim Ubovich, military and technical re-equipment of the Red Army in the 1920s; the political management of the Red Army; Soviet-German military connections in the 1920s; Mikhail N. Tukhachevsky; Kliment E. Voroshilov.

This publication contains three letters written by one of the most talented higher commanders of the Red Army in the 1920s-1930s, ethnic Lithuanian Ieronim Uborevich (Ieronimas Uborevičius). He was among those higher commanders, who advocated a reorganization of the Red Army on the model of the best armies of Western Europe at the time. In 1927–1928 he studied at the Military Academy in Germany and could get acquainted with the organization and armament of the German Army. In his letters Uborevich reported acquired information and made his own comments about the inner reorganization and the necessary technical innovations in the Red Army. The letters were addressed to the people's Commissar of defense K. Voroshilov and the member of Revolution Military Council M. Tukhachevsky who was a good friend of Uborevich. The importance of his observations and comments are confirmed by the fact that the letter to Tukhachevsky in which he wrote about technical innovations in the armament was also passed by him to Voroshilov, who ordered to acquaint the chief of staff of the army Shaposhnikov with its contents. The most part of Uborevich's remarks were used in the Red Army. The letters also show the relations between ordinary and junior commanders in the Red Army and the educational and cultural level of the Soviet military men at the late 1920s.

IN MEMORIA

In memoria of the Latvian historian, specialist in the history of Orthodoxy in Latvia, professor of the Latvian State University Alexander V. Gavrilin (15.07.1953–20.06.2019).

In memoria of the Russian and Latvian historian, specialist of the history of ethnic Latvians in Russia and mainly in Moscow, member of the Moscow Society of the Latvian culture Vidvud P. Straus (Vidvuds Strauss) (08.03.1941–26.02.2020).

CONTENTS

INTRODUCTION	5
--------------	---

REASERCH ARTICLES

I. MYTH AS A WAY OF CONSTRUCTIING AND PERCEIVING HISTORY	9
<i>Alexander O. Chubarian</i> , Academician of RAS. Opening speech at the academic discussion “History and myth” on September 18, 2017	9
<i>Marina S. Bobkova</i> (Moscow). Modeling the past: history and historical myth	11
II. MYTHS AND FACTS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN-BALTIC HISTORY	20
<i>Vladimir A. Potresov</i> (Samolva village, Pskov Region). The Mythology of the Battle on the Ice in the Concept of “Overton Window”	20
<i>Česlovas Laurinavičius, Vitas Sirutavičius</i> (Vilnius). On Historism in Lithuanian Mythology in the Periods of Modernism and Postmodernism	30
<i>Irina A. Kukushkina</i> (Moscow). The significance of the Act of independence of Lithuania on February 16, 1918: information of the sources	50
<i>Alexander V. Shubin</i> (Moscow). Archives and Myths: Non-existent Intrigue of 1918–1919	63
<i>Vitalijs Šalda</i> (Daugavpils). Truth or Legends: Actual Problems of the History of the Latvian Riflemen in Publicistic Works and Historiography of the Republic of Latvia	82
<i>Evgeniya L. Nazarova</i> (Moscow). Latvians in the Russian Revolution. The fate of Carl Jacovitz	143
<i>Tatjana Kuznecova</i> (Daugavpils). Mythologization of Historical Consciousness in the Speeches of Karlis Ulmanis (Latvia, the 1930s)	187
<i>Svetlana N. Kovalchuk</i> (Riga). The Crown of the King of Yersica for a «voluntary friend»	202

<i>Tatyana S. Zelyukina</i> (Moscow). Latvian Fine Art in the State Tretyakov Gallery	224
--	-----

PUBLICATIONS OF NEWLY FOUND SOURCES

<i>Carl P. Arent, Evgeniya L. Nazarova</i> (Moscow). Latvians in the Navy Department of the Russian Empire (1840–1917)	239
<i>Sigitas Lužis</i> (Kaunas). Republic of Perloja: Folk Myth about Brave People and Fair State	275
<i>Taniana V. Sergina</i> (Moscow). The Strokes of the Biography of Alexander Rouzhantsov: Letters from Lithuania. 1926	292
<i>Nikita A. Barinov</i> (Moscow). Komandarm Ieromin Uborevich. Three letters from Germany. 1928	300

IN MEMORIA

Remembering my friend and mentor. The Latvian historian of Ortodoxy in Latvia, professor of the Latvian University Alexander V. Gavrilin (15.07.1953–20.06.2019). <i>Constantine P. Obozny</i>	315
--	-----

The list of prof. Gavrilin works. <i>Margarita A. Gavrilina</i> Researcher of the history of Moscow Latvians. Vidvuds Strauss (08.03.1935 – 26.02.2020). <i>Evgeniya L. Nazarova</i>	327
--	-----

ABOUT THE AUTHORS	333
-------------------	-----

INDEX OF NAMES	334
----------------	-----

ABBREVIATIONS	352
---------------	-----

SUMMARY	353
---------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
----------	---

ИССЛЕДОВАНИЯ

I. МИФ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ ИСТОРИИ	9
---	---

<i>Чубарьян А.О., акад. РАН (Москва)</i> . Вступительное слово на Круглом столе – открытой академической дискуссии «История и миф» 18 сентября 2017 года	9
--	---

<i>Бобкова М.С. (Москва)</i> . Моделирование прошлого: история и исторический миф	11
--	----

II. МИФЫ И ФАКТЫ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-БАЛТИЙСКОЙ ИСТОРИИ	20
--	----

<i>Потресов В.А. (дер. Самолва, Псковская обл.)</i> . Мифология Ледового побоища в концепте «Окна Овертона»	20
--	----

<i>Лауринавичюс Ч., Сирутавичюс В. (Вильнюс)</i> . Об историзме и литовской мифологии в периоды модернизма и постмодернизма	30
---	----

<i>Кукушкина И.А. (Москва)</i> . Значение Декларации провозглашения независимости Литвы 16 февраля 1918 года: что об этом говорят источники	50
---	----

<i>Шубин А.В. (Москва)</i> . Архивы и мифы: несуществующие интриги 1918–1919 гг.	63
---	----

<i>Шалда В. (Даугавпилс)</i> . Истина или легенды: актуальные вопросы истории латышских стрелков в публицистике и историографии Латвийской Республики	82
---	----

<i>Назарова Е.Л. (Москва)</i> . Латыши в русской революции. Судьба Карла Яковича	143
---	-----

<i>Кузнецова Т. (Даугавпилс)</i> . Мифологизация исторического сознания в речах Карлиса Улманиса (Латвия, 30-е гг. XX в.)	187
--	-----

<i>Ковальчук С.Н. (Рига)</i> . Корона короля Ерсики для «добровольного друга»	202
--	-----

<i>Зелюкина Т.С. (Москва). Латвийские художники в Третьяковской галерее</i>	224
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Аренд К.П., Назарова Е.Л. (Москва). Латыши в военно-морском ведомстве Российской империи (1840—1917)</i>	239
<i>Лужис С. (Каунас). Пярлойская республика: народный миф о храбрых людях и справедливом государстве</i>	275
<i>Сергина Т.В. (Москва). Штрихи к биографии Александра Ружанцова: письма из Литвы. 1926 год</i>	292
<i>Баринов Н.А. (Москва). Командарм Иероним Уборевич. Письма из Германии (1928)</i>	300

In MEMORIA

<i>Обозный К.П. (Псков—Москва). Памяти друга и наставника</i>	315
<i>Научные публикации А.В. Гаврилина. Сост. М.А. Гаврилина Исследователь истории московских латышей. Памяти Видвуда Павловича Штрауса. Е.Л. Назарова</i>	327
СВЕДАНИЯ ОБ АВТОРАХ	333
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	334
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	352
SUMMARY	353
CONTENTS	364

Научное издание
РОССИЯ И БАЛТИЯ

Выпуск 9

Источник и миф в истории

Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук

Редактор: *О.А. Зимарин*
Верстка *С.А. Голодко*
Корректор: *Е.В. Феоктистова*

Подписано в печать 22.09.2020.
Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 23,0
Тираж 500 экз.

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, г. Москва, ул. Б. Андроньевская д. 5, стр. 1
Тел./факс: (495) 632-47-04, 632-47-06, (495) 678-43-18
E-mail: info@vesmirbooks.ru
<http://vesmirbooks.ru>

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495)988-63-87

Девятый выпуск продолжающегося издания «Россия и Балтия» (основанного в 2000 г.) посвящен проблеме мифологизации истории в российско-балтийском контексте. В исследовательских статьях и публикациях не изученных ранее письменных источников настоящего сборника рассматриваются дискуссионные темы истории стран и народов Балтии и российско-балтийских отношений, анализируются причины сложившихся исторических мифов и документально обосновывается их несостоятельность. Среди авторов сборника представители России, Латвии и Литвы.

ISBN 978-5-7777-0813-7



www.vesmirbooks.ru